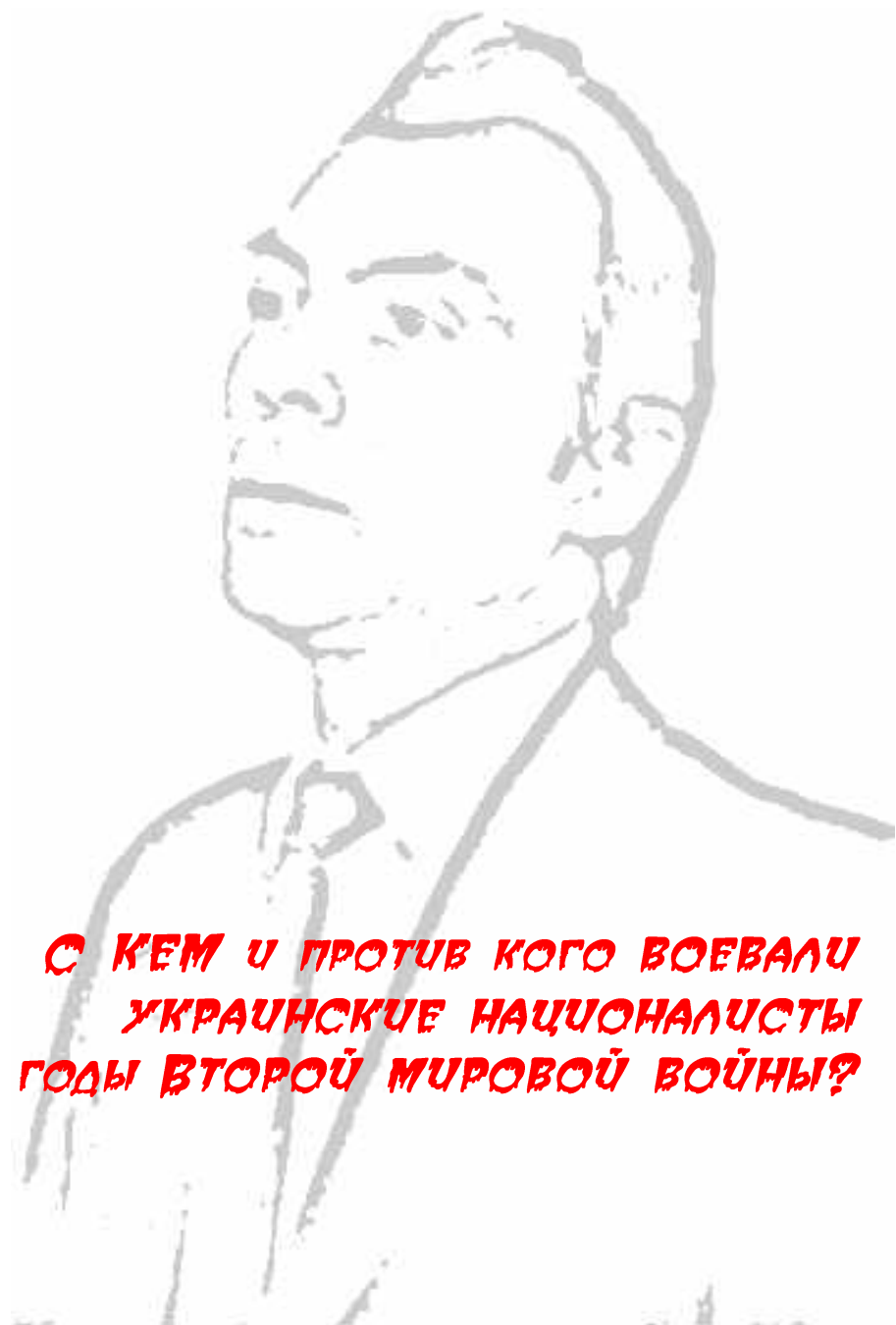

Виталий Масловский

***С КЕМ И ПРОТИВ КОГО ВОЕВАЛИ
УКРАИНСКИЕ НАЦИОНАЛИСТЫ
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ?***

Команда **RED**
Контактный адрес: redcollect@rambler.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вы видите перед собой новое переиздание книги Виталия Ивановича Масловского «С кем и против кого воевали украинские националисты в годы Второй мировой войны?». Первый тираж этой книги, изданной на украинском языке в 1999 году, был практически полностью уничтожен националистами. Сам автор этой книги был убит в том же 1999 г. в подъезде собственного дома. Книгу Виталия Ивановича пытались несколько раз переиздать различные группы энтузиастов. В 2016 году журналисту Сергею Александрову (РФ) удалось издать русский перевод данной книги небольшим тиражом в 1000 экземпляров. В это же время наша группа подготовила собственный вариант перевода книги В. Масловского.

Виталий Масловский своим самоотверженным трудом вписал свое имя в когорту смелых борцов с фашизмом. Его политические враги кроме смерти мечтали уготовить ему забвение. Люди живы до тех пор, пока о них помнят. Виталий Иванович – коренной галичанин, идейный коммунист и последовательный ученый. Его труд сегодня невероятно актуален. Именно сегодня, когда наша общая Родина – поруганная Советская Украина, отобранная у нас с Вами подлостью и вероломством в 1991 г., напичканная после стаями двуногих хищников, призванных уничтожить здесь всё подлинно украинское и советское, стоит на грани своего последнего вздоха. Масловский срывает маски с актеров жуткого и кровавого спектакля, разыгранного перед нами с далеко идущими планами. Масловский был, наверное, единственным ученым, который прямо и аргументировано, показывал сущность политического процесса на Украине.

Работу Виталия Ивановича можно считать своеобразной прививкой от коричневой чумы. Представленное издание дополнено специальными комментариями, которые призваны обеспечить читателя справками и уточнениями, позволяющими шире посмотреть на общую картину разрастания фашистского движения на Украине. Эти комментарии вынесены в качестве сносок в конец каждого раздела и снабжены римской нумерацией. Авторские сноски даны в оригинальной версии с привычной нумерацией арабскими цифрами.

Это издание отличается своим политическим посылом и содержит ряд особенностей не свойственных научной литературе. Фамилии националистических деятелей здесь поданы особым образом – в виде «бандеризированной» транскрипции, т.е. так, как сами националистические деятели любят себя величать. Тем самым мы хотим подчеркнуть безгранично великую разницу между настоящими украинцами и тем уродливым эрзацем людей, именуемых украинскими националистами. Мы и все люди доброй воли на Украине не хотим иметь ничего общего с этими предателями и иноземными прихвостнями. Украина для нас – это страна идейных коммунистов – Франко и Украинки, Кирпоноса и Ковпака, Глушко и Королева, а также многочисленных людей доброй воли, подаривших миру завоевания трудового народа, победивших нацистского зверя и покорявших космос. Настанет час, когда мы вернем себе свою страну.

Мы ставили перед собой задачу не просто перевести оригинальный текст В. Масловского на русский. Сегодня мы подхватываем своеобразное знамя, которое выдающийся ученый-антифашист выронил из своих талантливых рук, и поднимаем его вновь. Научный и гражданский подвиг Виталия Масловского будет по достоинству оценен потомками, дело его и его борьба будут нами продолжены.

Если вы держите в руках такую книгу – помните! Высокой ценой была эта книга создана. Берегите её. Распространяйте.

*Живи, Україно, прекрасна і сильна,
В Радянськiм Союзi ти щастя знайшла.
Мiж рiвними рiвна, мiж вiльними вiльна,
Пiд сонцем свободи, як цвiт, розцiвила...*

Живем во времена, когда во всем мире, не только среди украинцев, каждый желает показать, каким де он всегда был противником немцев и врагом Гитлера, как дескать он никогда не имел никаких связей с немцами, а наоборот, какова была его роль в сопротивлении против немцев, как дескать его преследовали и сажали и как дескать он чудом пережил годы немецкой оккупации ...

Кость Паньківський.

ОТ АВТОРА

Сегодня никого не удивишь тем, как по улицам Львова и других городов Галиции (да даже и Киева!) дефилируют участники «освободительных соревнований» (Ориг. «Визвольних змагань»), таким термином бандэровцы и их прошлые и нынешние почитатели называют «освободительную» борьбу бандитов против своего народа. – прим. ред.) в бандэровской униформе, маршируют молодчики с факелами и с хищным блеском в глазах (пока что без оружия), как горят кострища книг на площадях, а на общественных собраниях те же боевики с остервенелым азартом дергают и бьют дедушек и бабушек, ветеранов Отечественной войны. И ничего удивительного, что в такой анархо-расхристанной обстановке новоявленные «демократы», так называемые «национально свидомые» (сознательные – прим. ред.) или открытые почитатели и последователи бандэровщины, возрождают старые, разорванные временем мифы: и заложенную концепцию «галицкого пьемонтизма», и сомнительные по своей сути традиции, и тоталитарную ОУН (Организацию украинских националистов) с её антинародной идеологией и кровавой практикой, и всё-всё, что было так противно людям доброй воли в этом многострадальном крае во времена австрийского цесаря, польской санации и в тени фашистской паучьей свастики. И эти «патриоты» всё это называют «национальным возрождением»!

Мало того, воспитанные чужими штудиенратами и культуртрегерами, националисты из Галиции теперь жаждут стать наставниками и носителями культуры для украинцев всей Украины. Галицкий фундаментализм становится исключительно воинствующей идеологией новейших интегральных националистов, его хотят навязать как образец трудящимся всей Украины и принудить их выполнять его догматы.

Я не случайно поставил эпиграфом к этой книге слова К. Паньківського. Во-первых, они отображают политическую, морально-психологическую суть, характер событий и явлений прошлой войны и её итогов. Во-вторых, К. Паньківський – не рядовой свидетель, а личность неординарная в «украинских делах» времен прошлой войны. Он был заместителем В. Кубийовича в УЦК (Украинском центральном комитете), созданном гитлеровцами в 1940 году в генерал-губернаторстве из числа украинских ландскнехтов и кондотьеров, затем председателем УКК (Украинского краевого комитета) как филиала УЦК во Львове, и, наконец – членом бандэровского «правительства» Я. Стэцька, провозглашенного 30 июня 1941 года.

В-третьих, они отображают настроения и тенденцию бывших и нынешних «национально свидомых».

Дело в том, что вчера поднялась и сегодня продолжает раздуваться истерическая шумиха о том, что националистическое движение 40-х годов на Западной Украине было якобы «национально-освободительной борьбой» украинского народа и что ОУН-УПА всегда опиралась на «собственные силы», а в годы прошлой войны националисты из ОУН вели войну «на два фронта» – «против большевиков и фашистов». Поэтому-то, не спрашивая мнения народа Украины, нынешние поборники интегрального (всеохватывающего) национализма не только реанимируют старые националистические организации типа ОУН, но и создают многочисленные новые организации и группировки под вывеской национал-демократии, восхваляют творца украинского воинствующего национализма Д. Донцова, воздают почести давешним боевикам ОУН-УПА как национальным героям, водружают памятники Коновальцу, Бандэре и их подручным, эсэсовцам 14-й гренадерской дивизии СС «Галиция», требуют государственных пенсий и

немалых компенсаций от «демократической» власти (а значит народа), забыв о своих неисчислимых преступлениях против этого же народа.

Дичайшие парадоксы! В условиях всеобъемлющего катарсиса, очищения и стремления к гуманизации общественной жизни одни стараются навсегда отречься от всей преступной жизни, а другие – всё преступное, что было в прошлом, реанимируют и возрождают, провозглашают достойным восхищения. С одной стороны, жертвы осуждают и проклинают палачей, а с другой – палачи провозглашают себя жертвами и требуют милосердия у жертв.

Нынешние «национально свидомые» от национал-демократов до национал-фашистов в Галиции (и не только в этом краю) жаждут не только создать националистическую элиту, которая воцарилась бы над всей жизнью Украины, но и националистическую диктатуру типа Муссолини и Гитлера, которую возглавила бы эта националистическая элита. О такой диктатуре над собственным народом они сегодня заявляют открыто. Всё это происходит при всестороннем попустительстве городских, так называемых «демократических», властей.

30 июня 1990 года во Львове на площади Рынок состоялось «вече граждан Львова» по поводу «провозглашения» украинскими националистами 30 июня 1941 года «самостийной» Украины. На «вече» «национально свидомых» в выступлении одного из руководителей СНУМа (Союза националистической украинской молодежи), а теперь УНА-УНСО (Украинской национальной ассамблеи – Украинской националистической самообороны), О. Витовыча прозвучали такие слова: «Те идеи, за которые боролся Стэпан Бандэра, актуальны и сегодня. Это идеи националистичности революционного движения на Украине. Мы, молодая генерация националистов, берём сегодня эти идеи снова на вооружение».

А далее участники «вече» услышали от того же Витовыча такое предостережение: *«...завтра встанут новые полки и батальоны членов ОУН, которые поведут нацию к победе. Даже если эта победа будет окуплена кровью. Нация превыше всего! Украина превыше всего! Итак, слава Украине, слава бессмертным идеям украинской националистической революции, украинскому национализму! Слава Стэпану Бандэре!»*

Тут, как видим, помимо перефразированного расистского призыва нацистов «Deutschland über alles!» («Германия превыше всего!»), есть прямой призыв будущих батальонов и полков возрожденной бандэровской ОУН завоевать победу, пусть даже «окупленную кровью».

Такие заявления не единичны. Почитатели Бандэры и бандэровщины подают голоса всё чаще. 26 мая 1991 года на митинге, посвященном открытию памятника воjakám дивизии СС «Галиция» в селе Ясеново Бродовского района на Львовщине, прозвучало выступление депутата областной Рады, председателя Дрогобычского отряда, а ныне члена УНП (Украинской националистической партии) Мырослава Глубиша. В нём, в частности, есть такие слова: «Не будет оружия – не будет демократии!.. Недалеко ушли те времена, когда повстанческая пуля косила большевистскую сволочь. Если понадобится, она снова будет косить! Пошадя вам тут не будет!»

Комментарии тут излишни. Однако стоит привести довольно предусмотрительные слова С. Бандэры:

«Из опыта прошлого только тогда может народ извлечь надлежащие выводы на будущее, когда это прошлое раскрыто в наиболее важных, исторических моментах, а не закрыто туманом молчанки и неправды. Во-вторых, всё это прошлое очень недавнее, поэтому и в современности живут и действуют те самые мотивы, те самые силы, направления и концепции, которые действовали тогда. И в самом близком будущем и впредь будут действовать те из них, которые сохраняются. Итак, разъяснение вчерашнего служит разъяснению сегодняшнего и бросает снопы света на истоки вчерашних событий в украинской политической жизни». Такие предостережения, конечно, резонны. Бросим и мы «снопы света» на период прошлой войны, на те

драматические и трагические дни немецко-фашистской оккупации, которые пережил наш народ. Раны этой войны еще доселе кровоточат.

Потому и не удивительно, что в нынешний весьма драматический период встает множество вопросов, волнующих многих людей: каким был и остается украинский воинствующий национализм? Кто был его создателем? Какими были взаимоотношения украинских националистов с гитлеровцами? Какими были батальоны «Нахтигаль» («Соловей») и «Роланд»? Правда ли, что «Акт 30 июня 1941 года» был и является «национальным событием»? Какой была дивизия СС «Галиция» – «национальной» или фашистской? Против кого воевала Украинская повстанческая армия (УПА) в годы войны и в послевоенный период? Эти и подобные вопросы, по сути, сводятся к общению: с кем и против кого воевали украинские националисты в годы Второй мировой войны?

Ответы на этот очень важный вопрос и даны в этой книге. Разумеется, весь его многогранный спектр просто невозможно охватить. Автор предназначал материалы данной книги для публикаций в газете в качестве ответов на многочисленные вопросы читателей. Частично эти материалы напечатаны в независимой газете «Вільна Україна» («Свободная Украина») во Львове и уже получили значительный резонанс среди общественности.

И ещё одно предостережение читателю. Может показаться, что книга грешит чрезмерным цитированием документов и литературных источников. Полагаем, что такая манера является обязательной и чрезвычайно необходимой, поскольку на поставленные читателями вопросы отвечают националистические документы и националистические авторы, а не автор этой книги. И еще одно немаловажное соображение: материалы книги излагаются так, чтобы каждый читатель добрался до ответа на поставленный в заголовке вопрос.

БЫЛ ЛИ УКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ ФАШИЗМОМ?

Трактовка деятельности ОУН-УПА националистическими авторами

У меня, разумеется, есть своя устоявшаяся позиция историка и многолетнего исследователя истории Украины времен Второй мировой войны и послевоенного периода. Но я полагаю, что эту позицию нет надобности определять, а тем более навязывать читателю. На многочисленные поставленные вопросы наилучшие ответы могут дать документальные аргументы и факты, а читатель сам разберётся в сути. Вместе с тем однозначно полагаю, что всесторонне и содержательно ответить на них можно, прежде всего, рассмотрев самый существенный из них: *был ли украинский, так называемый интегральный, национализм фашизмом?*

На этот весьма определяющий вопрос отвечают сами же националистические авторы – различные «историки», «историсофы», «биографы» ОУН-УПА, которые претендуют на истину в последней инстанции. Приведём несколько фактов, не комментируя и не интерпретируя их, а лишь уточняя или поясняя отдельные малопонятные места в тексте.

Еще накануне войны ведущая газета Организации украинских националистов (ОУН) «Наш клич» достаточно чётко определила направление своих политических действий: *«Это – общественно-политическое движение, которое существует сегодня во всём мире. В одной стране оно проявляется как фашизм, в другой – как гитлеризм, у нас – просто как национализм»*. («Наш клич». 1938. 9 июля.)

Газета национал-клерикалов в Галиции «Цель» («Мета» – прим. ред.), недавно возобновленная во Львове, недвусмысленно заявляла о цели украинских воинствующих националистов: *«Украинский национализм должен быть подготовленным ко всяким способам борьбы с коммунизмом, не исключая массовой физической экстерминации (уничтожения), хотя бы и жертвой миллионов человеческих экзистенций (существ)»*. («Мета». 1932. 17 мая.)

Добавим к этому два интересных предостережения от авторов-неукраинцев. Один из наиболее авторитетных в среде украинских националистов-исследователей прошлого, автор известной книжки «Украинский национализм», американский советолог

(«радянолог» – прим. ред.) и «украинолог» Д. Армстронг констатирует, что ОУН возникла из «террористических полуфашистских организаций» – УВО (Украинской военной организации) и Союза украинской националистической молодежи под руководством Д. Донцова.¹

Французский публицист и историк Аллен Герен характеризует ОУН как организацию «пронемецкой и профашистской ориентации», которая по мере роста стала «фашистской организацией» не только политически, но и идейно.²

А теперь обратимся к синтезирующим предостережениям. Бывший офицер специаль-батальона Абвера «Нахтигаль», а ныне политолог, Пропок пишет: «...В 1930-х годах националистический лагерь пошёл... еще дальше, точнее от авторитаризма и критики демократии к идеологическому конформизму и старанию не только приобретать влияние в обществе... Это были уже черты т.н. всеохватности, интегральности или, как позднее это течение назвали в социологической и политико-научной литературе – тоталитаризма. Эту философию восприняла не только ОУН, но также и легальная структура националистического движения, которая действовала в западных областях в условиях польской оккупации, а именно фронт национального единства под руководством Дмитра Палиева» (Дмитра Палиева – прим. ред.).³

Тут надо кое-что уточнить. Фронт национального единства (ФНЕ) в 30-е годы – это небольшая легальная организация, которая открыто проповедовала фашизм и строилась по образцам гитлеровских отрядов штурмовиков. Д. Палиев как фюрер ФНЕ стал позднее офицером эсэсовской дивизии «Галиция», был советником её командования и погиб в боях под Бродами летом 1944 года.

Далее М. Пропок замечает, что все «украинские» (т.е. националистические) партии и организации «ждали войны» как предлога «для разворачивания борьбы за независимость. А поскольку единственной... силой, которая стремилась к смене «статус кво» и имела для этого средства, силы, была Германия, то на неё рассчитывали все украинские (читай: националистические – В. М.) политические группы...»⁴

В «Энциклопедии украиноведения» (которая, кстати, недавно была переиздана во Львове и которую редактировал и издавал В. Кубийович – руководитель УЦК (Украинского центрального комитета) во времена немецко-фашистской оккупации Галиции, а затем издатель многих «научных» трудов националистов за границей) известный историософ И. Лисяк-Рудныцкий определяет содержание термина «украинский национализм» так: «Самых ближайших родственников украинского национализма следует искать не столько в немецком нацизме или итальянском фашизме – продуктах индустриальных и урбанизированных обществ, сколько скорее среди партий этого типа аграрных, экономически отсталых народов Восточный Европы: хорватские усташи, румынская «Железная гвардия», словацкие глинковцы, польский ОНР (Обуз народово-радикальный¹¹).»⁵ И далее: «Украинский национализм подходит под понятие тоталитарного движения... Символическое значение имело заимствование украинскими националистами некоторых параферналий (от греч. *Παράφερρα* – совокупность имущества, принадлежностей и в данном случае атрибутов – прим. ред.) движения (напр., формы приветствия)».

Здесь автор имеет в виду заимствование националистами у гитлеровцев лозунгов «Слава Украине!», «Слава Бандэре!» с выбрасыванием вперед правой руки. Правда, И. Лисяк-Рудныцкий не указывает, что ОУН бандэровцев переняла у гитлеровцев и цвета (красно-черный) своего партийного флага. И там же: «Хотя иногда у украинского

¹ Armstrong I. A. Ukrainian Nationalism. 1939–1949. New-York, 1955. P. 20–23.

² Герен Аллен. Серый генерал. М., 1970. С. 84, 85, 90.

³ Пропок М. В сорокові родини протинімецької боротьби // Сучасність. Мюнхен, 1981. Ч. 10. С 37.

⁴ Там же. С 57.

⁵ Энциклопедія українознавства. Словникова частина. Париж – Нью-Йорк, 1966. № 5. С 1725.

национализма была ориентация на собственные силы, однако в своей внешней политической концепции он положился на союз с Германией. Определенные круги из рейха поддерживали эти надежды и расчеты...»

Ссылаясь на эти соображения И. Лысяк-Рудницького, известный в диаспоре историк О. Субтельный несколько скромнее отмечает: «Украинский интегральный национализм вполне очевидно содержал элементы фашизма и тоталитаризма».⁶

Такая позиция, как видим, устраивает нынешних националистов, потому что они настойчиво рекомендуют (а в Галиции насильно навязывают) эту книгу О. Субтельного в школах и вузах как основной учебник по истории Украины.

В своей работе «Направления украинской политической мысли» уже упоминавшийся И. Лысяк-Рудницький откровенно отмечал: «В процессе своего естественного роста украинский интегральный национализм, несомненно, брал себе за образец современные ему фашистские движения и режимы на Западе...»

И тут же: «Интегральные националисты, сознавая своё идеологическое родство с западным фашизмом, имели возможность получить политический выигрыш на стремлении к международным изменениям, очень распространённом в украинском обществе».⁷

Свои рассуждения об украинском интегральном национализме как разновидности фашизма И. Лысяк-Рудницький завершил так: «Для неравнодушных наблюдателей, даже для тех, кто сам участвовал в этом движении, стало со временем очевидным, что у украинского интегрального национализма есть серьёзная внутренняя болезнь. Это привело к притуплению нравственного чувства, что проявилось в применении физического и морального террора против украинских политических оппонентов. Волонтаристский характер националистической идеологии, опора на «миф», а не на знания, помешали ощутить реальность объективно, а значит сделать рациональные и ответственные выводы. Хотя интегральный национализм поднял воинственность и жизнеспособность украинского народа во времена военных потрясений, он вместе с тем снизил уровень его гражданской зрелости... Годы Второй мировой войны принесли одновременно апогей и кризис интегрального национализма».⁸

К сожалению, объективный в целом исследователь И. Лысяк-Рудницький поддался несвойственным таким людям эмоциям. Интегральный национализм сегодня не только реанимировали, и плодится он не только в Галиции.

Кто был создателем «интегрального» национализма фашистского типа?

Его создал Дмытро Донцов (Шелкопёров), сын херсонского землевладельца и торговца хлебом, русский по происхождению и одновременно идеолог украинского воинствующего национализма.

Митька Шелкопёров был так проникнут враждебностью к России и русским, что надолго заразил галицких националистов, хотя для этого в Галиции не было особых оснований. И в то же время «москаль» Шелкопёров стал глашатаем украинского национализма и шовинизма, так безумно пронизанного русофобией. Не парадокс ли?

Интегральный («всеохватывающий», «всеобъемлющий», или чаще – деятельный («чинный»)) национализм на самом деле не был творением самого Донцова. Вообще всё, что было в его трудах позаимствовано, а, вернее, собезьянничано, списано у зарубежных авторов – Шопенгауэра, Ницше, Барреса^{III}, Гюйо, Сореля, Моррасса, Бергсона, Шпенглера и многих других. Подлинным творцом идеологии интегрального национализма во Франции был Шарль Моррас, выходец из Прованса, одной из отсталых провинций (что и

---

⁶ Субтельный О. Україна: історія. К., 1991. С 382.

⁷ Лысяк-Рудницький І. Напрями української політичної думки. Записки НТШ ім. Т. Шевченка. Львів, 1991. Т. ССXXII. С 58.

⁸ Там же. С 59.

понуждало Донцова так часто употреблять термин «провансальство» из уважения к своему идейному мэтру – в украинской «мове» не нашёл подходящего слова).

Уже в 1923 году в статье «Фашисты ли мы?» Д. Донцов безоговорочно заявлял, что тот «политический и морально-психологический дух», которым дышат такие, как он, неоспоримо является фашизмом. Статья вышла в том же «Литературно-научном вестнике», который по протекции провидныка^{IV} УВО (Украинской военной организации), а затем ОУН, Евгэна Коновальца был передан в руки Донцова. Впоследствии он развивает свои взгляды (заимствованные из фашизма и нацизма) в книге «Национализм» (1926 г.). А в 1935 году Донцов уже толковал фашизм как «нечто своё»: «Вы и ваши друзья, – отвечал он своим многочисленным оппонентам, – всегда обижали меня в подражании фашизму и гитлеризму. Ну так читай же прессу фашистскую, читай прессу римскую, берлинскую, прессу «франкистов», или «огневигов» в Париже (Донцов напоминает о фашистах во Франции, в частности об «Огненном кресте» полковника де ля Рока^V – В. М.). Там большая проблема нашего времени понимается как раз так, как понимаю её».

Анализируя поведение Донцова того времени, уже упоминавшийся американский политолог Д. Армстронг писал в статье «Коллаборационизм во Второй мировой войне»: «Донцов... является человеком чрезвычайно сложного интеллектуального происхождения. Восточный украинец по месту рождения, он сильно увлекался марксизмом перед Первой мировой войной. Вполне возможно (хотя он резко обличал российское народничество), что Донцов находился под влиянием конспираторского крыла «Народной воли». К концу 20-х годов, однако, Донцов отверг все «идеи девятнадцатого века» и начал славить странную концепцию «героев», следом за Ницше, Бергсоном, Сорелем, Киплингом, Китченером^{VI} и Рузвельтом. Основное интеллектуальное вдохновение в этот период Донцов черпал у Мориса Барра и Шарля Морра». (Так на английском языке читаются Морис Баррес и Шарль Моррас – В. М.).⁹

Наделяя украинский национализм чертами агрессивности, стремления к власти, элитаризма, «творческого» насилия и т. п., Донцов уже после издания своей книги «Национализм» уточнял: «Национализм – это бунт против личного и группового эгоизмов. Бунт против идеологии, которая ставит интересы консулента над продуцентом, интересы единицы над целым, класса над нацией, интересы рабочих синдикатов, объединяющих два или три миллиона, над интересами сорока или пятидесяти миллионной нации, даже над интересами государства. Национализм – это бунт против идеологии атомизации и распыления общности; бунт во имя старых и вечных истин – труда, дисциплины, культа предков, собственной крови и собственной земли, церкви, бунт во имя организации против основы дезорганизации. Как таковое, националистическое движение демонстрирует, естественно, много общего – в Финляндии и на Украине, в Бельгии и в Италии, в Венгрии и в Германии, в Испании, во Франции, в Австрии... Но оно не является движением интернационалистическим. Наоборот, его цель – скрепить нацию против всяких интернационалистических голословных идей (социалистических или просто империалистических в равной степени)».¹⁰ Донцов трактовал национализм (конечно же, украинский), как видим, в совершенно фашистском понимании.

Биограф Донцова М. Сосновский в книге «Дмитрий Донцов: политический портрет» не случайно отмечает: «Современные исследователи фашистского феномена 20-30-х единодушно подчеркивают характерные черты фашистской идеологии, которые в основном совпадают с принципами «деятельного национализма» Донцова: антиматериализм, авторитаризм, этатизм, интегрализм, крайний этноцентризм, агрессивность во внешней политике, расизм, романтический антиинтеллектуализм, положение, что цель освящает средства. Эти исследования также указывают на схожесть между фашистскими движениями, когда речь идет о государственных

⁹ Armstrong I. A. Collaborationism in World war II // Journal of modern history. 1968. V. 40. No. 3. P. 400.

¹⁰ Донцов Д. Вісник. 1937. Т.5. Кн.1. С. 63.

учреждениях или о внутренней политике любого фашистского авторитарного движения: смутная демократия, разгром добровольных общественных и политических групп, обществ, партий и замена их «корпоративной» организацией, полицейский режим, экономический прагматизм (экономика подчинена политическим целям), вождистская система с «дуче», «фюрером», «вождем», «проводником», «однопартийная система и запрет деятельности всех других политических партий, кроме фашистской». ¹¹ Сосновский, как видим, полностью согласен с тем, в чем обвиняют Донцова противники того же Донцова.

Донцов был влюблен в Бенито Муссолини, дуче итальянских фашистов. В предисловии к брошюре о Муссолини он писал: *«В наше время, пропитанное ядовитым запахом прогнившего социалистически-либерального мира, он (Муссолини) был первым, кто этому миру нанес решительный удар... своими делами очистил он народ от разлагающих сил, интернациональности и родной колтунерии (мещанства – прим. ред.). А Италию из страны-провинции сделал нацией, без которой ничего важного не смеет произойти на нашем континенте, а иногда и за его пределами. Против сил, с которыми боролся фашизм, вел пропаганду «Вестник» и «Литературно-научный вестник» с 1922 г. сначала при полном непонимании новых идей нашей общественностью. Поэтому как раз «Библиотека Вестника». (В ориг. вар. Книгозбыря, - «книгосборище» – прим. ред.) считает своим долгом дать читателям образ человека, который триумфом своим и своего дела воздвиг новые веки для взбаламученных умирающим XIX веком народов».*¹²

Здесь же Донцов хвастается тем, что по его инициативе, при его участии и на его средства, издана так называемая «Библиотека Вестника» – серия брошюр, в которых пропагандировались «фюреры» европейского фашизма: М. Островерха – «Муссолини: человек и дело», М. Макиавелли – «Государь», Р. Ендик – «А. Гитлер», Л. Мосенз – «Штайн: идея и характер», В. Тэмляк – «Огненный крест: полковник ля Рок», М. Антонович – «Маршал Вперед (Блюхер)», Г. Керчь – «Франко – вождь испанцев», Д. Варнак (Донцов) – «О'Коннелл», Д. Варнак (Донцов) – «Кардинал Мерсие», Д. Донцов – «Партия или орден» и другие.¹³ Брошюрки залёживались на полках книжных магазинов, однако воинствующие националисты читали их с восторгом.

Далее М. Сосновский отмечает: «Воодушевлённый их (т.е. фашистской – В. М.) внешней силой, которая ему всегда импонировала... Донцов ни в одном из своих произведений, ни в одной статье не сделал попытки заглянуть глубже в эти движения, заглянуть за их «фасады» и «кулисы», познакомиться с их моралью, с их характером.

В довольно широко знакомой националистам брошюре «Где искать наши исторические традиции» Донцов заявил, что люди типа Муссолини – «люди одного мировоззрения, одной психики...», каковой является и «наша психика».¹³

Это заявление, конечно, не требует разъяснений, ибо, как известно, люди одного психологического склада, одной ментальности думают и действуют одинаково.

Однако, всё это не останавливает, а, наоборот, вдохновляет на «высшие идеалы» нынешних почитателей интегрального национализма Донцова, то есть украинского фашизма. Они, вопреки Конституции независимой Украины, вопреки решению Нюрнбергского судебного процесса по главным военным преступникам гитлеровской Германии, которое осудило фашизм как «преступление против человечества», пропагандируют сегодня идеи Донцова, идеи «интегрального» национализма, который был обычной разновидностью фашизма.

Диву даешься! Разве есть где-то в Европе памятники фашистам, улицы и площади имени Геббельса, Розенберга, Гитлера, Муссолини, Морраса или Франко? Нет. А во Львове есть и «Клуб имени Д. Донцова», и улица имени Донцова, и продолжают в среде новейших националистов традиции Донцова. Одним словом, сегодня в националистической Галиции донцовщина процветает ярким цветом.

¹¹ Сосновский М. Дмитро Донцов: політичний портрет. Нью-Йорк – Торонто, 1974.

¹² Там же. С. 292.

¹³ Островерха М. Муссоліні, людина і чин. Львів, 1934. С. 3–4.

Как в 30-е годы реагировали на интегральный национализм Д. Донцова?

В качестве примера приведем по этому поводу соответствующие места из книги М. Конрада «Национализм и католицизм», изданной во Львове в 1934 г.

Мыкола Конрад (1876-1941) – священник, профессор истории философии и социологии Греко-католической богословской академии во Львове, автор нескольких книг, которые трудно назвать богословскими. Одной из них является небольшая книжка «Национализм и католицизм». В ней позиция автора значительно отличается от писаний многих клерикалов в Галиции. Да и не только в Галиции. Однако позиция отнюдь не отличалась от официальной (апостольско-ватиканской) точки зрения. Дело в том, что греко-католическая (униатская) церковь всё теснее входила в орбиту политического католицизма, и М. Конрад был одним из главных выразителей его доктрины в Галиции. Правда, в книгу он привнёс немало своих страстей и эмоций, которые в официальные религиозные писания вносить не разрешалось.

Конрад в книге «Национализм и католицизм»¹⁴ как раз подавляющее большинство материалов посвящает рассмотрению сути интегрального национализма Донцова, называя его «модерновым национализмом».

Собственно, позиция Донцова полностью импонировала этому священнику-богослову как раз «правильным пониманием национализма». Конрад, конечно, имел в виду ту интегральность (всеохватность идей и действий), стремление к власти, «творческое» насилие, нетерпимость к политическим противникам и другие весомые компоненты, которые были у Донцова.

Чем именно полюбился М. Конраду этот интегральный («модерновый») национализм?

«В Европе, – пишет он, – везде заметны националистические движения, а именно: французское, итальянское, немецкое, лапуаское в Финляндии, мослиское в Англии, претовское в Португалии, украинское у нас. Все они имеют нечто общее, а кроме того еще и свои специфические черты».^{VIII}

Далее Конрад с огромным увлечением, но довольно кратко, знакомит читателей с французским, итальянским, немецким и другими фашизмами:

«Французское националистическое движение выросло из монархической организации «Аксион Франсез» («Аксьон Франсез» – В. М.) под руководством Леоне Додэ у Карла Морра (правильно: Шарля Моррасса – В. М.). Он создал мистику традиции и культ романской расы и гения...»;

«Итальянский фашизм создал идею всевластного государства», где государство – высшая ценность. Началом действия стало активное движение группы «политических интервентистов», которые учинили поход на Рим и впоследствии захватили власть. «Движение поднялось как реакция против беспорядка, который наступил после мировой войны, и роста симпатий к коммунизму», потому что в Италии сложилась ситуация, когда «на каждом перекрестке раздавалась песня красного Интернационала»;

«В Польше заметен такой националистический фермент, как движение «Молодых Стронництва Народового»^{IX}.

К таким национализмам фашистского типа М. Конрад причисляет и «Украинский современный национализм», то есть интегральный национализм Донцова. Этот национализм в 1920 г. «нашел первое свое организационное проявление в т. н. «Партии национальной работы» со своим идеологическим органом под названием «Заграда» («Зарево»). В 1925 это движение перешло в ряды студенческой молодежи и упорно боролось с коммунистическими организациями, которые взяли было верх в среде украинского студенчества. В результате упорной борьбы националисты взяли верх и подпали под духовное влияние Донцова».

Далее Конрад отмечает, что «современный национализм» еще не имеет «слаженной, законченной доктрины», но продолжает формироваться под влиянием известного немецкого философа Ф. Ницше: «...Наибольшее влияние на формирование

---

¹⁴ Донцов Д. Де шукати історичних традицій. Львів, 1941. С 79.

националистической современной ментальности Европы имеет, безусловно, философия Ницше. Никто не поймет наставления, колорита мышления и идеологии современного национализма, если не знает ницшеанского мировоззрения».

После такого посярмления неучей из среды галицких националистов священник М. Конрад с воодушевлением знакомит читателя с «*философией Ницше*», отмечая его крайний индивидуализм, волюнтаризм («*влечение к силе*», «*стремление к власти*», «*жить инстинктами, аффектами, проявлениями воли*»), аморальность (в этике – аморализм, «мораль господ»), националистической элиты, которой «*всё дозволено*», а добро, доброта – это слабосилие), антидемократизм (демократия – враг человека). Ницше – это «*проявление слепой силы без ответа мысли, стихийная игра сил, демонический экстаз и оргии*».

Специальный раздел Конрад посвящает «донцовскому национализму». Здесь священнику, профессору богословия импонируют: донцовский «героизм абсурда»; «главным побудителем наших деяний являются наши инстинкты, страсти, аффекты»; «главным двигателем националистического движения должна быть слепая активность». Автор достаточно четко познал главную суть и идею «национализма Донцова»: «Деяние за деянием, *хоть бы это был огонь, землетрясение, или страшный суд, хоть бы оно окупалось слезами и кровью миллионов*». (Выделено мной – В. М.) То есть: борьба для борьбы и то «хищничество», которым заправляет националистическая элита, должно стать «*насилием, безоглядным террором*», ибо «*ножом и кровью*» надо навязать свою волю массам. Вот вам и библейское «Не убий!» из уст священника и профессора богословия!

В заключение М. Конрад отмечает: «Националистическая ментальность Донцова основана на философии Ницше».

Когда читаешь всё это, мурашки ползут по телу. Когда же подумаешь, что всё это писал слуга Божий, то хочется непременно продолжить цитирование его «писаний» – пусть прочитают нынешние читатели!

Поддерживала ли греко-католическая церковь воинствующий национализм?

М. Конрад ставит вопрос так: «Как относится современный католицизм к «современному национализму?»

Под «*современным национализмом*» он понимает, конечно, не только «донцовский национализм», но и все европейские движения фашистского типа. И отвечает: «*Термин «современный национализм» понимаю как религиозное движение, оформленное католической идеологией. Оно теперь наиболее живо проявляется в организации «Католическая акция»... Национализм и современный католицизм близки друг другу своими идеализмом и активизмом ... Национализм и католицизм – это могущественные союзники в борьбе с либерализмом и социализмом*».

Для чего же нужен такой альянс католицизма и национализма?

Конрад отвечает: «*Собрать новую, энергичную, пассионарную элиту и поставить её под руководство известных и характерных вождей, и подтолкнуть массы к действию, к решительной и смелой борьбе с гнилым духом капитализма и с сатанинским коммунизмом, и к обновлению человеческой частной, семейной, национальной, государственной жизни по принципам христианской справедливости и любви – это наказ XX века... Современные католическое и националистическое движения являются новейшим крестовым походом – в католицизме с лозунгом: «Верую! Так Бог хочет!», а в национализме с лозунгом: «Хочу! Voglio»... Слав религиозного этоса (нравственное начало – прим. пер.) с националистическим пафосом – это непреодолимая сила! Меч и крест – вот надежда народов и человечества на новое лучшее завтра*». (Выделено мной – В. М.)

Правда, Конрад признавал, что «национализм ... имеет свои зоологические наклонности», однако если Гитлер выступил с заявлением о необходимости «крепко охранять христианство», а Муссолини искренне сочетает фашизм с церковью и клерикализмом, то это значит, что всё в порядке. Поэтому Конрад так завершал свои «писания»: «*и мы заметно тяготеем в направлении к синтезу национализма и католицизма...*» (выделено мной – В. М.).

Итак, священник-богослов М. Конрад выступал не только рьяным защитником и апологетом фашизма и интегрального национализма, но и идентифицировал фашистско-националистические движения в Европе с «модерновым национализмом» Донцова в Галиции, и, по сути, объединял доктрины, намерения и действия Гитлера и Муссолини, Донцова и католической (и греко-католической) церкви. *«Меч и крест, – указывал он, – непобедимая сила крестового похода!»* Но против кого?

«Писание» М. Конрада – не просто какой-то бред священника-фашиста. Как активный клерикальный функционер и идеологический поборник «Католической акции», декларированной и организованной Ватиканом, он, по сути, безоговорочно выполнял и пропагандировал те принципы, которые осуществляло руководство католической церкви в межвоенный период, в русле которой и действовала греко-католическая церковь в Галиции.

Все дело в том, что с конца XIX века Ватикан и католическая церковь в целом, стремясь разложить и ликвидировать социалистическое и всякое революционное движение, безусловно влияли на социальные и политические процессы, выдвинули свою социальную доктрину и начали объединять своих многочисленных сторонников под флагами политического католицизма. Массово возникают организации клерикального направления и содержания: молодежные клубы и кружки, женские союзы, просветительские общества, политические партии и группировки (типа партий «Христианско-демократический союз» (ХДС) и «Христианско-общественный союз (ХСС) в Германии), желая придать их политическим действиям католический характер и безраздельно руководить всеми политическими процессами.

В орбите этих действий стали активизироваться и галицкие клерикальные круги. Созданное в 1890 г. объединение «Новой эры» реорганизовалось в 1911 г. в клерикальную партию «Христианско-общественный союз», которая объединяла религиозных и светских функционеров украинского происхождения для поддержки Ватикана и цесарского режима. Партия прекратила свою деятельность только при развале Австро-Венгерской империи, но позиции политического католицизма не пошатнулись, а еще больше расширились и окрепли.

В начале 30-х гг. Ватикан объявляет новый «крестовый поход» (о котором и пишет М. Конрад в своей книге) против СССР и революционных движений в странах Европы, заявляя об организации и деятельности так называемой «Католической акции». В начале 1931 г. национал-униаты в Галиции активно поддерживают эту «акцию», немедленно создав новую клерикальную партию «Украинский католический союз» (УКС) под руководством митрополита Андрия Шэптыцкого. Вслед за этим в Станиславе (ныне Ивано-Франковск) создаются две клерикальные организации – «Скала» и «Украинское народное обновление» (УНО или «Обнова»). В 1933 г. активно формируется идеологический национал-клерикальный центр – «Генеральный институт католической акции» (ГИКА), открывается ряд клерикальных газет и журналов. Специально для духовного влияния на молодежь создается полувоенизированная организация «Католическая акция украинской молодежи» (КАУМ), которая вела интенсивную подготовку «защитников церкви». *«Католический союз, – писала газета Коммунистической партии Западной Украины «Сила», – становится сборищем отъявленных врагов Советской Украины, которые собираются путем войны уничтожить ее и на ее руинах построить панскую, фашистскую Украину».* («Сила». 1931. 10 мая.)

Политический католицизм, в целом, и «католическая акция», в частности, «именем Бога» ставили задачу организовать и возглавить борьбу против революционных сил. И этого им в значительной степени удастся достичь. Создается прочный альянс клерикалов с националистами, так называемый филетизм (клерикальный национализм) как симбиоз этих двух явлений. Национал-униаты в Галиции создали *eklessia militans*

(воинствующую церковь), к которой и призвал в своей книге «Национализм и клерикализм»¹⁵ М. Конрад.

Кто еще был «теоретиком» украинского «интегрального» национализма?

Вопрос этот чрезвычайно резонансный. К созданию идеологии украинского национализма как разновидности фашизма привлекалось немало деятелей. Многие авторы уже писали по этому поводу, многие пишут и сегодня. Особенно часто и откровенно рассказывали о нем в 30-е годы. Вот два характерных примера.

«Действительно ли у нас фашизм?» – спрашивал довольно известный в тогдашней Галиции поэт Юрий Лыпа^X. – Наши публицисты охотно присоединяются и к Гитлеру, и к Муссолини, говоря, что они «делают так же, как Гитлер, и то же, что и Муссолини», более популярным становится и творчество Киплинга... Все они имеют одну общую тенденцию – одна общая примета этих мировоззрений – это их благоговейное отношение к истокам собственной расы...»

А вот еще один националистический автор тех времен, который был фанатично влюблен в исключительную и высокую антропологию и расовость украинца:

«... Пылают огни ... Идут ряды, гремят ряды и купаются в крови, закаляются в огне. Огонь и кровь, жизнь и свобода, или смерть клокочет в их груди ... Слышишь крик – Зиг хайль! Хайль! Зиг хайль! ...»¹⁶

В довоенный период на темы идеологии и практики украинского воинствующего национализма много писали Ю. Вассыян, В. Марганець, Е. Онацький, Д. Андриевський, З. Кныш (Мыхайлюк), М. Сциборський, Ю. Лыпа и другие националистические авторы^{XI}. У всех этих «теоретиков» достаточно близкие интерпретации основных положений украинского национализма. Однако из их среды особенно выделяется Микола Сциборський, официальный теоретик провода ОУН, один из заместителей руководителя организации Е. Коновальца, а затем и А. Мэльныка.

Националистам, особенно в Галиции, довольно известна книга М. Сциборського «Нациократия», вышедшая в Париже в 1935 г. Написанная с претензией на научность, книга содержит немало положений, которые перекликаются с донцовскими. Собственно, на положениях Донцова и Сциборського и базировались идейно-политические основы ОУН в довоенный период. Четвертый раздел книги так и называется – «Фашизм», где на все лады восхваляется идеология и практика этого нового для мира политического явления:

«Фашизм – это, прежде всего, идейная и духовная реакция на состояние современности, которое создали демократия, социализм и коммунизм... Фашизм свою философию построил на признании духа, воли и идеи (спиритуализм, волюнтаризм, идеализм) как решающих факторов исторического развития ... Фашизм – это, прежде всего, национализм ...

Руководящая элита творит и приказывает, массы выполняют и повинуются – такова формула фашизма ... Элита (руководящее меньшинство) является функцией собственного народа...

Фашизм и другие националистические движения открыли забытый мир великих идей; в основу своей деятельности они положили здоровые принципы авторитарности руководства нации, иерархии, обязанности и дисциплины. На этих идеях и принципах зиждется их великая миссия врачей больной эпохи. Однако, не следует забывать, что они переживают начальную стадию своего оформления, которая характеризуется всеми положительными особенностями создания новой ведущей элиты. В этих условиях диктатура является тем творческим, мобилизующим и воспитательным фактором, который увлекает за собой большинство и твердой рукой направляет его к развитию

¹⁵ Конрад М. Націоналізм і католицізм. Львів, 1934. С. 14–45.

¹⁶ Лыпа Ю. Українська доба. Львів, 1934. С 28–29.

духовных и реальных ценностей. Не признавать это могут только слепцы, или озлобленные сторонники старых, обанкротившихся талмудов ... »¹⁷

Итак, фашизм – это диктатура, диктатура «элиты», которая выполняет миссию «врачей больной эпохи», а народу лишь остается кричать лозунг «Германия превыше всего!».¹⁸

Н. Сциборський продолжал:

«Их (фашистов) идеи, науку и опыт обязана использовать украинская нация в процессе своего государственного развития. В применении этих ценностей к полному национальному будущему заключается одна из задач украинского национализма...».

Правда, Сциборський тут же отмечает, что «украинский национализм строит устройство Украины на собственных, оригинальных нациократических основах». А дальше мы видим, что эти «оригинальные нациократические основы» – обычные копии фашистско-нацистских положений адептов Гитлера и Муссолини.

Вот они:

«Национально-государственный империализм – это неминуемое проявление истории ... Основой существования является... борьба и сила».¹⁹

Исходя из того же, фашистского, разумеется, «спиритуально-волюнтаристского мировоззрения», украинский национализм «воспринимает собственную нацию как наивысшую, абсолютную идейную и реальную ценность, провозглашая лозунг: «Нация превыше всего!»

«...Свою идеологию национализм строит на максимализме, здоровом эгоизме, любви к своему, нетерпимости к чуждому... Между тем украинский национализм, признавая великую историческую заслугу фашизма и действительно приближаясь к нему своим идеологическим содержанием, является одновременно движением насквозь оригинальным и ни от кого не зависимым. Он ориентируется только на задачу собственной нации... Нациократия признает, что неравенство имманентно (т.е. присуще – В. М.) обществу... »²⁰

А дальше, в пылу «творчества», М. Сциборський говорит о «национальной диктатуре», основными принципами которой являются: «...ударный, боевой легион революции – организованный национализм, черпающий свои силы из непосредственного источника: из народа и его ведущего слоя – элиты. Принадлежность к этому ведущему слою будет обусловлена не классовыми и не сословными признаками (как это видим в коммунизме и капиталистической буржуазии) и не «партийными убеждениями» (как этого хотели наши политиканствующие интеллигенты) – только национальным посвящением, здоровым духом, твердыми характерами, активностью и качественными, творческими свойствами его представителей»²¹. Итак, как ясно видим, речь идет здесь о националистах-фанатиках, которые и составят эту «элиту». И эта националистическая «элита» будет безоговорочно господствовать в этой диктатуре националистов.

И в довершение этого, отмечал Сциборський, «во главе нации и государства станет глава нации... Это будет вождь нации...»

Триада «диктатура – элита – вождь» и была безоговорочно положена в основу будущей конституции националистической Украины, которую от имени провода ОУН разрабатывал тот же М. Сциборський, положив в ее основу симпатию к фашизму и положения своей же работы «Нациократия».

Однако эти замыслы лидеров украинского воинствующего национализма не сбылись. Тем не менее, сегодня их почитатели не только реанимируют их безумные «концепции» и «теории», но и настойчиво и с беспардонным цинизмом выдают их за свои. Опять упорно кричат о той же националистической «элите», снова муссируют идею

¹⁷ Сциборський М. Націократія. Париж, 1935. С 49, 56, 67, 71.

¹⁸ Там же. С. 72.

¹⁹ Там же. С. 77.

²⁰ Там же. С. 77–78, 82, 89.

²¹ Там же. С. 109.

националистической диктатуры и ставят в качестве примера режимы Муссолини. Гитлера и других диктаторов прошлого. Об этом сегодня с откровенностью и незаурядным рвением пишут и «Националист», и «Голос нации», и «Непокоренная нация», и «Путь победы», и «Державность», и «Республиканец», и все другие националистические «журналы» и издания различных реанимированных и новых партий и организаций.

Приведем лишь один отрывок из многочисленных публикаций на эту тему. А. Карпинский в небольшой статье под названием «Диктатура или национальное спасение» откровенно требует: *«Ускорить процесс создания национальной элиты под руководством сильной личности, установить на определенный период национальную диктатуру»* («Направляем») («Напряж»). 1991. № 6. С 15; выделено мной – В. М.).

Над кем будет господствовать эта «национальная элита» и «националистическая диктатура», думаю, вполне понятно.

Идеи интегрального национализма в социальном поведении членов ОУН

Д. Донцов в своем «Национализме» достаточно ярко выразил основания (требования) «волевого» («современного», «интегрального») национализма следующим образом:

- «1) укреплять волю нации к жизни, к власти, к экспансии;
- 2) стремление к борьбе;
- 3) романтизм, догматизм, иллюзионизм;
- 4) фанатизм и аморальность;
- 5) синтез рационализма и интернационализма (в захвате и в господстве над другими);
- 6) «творческое насилие».

Здесь же он указывал на, дескать, «своеобразные идеи» украинского воинствующего национализма – яркость, исключительность и всеохватность. Тем читателям, которые желают вникнуть в суть этих «черт» и «идей» Донцова, следует прочитать всё его «писание» под названием «Национализм» (желательно третье издание).

ОУН же в своей практике полностью переняла эти идеи и черты украинского интегрального национализма, которые были сформулированы Донцовым. В Организации были специально разработаны «Материалы идеологической подготовки», где кратко сформулированы суть и цели этого национализма, определены требования к членам ОУН. Здесь же определялись и «главные идеи» (вполне по Донцову): исключительность, яркость, всеохватность. Идеологию этого «современного» (а по сути, списанного с западных образцов) национализма сводили к восьми главным чертам:

«- Догматизм. Это безграничная вера в идею; фанатизм вдохновляет сознательных на борьбу.

- Иллюзионизм. Это воображение в понятиях, которые в действительности не существуют, иллюзионизм побуждает нас к борьбе.

- Романтизм. Проявляется как стремление к борьбе. Аморализм. Чрезвычайная преданность какому-либо делу, беспощадная борьба с врагами.

- Творческое насилие. Это нетерпимость ко всему, что хочет нашего упадка.

- Инициативное меньшинство. Инициативу государства у нации имеет инициативное меньшинство, а не масса (инициативное меньшинство – это господствующий слой).

*- Гераклизм. Это решимость жертвовать нынешним счастьем ради вечного счастья».*²²

Воспитательные законы и правила в ОУН выполняли «Десять заповедей украинского националиста» (Декалог):

- «1. Добудешь Украинское государство, или погибнешь в борьбе за него.
2. Не позволишь никому пятнать ни славы, ни чести твоей нации.
3. Помни о великих днях наших освободительных сражений.

²² ЦДАГО України, ф. 57, оп. 4, спр. 366, арк. 184.

4. Будь горд тем, что ты являешься наследником борьбы за славу Володымырового трезубца.

5. Отмсти за смерть великих рыцарей.

6. О деле говори не с тем, с кем можно, а – с кем надо.

7. Не поколеблешься совершить величайшее злодеяние, если этого потребует польза дела.

8. Ненавистью и коварством будешь встречать врагов твоей нации.

9. Ни просьбы, ни угрозы, ни пытки, ни смерть не заставят тебя выдать тайну.

10. Будешь стремиться к распространению силы, славы, богатства и пространства Украинского государства даже за счет притеснения чужеземцев». ²³

Сегодня этот «Декалог» существенно отредактирован нынешними националистами, которые боятся повторять отдельные фразы. Так, вместо «великого злодеяния» записано «самого опасного деяния», вместо «ненавистью и коварством» – «ненавистью и безоглядной борьбой». В последнем же правиле полностью исключены слова «даже за счет притеснения чужеземцев». Так-то «украшают» свою историю нынешние почитатели интегрального национализма новыми (уже «демократическими») игрушками!

Высокопарное словоблудие и одновременно самый дешевый примитивизм формулировок «Декалога» требовали комментариев. Многие члены ОУН просто не понимали, чего от них требуют. Поэтому появились «Краткие объяснения. Как понять декалог», в которых, в частности, подчеркивалось, что националистическая мораль – мораль завоевателей, которые не знают сомнений и колебаний. Цель борьбы освящает средства, в борьбе с врагами националисты беспощадны: *«нужен револьвер, вероломство и яд – средства, которые может использовать националист», не обращая внимания на осуждение «цивилизованного мира».* ²⁴

Личные качества воинствующего националиста перечисляются в «12-ти чертах характера украинского националиста». Он должен быть: *«готовым ко всему, бескорыстным, честным, покорным, активным и предприимчивым, отважным, решительным, выносливым, уравновешенным, точным, здоровым, осторожным»* ²⁵. Все это, конечно, нужно было для того, чтобы решительно и без колебаний применить *«револьвер, вероломство и яд»*.

Кроме этого еще существовали «44 правила жизни украинского националиста» и многие другие правила, установки, требования. Неоспоримо, что идеологи украинского воинствующего национализма буквально обезьянничали, списывали некоторые догматы с итальянского фашизма и немецкого нацизма, становились их ярыми адептами.

Помимо вышеуказанных обязательных правил поведения вводились безоговорочно «*малое националистическое приветствие*» – *«поднятия ладони правой руки на уровень лба, рука согнута в локте»* (как салют у советских пионеров!), и «*большое националистическое приветствие*» (абсолютно обезьянничанное у фашистов!) – *«стойка «смирно», поднятие прямо перед собой на уровне лба протянутой правой руки»*. «*Малым приветствием*» встречали друзей и знакомых. «*Большое приветствие*» демонстрировало готовность *«утвердить высший лозунг нашей действиями правой руки»* и [предписывало] обмен фразами «*Слава Украине!*» – «*Вождю слава!*» (Типа «Хайль Гитлер!» – «Зиг хайль!»). Протянутой правой рукой нужно было приветствовать флаг и трезубец, руководителей организации. На II съезде ОУН (в апреле 1941 г.) бандзоровцы ввели партийный красно-черный флаг, точнѐхонько таких же цветов, как у нацистов гитлеровской Германии.

В духе немецкого нацизма была издана в 1944 брошюра «Материалы политического воспитания», которая однозначно трактовала направление националистического воспитания. Здесь разъяснялось, что будущее украинского

²³ ЦДАГО України, ф. 57, оп. 4, спр. 356, арк. 33.

²⁴ ЦДАГО України, ф. 3833, оп. 1, спр. 37, арк. 30–32.

²⁵ ЦДАГО України, ф. 57, оп. 4, спр. 359, арк. 4.

государства – «не какая-то филантропическая институция», а политику её будет определять «закон национального эгоизма», поскольку «националистическое мировоззрение отличается нетерпимостью»²⁶. Что же это за государство? Националистическая диктатура, диктатура ОУН-бандэровцев!

Как С. Бандэра оценивал взаимоотношения ОУН с гитлеровской Германией во время Второй мировой войны?

Как известно, Стэпан Бандэра был не теоретиком, а только практиком украинского воинствующего национализма. Уже в послевоенное время, находясь в Мюнхене, он изредка прикладывался к бумаге. Эти «писания» сегодня распространены в Галиции под названием «Перспективы украинской революции» (издание ОУН, 1978) со многими переизданиями его почитателей. В сборнике статей центральное место занимает довольно большой труд «Слово к украинским националистам-революционерам за границей», который в июле 1948 вышел там же, в Западной Германии, отдельной брошюрой. Это не просто исповедь руководителя ОУН-«революционеров» как оправдание за прошедшие акции. В ней Бандэра словно подводит некий итог деятельности ОУН-бандэровцев и собственной деятельности и довольно откровенно определяет свою политическую позицию во время минувшей войны и в первые послевоенные годы. Хотя, по правде говоря, эта позиция не раскрыта до конца. Правда, последователи украинского интегрального национализма и в прошлом, и сегодня тщательно прячут, ретушируют, а то и просто стирают отдельные положения этой искренней открытости Бандэры. Вот выдержки из этой статьи:

*«С весны 1941 года, накануне взрыва немецко-советской войны стали очевидными гитлеровские планы против Украины: обмануть туманными призывами и обещаниями, запрячь в свою империалистическую телегу, а потом сделать из Украины территорию колонизации, хозяйственной эксплуатации и источник невольничьей рабочей силы...»*²⁷

Здесь, разумеется, Бандэра не называет, кого гитлеровцы обманывали «туманными призывами и обещаниями» и кого хотели «запрячь в свою империалистическую телегу». Читатель, думаю, легко догадается «кого». Зачитываем дальше:

«Сначала, на время войны, Берлин планировал играть на обман: с одной стороны, обещали государственность, а с другой – выкручивались военными обстоятельствами, украинской неподготовленностью и т. п.»

И тут же уточняет:

«Одним из главных аргументов гитлеровской лицемерной политики был упрек, что украинцы не подготовлены (к созданию государства – В.М.), не объединены, разобщены, не с кем говорить и т. д. А при том была ставка на разогрев одних против других, не допуская к согласию...» (выделено мной – В. М.)

Итак, как видим, украинским националистам гитлеровцы обещали «государственность», но обманули, ссылаясь на «военные обстоятельства», на «неподготовленность» националистов к государственному строительству, на их «разобщенность», «распри» между собой или на то, что «не с кем говорить». Но заметьте, главное здесь то, что Бандэра раскрывает тут тень, пожалуй, одну из главных причин раскола в ОУН в феврале 1940 г. на ОУН-бандэровцев и ОУН-мельниковцев, который закончился, как известно, большим братоубийством: «ставка на разогрев одних против других, не допуская к согласию...» Здесь, конечно, определено достаточно важное и при этом достаточно четкое обстоятельство: гитлеровцы не только инспирировали, но и осуществили раскол в ОУН в своих политических целях и интересах. Это – однозначно! А дальше Бандэра пытался объяснить позицию и поведение гитлеровцев:

«Было ясно, что гитлеровская Германия не думает положительно относиться к делу государственной самостоятельности Украины, а с другой стороны, не хочет сразу вызывать борьбу украинского народа (читай: украинских националистов – В. М.) против

²⁶ ЦДАГО України, ф. 1, оп. 23, спр. 927, арк. 17–18, 21.

²⁷ Бандера С. Перспективи української революції. Видання ОУН, 1978.

себя. Невнятной политикой и пустыми обещаниями, которые ни к чему не обязывают, и проволочек, поддержанием надежд на государственную самостоятельность Украины после окончания или подведения итога войны с СССР, гитлеровский режим планировал не допустить того, чтобы стремление украинского народа к государственной самостоятельности решительно направлялось против Германии. Берлин не хотел иметь против себя Украину, пытался втянуть ее в первую очередь в свою войну против СССР и тем связать ее со всей своей политикой ... ».

Здесь нужно существенно уточнить. Как видим, Бандэра, говоря об Украине, достаточно легковесно подменяет термин «Украина», имея при этом в виду украинских националистов. Конечно, бандэровцы хорошо знали, что гитлеровцев совершенно не интересовала ни красная, ни желто-голубая (а тем более самостоятельная) Украина, а интересовало «лебенсraum», жизненное пространство, и дармовая рабочая сила на этом пространстве на пользу Германии. Зная это, они всё же верно служили Гитлеру, надеясь получить какие-то крохи со стола хозяина. Да разве спрашивали бандэровцы трудовой народ Украины, хочет ли он этой «самостоятельности» под штандартами и свастики Гитлера. При этом же, не Украину, а украинских интегральных националистов гитлеровцы пытались втянуть (и втянули!) в свою войну против Советского Союза и «этим связали их всей своей политикой». Далее Бандэра писал откровенно, без выкрутасов: *«Когда же Германия пошла войной против России, нашего врага, то Украина не могла принять неблагосклонно этот факт... Поэтому наша линия действий была четкая: неуклонное отстаивание её – готовность к дружественным взаимоотношениям и к совместной войне против большевистской России и только против неё»*. (Выделено мной – В. М.). Как видим, здесь выражение «и только против неё» определяет довольно много, если не всё.

Свою мысль относительно определения общей (с Германией, конечно) войны «против большевистской России» Бандэра завершает такими однозначными словами-замечаниями: *«Такую политическую линию мы считаем единственно правильной, ее мы наместили, ее реализовали и тяжелыми жертвами отстояли – и в ней всегда признаемся ... »*

Итак, свою, как и ОУН-бандэровцев, позицию в прошлой войне Бандэра считал «единственно правильной» и в ней «всегда признавался», то есть – от нее не отказывался. Напоминаю читателям, что статья была написана Бандэрой в 1948 году, когда уже немало его сподвижников упорно «не признавались», кому они служили и чем еще недавно занимались.

О таких (а их было и остаётся сегодня довольно много) писал Кость Паньківський, председатель Украинского краевого комитета (УКК) и заместитель В. Кубийовича в УЦК (Украинский центральный комитет) во время войны в своей книге воспоминаний «Годы немецкой оккупации»: *«Живем во времена, когда во всем мире, не только у украинцев, каждый желает показать, каким де он всегда был противником немцев и врагом Гитлера, как де он никогда не имел никаких связей с немцами, а наоборот, какова была его роль в сопротивлении против немцев, как де его преследовали и сажали и как де он чудом пережил годы немецкой оккупации ...»*²⁸

Сегодня же такие лица не только не «признаются» в своем сотрудничестве с гитлеровцами, но и во весь голос заявят, что воевали против них. Лучше бы почитали статью С. Бандэры «Слово к украинским националистам-революционерам за рубежом».

---

¹ И. Лысяк-Рудницький (27 октября 1919, Вена — 25 апреля 1984, Эдмонтон, Канада) – американский и канадский историк украинской общественно-политической мысли, политолог и публицист. На протяжении большей части своей жизни жил в эмиграции в разных странах. Сын Павла Лысяка и Милены Рудницкой, известных политических активистов. В 1937—1939 годах он изучал право в Университете Яна Казимира во Львове.

---

²⁸ Паньківський К. Роки німецької окупації. Нью-Йорк – Торонто, 1965. С.6.

После занятия Львова советскими войсками бежал с матерью в Краков, а в 1940 году оказался в Берлине, где в 1943 году получил от Университета Фридриха Вильгельма учёную степень в области международных отношений. Получил докторскую степень в 1945 году в Карловом университете в Праге.

В 1940-х годах состоял членом Украинского студенческого общества «Мазепинцев», Всеукраинской студенческой общины в Праге, Организации украинских студентов-националистов Великой Германии (вместе с Билинским, Рудки и Омельяном Прицаком), был близок к ОУН(з) так же известной как «двйкар». Группа сплотилась вокруг соратников С. Бандэры – П. Ребета и З. Матлы (командир походной группы ОУН в Днепропетровске в 1941г.).

После войны И. Лысяк-Рудныцькый жил в Австрии, затем в Швейцарии. В 1951 году эмигрировал в США, где начал научную карьеру. С 1956 по 1967 год преподавал историю в университете Ла-Саль в Филадельфии. Первую постоянную работу получил в 1967 году в Американском университете в Вашингтоне, округ Колумбия. С 1971 года работал в Канаде в качестве профессора в Университете Альберты. Был членом «Научного общества имени Тараса Шевченко» и «Украинской свободной академии наук», одним из основателей «Канадского института украинских исследований».

Печатался в украинских эмигрантских изданиях (газета «Українські Вісті», журналы «Зустрічі», «Сучасності»; в 1961—1967 годах был главным редактором последнего). Вел активную переписку с Ежи Гедройцем, оказал значительное влияние на украинское направление парижского издания «Kultura».

II Национально-радикальный лагерь (польск.) – Объединение польских националистических группировок, отколовшееся от праворадикальной «Национальной партии» в 1934г. ОНР перенял основные идеи немецкого национал-социализма, проповедовал идеи агрессивного национализма, антикоммунизма и антисемитизма. В годы Второй мировой войны из ОНР выделились две военно-политические организации: «Союз ящериц» и «Вооруженная конфедерация» (сотрудничала с Армией Крайовой).

III Морис Баррес (фр. Maurice Barrès; 1862—1923) – французский писатель последней четверти XIX и начала XX в. Стал известен как проповедник идеи «Свободного человека» - индивида, отбросившего все возможные сдерживающее его правила и нормы. В своих романах писатель прославлял индивидуальную свободу личности, абсолютизировал эгоизм и утонченный внутренний мир человека, игнорировавшего все социально-ограничивающие правила и законы. С 1890-х гг. Морис Баррес увлекся политикой, став активным сторонником буланжизма (движения генерала Ж.Буланже ставившее целью развязывание реваншистской войны против Германии), национализма и агрессивного католицизма.

Жан Мари Гюйо (фр. Jean-Marie Guyau; 28 октября 1854, Лаваль, Франция 31 марта 1888, Ментона, Франция) – французский философ-позитивист и поэт. Гюйо исследовал проблемы нравственного поиска человеческой личности, продолжил развитие эгоистических идей эпикурейцев и близко примыкал к позиции английских утилитаристов. Проповедовал идею существования в обществе «творческих людей», способных вести за собой пассивные массы.

Жорж Эжен Сорель (фр. Georges Eugène Sorel; 2 ноября 1847 – 29 августа 1922) –

французский философ и публицист. Идеи Сореля были крайне противоречивыми, он колебался между радикальными правыми и левыми идеями, за что был прозван Лениным «известным путаником». Обычно идеи Сореля связывают с анархо-синдикализмом однако он одновременно проповедовал идеи монархизма, фашизма и национализма, некоторое время симпатизировал большевикам.

Шарль Моррас (фр. Charles-Marie-Photius Maurras; 20 апреля 1868, Мартиг, Буш-дю-Рон – 16 ноября 1952, Тур) французский публицист, критик, поэт. Член Французской Академии (1938–1945, лишён звания по решению Лионского суда как предатель родины).

В 1899 организовал монархическую группу «Французское действие» (*Action française*), которая просуществовала до 1944 года. Одноименная газета основанная Моррасом существует во Франции до сих пор.

В годы Второй мировой войны оставался глухим к существующему положению вещей, поддерживал маршала Петена, который формировал политику Вишистского режима. Выступал как антисемит среди друзей, но был также антигерманистом, хотя и молчал об этом до падения Третьего Рейха.

Анри Бергсон (фр. Henri Bergson; 18 октября 1859 года, Париж – 4 января 1941 года, там же) – французский философ, представитель интуитивизма и философии жизни. Профессор Коллеж де Франс (1900—1914), член Французской академии (1914). Лауреат Нобелевской премии по литературе 1927 года «в признание его богатых и оживляющих идей, и превосходного мастерства, с которым они были представлены». Продолжая традиции Б. Паскаля, Р. Декарта, Ж.Ж. Руссо, фр. спиритуализма 19 в. (Мен де Биран, Ж. Лашелье), англ. эмпиризма, романтизма, осмысливая новые достижения естественных наук — физики, биологии, психологии, – Б. поставил задачу создания синтетической формы «позитивной метафизики», преодолевающей односторонность механистических, позитивистских способов философствования, а также умозрительность и спекулятивность рационалистической метафизики, и вместе с тем соединяющей специфическим образом глубинную метафизическую установку с конкретно-позитивной. Б. стоит у истоков антропологического направления современной философии, занимая место между позитивизмом и экзистенциализмом.

Главной целью «позитивной метафизики» Б. считает переосмысление основ философии, обращение к конкретным фактам, получаемым в ходе опыта; под опытом понимается опыт сознания, непосредственно погруженного в реальность и постоянно опирающегося на результаты научных исследований; предмет «позитивной метафизики» — жизнь как некая целостность, радикально отличающаяся и от материи, и от духа, которые суть результаты распада жизненного процесса.

^{IV} Провиднык (укр. Провідник) – в бандэровских кругах так принято называть партийное руководство, означает «руководитель», «вождь», букв. «тот, кто ведет», аналог немецкого «Führer».

^V Анне Мари Жан Франсуа де ля Рок, де Северак (фр. Annet Marie Jean François de La Rocque (de Séverac); 6 октября 1885, Лорьян – 28 апреля 1946, Париж) – французский военный и правоконсервативный политик. Лидер организации Огненные кресты, основатель Французской социальной партии (PSF). Участник Первой мировой войны,

---

кавалер Ордена Почетного Легиона. Около года служил в администрации Виши. Был арестован гестапо за связь с британской разведкой. После войны был вновь арестован во Франции по обвинению в коллаборационизме. Обвинение снято посмертно. В силу своего консерватизма Франсуа де ля Рок пребывал в оппозиции либеральным и центристским правительствам. Однако он строжайше соблюдал законность. Во время массовых беспорядков 6 февраля 1934 года «Огненные кресты» поддерживали ультраправых мятежников, но воздерживались от насилия. Неучастие опытных фронтовиков в уличных столкновениях в значительной степени предопределило провал путча. Деятель лиги «Французское действие» Морис Пюжо, соратник Шарля Моррасса, обвинял де ля Рока в предательстве. В ходе боёв с немцами 1940 года погиб Жан-Франсуа де ля Рок, сын Франсуа де ля Рока. 6 июня 1940 де ля Рок написал в органе PSF статью Résistance «Сопrotивление» (первое озвучение термина). Перемирие 22 июня 1940 де ля Рок охарактеризовал негативно, сказав, что оно не остановит боевых действий. Тогда же он осудил все виды коллаборационизма: «Нет сотрудничества при оккупации». 5 октября 1940 в том же партийном издании де ля Рок выступил против преследования евреев. При всех тактических разногласиях де ля Рок и Петэн были очень близки по крайней мере консервативным взглядам. Де ля Рок отказывался от сотрудничества с оккупантами, говорил об антихристианском характере нацизма. Однако он не отказался от предложения занять должность в административном аппарате Виши. Служил советником Петэна. В том же 1941 году Франсуа де ля Рок установил контакт с британской разведкой. Немало активистов PSF приняли участие в подпольном Сопrotивлении. Исследователи относят к их числу и самого Франсуа де ля Рока. 9 марта 1943 он был арестован гестапо вместе с более чем 150 активистами PSF. Содержался в различных тюрьмах Франции, Австрии и Чехословакии. Освобождён американцами 5 мая 1945 в результате боя у замка Иттер.

^{VI} Горацио Гёрберт Кйтченер (англ. Horatio Herbert Kitchener, 1850 – 1916) – британский военный деятель. Участник англо-бурской войны (1899-1902), основатель системы карательных концлагерей в южной Африке. Занимал различные высокие должности в британской колониальной системе. Был начальником штаба английской армии с 6 августа 1914 года. Организовал массовый призыв солдат в английскую армию, фигурировал на агитационных плакатах того времени став хрестоматийным лицом военной пропаганды тех лет.

^{VII} Мыхайло Островэрха (1897-1979) – бандэровский публицист. Воевал в рядах «легиона украинских сечевых стрельцов» в годы Первой мировой войны, был боевиком Украинской галицкой армии, служил в армии УНР; в годы Второй мировой войны – боевик дивизии СС «Галиция». В 1944 году сбежал в Германию, а затем в США, где вплоть до конца жизни вел антисоветскую деятельность.

Ростыслав Эндык (1906-1974) – украинский националист, антрополог и публицист. Писал научные труды посвященные расовой структуре украинского народа. Учился в университетах Львова и Берлина. Праворадикальный публицист, поклонник Адольфа Гитлера и расовой теории национал-социалистов. Сбежал в ФРГ, где активно занимался антисоветской пропагандой.

Лэонид Маркович Мосэндз (1897-1948) – уроженец Винницы, украинский националистический писатель первой половины XX в. В годы Первой мировой воевал в

рядах российской армии, затем в армии УНР. Позже эмигрировал в Чехословакию, а затем в Австрию. Умер в Швейцарии.

В. Тэмляк, Д. Варнак – псевдонимы Дмытра Донцова;

Р. Керчь – псевдоним Володымыра Стахива (1910-1971) – члена ОУН, соратника Стэпана Бандэры. Отвечал за издания националистической публицистики в годы войны. После войны жил в Германии, где продолжал заниматься антисоветской публицистикой.

^{VIII} Лапуаское движение в Финляндии в 1929-1932. Название происходит от местечка Лапуа (Lapua), где в ноябре 1929 шоюкоровцы (шоюккор, швед. Skyddsåkåren — «подразделение охраны»), правая консервативная организация, аналогичная «белой гвардии», появилась в 1918 г. в Финляндии как реакция на коммунистическое движение) совершили налёт на собрание рабочей молодёжи. Организаторами Л. д. были Коалиционная партия и правое крыло Аграрного союза. Социальную базу Л. д. составляли кулачество, часть мелкобуржуазных слоев города. Л. д., выступая под лозунгом «уничтожения коммунизма», ставило целью подавить выступления рабочего класса, одновременно разжигались антисоветские настроения и шовинистическая вражда в отношении национальных меньшинств Финляндии. Вооруженные лапуаские банды устраивали погромы, убийства, похищали участников рабочего движения. В феврале 1932 в г. Мянсяля лапуасцы предприняли попытку вооруженного мятежа. В марте 1932 Л. д. было запрещено правительством.

Мосли (Mosley) Освальд Эрналд (1896-1980), баронет, лидер британских фашистов, последователь Гитлера, ярый антикоммунист и расист. Образование получил в закрытой аристократической школе в Уинчестере и военном колледже в Сандхерсте. В 1918 избран в парламент от Консервативной партии. В 1922 вышел из партии и до 1924 был «независимым» депутатом; в 1924-1931 гг. член парламента от Лейбористской партии. В 1929-1930 входил во 2-е лейбористское правительство Дж. Р. Макдональда. В 1931 вышел из Лейбористской партии, в 1932 основал Британский союз фашистов. Выступал за сотрудничество Великобритании с фашистской Германией и фашистской Италией и за установление фашистских порядков в Великобритании. В 1940-1943 интернирован. После 2-й мировой войны вновь активизировал пропаганду фашизма в Великобритании, создав в 1948 г. так называемое Юнионистское движение (Union movement).

Претовский фашизм в Португалии (национал-синдикалисты) – движение португальских правых радикалов, сформированное вокруг Ролану Прету (1893-1977), противника Антониу Салазара.

^{IX} Молодых Стронництва Народового – речь идет о крыле Национально-демократической партии Польши, которая в конце 1920-х годов встала на позиции фашизма и национал-социализма.

^X Лыпа Юрий Иванович (05.05.1900, Одесса – 20.08. 1944, Львовская обл.) – один из основных идеологов украинского национализма, выпускник Новороссийского императорского университета. Умудрился стать главным военврачом УПА. Работая врачом, организовал подпольные курсы по подготовке медицинских кадров для Украинской Повстанческой Армии, готовил тексты листовок и воззваний к населению и

немецким солдатам. С июля 1944 г. – инструктор первой Старшинской школы УПА в Карпатах. Вошел в состав Украинского Главного Освободительного Совета. 19 августа 1944 г. схвачен подразделением НКВД и на следующий день расстрелян за преступления перед советским народом.

^{XI} Вассьян Юлиан Иванович (1894-1953) – член провода ОУН, руководил идеологической политикой организации. В послевоенные годы жил в ФРГ, в 1950 году эмигрировал в США.

Володымыр Марганець – солдат Легиона УСС в составе австро-венгерской армии; один из руководителей и член провода ОУН(м), редактор журнала «Розбудова нації».

Евген Домэтийович Онацький (1894-1979) – активист националистического движения с 1917 года, представитель УНР в Италии в 1917-1920 гг. Вошел в состав ОУН, занимался пропагандой итальянского фашизма в среде украинских националистов, сотрудничал с М. Сциборським и др. Был оппонентом С. Бандэры. В 1947 г. уехал в Аргентину, где длительное время занимался публицистической деятельностью.

Дмытро Андриевський (1892-1976) – член ОУН, один из идеологов организации в 1920-1930-е гг. После 1922 года жил на территории западноевропейских стран, примыкал к ОУН(м). В 2010 году перезахоронен во Львове на Лычаковском кладбище.

Зиновий Кныш (1906-1999) – один из членов провода ОУН, активный участник националистического движения. После партийного раскола вошел в состав ОУН(м), в дальнейшем после бегства националистического лагеря в Канаду и смерти Андрея Мельника руководил ОУН(м).

БАТАЛЬОНЫ АБВЕРА «НАХТИГАЛЬ» И «РОЛАНД» Какими были батальоны «Нахтигаль» и «Роланд»?

Сначала представим данные об организации этих формирований в системе гитлеровского Абвера. Стэпан Бандэра писал: «В начале 1941 года открылась возможность сделать при немецкой армии школы из двух украинских подразделений, силой примерно до куреня».¹ Здесь же Бандэра отмечал, что «военно-воспитательную работу» выполняли у ОУН-бандэровцев Р. Шухэвч, Д. Грыщай-Пэрэбийнис и О. Гасын-Лышар. Достаточно хорошо известно, что специаль-батальон Абвера «Нахтигаль» («Соловей», «Ночная птица») имени С. Бандэры был сформирован в марте-апреле 1941 г. из бандэровцев. Подразделение проходило военную подготовку в Нойгаммере в составе 1-го батальона полка специального назначения «Бранденбург-800», который был подчинен Абверу-2 (отдел Абвера, занимавшийся осуществлением диверсий в стане противника). Политическим руководителем батальона был Теодор Оберлендер (известный немецкий деятель, занимался немцами Востока, оберфюрер СС), командиром батальона со стороны немцев был обер-лейтенант Альбрехт Херцнер, командиром батальона со стороны украинцев – капитан Роман Шухэвч.

Специаль-батальон Абвера «Роланд» имени Е. Коновальца и С. Пэтлюры был сформирован в апреле 1941 г. из бандэровцев, мельниковцев, пэтлюровцев и гэтьманцев и проходил военную подготовку в Зауберсдорфе вблизи Вены под руководством веркрайскокоманды XVII г. Вены, которая также подчинялась специальному формированию Абвера «Бранденбург-800», но предназначался батальон для военных действий на южном направлении Восточного фронта. Руководителями его были: Рико Ярый с немецкой стороны и майор Евгэн Побигущий («Рэн») – с украинской. По сути, руководителем батальона был майор Побигущий, потому что Р. Ярый, как член провода ОУН-бандэровцев и одновременно резидент Абвера в той же ОУН, постоянно выполнял другие поручения.

Прежде чем говорить об этих так называемых «украинских» специаль-батальонах, надо дать краткую информацию о формировании Абвера «Бранденбург-800», в которое они входили, и о «специальном» назначении этих формирований (которое как раз часто скрывают националистические авторы). А суть здесь такова. В книге немецкого генерала Б. Мюллера-Гиллебранда «Сухопутная армия Германии. 1933-1945» указано: «Дивизия «Бранденбург-800» сформирована 21 сентября 1943 г. на базе развертывания подразделений 800-го строительного учебного полка особого назначения «Бранденбург», который был специальной частью, находившейся в распоряжении 2-го управления Абвера ОКВ (Служба разведки и контрразведки ОКВ). Однако развертывание дивизии задерживалось. В октябре 1944 г. она была переформирована в моторизованную дивизию «Бранденбург»».²

Здесь, как видим, автор огибаёт острые углы, и дивизия представляется как обыкновенное воинское формирование, да еще и политически «строительная», «учебная» и одновременно «специальная часть специального назначения». Что же строили абверовцы-диверсанты 2-го отдела, если полк, а затем дивизия названа «строительной»? А ничего. Они совершали разрушения, диверсии и массовые убийства!

Истину раскрывают другие авторы. Получается, что полк специального назначения «Бранденбург-800» и дивизия специального назначения «Бранденбург» были «строительными» и «учебными» только для маскировки. На деле же эти формирования были специальными частями Абвера-2 (диверсии в стане противника) только потому, что выполняли специальные задания на фронте и в ближайшем тылу противника: организовывали и осуществляли диверсии, очищали целые районы противника от возможных и невозможных приготовлений диверсий против Германии. Отряды этого

¹Бандера С. Перспективи української революції. С 303.

²См.: Мюллер – Гиллебранд. Сухопутная армия Германии. 1933–1945. М., 1976. Т 3 С 393

формирования создавали панику и хаос в районе действия. Акции их также предназначались и против партизанских отрядов и соединений, которые проводили частые и массовые диверсии в тылу гитлеровских войск.

Историограф Абвера Герд Бухгайт¹ свидетельствует, что во время «Восточного похода» гитлеровцев только одной фронтовой разведкой, подчиненной первому отделу (Абвер-1) управление Абвера при штабе верховного командования вермахта (ОКВ), было «обезврежено», то есть ликвидировано, 20000 советских граждан³. Бухгайт не говорит о подобных действиях 2-го отдела Абвера, который непосредственно занимался диверсиями и карательными акциями в стане противника и которому, собственно, принадлежали формирования специального назначения «Бранденбург-800» и «Бранденбург», а им, в свою очередь – такие специаль-батальоны, как «Нахтигаль» и «Роланд».

В этом направлении яркий свет бросает другой исследователь – венгерский историк и публицист Юлиус Мадер^{II}, который провел достаточно объемный анализ многих исследований действий Абвера времен минувшей войны. «Заграница (Абвер), – указывал он, – имела широко разветвленный аппарат для борьбы с активными противниками гитлеровского режима, настаивая на скорейшем уничтожении групп сопротивления и партизанских отрядов. Абвер и его особая часть «Бранденбург-800» орудовали в 13 европейских странах. Только в 12 из них (не считая СССР) нацистские оккупанты убили в ходе военных действий, расстреляли и замучили в тюрьмах более 1 277 750 человек. Большинство этих жертв следует отнести на счет убийц из Абвера и их профессиональных «охотников на партизан». А сколько ими уничтожено советских людей? Пока еще не подсчитано. Думаю, что будущие историки еще подсчитают и эти жертвы.

Таким образом, сделаем определенные уточнения и подведем итоги. Формирование специального назначения «Бранденбург-800» возникло еще до войны гитлеровской Германии против Советского Союза. Сначала оно было специальным батальоном, который в 1940 г. стал полком специального назначения «Бранденбург-800», а затем в 1943 г. – дивизией «Бранденбург». Это было не обычное войско, а специальное объединение диверсантов, карателей, башибузуков, сформированное из лиц-кондотьеров ненемецких национальностей, из тех стран, против которых гитлеровцы готовили агрессию. Так, 1-й батальон, дислоцированный в Бранденбурге (именем которого и назвали весь полк и дивизию специального назначения), был сформирован из представителей народностей Восточной Европы (в основном территорий СССР) и предназначен для войны на «восточном направлении» (к нему и был приписан батальон «Нахтигаль» для подготовки в Нойгаммере и наступления на Львов); 2-й батальон дислоцировался в Дюрене (Рейнская область) и состоял из эльзасцев, предателей-французов, бельгийцев и голландцев; 3-й батальон был расквартирован в Бадене (близ Вены) и предназначен для операций на юге, в странах Юго-Восточной Европы (к нему как раз и был приписан специаль-батальон «Роланд»). При этом роты, батальоны, а затем полки этого формирования по своему количеству значительно, а то и в несколько раз, превосходили обычные нормативы комплектования.

Итак, «Нахтигаль» и «Роланд» были не просто обычными войсковыми формированиями в составе вермахта (националисты до сих пор пытаются называть их «Дружинами украинских националистов» – ДУН), а формированиями Абвера специального назначения – для осуществления диверсионных и карательных акций в стане противника. Для этой цели они и проходили военную подготовку в специальных школах для обеспечения выполнения задач. Е. Побигуший, руководитель батальона «Роланд», а затем шцманшафт-батальона, в своих воспоминаниях так и отмечает, что задачей отряда было *«выискивать разработки советских частей и таким образом*

---

³См.: *Buchheit Gert. Der deutsche Gehemdienst Geschichte der militarischen Abwehr.* – Munchen, 1966. S. 362.

*обеспечивать тылы...».*⁴ А что такое «обеспечивать тылы» хорошо известно, потому что это означало ликвидировать те самые «разработки»!

Оба формирования, как свидетельствуют почти все националистические авторы, были осуществлением давней мечты руководителей ОУН сформировать с помощью гитлеровцев профессиональные военные подразделения и превратить их в основу своих будущих националистических вооруженных сил. Эта мечта, как известно, сбылась, но неудачно и не так, как задумывалось.

Деяния «Нахтигаль» и «Роланда»

Это вопрос сложный, потому что Абвер, как известно, не афишировал свои действия. Известно, что 30 июня 1941 г. специаль-батальон «Нахтигаль» вошел во Львов вместе с 1-м батальоном полка специального назначения «Бранденбург-800». Гестапо и подразделения СБ (службы имперской безопасности) еще не прибыли в город, а потому внутренний порядок возлагался на военного коменданта генерала Ренца и его полевую комендатуру. Это и дало основание польским и советским публицистам и историкам в 50-70-е годы обвинить бранденбуржцев и нахтигальцев в карательных акциях первых дней оккупации Львова. Как свидетельствовал известный ученый и общественный деятель ГДР А. Норден^{III} на пресс-конференции в Берлине 22 октября 1959 г. по поводу расследования преступлений боннского министра Т. Оберлендера (бывшего политического руководителя батальона «Нахтигаль» и других подобных диверсионных формирований на Восточном фронте, в частности отрядов «Тамара-1» и «Тамара-2» в Чечне), с 1 по 6 июля 1941 г. аверовцы из «Нахтигаль», руководимого Оберлендером – Херцнером – Шухэвйчем, совместно с бранденбуржцами, фельдшардами и боевиками краевой эзекутивы ОУН-б, уничтожили во Львове 3000 человек, в основном советских активистов, евреев и поляков, среди них более 70 известных ученых и деятелей культуры.

Верится, что в недалеком будущем все это будет до конца исследовано, несмотря на прежние «туманы» и «дымовые завесы», как в польской и советской, так и в украинско-националистической литературе.

Однако уже и теперь есть отдельные просветления. Недавно в Лондоне вышла книга польского автора Александра Кормана^{IV} «Из кровавых дней Львова 1941 года».⁵ Автор приводит многочисленные факты, фамилии, свидетельства очевидцев этой трагедии. Исследователь утверждает однозначно: с 3 июня до 6 июля 1941 г. (время пребывания специаль-батальона «Нахтигаль» во Львове) польских ученых, евреев и коммунистов уничтожали гитлеровцы, нахтигальцы и боевики из среды ОУН-бандэровцев.

Корман приводит в книге фотокопию обращения Стэпана Бандэры, которое распространялось во Львове с 30 июня по 11 июля 1941 г. в виде листовок и афиш: «Народ! Знай! Москва, Польша, мадяры, жида – это твои враги! Уничтожай их!». В другой интерпретации эта открытка звучала так: «Ляхов, жидов, коммунистов уничтожай без милосердия, не жалея врагов украинской народной революции!».

Автор утверждает, что акцией уничтожения руководил гауптштурмфюрер (капитан) СС Ганс Крюгер^V (Кригер), который позже руководил гестапо в г. Станиславе (ныне Ивано-Франковск). Убийства проходили по списку, подготовленному службами Е. Врзёны^{VI} (СБ ОУН-б) и «Лэгэнды» (И. Кльмива)^{VII}, руководителя краевой эзекутивы ОУН-б. Аресты проводили отделы Абвера (бранденбуржцы), фельдполиции и «Нахтигаль». Расстрелы осуществляли они же. Сам Е. Врзёна лично участвовал в расстрелах польских ученых.

А. Корман приводит в книге много свидетельств. Вот несколько из них: «Нахтигальцы» вытаскивали из домов коммунистов и поляков, которых тут же вешали на балконах...»; «Украинских солдат батальона «Нахтигаль» жители Львова называли

⁴ *Побігущий Євген-«Рен»*. Мозаїка моїх споминів. Мюнхен – Лондон, 1985. Т. 2. С. 234.

⁵ *Korman Alexander. Z krwawych dni Lwowa 1941 roku*. London. 1991.

«птичниками»...»; «Птичники были в немецких мундирах и с немецкими войсковыми знаками различия. Разговаривали на украинском языке...»; «На улицах Русской и Боимов застрелили нескольких польских студентов, которых привели боевики украинских националистов...»; «...500 евреев. Их всех замордовали украинцы...» и т. д.

Автор приводит и факт того, что жена арестованного профессора Львовской политехники Казимира Бартеля (бывшего премьер-министра Польши) посетила архиепископа Шэптыцкого с просьбой помочь освободить мужа, но тот ответил, что *«ничего сделать не может...»*

В целом книга Александра Кормана – достоверное, содержательное исследование. Однако, оно одностороннее, так как проникнуто не общечеловеческими, а преимущественно польскими пристрастиями.

Несмотря на нехватку весомых и всесторонних документов и аналитических исследований, мы теперь достоверно знаем, что бандэровская акция первых дней оккупации Львова – широкомасштабная и достаточно отчаянная: от провозглашения «Акта 30 июня» до кровавого побоища по истреблению советских активистов, представителей польской интеллигенции и еврейского населения. Руководил этой акцией, безусловно, Лэбэдь – шеф службы безопасности ОУН, а несколько позже – руководитель всей ОУН-бандэровцев в крае. Его подручными стали: его заместитель по службе безопасности ОУН Е. Врэцёна и руководитель краевой экзекутивы ОУН-б «Лэгэнда» (И. Клымыв), лейтенант гестапо Я. Мороз и руководители «Нахтигалья» Т. Оберлендер, А. Херцнер и Р. Шухэвич. Хотя над всем этим довлела тяжелая рука гестапо (Г. Кригер) и Абвера (Т. Оберлендер).

Специаль-батальон Абвера «Нахтигаль» совместно с 1-м батальоном полка «Бранденбург-800», отрядами фельджандармерии и бойцов ОУН из числа подчиненных «Лэгэнды»-Клымыва принимали непосредственное участие в кровавых оргиях первых дней оккупации Львова.

Дальнейшая судьба специаль-батальонов

После неудачных попыток достичь «взаимопонимания» с гитлеровцами во время создания «Акта 30 июня 1941-го», то есть так называемого провозглашения независимой Украины во Львове, которое осуществил Я. Стэцько («Карбовыч», первый заместитель Бандэры), с помощью «Нахтигалья», от имени С. Бандэры и по приказу Бандэры, и после арестов участников этой затеи оба специаль-батальона были отозваны с фронта и в конце октября объединены в одно формирование, которое немедленно начало подготовку для нового назначения.

В середине марта 1942 г. объединенный (теперь уже шуцманшафт) батальон под командованием Е. Побигущего («Рэна») был послан в Белоруссию и действовал в треугольнике Могилев – Витебск – Лепель в составе 201-й полицейской («охранной») дивизии генерала Якоби против белорусских партизан и мирного населения.

В сборнике «Дружины украинских националистов в 1941-1942 годах» (издание 1953 г.) Е. Побигущий пишет: «Художники имели бы прекрасные мотивы для рисования», описывая белорусский пейзаж и восхищаясь красотами тех мест, куда их привезли.

Но сюда их прислали, конечно, не для рисования на пленэре, а для того, чтобы «охранять мосты», замечает Побигущий. Мы хорошо знаем, что «охранники мостов» не воевали с партизанами, а лишь охраняли мосты постоянно, изо дня в день, неся эту службу. В то же время хорошо знаем и о том, что «охранные войска» гитлеровской Германии охраняли не мосты, а несли охранную службу в тылах гитлеровских войск, а это означало, что они постоянно проводили карательные акции против «бандитов» (как называл красных партизан Побигущий) и местных жителей, которые помогали «бандитам».

Известно также и то, что шуцманшафт-батальон, четырьмя ротами, которыми командовали Г. Шухэвич, М. Бригидер, В. Сыдор^{VIII} и Павлык стал подразделением 201-ой полицейской дивизии, а также бригад и отдельных оперативных батальонов, которыми командовал фон-дем Э. Бах-Зелевски, обергруппенфюрер (генерал-полковник) войск СС.

Этот обергруппенфюрер СС руководил борьбой с партизанами на оккупированных территориях Советского Союза и Польши, особенно в Белоруссии и в северной части Украины. Подотчетные ему части были преимущественно эсэсовскими, поэтому 201-я полицейская дивизия вынуждена была действовать, как и они.

Становится несколько яснее, когда Побигущий-«Рэн» пишет о «боевых операциях» (которые, конечно, отнюдь не проводили «охранники мостов») и о том, что обергруппенфюрер СС фон Бах *«сказал на мессе в присутствии всех командиров, что это мой лучший отдел, и говорил он это не для красного словца, а что заслуга в этом – офицеров»*. Известно также, что этих офицеров, в том числе Шухэвича и Побигущего, гитлеровцы наградили «железными крестами», не за «охрану мостов», а за «боевые доблести». Побигущий при том констатировал: *«легион выполнил свою задачу. Да, и это на 100 процентов»*. Здесь же он хвастается, что командование дивизии просило «легион» охранять командира дивизии. То есть, заслужили бывшие нахтигалевцы и роландовцы такую честь! Не зря же, разумеется, даются такие награды!

Тот же Е. Побигущий в своих воспоминаниях более откровенен: *«Безусловно, были частые бои против партизан, прочесывание лесов, нападения на их места постоя... Курень выполнил хорошо свое задание, как это говорил фон Бах, утверждая, что из всех 9 куреней, охранявших средние тылы Восточного фронта, – наш курень выполнил задание лучше всех...»*⁶

Теперь уже совершенно ясно, что не «охраняли мосты», а «охраняли средние тылы» группы гитлеровской армии «Центр», которая наступала на Москву.

Другой автор, М. Кальба^{IX} в книге «Нахтигаль» (курень ДУН) в свете фактов и документов» (Денвер, 1984) пишет, что «Нахтигаль» никогда не был диверсионным формированием и никаких диверсионных актов не выполнял, хотя тут же отмечает, что курень «был придан к «Бранденбургу». А дальше Кальба ссылается на немецкого автора Вернера Брокфорда, который писал о формировании «Бранденбурга» и, между прочим, указывал, что «Нахтигаль» *«совершал фантастические деяния»* в духе *«военного фильма американского производства»*. Что имел конкретно в виду Брокфорд, пока неизвестно, остается за кадром, но «фантастические деяния» в духе «военного фильма американского производства» интригуют не только фантазию автора.

Однако, уже сегодня достаточно четко установлено, что шццманштафт-батальон не «мосты охранял» в партизанском крае в Белоруссии, а действовал в составе карательных формирований обергруппенфюрера СС фон дем Баха-Зелевски против белорусских партизан и мирного населения, участвовал в карательных операциях «Болотная лихорадка»^X, «Треугольник»^{XI}, «Котбус»^{XII} и других. Что соседом 201-й охранной дивизии и предприимчивым партнером в боевых действиях против партизан и крестьян Белоруссии была пресловутая печально известная во время войны «бригада Дирливангера», сформированная из уголовных преступников, профессиональных садистов и убийц. Несколько чёт^{XIII} «украинского» формирования в составе 15-го полицейского полка участвовали в карательной акции, описанной в документальной повести Владимира Яворовского «Вечные Кортелисы», в результате которой звери с человеческими именами стерли с лица земли вместе с жителями волынские села Борки, Заболотье, Борисовка и Кортелисы.

Тот же Побигущий-«Рэн» вспоминает, что перед Рождеством 1943 г. «легион распустили». Причины этого до сих пор не выяснены. Прекрасно служили, получали «железные кресты», были лучшими в карательных войсках СС фон дем Баха-Зелевски и вдруг... «распустили!» Побигущий вспоминает и о том, что обергруппенфюрер СС фон Бах заявил ему лично, что «все легионеры» (так Побигущий и другие авторы называют полицаяв-карателей) «поедут малыми группами домой и там должны зарегистрироваться в полиции Львова».⁷

⁶ *Побігущий Євген-«Рен»*. Мозаїка моїх споминів. Т. 2. С. 235.

⁷ *Побігущий Євген-«Рен»*. Дружини українських націоналістів в 1941–1942 роках. С. 40.

«Демобилизация» состоялась, но при весьма таинственных обстоятельствах. Однако во Львове часть украинских офицеров и унтер-офицеров, в том числе и Побигущого, гитлеровцы держали *«под арестом»*, но *«смена политических условий спала нас...»*. Речь здесь идет, разумеется, о том, что во время формирования 14-й гренадерской дивизии СС «Галициен» их позвали младшими офицерами теперь уже эсэсовского формирования, где Побигущий-«Рэн» сначала был командиром полка, а затем батальона в чине штурмбанфюрера (майора) СС. Так, наконец, предмет мечтаний – офицерские кадры – из абверовско-полицейских превратились в эсэсовские. *«Какая же польза от ДУН?»* – спрашивал Стэпан Бандэра в одной из своих статей и тут же отвечал: *«Особое, что они принесли с собой – это познание организации, стратегии и тактики партизанской борьбы, применяемой большевиками во второй мировой войне, и немецких методов уничтожения партизанских подразделений. Это знание было очень полезно в создании УПА...»*⁸

Как видим, Бандэру интересовал опыт борьбы гитлеровцев против советских партизан. А еще надо добавить, что возглавил УПА, став ее «главнокомандующим», недавний капитан Абвера и шуцманшафт формирования Р. Шухэвич, который в УПА немедленно стал генерал-хорунжим. Следовательно, не опыту «охраны мостов» научились бывшие нахтигалевцы и роландовцы, а борьбе против партизан и мирных жителей Белоруссии по «немецким методам» фон дем Баха-Зелевски и Дирливангера.

---

^I Герд Бухгайт (1900-1978) – немецкий писатель, историк, германист и искусствовед Герд Бухгайт родился в семье юриста Людвиг Бухгайта в Лотарингии, входившей в то время в состав Германской империи. Изучал историю, немецкий, философию и историю искусств в университетах в Гейдельберге, Бонне, Эрлангене и Мюнхене. Получил докторскую степень, занимаясь у австрийского литературоведа Оскара Вальзеля. Работал преподавателем в Мюнхене и Пирмазенсе, позже как искусствовед, военный исследователь и писатель в сфере событий новейшей истории. Во время Второй мировой войны был офицером в составе немецкого военного командования на территории оккупированной Франции.

^{II} Юлиус Мадер (1928-2000) – немецкий социалист, занимался контрразведывательной деятельностью в ГДР как агент Министерства государственной безопасности (Stasi). Юлиус Мадер написал десятки трудов посвященных деятельности ЦРУ и нацистских преступников, его книги были изданы миллионными тиражами во многих странах мира.

^{III} Альбер Норден (1904-1982) - немецкий журналист и политик, член Коммунистической партии Германии (с 1921г.) и Социалистической единой партии Германии. В составе КПГ А. Норден руководил комиссией, которая занималась проблемами расследования преступлений нацистов.

^{IV} Александр Корман (1926-2004) – польский экономист, публицист и общественный деятель. В годы войны служил разведчиком (скаутом) в Союзе польских харцеров (ZHP - Związek Harcerstwa Polskiego). А. Корман написал большое количество книг и статей, разоблачающих преступления украинских националистов совершенных против польского народа.

^V Ганс Крюгер (1909-1988) – член НСДАП с 1930 года. Крюгер начал партийную карьеру в Штурмовых отрядах (СА), затем продвинулся как эффективный сотрудник в администрации концентрационных лагерей. В годы войны организовал значительное

---

⁸Бандера С. Перспективи української революції. С. 3–5, 306.

количество карательных акций и других мероприятий. Длительное время избегал наказания, был подвергнут суду в 1962 году. За убийство 24 875 человек был приговорен к пожизненному заключению в 1968 г. В 1986 г. был выпущен на свободу.

^{VI} Евгэн Врэцэна (1905-1975) – украинский националист, член Украинской военной организации (УВО), член ОУН. Занимался развитием военно-тренировочных баз ОУН. В годы войны активный организатор УПА. В оккупированном Львове руководил городской полицией, провел несколько карательных операций против местного населения, особо известен уничтожением польских ученых. После 1945 года сотрудничал с ЦРУ. Умер в Швейцарии.

^{VII} Иван Клымив (1909-1942) – украинский националист, член ОУН. Занимал руководящие должности в организации, руководил красовой экзекутивной ОУН во Львове. Был министром политической координации в «правительстве» Я. Стэцька. Организовал еврейский погром в г. Золочев Львовской области, уничтожил около 1,5 тыс. евреев. В 1942 расстрелян нацистами за попытку организации антигерманского восстания.

^{VIII} Василь Сыдор (1910-1949) – член ОУН. В 1941-1942 гг. состоял в рядах батальона «Нахтигаль». В 1944-1949 руководил УПА-Запад. В 1949 году вместе с женой ликвидирован сотрудниками МГБ.

^{IX} Мырослав Кальба (1916-2013) – командир взвода в «Нахтигале», в дальнейшем боевик УПА. В 1949 году Кальба эмигрировал из ФРГ в США где сосредоточил вокруг себя значительное число фашистских преступников.

^X Операция «Болотная лихорадка» – карательная операция немецких войск на территории Белоруссии, которая проводилась с 25 августа по 20 сентября 1942 года на территории Брестской, Витебской и Минской областей с целью уничтожения партизанского отряда «Романа» под командованием Р. А. Дьякова и гражданского населения, которое находилось под его обороной. Партизанские отряды в ходе карательной операции были окружены фашистами. Однако они нашли проход на стыке окружавших их батальонов и сумели вырваться вместе с местными жителями из кольца блокады и выйти в район деревень Педань – Мстиж. Было уничтожено 49 партизанских лагерей, укрепленных точек и опорных пунктов, а также несколько населенных пунктов в заболоченной местности, служивших убежищем для партизан. Убито в бою 389 партизан, осуждено и расстреляно 1274 подозрительных лиц, казнено 8350 евреев, выселено 1217 человек.

^{XI} Карательная операция под кодовым названием "Треугольник" проводилась в сентябре – октябре 1942 года севернее железнодорожной линии Брест-Лунинец Брестского, Жабинковского, Кобринского и Малоритского районов Брестской области. 17 дней каратели бесчинствовали в деревнях Брестского, Дивинского, Жабинковского и Малоритского районов... Каратели в деревне Борисовка расстреляли 206 человек и сожгли 225 домов. В деревне Леплевка расстреляли 54 ребенка и воспитательницу Домачевского детского дома. В Каменке уничтожили 152 человека, в деревне Боровая Малоритского района - 96. В деревне Борки каратели в 4 часа утра согнали всех жителей и расстреляли 705 человек, в том числе 203 мужчины, 372 женщины и 130 детей, а деревню подожгли. 289 человек было расстреляно карателями в деревне Заболотье, подожжено 120 домов. 9 октября 1942 года немцы и полиция уничтожили 28 жителей деревни Зеленая Буда на территории Великоритского сельского совета Малоритского района, а 15 дворов сожгли. Всего за период с 6 сентября по 24 ноября 1942 года карателями было загублено в районе Бреста, Кобрина, Малориты и Пинска 24.837 советских граждан.

---

^{XII} Карательная операция «Котбус» проводилась крупными силами нацистов летом 1943 года в Минской области. В результате операции было уничтожено более 6 тыс. советских граждан, уничтожены десятки белорусских деревень, некоторые из них стерты с лица земли навсегда (Идалино, Слобода, Шуневка и др). Операция сопровождалась яростным сопротивлением партизан и была прекращена из-за острой нехватки немецких войск на фронте.

^{XIII} Чёт – подразделение в составе вооруженных формирований украинских националистов. Соответствует взводу или отдельному отряду.

ОБ «АКТЕ 30 ИЮНЯ 1941-ГО»

Суть «Акта 30 июня 1941-го»

Рассмотрим «Акт 30 июня 1941-го года» глазами его авторов и современников.

В Центральном государственном архиве высших органов государственной власти (ЦДАВО) Украины есть группа документов, которые непосредственно касаются этого события. Среди них есть и черновые варианты, где тексты правлены рукой самого Ярослава Стэцько, главного творца акции и руководителя «правительства», им же созданного. Эксперты доказали, что эти правки документов, а также рукопись под названием «Мое жизнеописание» несомненно принадлежат Я. Стэцько.

Как попали они сюда? Архивисты не могут ответить на этот вопрос, так как в документах не значится их происхождение. Тем более, что в архиве уже нет людей, которые помнили бы об их непосредственном поступлении. Однако, можно сказать с уверенностью, что эти документы – фрагменты архива гестапо в оккупированном гитлеровцами Львове, который не успели вывезти или уничтожить при бегстве из города и который попал в руки советских войск, а затем – специальных органов.

Среди этих документов есть такой, который необходимо привести полностью. Текст его исправлен и подписан рукой самого Стэцько и, как видно, предназначался для публикации в прессе в порядке информации о событии. Подобный текст был опубликован в начале июля 1941 г. в оккупационных газетках, в частности в Дрогобыче и Жолкове.

Документ называется: «Отчет с Национальных сборов украинцев, которые состоялись 30 июня 1941 г.» Приведем его без каких-либо сокращений и правок.

«30 июня состоялись в 8-ом часу вечера в залах материнского Товарищества «Просвита» во Львове большие сборы украинцев (западных областей Украинь») – зачеркнуто – В.М.), на которых празднично провозгласили восстановление Украинской государственности и созыв первого Краевого Правления (исправлено с большой буквы – В. М.) во главе с Ярославом Стэцько, Заместителем Руководителя (исправлено с большой буквы) Организации Украинских Националистов.

Сборы прошли в обстановке небывалого воодушевления.

Сборы открыл торжественно («торжественно» дописано – В. М.) речью Заместитель руководителя ОУН Ярослав Стэцько и передал привет от Проводника ОУН Стэпана Бандэры, призвал воздать почеть борцам, погибшим за свободу Украины, и зачитал праздничный акт провозглашения Украинской Государственности.

Все присутствующие бурей аплодисментов и со слезами радости приветствовали стоя эту великую историческую минуту и пропели потом Национальный Гимн.

Затем о. Др. Грыньох¹

долголетний душапастырь украинского студенчества, а теперь душапастырь Украинского Национального Легиона (исправлено с большой буквы и затем зачеркнуто слова «Стэпана Бандэры» – В. М.) выступил в сером военном мундире и передал привет от Команданта (исправлено с большой буквы – В. М.) легиона, сотника Романа Шухэвича и всех украинских солдат, которые присягали отдать Украине свою кровь и жизнь.

Следующим говорил делегат Краевого Провода Украинских Националистов, подчеркивая жертвенную борьбу всей великой подпольной армии ОУН, которая понесла бесконечные жертвы и борется дальше – однако уже ситуация позволяет, и она приступает к непосредственному государственному строительству.

Затем был зачитан первый декрет руководителя ОУН Стэпана Бандэры о созыве Краевого Правления Западных Облостей Украины с председателем Ярославом

Стэцько во главе – до создания (дописано рукой Стэцько: «По воле Украинского Народа». – В. М.) Центральных областей в Киеве.

Потом о. Митрат Слипый^{II} поприветствовал Сборы от имени Митрополита Андрия Шэптыцького^{III} и сказал, что Митрополит приветствует всем сердцем и всей душой этот великий исторический почин восстановления Украинской Государственности и призывает всех верующих и весь народ немедленно приняться за работу ради этого великого дела.

Все речи прошли под бурные аплодисменты и в обстановке наибольшего энтузиазма.

Сборы послали в качестве выражения чувств Украинской общественности – привет проводнику ОУН Стэпану Бандэре.

Привет Творцу и Вождю Великой Германии АДЛЬФУ ГИТЛЕРУ (выделено большими буквами – В. М.)

Привет Славной Немецкой, непобедимой Армии.

Привет Митрополиту Андрию, и

Привет всем героям за свободу Украины.

Заместитель руководителя ОУН и все присутствующие приветствовали в частности очень горячо и искренне присутствующих на сборах высоких офицеров немецкой армии (этот абзац зачеркнут. – В. М.). Представитель немецкой армии, бывший полковник (зачеркнуто «полковник» и дописано «офицер» – В. М.) УГА, Профессор Кох^{IV}, поприветствовал тоже всех присутствующих на сборах и призвал к работе и к как можно более тесному сотрудничеству с немецкой армией (Далее вычеркнуты слова: «великого вождя немецкого народа АДЛЬФА ГИТЛЕРА». – В. М.). Сборы закончены пением национального гимна (Дописано: «и „Не пора...“»^V – В. М.).

Далее рукой Стэцько дописано: «Проверил. С Украинских Национальных Сборов»^I. И подпись Стэцько. Итак, сборы закончились пением «Не пора, не пора...» и криками «Слава Украине!» и «Хайль!». «Это свидетельствовало о наших настоящих чувствах», – писала об этом сборище газета «Самостоятельная Украина» от 10 июня 1941 г. Правда, «Хайль!» звучало чаще, хотя в зале было только три немца.

Итак, на этих сборах присутствовало целых 60 (по сведениям одних авторов) или около 100 (по свидетельству других) человек. Тем не менее, немало историков в диаспоре и сегодня в Галиции называют их «великими», «народными», «национальными» сборами. Так их называл и сам Стэцько в книге воспоминаний «30 июня 1941» (Торонто – Нью-Йорк – Лондон, 1967).

---

^I ЦДАВО України, ф. 3833, оп.1, спр. 4.

Тому стою на становищі «вищення калі і допін-
ности перенести на Україну німецькі методи екстермінації жи-
дівства, *Вильям Д. до. Мінчич*

לכן אני זורע לביטחון את כוונתי
להשתמש באתר זה בשם הקדשים
ועל ידי הפחדת הידות כולל התגו-
לנות.

דער שולדיקער זאגל באשטראפט דערן

שהמלצר זיינען געווען די אידן פון דער הייליגער
הרשעה, אבער נאך שווערעכע צוויי דייטשען מיט
העלבער פיר האבן געקענט פארשפן די פיליאנען
קורבנות פון דעם בלוטליקן טעראר.
מיט אנגעריכערד באמיטט האט די געברענגט
פארשן די פיליזאפיע אבער האלטן פון איינפאנג
איז דער איינפאך געווען איינע אלטע ווייזע פון
די איינזיגע פון פירן פאלציי ברוקיינען און גאנץ
פאלצען און די פיליזאפיע פון דער אונטריינער טאג
איז אראפגעווארפן און די באוועגונגען זיי
פון געווען אקטיוו טילגעבער און די הייליגער זיי
בילדונגען אריינס?

דער קארטאטישער איסדוק, דער מערער ביים
נאשן פאסט און דער ערשטער ריי זים פונעם
פיליזאפיע פון דעם אקאדעמיע רעגירונג און לעת
בואת אראפאטן טעמפאל העלבער און פארטאנע
זענען פאר די גאנצן פון דער אקאדעמיע פאל
ביי און פון די פאסט דער אונטריינער אקאדע-
מיע איינפאסט אריי (שפע)

די העלבערענטליכע קהלת דואק'ו זער ענגעלעט
פונעם פיליזאפיע ווילסאן און קאמפאנע 1942 נעמט
אן און זיין זינדענדיג און אונזער שטיל 40
אלערענדערן טעמפאל און זייערע פרייטן
פערזענליכע צו שפיל א דאליע פון שטעלט מערער
טעמפאל און זיין ווייב, העלבער זייערע שטעלן און
זיינען פארן אריין אלבער דער אונטריינער און
באלדן די רופטעלע פון פאשיסטען לענדער.
ביז האנען העל פיר זאלן און דער איינפאסט
איז דער העל און נישט געווען ביים זייער זאגל
האט פארזיידען איר העלדיש זייערע ווייב
זייען זיין פיינדע ענטלע טעמפאל העל פון זייער
פון זשאבאלעניק און זענענעלדארן אראפגען און
קען אין דעם זעלבסטפרידענע פארשידן
'טאיר די הענטעל ביז צו פארשיינען און די זאלונג
פון צעווערענעס און טעמפאלען איז גלייכער
זען מיט דער הייליגער פון עטק-בייש און
ארץ ישראל.

יבוא האחראי על אונשו

נוראים היו שנת עלקטון של גאל, אולם גרוב
בית הקלה בה יגורלו לכוח את פלוג הקובנט
של שורד הערצים.
ביותר של כח לאן שער הדק הידן את הללאה
על גרונן של אייבסן, אולם האם אייבסן היה יודים
מי מוטעב פולד געזעב ברוקיינע און מקופ-
פלי איז יודע, שאזש הערענע האלפענט באקאמען,
במיוחד אנש הנגזר, לקח את העל בעמטה הד-
עם של האנאס?
הפרקטיקה העשפאל של הפסיכיסט לעשפאלס ירה
פנח זייס העשפאל לי ד העשפאל, כניו זה, נרם
כל מעלס לראש העשפאל האקראינית בבוב
לייטסק טעקע, האראא עובר פעלונעם של ה-
עלבי האקראינית הכנופיות האכנות בעם הכ-
בא המרד האקראיני (שפע)
קורבנות לבוב, אלענש, גרופול, טעלסק, רבי-
זסקיע, טוקל ואחרים קראים להעמיל ומה אמנו
אנחנו בכלל לא נשיים לב כיצד פשרתי
עולש-אובלדור, טעקע ודופים להם ארעו

די קורבנות פון העמברע זאלענען
זשאבאלע טעמפאלען בעלזא-וואו-זסקיע,
סעקאל און אנדערע רופן און זי באשאל-
פנען האט זשע טאן פיר זי פיר באיער-
קן איבערהעט נעמען זי דער העלענס
זייערע אבער לענדער און טעמפאל נאש
פון זייערע זייערע גלייבן האבן געזיידעט
א, איינפיינען פריידינגען דאס, הארשיינען
לען איר זייער זיל די באפירונג פון
אמאליק-טע-האנעלענע און ענדער
פון טיילאנע-טע פון דער פארטאנע-
עלעניא פאר זייערע פארברענענע זעלען
די העלבערענטליכע קהלת דואק'ו זער ענגעלעט
פונעם פיליזאפיע ווילסאן און קאמפאנע 1942 נעמט
אן און זיין זינדענדיג און אונזער שטיל 40
אלערענדערן טעמפאל און זייערע פרייטן
פערזענליכע צו שפיל א דאליע פון שטעלט מערער
טעמפאל און זיין ווייב, העלבער זייערע שטעלן און
זיינען פארן אריין אלבער דער אונטריינער און
באלדן די רופטעלע פון פאשיסטען לענדער.
ביז האנען העל פיר זאלן און דער איינפאסט
איז דער העל און נישט געווען ביים זייער זאגל
האט פארזיידען איר העלדיש זייערע ווייב
זייען זיין פיינדע ענטלע טעמפאל העל פון זייער
פון זשאבאלעניק און זענענעלדארן אראפגען און
קען אין דעם זעלבסטפרידענע פארשידן
'טאיר די הענטעל ביז צו פארשיינען און די זאלונג
פון צעווערענעס און טעמפאלען איז גלייכער
זען מיט דער הייליגער פון עטק-בייש און
ארץ ישראל.

תוך כדי והתחלית לשוק בתפקידי
של עסקנים פריינים טעקען אשון, אשר נבנית
זינם פונען, פיליזם בכל העולם ויבדלים
ביותר של היבא אונטן
די פיר אונטן נסבל באן אונטן את העללת
האנן? האנעם בין שכות היודים, אשר כבודה
בה פיהרה מינעם על מולדתם, ליצא אדם,
אשר עם שרופעלדור ורושעניקי היה מוען ל-
דור כדור פפרצוף שבע רצון זה.
היהה רחמן להבין שפעיהם של טעקען ואי-
כילנד הם חזרה על עסק-היבוש ישראל.
קבא אחיה הפנעה של טעקען אביבם ונעם
בזכותם שר קורבנות האחר של חזרתי אנש
בגדה גרה פונעם סלק השובר אנו.

4086/16
8 X 69

Провокационная листовка на иврите начинается цитатой из Стэцько (на украинском): «Потому стою на позиции уничтожения жидов и целесообразности перенести в Украину немецкие методы экстерминации^{VI} жидовства, *исключая их ассимиляцию (дописано от руки – прим. ред.)*».

Однако для контраста (плюрализм так плюрализм!) приведем впечатление от увиденного и услышанного на этих сборах доктора богословия, отца Гаврыла Костэльныка^{VII}:

«Согнано было людей, наверное, больше сотни – украинской интеллигенции. Говорю «согнано» потому, что это был первый день вступления немцев во Львов. В городе звучали выстрелы, издалека слышался гул орудий. Люди побавались выходить на улицу, а те, которые выходили, не отрывались далеко от дома. Среди присутствующих немало было греко-католических священников, собранных усилиями бандэровского капеллана отца Ивана Грыньоха. Представителем митрополита был коадьютор Иосиф Спийный, который вел себя тут едва ли не как протектор тех, кто создал это совещание. Оказалось, что это непростое совещание. Объявлено было, – ей богу, стыдно об этом

говорить теперь, – что все мы присутствующие являем собой «народные сборы», которые должны провозгласить утверждение украинского государства и утвердить «правительство», сформированное по указаниям Стэпана Бандэры каким-то Ярославом Стэцько.

«Народными сборами» это совещание было решено назвать не просто для авторитетности его, а для того, чтобы противопоставить это сборище тем Народным Сборам, которые были созданы во Львове в октябре 1939 г., на которых было провозглашено восстановление советской власти на западной Украине. Здесь присутствовали и представители немецкой власти на западной Украине. Слово взял глава «правительства» Ярослав Стэцько – плюгавенький человек, который, не умея держать себя на людях, дрожащим голосом зачитал акт провозглашения «государственной соборной самостоятельной Украины» и провозгласил, так сказать, декларативное заявление «правительства». Из того, что провозглашал и говорил этот плюгавый человек, который именовал себя главой «правительства», запомнились две особенности: это – непревзойденная лесть немецкому фюреру и его непобедимому воинству, и угрозы, страшные угрозы всем, кто проявляет непокорность «правительству» «украинского государства», которое, говорил Стэцько, «будет действовать в единстве с Великогерманией фюрера». «Политику мы будем делать без сантиментов», – пытаясь взять устрашающий тон, вполне серьёзно провозвестил плюгавый человек. Мы уничтожим всех, без исключения, кто будет вставать у нас на пути. Руководителями всех отраслей жизни будут украинцы и только украинцы, а не враги-чужаки – москали, поляки, евреи. Наша власть будет политической и военной диктатурой ОУН, диктатурой, для врагов страшной и неуломимой...» Вспоминая об этом, удивляешься, как мы, душпастыри греко-католической церкви, могли поддаться той силе сатанинской ненависти к советским людям, ко всем анакомыслящим, которую провозгласили на этом сборище дети наши, дети, которые были воспитаны и выпестованы нами...»

Что провозгласили бандэровцы 30 июня 1941-го года во Львове?

Сначала сошлемся на самого затейника акции – Ярослава Стэцько-«Карбовыча». В речи на «великих», «народных», «национальных» сборах он, оказывается, сказал такое: «... Германию, которая ведет войну против России, будем считать нашим союзником, если она признает наше право на государственную независимость, с существенными признаками суверенности. Поэтому создание национально-освободительной армии – закон минуты! Без армии нет государства!

Немецкую армию трактуем как гостей на нашей земле, и мы готовы на тесное сотрудничество с Германией против России, на базе равноправия и признания нашей государственности...»²

Трудно поверить, что бандэровцы вслух трактовали немецкую армию «как гостей», да еще и «на базе равноправия». Это Стэцько-«Карбовыч» написал уже позже. Текст речи, с которой выступал Стэцько на «великих сборах» 30 июня 1941 года во Львове, до сих пор не известен, его не предоставляют ни Стэцько, ни другие националистические авторы. Его, конечно, скрывают. Однако, мы можем верить отцу Гаврылу Костэльніку относительно тех угроз Стэцько, с которыми он обратился к противникам бандэровцев в своей речи. Ниже мы представим несколько документов, содержание которых отражает настроения бандэровцев того драматического периода.

---

² Стэцько Я. 30 червня 1941: проголошення відновлення державності України. Торонто – Нью-Йорк – Лондон, 1967. С 193–194.

Что же касается самого «решения № 1» – «Акта провозглашения (восстановления) Украинского Государства», то речь шла о том, что ОУН «волей украинского народа» (всё это, конечно, несусветное враньё, никто не спрашивал мнения народа, тем более бандэровцы, – В. М.) провозглашает (восстанавливает) Украинскую государственность. Дело в том, что Бандэра и его сообщники достаточно серьезно колебались: «провозглашать» или «восстанавливать» Украинское государство. В документе, который хранится в Киеве ЦДАВО Украины и именуется как «Акт провозглашения Украинского Государства», слово «провозглашали» зачеркнуто и тут же дописано слово «восстанавливали» рукой самого же Я. Стэцько, ибо подпись и правка в тексте вполне идентичны. Так «провозглашали» или «восстанавливали» украинскую государственность бандэровцы 30 июня 1941 года во Львове?

На этот вопрос ответить довольно трудно, потому что этот «великий государственный акт» предьявляется и представляется так, как хочется тому или иному интерпретатору. Известный политолог Иван Кэдрин (Рудницький) в статье «Почему я вспомнил об «Акте 30 июня»?» пишет о трех разных текстах этого документа, что, по его мнению, умаляет ценность «акта» «с точки зрения новейшей истории Украины».

Это чрезвычайно важно не только «с точки зрения новейшей истории Украины», но и элементарных международных правовых норм.

А главное, многочисленные националистические авторы, почти все без исключения, исключают из документа пункт «3». Исключает его и сам Я. Стэцько в своих «воспоминаниях», и К. Паньківський в книге «От государства к комитету», а тем более исключают его нынешние почитатели и интерпретаторы «Акта» – слишком уж он компрометирует его создателей и нынешних апологетов, разоблачает их политическую позицию и этику, а, главное, суть дела. Однако поборники украинского интегрального национализма не в силах всё это скрыть.

Вот он, пункт 3 «Акта 30 июня 1941 года»:

«Возобновлённое (в других вариантах – «вновь восстановленное» – В. М.) ***Украинское Государство будет тесно сотрудничать с Национал-Социалистической Великогерманией, которая под руководством Адольфа Гитлера создает новый порядок в Европе и мире и помогает украинскому народу освободиться из-под московской оккупации.***

Украинская Национально-Революционная Армия, создающаяся на украинской земле, будет бороться и далее совместно с союзной немецкой армией против московской оккупации за Суверенную Соборную Украинскую Державу и новый порядок во всем мире». (Выделено мной – В. М.)³.

Ох, как бояться огласки этого пункта и как его припрятывают прошлые и нынешние интегральные националисты в Галиции! Но разве спрашивали они тогда украинский народ его народное, национальное мнение? Не спрашивали, конечно. Хотел украинский народ *«тесного сотрудничества и совместных действий»* с фашистской Германией, чтобы *«под руководством Адольфа Гитлера»* освободиться *«из-под московской оккупации»*? Не хотел, разумеется. Да и возможно ли освободиться от одного тирана (Сталина) с помощью другого тирана (Гитлера)?

Именно с точки зрения выше поставленных вопросов интересна бандэровская «Декларация Правления Украинского Государства», изданная Я. Стэцько и его помощниками сразу же после совершения так называемого «Акта 30 июня». Приведем «декларацию» полностью:

---

³ ЦДАВО України, ф. 3833, оп. 1, спр. 5, арк. 3.

«ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВЛЕНИЯ УКРАИНСКОГО ГОСУДАРСТВА»

Волей украинского народа восстановлено и провозглашено Украинское Независимое Государство в освобожденном, в результате победы немецкой вооруженной силы, городе Львове.

Украинское Государство имеет свою тысячелетнюю традицию. Последней исторической формой Независимой Украинской Государственности было Украинское Государство в 1917–1920 гг., признанное правительствами Австрии, Германии и других центральных государств, которые заключили с Украинским Государством союз в мирном договоре в Бресте.

Формально существовало Украинское Государство – до сих пор в форме Союзной Украинской Республики. Однако фактически оно не было независимым и не имело в себе украинского содержания и не отвечало воле и желаниям украинского народа.

Сегодня украинский народ восстанавливает на руинах московской тюрьмы народов свою настоящую независимую государственность, связывая её с древней, тысячелетней традицией, а в частности, с межгосударственным актом, заключенным в Бресте в 1918 году.

Акт восстановления Украинской Государственности, провозглашенный 30 июня 1941 года во Львове на сборах Украинской общественности, происходит по воле всего украинского народа.

Непосредственным выразителем этого акта и всей нашей борьбы была и есть Организация Украинских Националистов под руководством Стэпана Бандэры. Она проводила во время польской и московско-большевистской оккупации революционную борьбу за освобождение украинского народа, построение Украинской Государственности на основах истинной независимости и суверенности и противопоставлении нереальной фикции Советско-Союзной Государственности.

Борьбу эту Украинский народ под руководством ОУН и ее вождя Стэпана Бандэры продолжает там, где сегодня еще стоит вражеская советская власть и ее войска. В этой борьбе ОУН понесла и несет бесконечные гекатомбы жертв.

И снова, там, где украинская территория уже освобождена в результате военных действий Славной немецкой Армии от вражеской оккупации, – **Организация Украинских Националистов приступила немедленно к перестройке всей жизни, основанной доселе на фикции советской государственности, которая была только формой порабощения – на основах истинной свободы и государственной суверенности Украины.**

В довершение этого великого исторического дела и во исполнение желаний и итогов долголетней борьбы всего украинского народа, в которой он положил бесконечное количество кровавых жертв, **новое Украинское Государство, основываясь на полной суверенности своей власти, добровольно становится в рамки нового порядка Европы, который творит вождь немецкой Армии и немецкого народа Адольф Гитлер.**

Мы имели возможность добиться акта восстановления нашей государственности именно благодаря победам Славной Немецкой Армии, которая под руководством своего великого вождя вышла на борьбу за этот новый порядок.

Исходя из этого положения, а также в связи с межгосударственным актом от 1918 г., с чувствами глубочайшей дружбы, которые всё украинское общество питает в отношении Немецкой Армии, а также из мировоззренческих и идеологических устоев Украинского Революционного национализма, **Новое Украинское Государство и его Власть – присоединяются к процессу строительства нового строя в Европе и во**

всем мире, за который начали борьбу наиболее передовые мужи и народы нашего времени, и заявляет о своей воле и готовности принять в этой борьбе как можно более активное участие.

Мы с самого начала боремся и проливаем кровь в борьбе против марксистско-московского чудовища, потому что судьба судила нам быть выдвинутыми на передовой фронт на востоке Европы. И поэтому мы с большой радостью приветствовали факт вступления в эту борьбу также других народов и государств, которые таким образом пришли к нам с наибольшей помощью.

Итак, будем с ними дальше идти и дальше бороться. Теперь нашим первым стремлением будет как можно скорее создать украинскую Вооруженную Силу, чтобы Она разгрузила немецкую армию и немедленно последовала в бой за новый и окончательный развал московской тюрьмы народов.

Одновременно будем стараться сконцентрировать наибольшие усилия в этом направлении, чтобы освобожденные территории как можно скорее организовать, вернуть спокойствие, согласие и порядок, устранить последствия военных действий, а в частности привести в действие и как можно выше поднять хозяйственную жизнь. **Тем самым создадим здоровые и сильные основы нашей Государственной Независимости и одновременно будем в состоянии дать независимую экономическую помощь Немецкой Армии.** Слава Украине! Героям слава!»⁴ (Здесь и выше выделено мной – В.М.). Комментарии излишни.

Что происходило после провозглашения «Акта»?

Эйфория из-за «Акта 30 июня 1941-го» длилась всего несколько дней. Первого июля 1941 г., на следующий день после провозглашения «акта», в городе появились объявления и листовки. Функционеры ОУН-бандэровцев спешно разъехались в населенные пункты Галиции искать поддержку и одобрение народа. Проведенные ими «приветственные сборы» с «праздничными» арками в отдельных селах и городках, на которых, конечно, отдавалось предпочтение восхвалению «победоносной немецкой армии и её фюреру», беспартийно объявлялись «народным плебисцитом». Однако, оккупационная пресса, которая начала издаваться теми же националистами с разрешения немецких оккупационных властей и в угоду им, категорически замалчивала «Акт 30 июня». Даже газеты, которые подчинялись непосредственно ОУН-бандэровцам, сообщали о «великих», «народных» и «национальных» сборах во Львове достаточно сдержанно, или умалчивали о них. Зато на полосах газет на все лады приветствовались и превозносились гитлеровцы.

Тон всей этой буффонаде, а затем молчанию, задало послание митрополита Андрия Шэптыцького от 1 июля 1941 г., первоначально опубликованное в «Украинских ежедневных вестях», а затем перепечатанное во всех оккупационных газетках. Здесь митрополит почтительно приветствовал «Акт 30 июня» и восхвалял акцию гитлеровской оккупации. Приведем это послание полностью:

«По Воле Всемогущего и Всемилостивого Бога в Троице Единого началась Новая Эпоха в жизни Державной Соборной Самостийной Украины.

Народные Сборы, состоявшиеся вчерашнего дня, подтвердили и провозгласили это историческое событие.

---

⁴ ЦДАВО України, ф. 4620, оп. 3, спр. 378, арк. 41–42.

Сообщая Тебе, Украинский Народ, о таком внятии нашим просительным мольбам, призываю Тебя к проявлению благодарности Всевышнему, верности Его церкви и послушанию Власти.

Военные времена потребуют еще многих жертв, но дело, начатое во имя Божье и с Божьей благодатью, будет доведено до успешного конца.

Жертвы, которые конечно потребуются для достижения нашей цели, будут заключаться прежде всего в послушном следовании справедливым Божьим законам, противным рассказам Власти.

Украинский Народ должен показать в этот исторический час, что имеет достаточно чувства авторитета, солидарности и жизненной силы, чтобы заслужить среди народов Европы такое положение, в котором мог бы развить все Богом ему данные силы.

Покаянием, солидарностью, совестливым исполнением обязанностей докажите, что Вы дозрели к Государственной Жизни.

Победоносную Немецкую Армию приветствуем как освободительницу от врага. Установленной власти отдаем должное послушание. Признаем Председателем Краевого Правления Западных Областей Украины Господина Ярослава Стэцько.

От призванного им к жизни правительства ожидаем мудрого справедливого правления и тех начинаний, которые устремлялись бы на потребности и добро всех населяющих Наш Край граждан, невзирая на то, к какому вероисповеданию, народности и общественному слою принадлежат. Бог да даст всем нашим Вождям святую Мудрость с Неба.

Дано во Львове при Арх. Храме Св. Юра I. VII. 1941

Это восхваление войны, «начатой во имя Божие» (подумайте, какой цинизм!) получило продолжение (правда, уже без упоминания «Акта 30 июня») в «пастырском слове», изданном митрополитом Шэптыцькым 5 июля 1941 г.: *«По Воле Всемогущего и Всемилостивого Бога начинается новая эпоха нашей Родины. Победоносную немецкую армию, которая заняла уже почти целый край, приветствуем с радостью и благодарностью за освобождение от врага... Чтобы поблагодарить Всевышнего за всё, что дал и попросить подобных милостей на будущее, каждый пастырь отслужит в ближайшее воскресенье по получении этого призыва благодарственное Богослужение и по песне «Тэбэ Бога хвалым...» произнесет многая лета победоносной немецкой Армии и Украинскому народу ...»*

Таким образом, нападение гитлеровской Германии на Советский Союз глава греко-католической церкви назвал «делом во имя Божие»! Развивая мысль митрополита в его «пастырских посланиях», пастыри вполне категорически утверждали, что *«Гитлер – Божий вождь, и война – это есть война Божья. Здесь бьется не человек, а Бог в человеке, рука Божья идет вперед и побивает врага»*.

Несмотря на весь этот «триумфальный» шум, всё же и клерикальные круги, и оккупационная националистическая пресса, и националистические функционеры на местах говорили и писали о «Акт 30 июня» довольно сдержанно и неуравновешенно. Что же произошло?

Дело в том, что гитлеровцам бандэровские затеи отнюдь не понравились и расценивались ими однозначно как коварное самоуправство, проявление крайнего экстремизма и непослушания, непростительное хулиганство карманных политиканов. Такого гитлеровцы не позволяли никому и не прощали никому. Непослушание бандэровцев сильно рассердило нацистов, которые отнюдь не желали иметь каких-то (хотя и примитивных) политических конкурентов в своем триумфальном «походе на Восток».

Поэтому уже 1 июля 1941 г. главу «правительства» Ярослава Стэцько предупредили немедленно свернуть эту затею и «завязать» с ней. «Правительство» бандэровцев, по сути, просуществовало неполную неделю, если только можно его деятельность назвать «правлением». Как писал в своих воспоминаниях Я. Стэцько, «5 июля 1941 г. состоялось совещание в главной квартире Гитлера по делу нашего правительства и государственности в присутствии Кейтеля, Риббентропа, Гиммлера, Канариса. На совещании Гитлер, несмотря на предостережение Канариса, через несколько минут решил, что «украинские националисты – это фанатичные борцы и идей украинской государственности нельзя пренебрегать», а, обращаясь к Гиммлеру, сказал: «*Parteigenosse Himmler, machen Sie Ordnung mit dieser Bande!*» («партайгеноссе Гиммлер, наведите порядок с этой бандой!»).⁵

Стэцько далее замечал, что его «министр иностранных дел», то есть В. Стахив, узнал об этой команде Гитлера от министерского советника, который, мол, протоколировал разговор на этом совещании. Но такие «замечания» господина «премьера» являются, конечно, сомнительными. По крайней мере, до сих пор не существует документальных свидетельств о содержании такого разговора в штаб-квартире Гитлера.

Тогда же, 5 июля 1941 г. был арестован в Кракове Стэпан Бандэра. По словам Я. Стэцько, на него был «наложен почетный арештеренгафт». Напрасно Стэцько 3 и 4 июля посылал верноподданные письма-поздравления Адольфу Гитлеру, Герману Герингу, Иоахиму Риббентропу, Бенито Муссолини, даже фюреру испанских фашистов Франциско Франко и главарю хорватских усташей Анте Павеличу с признанием искренней верности идеям фашизма и с надеждой получить поддержку бандэровской затеи. 7 июля пришлось также писать на имя И. Риббентропа, министра иностранных дел имперской Германии, «оправдательное заявление». Но ничего не помогло. Гитлеровцы требовали немедленно прекратить самоинициативу «националистического энтузиазма» и отказаться от учинённой акции.

Девятого июля в четвёртом часу дня «премьера» Стэцько арестовало гестапо. Ему откровенно сказали, что всё это делается «по поручению Райхсрегирунга» (то есть имперского правительства) и что он немедленно должен прибыть в Берлин. Стэцько отвезли в дом львовского гестапо. «*На ужин гестапо принесло... какао с хлебом*», – отметил свергнутый «премьер». ⁶ Дальше путь Стэцько лежал в Краков, «столицу» генерал-губернаторства, а затем в Берлин, к полковнику Абвера Э. Штольце ^{viii}. Пятнадцатого июля его вместе с Бандэрой освободили «с запрещением покидать Берлин и с обязанностью отмечаться в полиции», – уточнял Я. Стэцько. Здесь, как видим, всё случилось без аффектов и стрессов.

После разгона «правительства» Я. Стэцько, С. Бандэра и другим функционерам ОУН часто приходилось оправдываться, каяться, писать разные объяснения – «Эрклерунги», «коммуникаты», «меморандумы» или просто верноподданнические заявления.

Так, в «коммуникате», датированном 4 августа 1941 г., бандэровцы уверяли гитлеровцев: «...*Украинское Государственное Правление призывает весь украинский народ вести дальнейшую стойкую безоглядную борьбу, всякими средствами, всегда и везде, против Москвы и большевизма. Украинское Государственное Правление призывает одновременно Украинский Народ помогать везде Немецкой Армии разбивать Москву и большевизм.*»⁷

⁵ Стэцько Я. 30 червня 1941. Торонто – Нью-Йорк – Лондон, 1967. С 265.

⁶ Там же, С 267.

⁷ ЦДАВО України, ф. 3833, оп. 1, спр. 6, арк 3.

Еще в первом «меморандуме», составленном С. Бандэрой, О. Гасыным, И. Габрусэвичем и В. Стахивым и датированном 23-м июня 1941 г., бандэровцы достаточно настойчиво уверяли немецкие власти, что уже создано немало оснований для многостороннего политического взаимопонимания между украинскими воинствующими националистами и гитлеровской Германией для «большого сотрудничества». В «Меморандуме» всячески доказывалось, что *«новый порядок в Европе совершенно невозможно строить без Украины»* (то есть украинских националистов – бандэровцев). Здесь же авторы откровенно намекали, что еще в 1938 г. возникли в Европе два государства-сателлита гитлеровской Германии – Словакия фашистов Тисо-Глинки и Хорватия усташей Анте Павелича, и что, по сравнению с этим, «украинская проблема намного важнее...»⁸

Однако наибольшее усердие бандэровцы выказали в «меморандуме», посланном в Берлин 14 августа 1941 г. Этот документ достаточно развернуто представляет принципы сотрудничества украинских националистов с гитлеровской Германией в трех измерениях – в прошлом, настоящем и будущем. Представим основные позиции документа.

Определение прошлых условий сотрудничества изложено в разделе «Прежнее сотрудничество ОУН с Германией». Здесь, в частности, указывается:

«Украинская военная организация (УВО), а затем ее преемница – Организация украинских националистов (ОУН) под руководством немецкого рейха, направлена против Польши и Москвы. Эти организации надеялись, что немецкий рейх будет способствовать становлению независимого соборного украинского государства. Внешнеполитическая концепция ОУН основывалась на союзе Украины с Германией...»

*ОУН осознавала тот факт, что в общей борьбе Украины и Германии за новые порядки в Восточной Европе Украине придется платить ценой большой крови. Как известно, украинские повстанцы, организованные ОУН на Западной Украине, также причастны к быстрому наступательному маршу немецкой армии»*⁹. (Имеется в виду участие оуновцев в нападениях на отступающие советские подразделения в первые дни войны – В. М.).

Далее авторы «меморандума» убеждают гитлеровцев в том, что в Восточной Европе в противостоянии против России необходимо независимое Украинское государство: «Украина станет посредником между Германией, как ведущей силой перестройки (то есть создания «нового порядка» в гитлеровском варианте – В. М.) и другими народами прежней московской империи...»

В разделе «Основы украинско-германской дружбы» указано:

«Доказательством дружественного к Германии отношения ОУН является не только многолетнее украинско-немецкое сотрудничество... Украинское государство должно поддерживать тесные взаимоотношения с Германией, чтобы обеспечить свои западные границы и одновременно быть в постоянной готовности к борьбе с Москвой.»

...ОУН заинтересована в сотрудничестве с Германией не из оппортунистических соображений, а с учетом сущности такого сотрудничества для блага Украины... ОУН надеется, что в рамках немецкой политической системы могут осуществлять свои идеалы спонтанно и свободно...» (выделено мной – В. М.).

В разделе «ОУН за дальнейшее сотрудничество с Германией» бандэровцы, несмотря на «ликвидацию и укрощение созданного во Львове украинского

---

⁸ Див.: Українська соціально політична думка в 20 столітті. Документи і матеріали // Сучасність, 1983. Т. 3. С 26–34.

⁹ Там же. С 36.

государственного правительства», уверяют гитлеровцев в том, что «выступают за дальнейшее тесное сотрудничество с Германией».

«Для ООН сотрудничество с Германией не было делом пустых слов; сотрудничество осуществлялось годами с большими и тяжёлыми жертвами. ООН сама повела борьбу за государственную независимость Украины на путь сотрудничества с Германией; за это она сама несёт полную ответственность перед украинской историей. ООН и в дальнейшем будет стараться работать на восстановление Украинского государства путем сотрудничества с Германией ...

...ООН не намерена допустить того, чтобы место руководящего революционного и государствообразующего фактора, которое она сейчас занимает в украинской политической жизни, оказалось в руках антинемецких сил... ...ООН защищает свою концепцию освобождения Украины и восстановления Украинского государства в сотрудничестве с Германией, в откровенном и искреннем сотрудничестве, которое должно закаляться не только во времена мира, но и во время войны...»¹⁰

И в завершение в «меморандуме» уже в который раз повторяется: «Германия должна быть заинтересована в том, чтобы сотрудничать с идейными, динамичными украинскими силами, которые пошли на это сотрудничество по идейным, политическим и патриотическим причинам».¹¹

Вполне понятно, что этот «меморандум» совершенно ясно определяет политическую позицию ООН-бандэровцев во время войны.

Ярославу Стэцько как непосредственному автору «Акта 30 июня» и созданного им «правительства» приходилось оправдываться перед гитлеровцами больше всех. Он часто писал в Берлин разные так называемые «эрклерунги». Это были, конечно, не «заявления», а «объяснения», хоть на немецком языке «эрклерунг» означает и то, и другое. В одном из них, где сверху размашистыми буквами было написано «Jaroslaw Stecjo», он писал: «Я заявляю открыто и искренне, что я всегда рассматривал и рассматриваю немецкий рейх как друга Украины».¹²

Особенно интересен с этой же точки зрения документ «Мое жизнеописание». Это не просто автобиография, которая обычно добавлялась к служебным документам, а целый биографический трактат, исповедь и оправдание «Акта 30 июня» перед гитлеровцами. В архивном деле их целых два: на немецком и украинском языках. Там и здесь проведена правка рукой самого Стэцько. В документе особо впечатляет то, что хоть автор и пишет, что «изучал право и философию во Львове, а короткое время в Кракове», а затем в ООН был «идеологически-политическим лэйтером (руководителем)» и «политлэйтером и редактором», текст выглядит примитивно-убого. Кажется, что это «жизнеописание» писал малограмотный человек с примитивными литературными познаниями.

Сначала Стэцько кратко излагает свои биографические данные – от гимназических лет до времени написания данного «жизнеописания». Автобиограф старается выделить моменты своего «революционного» бытия с намерением понравиться читателям-гитлеровцам. Например: «...Отсидел более двух месяцев в тюрьме в связи с покушением на советского консула во Львове...»¹³. Здесь, конечно, имеется в виду убийство не консула СССР во Львове, а секретаря советского консульства А. Майлова в октябре 1933 г.

---

¹⁰ Там же. С 37, 39, 40.

¹¹ Там же. С. 41.

¹² ЦДАВО України, ф. 2822, оп. 3, спр. 7, арк. 166.

¹³ ЦДАВО України, ф. 3833, оп. 3, спр. 7, арк. 1.

«В июне 1934 года был вновь заключен в тюрьму накануне убийства министра Перацкого... осужден на 5 лет строгой тюрьмы, как политлайтер и редактор в КЭ (Краевой экзекутиве – В. М.) ОУН. На основе амнистии, объявленной под напором публичного украинского общественного мнения, отбывал я, как и осужденные тогда друзья, только два с половиной года тюрьмы». (Имеется в виду убийство оуновскими террористами министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого летом 1934 г. в Варшаве – В. М.).

«После выхода из тюрьмы в декабре 1936 года исполнял я фактически обязанности краевого руководителя ОУН до августа 1937 года. В августе по приказу сл. п. Вождя Евгэна Коновальца выехал я в Германию, в Вену, где занялся политической и программной подготовкой II конгресса ОУН...

...С лета 1939 года находился я в Италии, в Генуе и Риме, занимаясь там же внешне-политической деятельностью, издавая националистические пресс-релизы на итальянском языке и налаживая сотрудничество с итальянскими деятелями. Кроме того редактировал идеологически-политический орган «Идея и действие». В августе 1940 г. приехал в Германию, где... отработывал политическую проблематику ОУН...

...На II сборе я по поручению руководителя ОУН занял пост заместителя руководителя и стал шефом штаба Провода ОУН, ведя одновременно политическую референтуру провода... (Имеется в виду II сбор ОУН-бандэровцев в апреле 1941 года, где Стэцько стал первым заместителем Бандэры.)

...Когда немецкие войска вошли во Львов, я прибыл туда, где, как изложил в отдельном письме под заголовком «Эрклерунг» от 15 июля 1941 г., провозгласил восстановление Украинского Государства и возглавил по поручению вождя Стэпана Бандэры правительство во Львове ...

...Правительство приступило к практической работе, организуя хозяйство, администрацию, милицию и т. д., стремясь к тому, чтобы наладить как можно более тесное сотрудничество с немецкими военными деятелями и сделать его возможным и помочь с любой точки зрения...

...За правительством стоит всё украинское общество под руководством Митрополита и епископов обоих вероисповеданий. Митрополит Шэптыцькый издал пастырское письмо, в котором признал Правительство и призвал общество к подчинению ему».¹⁴

Далее Стэцько жаловался:

«8.7.1941 около девяти часов вечера у улицы Войциха, 9 (ныне улица Довбуша – В. М.), был совершен атентат на меня, на автомобиль, в котором я ехал, неизвестным лицом, причем был ранен водитель. Как подтвердили соответствующие немецкие деятели в связи с появлением польских противонемецких и противоукраинских листовок, наиболее правдоподобно, что атентат был делом рук польских кругов, за что соответствующие немецкие ителле (службы – В. М.) обещали принять надлежащие репрессивные меры в отношении поляков... »

Во второй и третьей частях «жизнеописания» Стэцько достаточно определенно и откровенно раскрывает свое мировоззрение и политические намерения. Здесь он, в частности, отмечает:

Я был соавтором «идеологии и программы Организации (т.е. ОУН-бандэровцев – В. М.). Они в целом враждебны марксизму, демократии и всяким кляссократыческим идеологиям и программам. В политической плоскости стою на позиции монопартийного

---

¹⁴ Там же. Арк. 2–4.

и авторитарного устройства Украины; в социальной плоскости – национального солидаризма, который стоит близко к национал-социалистической (то есть нацистской – В. М.) программе, но отличается особенностями украинской земли ...

...Москва и жидовство – это самые большие враги Украины и носители разлагающих большевистских интернациональных идей...

...Стою на позиции уничтожения жидов и целесообразности перенесения на Украину немецких методов экстерминации (уничтожения – В. М.) жидовства... (и тут же дописано рукой Стэцько: «исключить их ассимиляцию и т. д.»);

...Я считаю, что в нынешней мировой войне решается на долгие времена судьба Украины, и осознаю, что только благодаря победе Германии является возможным восстановление Суверенного и Соборного Украинского государства...

...Историческая судьба и геополитическая действительность определили путь Украины... (Здесь же дописано: «и Германии»). – В. М.)

...Хозяйственная структура Украины тоже диктует ей сотрудничество с Германией. Понимая то, что мы побеждаем или падаем вместе с Германией, которая сейчас, как и украинский народ, проливает кровь за общее дело на широких степях Украины, стоим на позиции полной, какая только будет необходима Германии, хозяйственной поддержки всеми возможными мерами со стороны Украины, потому что здесь речь идет о совместном успехе, или неудаче. Тем более, что мы понимаем, что огромные жертвы, которые несет немецкая армия в борьбе с Москвой, должны найти рэконтрату (возврат, компенсацию – В. М.) для немецкого народа. Суверенное Соборное Украинское государство эту рэконтрату даст и просто обязано дать ... »¹⁵

...Здесь Стэцько и ставит, как он выражается, «итанд-пункт» в своем «жизнеописании».

Каким был «Акт 30 июня 1941-го»?

Вопрос этот сложен не по своей сути, а потому, что на него было и есть много противоречивых, а зачастую полярно противоположных, ответов. Мы же не ставим задачу выражать свою точку зрения, свою позицию трактовать событие или явление в своем мировоззренческом видении. Мы, прежде всего, ставим задачу отвечать документально, как говорят, первоисточниками, или свидетельствами непосредственных участников, современников событий и явлений, со-инициаторов происходивших процессов. Вторых, привлечь к ответам многих авторов – историков, политологов, литераторов, которые аналогично или противоречиво трактуют взгляды и действия творцов этих событий, процессов и явлений. Полагаю, что читатели на основе предыдущих материалов уже составили свое мнение об «Акте 30 июня 1941-го».

Однако, обратимся еще к достаточно своеобразной характеристике и оценке «Акта 30 июня», представленной Иваном Кэдрным (Рудныцьким) в его статье «Почему я вспомнил об «Акте 30 июня»?», напечатанной в зарубежной газете «Новый путь» в декабре 1982 года.

Иван Кэдрин (псевдоним Ивана Рудныцького. 1896-1995). Известный в 20-30-е годы в Галиции и долгое время в среде украинской эмиграции журналист и политический деятель, литератор и политолог. В 20-30-х годах был соредактором газеты «Дело», органа партии Украинское национально-демократическое объединение (УНДО), которая в националистическом движении Западной Украины (особенно Галиции) стояла на

---

¹⁵ Там же. Арк. 5–6.

левоцентристских позициях. Эту позицию занимал и Иван Кэдрин, который не изменил ее и в послевоенные, уже эмигрантские, годы жизни.

И. Кэдрин, характеризуя и оценивая «Акт 30 июня 1941-го», не отбрасывает его категорически, не воспринимает его абсолютно, как это делали и делают его создатели, последователи и апологеты, а дает своеобразную оценку. Прежде всего, он отмечал двойственность этого события, его политическую двугранность: оно было «событием положительным», потому что «показало живучесть идеи украинской государственности», а одновременно в нем «есть серьезные идеи».¹⁶

Мы уже указывали на то, что «Акт» имел три разных и довольно противоречивых текста. Этот факт Кэдрин называет «досадным моментом» всего «Акта 30 июня». И вот почему: «...напрашивается сравнение со всеми другими... актами государственного самоопределения Украины: ни в одном из них не было апеллирования к какой бы то ни было чужестранной вооруженной силе, с которой украинская вооруженная сила может сотрудничать и «создавать новый порядок». Сотрудничество с центральными государствами (т.е. с кайзеровской Германией и цесарской Австро-Венгрией – В. М.) после Брестского мира опиралось, собственно, на тот мирный договор от 9 февраля 1918 года, где делегация Украинской Центральной Рады была признана в качестве равноправного контрагента делегаций 4-х государств – Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции. И сотрудничество действующей армии УНР (Украинской Народной Республики – В. М.) с польским войском опиралось на Варшавскую конвенцию от 21 апреля 1920 года: в обоих случаях Украина вела переговоры с позиции слабости, а не силы, и поэтому оба эти договора были для Украины невыгодны, но они всё же свидетельствовали о том, что Украина была тогда субъектом, а не объектом международной политики. «Акт 30 июня» не только был провозглашен с позиции слабости, но и не имел никаких признаков того, что он репрезентовал украинского контрагента против контрагента немецкого – ибо первого не существовало в реальной действительности, а существовал он разве что в затеях и комбинациях авторов Акта. **И если понятие государства складывается из территории, власти и народа, то какими компонентами орудовали авторы Акта 30 июня, которые «создавали» украинское государство?!**»¹⁷ (Выделено мной – В. М.). Согласимся, что здесь резонно сказано, что авторы «акта» не имели ни территории, ни власти, ни народа, да и элементарных полномочий на такую акцию.

И. Кэдрин указывает и на следующий «досадный момент»: «Акт провозглашения» был подготовлен и выполнен конспиративно одной партией ...». Здесь еще надо обязательно добавить: и без элементарного согласия украинского народа Галиции, а тем более всей Украины!

«Досадным моментом» являются и фальсификации вокруг «пастырского письма» митрополита Андрия Шэптыцького от 1 июля 1941 г., в котором благословляется «Акт 30 июня». Кэдрин в статье указывает на то, что он сам лично разговаривал по этому поводу с самим митрополитом, и что бандэровцы, по сути, обманули митрополита, указав на согласование акции с немецкими властями и другими партиями «украинского» (то есть националистического) направления.

И под конец автор замечает:

«Нечего прославлять «Акт 30 июня» как будто с него начиналась история Украины, как будто перед этим была пустота, как будто только «Акт 30 июня»

---

¹⁶ Цит. за: Матеріали до позиції визвольної боротьби українського народу 1941–1953. Мюнхен, 1993. С 163.

¹⁷ Там же. С. 164.

засвидетельствовал существование украинских патриотов-государственников. Но нечего и осуждать этот Акт и отказывать ему в каком-либо значении и какой-либо ценности. Это всё же было проявлением государственнического патриотизма. – Почему не идти посреди дороги, почему не излагать в истории Украины всё то, что положительно, придерживаясь одновременно священного принципа, что каждый имеет право выражать свои субъективные взгляды. Сторонники, единомышленники и величальщики «Акта 30 июня» стащили его с пьедестала, накручивая его так, как им нравится, изменяя текст, приписывая одному этому событию, которое произошло 30 июня 1941 г. во Львове, эпохальное, переломное историческое значение, которого событие это не имело и не имеет». ¹⁸

Такова позиция И. Кэдрьна в отношении «Акта 30 июня». В ней, конечно, есть много субъективного, но и много такого, что поможет читателю узнать суть этого события.

Как оценивают «Акт 30 июня 1941-го» сами его создатели?

Обратимся, прежде всего, снова к книге воспоминаний Я. Стэцько, которая так и называется «30 июня 1941». Представим читателям несколько характерных оговорок ее автора.

Но сначала обратим внимание на «Вступительное слово» к книге, написанное создателем украинского интегрального национализма Дмытром Донцовым, где он определяет «суть Акта 30 июня» как «бескомпромиссное провозглашение своей Правды» и называет этот акт «волей «рыцарей абсурда». Здесь, разумеется, «рыцари абсурда» определяются Донцовым похвально, как герои Украины.

В начале книжки Я. Стэцько «принципиально» возмущается, что его и всех националистов называют фашистами, а он же, выходит, делал только *«попытку завязать отношения с немецким государством как возможной вспомогательной силой в нашей борьбе против России»* ¹⁹ (выделено мной – В. М.). Как видите, читатель, «рыцарь абсурда» называет гитлеровскую Германию «вспомогательной силой»! Значит, Стэцько считал, что главной силой в борьбе против Советского Союза были они, воинствующие украинские националисты.

И далее:

«Наши оппоненты очень нечестно осуждают наши методы борьбы на Украине, мол, ОУН деморализовала молодежь, заслушивалась произведениями и видениями Донцова, который ее разлагал, но как раз от той же ОУН и ожидали эти оппортунисты в то страшное время совета, защиты, решения. Итак, наша мораль и идеология Донцова, по-видимому, всё-таки давали нам героическую мощь, выносливость и решимость стоять на смерть за великое дело!..», ²⁰ – патетически заявлял Стэцько.

Сегодня почитатели «Акта 30-го июня 1941-го» представляют акцию бандэровцев как «самовольную», «самостоятельную», «совершенную» и «героическую». Стэцько же отмечает, что той акции активно способствовали «деятели» гитлеровской Германии:

«У Стэпана Бандэры состоялся организованный полк. Р. Ярм разговор с адмиралом Канарисом, которому он очень четко и ясно представил украинские позиции, найдя полное понимание, с точки зрения немецкой логики адмирала, который обещал свою поддержку украинской политической концепции. Считая, что немецкая победа над Россией является возможной только при её оказании, адмирал отмечал, что перемена

---

¹⁸ Там же. С 165.

¹⁹ Стэцько Я. 30 червня 1941. С 21.

²⁰ Там же. С 144.

может произойти, когда вследствие военных неудач решающие деятели убедятся, что другого выхода нет».²¹

И далее Стэцко продолжает ту же линию:

«Характерно, что все немецкие круги имели генеральную инструкцию – вероятно Геббельса или Риббентропа или Розенберга – временно не отрицать украинских требований, но применять тактику проволок. Только этим можно оправдать стереотипный аргумент, который до момента падения Киева повторяли и проф. Кох, и проф. Байер^X и другие, дескать, дело государственности будет рассмотрено фюрером только после взятия Киева, очевидно, после этого появился новый обманый аргумент: после победного завершения войны!... Дискуссии с «министеряль диригентом» д-ром Бройтигамом^X, «министеряль директором» д-ром Лейбрандом, высокими чиновниками в министерстве Розенберга (министерства «восточных территорий», оккупированных гитлеровской Германией, которое возглавлял А. Розенберг – В. М.), которые не разделяли политики Гитлера и стояли на наших позициях, не имели влияния на ход событий, хотя нам было необходимо все дальнейшие попытки делать в этом направлении ... Суггестии (предложения, подсказки – пер.) с различных немецких сторон были разные.

Из того или иного министерства появлялись предложения создавать краевую Раду (Ляндрат), или – совещательную Раду (Байрат) при немецком Рейхскомиссариате, или при правительстве ГГ (генерал-губернаторства в оккупированной Польше – В. М.), сменив УДП (Украинское государственное правление, провозглашенное Стэцко 30 июня 1941 г. во Львове – В. М.) на такую колаборантскую немецкую пристройку и т. п. Все эти суггестии, зондажи приходили с разных сторон с различными интенциями (намерениями – пер.). Геббельс хотел реализовать свою концепцию «колаборантских правительств», чтобы ответственность перед народами за немецкую политику геноцида разделяли и свои Гречухи ... (то есть свои квислингвцы – предатели – В. М.)»²².

И далее Стэцко декларирует несколько бодрее:

«Наша линия была ясна. Мы знали, чего хотим. Всякие суррогаты мы отвергали. Розенберг имел свой план на переходный период, который мы тоже отвергали, но и Гитлер его также отверг. Розенберг рассматривал два варианта: а) словацкий и хорватский, б) в переходное время Германия сама осуществляет права суверенитета на захваченных территориях, а только потом переходит к какой-либо словацкой или хорватской формуле. Розенберг решил на второй вариант, будучи убежден, что немцы без помощи порабощенных выиграют войну на Востоке...»

Все эти выкрутасы и манипуляции Стэцко, очевидно, вытворял для оправдания перед своими же сообщниками и с целью самой обычной демагогии. По этому поводу историк в диаспоре Феликс Кордуба^{X1} достаточно справедливо подметил в статье «Der Generalplan «OST»²³: «К сожалению, среди наших политических деятелей не нашлось ни одного человека, который бы обоснованно обратил внимание на назревающую угрозу для украинского народа от III рейха. Главное внимание – на большевизм и других оккупантов украинских земель и каждый раз со всё большим «союзно-концептуальным» ориентированием на национал-социализм, как главную антибольшевистского силу в Западной Европе...»

В этом упреке бывшего вояки 14-й гренадирен дивизион СС «Галициен» Феликса Кордубы есть определенный резон.

---

²¹ Там же. С 164.

²² Там же. С 164–165, 273.

²³ Ж. «Український історик». Нью-Йорк – Торонто – Мюнхен, 1981. № 1–4. С. 155.

---

^I Иван Грындох (1907-1994) – клерикал Украинской греко-католической церкви, украинский националист, член ОУН(б), активный участник дипломатической деятельности украинских националистов в годы Второй мировой войны и в послевоенные годы. Служил капелланом в батальоне «Нахтигаль». До самой смерти занимался антисоветской деятельностью. Умер в ФРГ. Похоронен на территории США.

^{II} Митрополит Йосиф Слипый (1892-1984) – украинский националист, клерикал, епископ Украинской греко-католической церкви (УГКЦ), с 1944 года – митрополит Галицкий и Архиепископ Львовский. В 1945 году арестован советской властью, до 1963 года пребывал в лагерях. В 1963 году был выслан в Ватикан. Вплоть до смерти занимался антисоветской деятельностью, поддержкой нацистских преступников в США и Канаде (Пластунская организация «Волчья тропа» и др.), религиозной пропагандой.

^{III} Андрий Шэптыцький (1865-1944) – предстоятель УГКЦ в 1900-1944 гг., Митрополит Галицкий. Был причастен к формированию дивизии СС «Галиция». Во время войны занимал противоречивую позицию, оказывая поддержку националистам и одновременно выступая против политики немцев на востоке. Публично осуждал геноцид евреев и даже прятал их большие группы в своих резиденциях. В 1944 году приветствовал советскую власть и Красную Армию как армию освободителей. Симпатизировал ОУН(м) и выступал против раскола организации. Скончался своей смертью в ноябре 1944 года. Похоронен во Львове в Соборе святого Юра.

^{IV} Ганс Кох (1894-1959) – немецкий разведчик, член НСДАП, родился и вырос во Львове. В годы Первой мировой войны воевал в рядах австро-венгерской армии, затем в годы гражданской войны как полковник УГА (Украинской Галицкой армии) против советской власти. В 1921 году был отпущен из красноармейского плена после обещания не воевать против советского народа. В годы войны курировал связи немецкой разведки с ОУН. После войны возглавил Институт Восточной Европы в ФРГ. Занимался поддержкой нацистских преступников, публикацией украинской националистической литературы, её локализацией в Европе. В 1958 посетил Москву как советник К. Аденауэра.

^V «И не пора…» – песня на стихи, приписываемые раннему творчеству Ивана Франко (ок. 1880 г.). Буквальный перевод первого куплета: Не пора, не пора, не пора москалю и ляху служить: Пришел конец старой кривде, нам пора для Украины жить.

^{VI} От лат. Exterminatio – тотальное уничтожение, истребление.

^{VII} Гаврыло Костэльнык (1886-1948) – украинский клерикал УГКЦ, находился в разработке НКВД как противовес Андрию Шептицькому. Был сторонником присоединения УГКЦ к Русской православной церкви. Убит в 1948 году террористом ОУН, либо ликвидирован агентом НКВД.

^{VIII} Эрвин Штольце (1891-1952) – полковник Абвера, участник двух мировых войн. Штольце руководил агентурной сетью состоящей из бывших белогвардейцев и украинских националистов. Ему подчинялись Бандэра, Мэльнык и др. На Нюрнберском процессе давал показания о преступлениях украинских националистов. Расстрелян по

приговору в 1952.

^{IX} Рихард Баер (1911-1963) – штурмбаннфюрер СС, комендант концлагерей Освенцим и Миттельбау. В 1945 году скрылся от преследования. До 1960 года работал лесником в бывшем имении Отто Бисмарка. Задержан в 1960 году, скончался в следственном изоляторе от сердечного приступа.

^X Отто Бройтигам (1895-1992) – немецкий дипломат, член НСДАП. В 1941 году работал в Министерстве Восточных территорий.

^{XI} Феликс Корбуда (1908-1987) – украинский националист, руководитель Тернопольской экзекутивы ОУН, сидел в польских тюрьмах в межвоенный период за террористическую деятельность. Боевик дивизии СС «Галиция». После войны скрылся в ФРГ, где занимался антисоветской деятельностью (издавал журналы, покрывал нацистских преступников и пр.)

БАНДЭРОВСКАЯ ОУН В ГОДЫ ВОЙНЫ

Какие цели ставили бандэровцы?

На этот вопрос мы уже в значительной степени ответили в предыдущих материалах. Правильнее сказать так: на этот вопрос уже частично ответили документально сами функционеры (Бандэра, Стэцько и др.) ОУН-бандэровцев. Однако для полной ясности приведем несколько программных официальных документов этой организации накануне и во время Великой Отечественной войны.

В декабре 1940 г. ОУН-бандэровцев издала «Манифест Организации Украинских националистов под руководством Стэпана Бандэры». Весь этот документ заполнен сплошными националистическими лозунгами и примитивной пропагандистской демагогией. Приведем лишь несколько положений из этого документа.

*«Разваливая навсегда ужасную тюрьму народов – Московскую империю – создаем новый справедливый порядок и закладываем основы нового политического уклада мира ...»*¹ (Здесь и ниже выделено мной – В. М.)

Эти намерения о «новом порядке» и «новом политическом укладе», как видим, вполне соответствовали нацистскому «новому порядку» в Европе и мире.

И далее: *«Несем новый порядок Восточной Европе и подмосковной Азии...»*

Итак, в «Манифесте» бандэровцы безоговорочно декларировали то, что они идут в фарватере той политики, которую провозгласили и воплощали в жизнь Гитлер и нацисты.

В специальной инструкции «Программные документы ОУН Бандэры», датированной апрелем 1941 г., специально выделены «политические постановления». Приведем некоторые из них:

«...ОУН борется за Украинское Суверенное Соборное государство, за освобождение поработенных Москвой народов Восточной Европы и Азии, за **новый справедливый порядок** на руинах Московской империи СССР...»²

3. ОУН становится во главе тех украинских революционных течений и сотрудничает с теми революционными движениями поработенных Москвой народов и с теми государствами, которые стремятся к полному развалу СССР. ОУН считает союзниками Украины все государства, политические группировки и силы, заинтересованные в развале СССР и в создании ни от кого независимого Украинского Суверенного Соборного Государства...»²

Если в предыдущих документах ставились общие, даже абстрактные лозунги и такие же планы, то уже в мае 1941 г. ОУН-бандэровцев издала новую инструкцию под названием «Политические указания ОУН Бандэры», где в несколько закамуфлированной, но достаточно определенной форме говорится: *«... Собственной борьбой, строительством собственного государства собственными силами и по собственной инициативе завоевать себе роль субъекта и партнера, участника войны и соавтора нового строя на руинах Московской империи. Отвергаем роль наблюдателя и пассивно-выжидательную позицию в отношении событий, которые будут происходить на украинской земле, а в частности, в отношении войны других государств против Москвы и их деятельности...»*³

---

¹ Цит. за: *Косик В.* Україна і Німеччина у Другій світовій війні. Париж – Нью-Йорк – Львів, 1993. С 491.

² Там же. С. 497.

³ Там же. С 500.

На основании выше изложенного можно судить о том, что бандэровцам еще накануне войны стало достоверно известно о войне гитлеровской Германии против Советского Союза, к которой они также так интенсивно готовились. Однако, они не хотели, как видим, быть обычными наблюдателями (созерцателями) событий, а стремились занять роль «субъекта и партнера» в этой войне «против Москвы». Но чьим «партнером» и чьим «соавтором нового строя» они мечтали и хотели так незамедлительно стать? Вполне понятно «чьим!» Гитлеровской Германии!

Далее в той же инструкции сказано:

«...Государства, которые ведут борьбу с Москвой и не относятся враждебно к Украине, трактуем как естественных союзников...» (выделено в документе – В. М.).

В Центральном государственном архиве высших органов государственной власти Украины есть документ, который как бы дополняет вышеприведенные положения. Он называется «Борьба и деятельность ОУН во время войны». Этот документ – достаточно некачественный отпечаток с машинописной формы, однако отдельные места читаются четко. В нем выделены, в частности, такие установки: «Политические указания», «Акции на ЗУЗ» (Западно-Украинских землях – В. М.), «Указания на первые дни организации государственной жизни» и другие.

Здесь, в частности, указано: *«Когда советармия расштана, режим ослабляется, КА (Красная Армия – В. М.) не способна при наглом наскоке изнутри оказывать длительное сопротивление – ОУН начинает вооруженную борьбу, вооруженные поставки, ТОТАЛЬНУЮ (выделено большими буквами – В. М.) борьбу. Это значит: ОУН выходит явно и славно на арену жизни. Начинается взрыв Украинской Революции»*.⁴

И далее:

«Борьба должна быть твердая, упорная, безоглядная и беспощадная. Героическая, альказарская (альказары – защитники городов-крепостей во времена средневековья – В. М.) ...

...На ЗУЗ может быть только пресса националистического содержания, как и вообще издательская деятельность: то же самое касается всех других средств пропаганды (радио, театр, фильм и т. д.), а равно, публичные собрания, где могли бы распространяться националистические идеи и призывы, запрещаются...¹

Воспитание молодежи вообще и воспитание ее руководителей должны безраздельно принадлежать ОУН...»⁵

В разделе «Политика в отношении меньшинств (то есть: национальная – В. М.)» указано:

«Национальные меньшинства делятся на а) дружественные нам, то есть члены доселе порабощенных народов, и б) враждебные нам – москальи, поляки, жидаы... **Истреблять в борьбе, в частности тех, которые будут защищать режим: переселение на их земли, уничтожать главным образом интеллигенцию, которую нельзя допускать ни к каким правительствам, и вообще исключить возможность продуцирования интеллигенции... Польских крестьян ассимилировать... Предводителей уничтожать... Ассимиляция жидов исключается...**»

В пункте «Общие замечания» предписано:

«а) Наша власть должна быть страшной для её противников. Террор для чужаков-врагов и своих-предателей – творческая свобода, дыхание новых идей украинца-

⁴ ЦДАВО України, ф. 3833, оп. 2, спр. 1, арк. 17.

⁵ Там же. Арк. 17, 38.

обладателя собственной земли должны в каждом действии, на каждом его шагу пробиваться...»⁶ (Здесь и выше выделено мной – В. М.).

Отвечая на вопрос, какую цель ставила ОУН во время минувшей войны, следует тут же представить основную суть двух «меморандумов», которые провозгласила ОУН-бандэровцев в начале вторжения гитлеровцев на территорию Советского Союза.

Первый «меморандум» был передан немецкому правительству 23 июня 1941 г., то есть на второй день войны. Его составляла комиссия, в которую входили Стэпан Бандэра, Олэкса Гасын, Иван Габрусэвич и Володымыр (Стахив)^{II}.

В ряде националистических изданий этот «меморандум» датируется 15 июня 1941 г., следовательно, бандэровцам было достоверно известно не только о подготовке гитлеровской Германии к войне против Советского Союза, но и о точной дате ее начала.

Сначала в «меморандуме» бандэровцы старательно доказывали, что есть немало веских оснований «для понимания» «между Украиной (точнее, между украинскими националистами – В. М.) и Германией» для «большого сотрудничества».

Выдвигая такой «дипломатический» тезис, бандэровцы глубоко ошибались, потому что гитлеровцы никак не допускали украинских националистов к «сотрудничеству» и «партнерству» в войне против Советского Союза, хорошо зная ничтожество их потенциальных сил и политических влияний в «восточной политике». Они видели в них лишь третьестепенных слуг, обычных пособников в выполнении тех или иных тактических задач.

Претендуя на «партнерство» (на роль «подлежашего», как они выражались) в «борьбе против большевизма», бандэровцы убеждали гитлеровцев:

«Этот меморандум... базируется на убеждении, что весь этот комплекс вопросов важен по своим весомым последствиям не только для Украины, но и для Немецкого Рейха...»⁷

Далее бандэровцы старались доказать, что «без независимого Украинского государства новый порядок в Европе невымыслим...»

Чего добивалась ОУН-бандэровцев в этом «послании»? Прежде всего, образования (конечно, с помощью гитлеровской Германии и под ее свастикой) «независимого» украинского государства, в котором они бы господствовали. Все это, просили они, должно состояться в начале военной кампании: *«Даже если при вступлении на Украину немецкие войска сначала будут само собой разумеется встречать как освободителей, такое отношение может быстро измениться, если Германия вступит на Украину без намерения восстановить Украинское Государство и использования соответствующих лозунгов...»⁸*

Для вящей обоснованности убеждения здесь даже изложен такой тезис:

«Ныне европейский континент находится под влиянием двух империалистических концепций: концепции немецкого имперского мышления, которое направлено на установление новых порядков в Европе, и концепции русского империализма, базирующейся на мировой Революции».

Бандэровцы хорошо понимали, что «Германия планирует включить Украину в систему европейского континента главным образом по экономическим причинам», а потому просили дать им и определенную экономическую «самостоятельность».

---

⁶ Там же. Арк 39.

⁷ Див.: Українська суспільно-політична думка в 20 столітті. Т. 3. С. 36.

⁸ Там же. С. 27.

Все эти наивные писания завершаются так: *«...Интересы обоих народов требуют естественного союза, немецко-украинские взаимоотношения должны быть построены на настоящей дружбе».*

А кто будет «гарантом» такой дружбы? – спрашивали бандэровцы. И тут же отвечали: «Независимые украинские вооруженные силы, которые соответствовали бы духу Украины, будут гарантом немецко-украинского союза и смогут ослабить давление России на Европу».

И в заключение авторы «меморандума» делают «хитрый» намек: в 1938 году в Европе, дескать, возникли два новых государства (Словакия и Хорватия) не без помощи, конечно, гитлеровской Германии. Однако, не указывая на разницу между ними и Украиной, [они считали, что – прим. пер] украинская проблема *«гораздо важнее»*, потому что *«имеет межконтинентальное значение».*

Суть этого послания бандэровцев достаточно четко определена: помогите создать независимую Украину, господа нацисты, а мы будем служить вам верой и правдой!

Совершенно иной характер носит «меморандум» ОУН-бандэровцев к немецкому правительству, датированный 14 августа 1941 г. Если предыдущий – это сплошные просьбы и мольбы, то этот – сплошное оправдание «нашкодивших хлопчиков». Здесь и оправдание за самовольный «Акт 30-го июня 1941-го», и угодливость перед своим барином, и искреннее покаяние с клятвой верности ему». «Меморандум» этот довольно большой по размеру и разделен на соответствующие подразделы.

В разделе «Предшествующее сотрудничество ОУН с Германией» бандэровцы искренне и откровенно констатируют:

«Украинская военная организация (УВО), а затем ее преемница, Организация украинских националистов (ОУН) под руководством Евгэна Коновальца, с самого начала существования начала сотрудничество с немецким рейхом, направленное против Польши и Москвы. Эти организации надеялись, что немецкий рейх будет способствовать возникновению независимого соборного украинского государства. Внешнеполитическая концепция ОУН основывалась на союзе Украины (то есть украинских воинствующих националистов – В. М.) с Германией ... » (Здесь и ниже выделено мной – В. М.).

И далее:

«...ОУН осознавала тот факт, что в совместной борьбе Украины (то есть украинских националистов – В. М.) и Германии за новые порядки в Восточной Европе Украине придется платить ценой большой крови. Как известно, украинские повстанцы, организованные ОУН на Западной Украине, также поспособствовали быстрому наступательному маршу немецкой армии».

Бандэровцы здесь намекают на то, что в военной кампании во время германопольской войны осенью 1939 г. и летом 1941 г. в наступлении гитлеровской армии против Советского Союза они принимали непосредственное участие на стороне немцев.

В подразделе «ОУН и перестройка Восточной Европы» бандэровцы пытались доказать гитлеровцам необходимость создания украинского государства, которое «станет посредником между Германией» и «другими государствами». А для этого, мол, нужны *«украинские вооруженные силы»*, которые *«будут бороться при немецкой стороне».*

В разделе «Основы украинско-немецкой дружбы» авторы «меморандума» продолжают твердить о планах на *«многолетнее украинско-немецкое сотрудничество»*, которые заслуживают того, чтобы гитлеровская Германия не только поверила в них, но и опиралась на украинские националистические силы, которые «искренне признают

немецкую ведущую роль в Европе». Мало того, эти силы хотят «*публично участвовать в европейской борьбе против большевизма... с оружием в руках*».

В разделе «Акт 30 июня 1941 года и украинско-немецкое сотрудничество» бандэровцы пытались убедить гитлеровцев в том, что сам «Акт 30 июня» отвечает интересам Германии, поскольку служит развитию гитлеровского «нового порядка» в Европе. Оправдываясь за самоуправство в провозглашении «акта», авторы уверяют, что для них «существовали определенные инспирации, раз они так поступили»... Именно накануне взрыва войны, – утверждали они, – упомянутые немецкие учреждения (авторы здесь их не называют. Речь тут идет, разумеется, об Абвере и некоторых военных кругах, с которыми ОУН имела деятельные отношения – В. М.) заявили, что решение украинской проблемы зависит от развития событий на Украине. Именно накануне взрыва (немецко-советской) войны председатель политического отдела ОУН, нынешний глава украинского государственного правительства Ярослав Стэцько пытался с помощью представителя ОУН в Берлине устроить переговоры с внешнеполитическим отделом НСДА-партии⁹. Темой переговоров должен был быть вопрос Украины. Эта попытка осталась безуспешной, а ОУН оставалась без возможности согласовать свою тактику и политическую линию с компетентными политическими учреждениями Германии...»⁹

Как ни жаловались бандэровцы, но нужно было искать новые варианты для прислужничества. Поэтому в разделе «ОУН за дальнейшее сотрудничество с Германией» они упрямо и упорно повторяли: «*ОУН ратует за дальнейшее тесное сотрудничество с Германией*»; «*ОУН и в дальнейшем будет пытаться работать на устроение Украинского государства путем сотрудничества с Германией*» (там же). И, наконец, такой вариант: «*ОУН не намерена допустить того, чтобы украинская история осудила ее сотрудничество с Германией, чтобы место руководителя революции и создателя государства, которое она сейчас занимает в украинской политической жизни, оказалось в руках новых антинемецких кругов*».¹⁰

И тут же такое дополнение:

«ОУН защищает свою освободительную концепцию, для осуществления которой она жертвовала многими друзьями. Таким образом, ОУН защищает свою концепцию освобождения Украины и восстановления Украинского государства в сотрудничестве с Германией, в открытом и искреннем сотрудничестве, которое должно закаляться не только во времена мира, но и во время войны...».

На эти слезливые «меморандумы» гитлеровцы, как известно, даже не ответили.

Что известно об «арестах» бандэровцев?

Здесь нужно, прежде всего, заметить, что отвечать на эти довольно деликатные вопросы чрезвычайно трудно. И только потому, что здесь и до сих пор роится множество темных обстоятельств, которые и сегодня до конца не выяснены. С одной стороны, их не хотят выяснять историографы ОУН-УПА из чисто политических соображений, а с другой – их специально затегают по тем же политическим соображениям. При этом сами «аресты» и пребывание проводников ОУН-бандэровцев в концлагере смерти Заксенхаузен также покрыты туманом многих парадоксов.

Хорошо известно, чем закончилась бандэровская затея с «Актом 30 июня».

9 июля 1941 г. во Львове был арестован гестапо «премьер» Я. Стэцько. Его и еще нескольких подручных отправили в Берлин по распоряжению Абвера-2 к полковнику

---

⁹ Там же. С 40.

¹⁰ Там же. С 43.

Э. Штольце. 10 июля из Кракова в Берлин был доставлен и С. Бандэра. Оба руководителя находились в состоянии «почетного ареста», как называл его сам Стэцько, и вскоре, 15 июля, их освободили без права покидать Берлин.

Во время этого «почетного ареста» и после него начались многочисленные «встречи» Бандэры и Стэцько с гитлеровскими военными, партайгеноссе или просто чиновниками аппарата многих ведомств, где проводники украинского интегрального национализма вымаливали поддержку, не уставали убеждать своих оппонентов в том, что Германия «никогда не победит Москву без помощи Украины» (то есть украинских воинствующих националистов). В то же время Бандэра и Стэцько непрерывно писали различные послания – «эрклерунги», объяснения, просительные депеши под видом «коммуникатов», «деклараций» и «меморандумов» на имя Гитлера, Риббентропа, Розенберга и других фюреров нацистской Германии, постоянно оправдываясь и прося содействия и поддержки.

По этому поводу приведем отрывок из исследования историка из диаспоры И. Камэнэцкого, который уважительно замечал: *«Надежды на создание государства после победы курсировали среди различных кругов украинского общества (точнее, среди украинских воинствующих и невоинствующих националистов – В. М.), особенно в западных украинских землях. Одним из проявлений таких надежд и было письмо Стэпана Бандэры к Гитлеру от 3 августа 1941 г.»*¹¹ Автор в том же номере журнала приложил к тексту это бандэровское письмо, отметив, что Бандэра убежденно верил в содействие Гитлера процессу формирования Украинского «самостоятельного» государства. Мало того, в данном письме Бандэра выражал свою глубокую верность и фюреру, и немецкой армии, которая «освобождает» Украину от московской оккупации, «от Москвы» (как он выражался) – постоянного врага украинских воинствующих националистов.

Помимо этого Бандэра обратился с подобным письмом и к Рейхсминистру оккупированных восточных областей Альфреду Розенбергу, в котором выражал готовность и дальше сотрудничать с нацистским режимом, несмотря на разгон гестаповцами правительства Я. Стэцько. Это письмо заканчивалось словами: *«Я глубоко убежден в том, что Ваша экселенция примет во внимание наше обращение в деле сотрудничества с немецкими властями. Остаюсь с выражением глубокого уважения. Стэпан Бандэра, руководитель Организации украинских националистов».*

Во время этих многочисленных «встреч» гитлеровцы оказывали постоянное давление на Бандэру и Стэцько и требовали немедленного отречения от «Акта 30 июня». Руководители ОУН, понятно, согласились на это. Да и могли ли они не согласиться? В документе, специально подготовленном по этому случаю, они ярко описали свои длительные отношения с гитлеровским Абвером, военными и политическими представителями гитлеровской Германии, подчеркивая, что свою концепцию создания «суверенной и соборной» Украины «основывают исключительно» на военном успехе и помощи фашистской Германии. Мало того, они активно пропагандировали и укореняли в сознание части украинцев, особенно галичан, идеологию фашизма, заявляя, что *«идеологическая общность будет способствовать политической общности».*

В то же время они упорно убеждали гитлеровцев, что только ОУН-бандэровцев является на Украине той единственной силой, на которую могут опираться немцы.

Эти покаяния отнюдь не убедили гитлеровцев. Немецкие фашисты испытывали в то время буйную эйфорию побед на Восточном фронте, а потому, конечно, не нуждались в плаксивых предостережениях случайных политиканов, а тем более в их надоевших

---

¹¹ Ж. «Український історик». Нью-Йорк – Торонто – Мюнхен, 1988. № 1–4.

замечаниях и поучениях. Это их только еще больше раздражало. И поэтому 15 сентября 1941 г. Бандэра, Стэцько, Лэнкавський, Рэбэт^{IV}, Стахив и другие бандэровцы были арестованы во второй раз. Ганс Франк, нацистский руководитель так называемого «генерал-губернаторства» в оккупированной Польше, в который входил и «дистрикт» (область) «Галиция», записал в то время в дневнике: «*Расстреляно 15 бандэровцев, 500 арестованы*». Против всех, кто упрямо пытался проводить «собственную политику», или критиковал гитлеровскую, гестапо применило репрессии, потому что не хотело терпеть на захваченных территориях всяких, даже примитивных, политических конкурентов. Тех же, кто впадал в нервозность и истерику, расстреливали. Однако, немало бандэровцев, наравне с мэльниковцами и другими группировками националистов, находилось в оккупационных административных учреждениях, в полиции и гестапо, в службе безопасности (СД), где те же гестапо и СД их, как бы, не замечали. Всё же ОУН-бандэровцев на некоторое время оказалась в немилости у гитлеровцев. Здесь как раз и начинаются те парадоксы, которыми так насыщены взаимоотношения ОУН-бандэровцев с гитлеровцами. Как их объяснить?

Однако, как бы то ни было, но в начале 1942 г. Бандэру, Стэцько и еще более 300 бандэровцев гестапо перевело из-под «домашнего ареста», из тюрем в концентрационный лагерь Заксенхаузен, что неподалеку от Берлина.

Справка о концентрационном лагере смерти Заксенхаузен.

Заксенхаузен принадлежал к числу ведущих лагерей нацистской Германии, а потому о нем имеется достаточно много достоверных свидетельств. У нас также есть важная потребность сказать об этом незаурядном концлагере.

В июле 1936 г. в тридцати километрах севернее Берлина, вблизи дачного городка Заксенхаузен началось строительство очередного и большого концентрационного лагеря. Его соорудили узники (в основном коммунисты и социалисты, с которыми нацизм расправлялся, и которыми тюрьмы были переполнены) под строгим наблюдением ээсовцев. Строительство длилось годами, и лагерь превратился в огромную фабрику смерти. Основная его часть была отгорожена от окружающего мира трехметровой каменной стеной с массивными железными воротами, где красовалась иезуитская надпись – «Труд делает человека свободным». Здесь действительно работали, но труд этот был смертоносный.

Кроме основной части лагеря в окрестностях Заксенхаузена, где находилось много промышленных объектов военного назначения, располагалось еще 53 филиала концлагеря, где работали команды заключенных, которые тут же изолировались в специальных бараках.

Однако, чтобы представить сущность такой адской среды, как Заксенхаузен, нужно предоставить следующую информацию.

По-человечески это трудно вообразить, но в довоенное и военное время нацисты создали в Германии 55 стационарных концентрационных лагерей и других мест массового уничтожения людей, 1082 их филиала, 7205 так называемых «трудовых» лагерей, 371 лагерь для беженцев, 2071 тюрьму, другие места заключения (в основном при центрах гестапо и службы безопасности (СД), 506 гетто для евреев, 80 лагерей для работников «Организации Тодта», куда свозились люди со всей Европы для принудительных работ. Всего же, включая многочисленные полевые (пересыльные) лагеря для военнопленных, находившиеся под открытым небом, нацисты создали в Германии и в оккупированной Европе 14033 лагеря смерти. Целая империя смерти!

Однако в этой империи смерть «на организованной основе», «на конвейере» существовала только в стационарных концлагерях. Здесь работали усовершенствованные устройства и механизмы, машины и крематории, которые организованно, по заданной «программе», планоно, с немецкой пунктуальностью и педантичностью производили смерть. Среди таких «классных» фабрик смерти был и Заксенхаузен.

Приказом рейхсминистра и рейхсфюрера СС Г. Гиммлера от января 1941 г. все стационарные концлагеря были распределены на три категории, в зависимости от возможностей режима в них.

Для лучшей ориентации приведем несколько примеров. Так, концлагеря в Дахау, Заксенхаузене и Освенциме-1 принадлежали к первой категории и предназначались для узников за «незначительные преступления» и престарелых людей. Концлагеря в Бухенвальде и Освенциме-2 принадлежали ко второй категории и предназначались «для опасных преступников». Концлагерь «Маутхаузен» предназначался для «особо опасных преступников» без надежды на «исправление».

Сегодня хорошо известно, что в эту ужасающую «империю смерти» согнали 18 миллионов человек из 30 стран Европы и мира, 11 000 000 из них были ликвидированы в крематориях, расстреляны или погибли от голода, болезней и непосильного труда.

Концлагерь в Заксенхаузене только на бумаге Гиммлера числился в категории, предназначенной для «незначительных преступников» и стариков. Через его ворота прошло более 200 000 узников из 27 стран, половина из них так и не вернулась. Особенно жестоко обращались эсэсовцы с советскими военнопленными, которых доставляли сюда из полевых (пересыльных) лагерей полуживыми дистрофиками, которых уже невозможно было использовать для рабского труда, а потому их немедленно расстреливали и сжигали в крематории. Известно, что здесь погибло более 20 000 советских военнопленных – русских, украинцев, белорусов, грузин и представителей других народов СССР.

Система «конвейера смерти» в Заксенхаузене была ужасающей. Основная часть узников предназначалась для рабского труда и истреблялась путем физического и морально-психологического истощения. Все остальные узники предназначались для нескольких крематориев-стационаров и четырех душегубок на колесах.

В лагере проводились медицинские эксперименты над больными узниками, испытывались и совершенствовались палаческие пытки, орудия и методы массового истребления людей, которые затем распространялись, как эстафета смертоносного опыта, на другие концентрационные лагеря.

В мае 1945 г. оставшиеся узники концентрационного лагеря Заксенхаузен были освобождены Красной Армией. Это были люди-призраки, большинство которых не могло держаться на ногах.

Пробывание бандэровцев в Заксенхаузене.

Бандэра, Стэцько и другие бандэровцы сидели отдельно в бункере «Целленбау» («Камерный дом»), предназначенном «только для избранных». Наряду с бандэровцами в бункере «Целленбау» находились важные лица, свезённые со всей оккупированной гитлеровцами Европы. Это были люди разных убеждений и рангов: и политические деятели, и военные, и известные ученые, и преследуемые нацистами священники, и богачи со всей Европы в статусе заложников. В частности, среди них были: бывший канцлер Германии Ганс Лютер, вожь немецких коммунистов Эрнст Тельман, бывшие премьеры Франции Леон Блюм, Фриц Тиссен, Поль Рейно, Эдуард Даладьё, бывший канцлер Австрийской Республики Курт Шушниц, сын маршала Италии Пьетро Бадольо, сын Сталина Яков Джугашвили, двоюродный брат Молотова Василий Короткий, главный

комендант Армии Крайовой Польши генерал Стефан Ровецкий, руководитель Румынской «Железной гвардии» Хориа Сима, настоятель немецкой церкви евангелистов пастор Мартин Немоллер, адъютант маршала Пилсудского капитан Кунцевич, министр обороны довоенной Латвии генерал Дамбитис, министр иностранных дел Франции Рибо, исполнитель неудачного покушения на Гитлера в 1939 г. Георг Эльзер и еще много-много известных лиц, а также члены немецких, французских, голландских, итальянских, австрийских и других аристократических семей. Все они, конечно, находились в разных условиях, подавляющее большинство из них получали помощь от организаций Международного Красного Креста своих стран или от своих собственных семей.

Вот в такой многоликой и разноцветной среде и находились Бандэра, Стэцько, Лэнкавський, Рэбэт, Стахив, Габрусэвич, Ильницький, Гнатківська-Лэбэдь^V и другие бандэровцы. В частности, С. Бандэра сидел в номере 73 бункера «Целленбау» почти рядом с руководителем польской АК генералом С. Ровецким («Гротом») под номером 71 в относительно комфортабельных апартаментах, которые обеспечивали службы Международного Красного Креста. В подобных условиях находились и другие бандэровцы. Им разрешалось передвигаться по лагерю, встречаться между собой, они получали продовольственные посылки и деньги от родственников и ОУН-бандэровцев. Нередко они покидали лагерь с целью контактов с «конспиративными» ОУН-УПА, а также с замком Фринденталь (в 200 метрах от бункера «Целленбау»), в котором находилась школа агентурно-диверсионных кадров той же ОУН-бандэровцев. Чудеса: в Заксенхаузене гитлеровцы держат под замком более 300 кадровиков ОУН-б во главе с Бандэрой, а рядом, в замке Фринденталь, те же гитлеровцы готовят новые кадры для ОУН-б! «Это был один из парадоксов в отношениях между оуновцами и гитлеровцами», – справедливо заметил польский историк и публицист Эдвард Прус в книге «Heros: spód znaku tryzubu» (Варшава, 1985). Инструктором в этой школе был недавний офицер специаль-батальона Абвера «Нахтигаль» Ю. Лопатыньский^{VI}, через которого и осуществлял С. Бандэра связь с ОУН-УПА.

Интересный факт приводит биограф Бандэры Пэтро Мирчук в книге «Стэпан Бандэра – символ революционной бескомпромиссности». Ссылаясь на известного националистического деятеля Д. Андриевського, автор приводит цитату из его книги «Наше заключение»: *«Бандэра сразу отнесся ко мне по-товарищески (дело в том, что Д. Андриевський был сторонником председателя провода ОУН-м О. Мэлынька – В.М.). Он спрашивал о моем здоровье, получаю ли я посылки, достаточно ли мне еды и хватает ли денег. Предлагал мне свою помощь и однажды вынес на проход и пытался всунуть в руку кусок масла».*¹² Этот факт, как видим, говорит сам за себя и не нуждается в комментариях.

Несколько характерных штрихов о концентрационном лагере Заксенхаузен и, в частности, о бункере «Целленбау» приводил в своей книге воспоминаний «Армия без государства» атаман «Бульба»-Боровець, которого также прикрыли здесь гестаповцы 1 декабря 1943 г. *«Саксенгавээн, – писал он, – это было отдельное царство эсэсов в царстве Гитлера. Там, в лесу, построен целый город с собственными бараками, бункерами, большими строениями, военными фабриками, госпиталями, крематориями и газовыми камерами. Там были большие бараки для специально изолированных групп узников, и даже домики для разных высокопоставленных лиц из среды немцев и других наций Европы. Нас поместили в одном из отдельных бункерных барачков, имевшем*

---

¹² Мирчук П. Степан Бандера – символ революційної бескомпромісовості. Нью-Йорк – Торонто, 1961. С. 91–92.

официальное название «Целленбау». Я попал в камеру "77"». ¹³ Далее «Тарас Бульба»-Боровэц замечал, что «Целленбау» имел 90 камер, и рядом с ним (в камере «76») сидел французский министр Дельбо, а в камере «73» – Бандэра. «Тарас Бульба»-Боровэц отнюдь не жаловался на обстоятельства своего пребывания в «Целленбау». Вот несколько его замечаний.

Допрашивал его штурмбанфюрер СС Вольф при соучастии гауптмана Шульце.

«Д-р Вольф ... начал меня убеждать, что мне не угрожает... никакая опасность... чтобы я не преувеличивал трагедии, что они меня здесь изолировали исключительно для моей «безопасности»... Это – не тюрьма, не кадет (по двум латинским буквам слова «концлагерь» – пер.), а только «почетная» изоляция». ¹⁴

И еще:

«В депозите у нас были деньги, и мы могли покупать «Винницкую махорку». В качестве бумаги служила клозетная бумага».

Вот так!

И еще одно очень неординарное событие произошло между гитлеровцами и бандэровцами. Теперь его по-своему комментируют почитатели Бандэры и бандэровщины, или те, кто сегодня смотрит на прошлое в перевернутый бинокль. Дело в том, что в октябре 1943 г. руководство ОУН-бандэровцев в крае представило «Открытое письмо господину губернатору Галиции доктору Отто Вехтеру с копиями Геббельсу, Гиммлеру, Кейтелю и Франку. В нем бандэровцы уверяли, что, как и раньше, остаются верными союзниками гитлеровской Германии и делают всё возможное, чтобы война закончилась «немецко-украинской победой». «В *Reiße*, – указывают они в письме, – работает около 10 процентов украинского населения. Это является еще одним вкладом в войну за судьбу Европы. Всем своим Центрам мы приказали осуществлять поставки точно и беспрекословно. Кто говорит о негативном отношении Движения бандэровцев к вопросу о поставках (продовольствия гитлеровцам – В. М.), тот врет...» ¹⁵

А далее в письме, кроме заверений в верности, просьб и предложений, были и ироничные высказывания, даже предупреждения и угрозы. На дворе был конец 1943-го, гитлеровцы теряли на Восточном фронте позицию за позицией, бандэровцы думали, что пора их и пошантажировать.

Но гитлеровцев это серьезно разгневало. Губернатор дистрикта «Галиция» О. Вехтер, получив информацию о том, что письмо было написано и отправлено с ведома Бандэры, приказал арестовать его братьев, Васыля и Олександра. Их отправили в Аушвиц (Освенцим), где они впоследствии умерли от голода. Так интерпретирует это обстоятельство польский историк Э. Прус в книге «Herosi spod znaku tryzuba».

А в «Энциклопедии украиноведения» в статье «Бандэра» указано: «Оба брата... убиты в Аушвице (Освенцим) польскими сокамерниками». Здесь, как видим, исследователям этого вопроса нужно будет еще разобраться в данной ситуации. Однако, всем надо согласиться с тем, что это событие – еще один парадокс в немецкой политике в отношении украинских националистов из ОУН-бандэровцев.

Здесь как раз наступил соответствующий момент, когда нужно поставить вопрос так: с какой целью гитлеровцы изолируют в концентрационном лагере, вместе со многими сторонниками, руководителя ОУН, который упорно уверял в своей верности нацизму и

---

¹³ Бульба-Боровець Т. Армія без держави. Вінніпег, 1981. С 281.

¹⁴ Там же. С 283.

¹⁵ ЦДАВО України, ф. 166, оп. 3, спр. 149, арк. 41–43.

всеми силами ему служил, и в то же время держат его в смертоносной атмосфере в условиях почти класса люкс в качестве высокопоставленного заложника?

Преобладающее большинство советских и зарубежных исследователей этого вопроса склонны видеть в этом незаурядном факте политическое игрище гитлеровцев и руководства ОУН-бандэровцев. Правда, эту политическую игру разные авторы расшифровывают по-разному.

Приведем несколько характерных примеров.

Известный польский военный историк Игнаци Блюм писал: *«Гитлеровцы инсценируют арест руководителей украинских националистов, открывая тем самым возможность развертывания широкой политической кампании для развития украинского национализма. Двойкий фарс создания правительства Стэцько и арестов преследуют цель представить Бандэру в глазах украинских националистов как мученика, как настоящего борца за «самостоятельную Украину», который в одиночку боролся против немцев во имя претворения в жизнь этого лозунга...»*.¹⁶

Идентичной с позицией И. Блюма точки зрения придерживается французский историк и публицист Аллен Герен, добавляя при этом, что во время пребывания в Заксенхаузене, и впоследствии гитлеровцы использовали услуги Бандэры «прикрыто и открыто». Правда, положение Бандэры, указывает автор, не лишено горечи. *«Но заносчивый политикан Бандэра, – продолжал Герен, – знает, что за горечь не платят. К тому же, эмиссары Канариса и генерала Лахузена (руководители гитлеровского Абвера – В. М.) всячески стараются лить бальзам на раны своего агента «Сирого» (тогдашняя кличка С. Бандэры в Абвере – В. М.). С одной стороны, нельзя допустить, чтобы он смешивал позицию подручных Гимmlера с их позицией, а с другой – такая инсценировка даст возможность ОУН-б окончательно одержать победу над ОУН-м. И действительно, когда Мэльнык скомпрометирует себя открытым сотрудничеством с нацистскими службами, Бандэра станет героем, запертым в тюрьму за свою преданность священному делу «самостийной Украины». И даже, если нужно будет несколько вооруженных столкновений бандэровцев с немцами, ну и пусть, как говорят, «лес рубят – щепки летят»*¹⁷. (Выделено мной – В.М.)

Ярослав Галан^{VII} в радиокomentarии от 29 июня 1943 г. «Кто такой Бандэра?» замечал: *«Немецкие оккупанты... осознали, что без помощи националистических провокаторов им не удастся разбить единый антинемецкий фронт всех украинцев без исключения. Вот почему гитлеровцы предприняли такую штуку: Мэльныку позволили и дальше открыто выслуживаться перед Берлином, а Бандэре приказали делать вид противника немцев, чтобы он мог, прикрываясь антинемецкими фразами, удерживать украинские массы от настоящей, непримиримой борьбы с гитлеровскими захватчиками, от борьбы за свободу Украины»*.¹⁸

Немецкий историк Норберт Мюллер: *«Фашистские органы все больше старались извлечь выгоду из своего альянса с буржуазными националистами. Учитывая тот факт, что открытое сотрудничество с оккупантами лишь еще более дискредитирует их в глазах населения, на заключительной стадии оккупационного режима стали применять более изоциренные маневры. Так, например, украинские буржуазные националисты выставляли себя «врагами» оккупантов и как бы для борьбы с ними создавали большие вооруженные формирования. Оккупационные*

¹⁶ Ж. Wojskowy Przegląd Historyczny. 1959. № 1.

¹⁷ Герен Аллен. Серый генерал. М., 1971. С 89–90.

¹⁸ Галан Я. Твори в 4-х тт. К., 1980. С 89.

органы, которые сначала подавляли стремление националистических сил к самостоятельности, теперь пропускали мимо ушей антигерманские фразы и даже поставляли националистам оружие и боеприпасы, прекрасно зная, что они будут использованы против партизан и других сил народного сопротивления»¹⁹. (Выделено мной – В. М.).

Подобных суждений по этому поводу много. Однако четкого ответа на вопрос пока что не дано. В то же время с такими суждениями можно полностью согласиться, потому что они логичны и во многом определяют политическое содержание событий и процессов. Исследователям надо еще внимательно и глубоко проанализировать ситуацию и документально и аргументировано ее определить.

Но как бы то ни было, «мученичество» С. Бандэры в глазах националистически настроенной части населения Западной Украины в военный период еще больше возросло и сыграло свою немаловажную роль.

Каким же был финал «мученичества» Бандэры и бандэровцев? 25 сентября 1944г. произошел беспрецедентный факт в практике гитлеризма – Бандэра с группой своих сторонников был освобожден из концлагеря смерти Заксенхаузен. Правда, часть историографов ОУН-УПА (в том числе и биограф Бандэры Пэтро Мирчук) пишут о том, что Бандэра был освобожден в конце декабря 1944 г. Но это не соответствует действительности. Факт беспрецедентен потому, что все, кто попадал в лапы гестапо и службы безопасности (СД), а тем более в концлагеря смерти, на свободу уже не возвращались. Даже тогда, когда гитлеровцы убеждались, что схваченное лицо не виновно в обвинении. Такова была обычная фашистская практика.

Это событие, как и последующие, в биографиях Бандэры и Стэцько замалчивается историографами националистического движения. И до сих пор нет ответа на вопрос: почему Бандэра и его сторонники стали так нужны нацистам?

Что же дальше? Историограф ОУН-УПА Т. Гунчак пишет об этом так: «...*Шеф главного бюро СС генерал Бергер 5 октября 1944 г. разговаривал со Стэпаном Бандэрой, которого вскоре выпустили из концентрационного лагеря...*»²⁰ В этой «беседе» говорилось о «взаимопонимании» гитлеровцев и ОУН-УПА. Однако господин Гунчак здесь же делает достаточно поспешную оговорку: *«попытки немцев достичь понимания с УПА остались безуспешными...»*.

Это заявление Т. Гунчака абсолютно не соответствует действительности. Пану Гунчаку, как известному исследователю националистического движения, хорошо известно, что в «разговоре» генерала Бергера с Бандэрой 5 октября 1944 г. (и неоднократно!) речь шла не столько о «взаимопонимании» гитлеровцев и ОУН-УПА, сколько о предложении Бандэры возглавить Украинский националистический комитет (УНК), который был тогда в процессе создания. Как известно, Бандэра отказался возглавить УНК, ссылаясь на то, что не хочет быть подчиненным генералу Власову, которого гитлеровцы хотели поставить во главе объединенных комитетов представителей народов СССР. Тому же Гунчаку также хорошо известно, что в октябре 1944 г. Бандэра встречался не только с генералом СС Бергером, но и с самим Рехсфюрером СС Г. Гиммлером. Об этом уже много раз писали различные авторы: *«Необходимость вашего вынужденного пребывания под мнимым арестом, – сказал Гиммлер Бандэре на «встрече», – вызванная обстоятельствами, временем и интересами дела, отпала. Начинается новый этап нашего сотрудничества, более ответственный, чем раньше.*

---

¹⁹ Мюллер Норберг. Вермахт и оккупация. М., 1974. С 235.

²⁰ Гунчак Т. Україна: перша половина ХХ століття. К., 1993. С 244.

Может, до сих пор не все складывалось так, как вам хотелось, но сейчас нам надо совместно хорошо работать, чтобы исправить ошибки прошлого ... » (выделено мной – В. М.)^{VIII}

Здесь, как видим, всё понятно: и «вынужденное» пребывание Бандэры и его сообщников в концлагере, а вызвано оно «обстоятельствами, временем и интересами дела», и высокая цена сотрудничества бандэровцев с гитлеровцами, от которой первые так упорно и настойчиво отказывались в прошлом и так громко кичатся (отдельные, конечно) сегодня.

Теперь достоверно известно, что Бандэра и его сообщники дали согласие на активное сотрудничество с нацистами в очередной раз. Как же тогда объяснить то, что у всех оуновцев, которые «вынужденно» находились в концлагерях, не было потеряно ни одного волоска на чупрынках (за исключением О. Ольжича, который погиб в том же Заксенхаузене по неизвестным причинам)? Как объяснить и то, что во время, когда гитлеровский рейх уже дышал на ладан, все интернированные оуновцы не только остались неприкосновенными, но и оказались в совершенно безопасных уголках Западной Европы?

Интересные свидетельства по этому поводу предоставил бывший абверовец, капитан вермахта Зигфрид Мюллер, попавший в плен к Красной Армии в мае 1945 г. в городке Колин под Прагой. В конце 1944 г. он служил заместителем руководителя Абверкоманды-202 южной группы гитлеровских армий и одновременно был связным между центром Абвера и южным штабом УПА (УПА – ЗАПАД).

3. Мюллер: *«На работу в Абверкоманду-202 я прибыл 1 декабря 1944 г. и приступил к исполнению своих служебных обязанностей...»*

Во время встречи с капитаном «Кирном» (командир Абверкоманды-202, настоящая фамилия Витлэць – В. М.) *последний рассказал мне, что в октябре 1944 г. он встречался со связным южного штаба УПА, вместе с которым на участке Абверотряда-206 перешел линию фронта и вел переговоры с южным штабом УПА.*²¹

Как говорил мне капитан «Кирн», южный штаб УПА располагался в лесах гористой местности близ города Львова. Персональный состав штаба УПА он мне не называл, однако содержание переговоров передал подробно... ».

А дальше 3. Мюллер свидетельствовал:

«Командование повстанческими отрядами УПА дало капитану «Кирну» принципиальное согласие на совместное с немецкой разведкой проведение подрывной работы в тылу Красной Армии, но со своей стороны поставило следующие условия:

- немецкая армия обеспечивает повстанческие отряды украинских националистов обмундированием, вооружением, средствами связи, медикаментами и деньгами;

- ...немецкие разведорганы должны создать на оккупированной немцами территории диверсионные школы для украинских националистов и проводить обучение выделенных УПА националистов радиосвязи и военной подготовке;

- диверсионные группы украинских националистов будут подчинены Абверкоманде-202 в оперативном отношении, а в ином будут подлежать ведению штаба УПА и остаются в нем...

Имея соответствующие полномочия генштаба немецкой армии, «Кирн» принял условия украинских националистов и со своей стороны поставил перед УПА условия немецкого командования. Они сводились вот к чему: южный штаб УПА предоставляет в

---

²¹ Свідчення 3. Мюллера зберігаються в ЦДАГО України, ф. 57, оп. 4, спр. 338.

распоряжение Абверкоманды-202 такое количество диверсантов, какое считает необходимым командование Абверкоманды-202. Абверкоманда оставляет за собой право комплектования диверсионных групп из этих лиц, определяет место и объекты для диверсии.

Кроме того, штаб УПА должен предоставлять Абверкоманде-202 все имеющиеся у них шпионские сведения о Красной Армии, а также информацию об общем количестве украинских националистов в тылу Красной Армии на участке южной группы войск немецкой армии, то есть на участке от Варшавы до румынской границы.

Южный штаб УПА согласился с этими условиями, и было принято решение об обмене офицерами связи между Абверкомандой-202 и южным штабом УПА. Должность офицера связи от Абверкоманды-202 в южном штабе УПА «Кирн» предложил занять мне».

3. Мюллер продолжал:

«В конце 1944 г. представителем южного штаба УПА в Абверкоманде-202 был назначен профессор «Данылиив» (бывший капеллан специаль-батальона «Нахтигаль» Иван Грындох, он же «Орлов», «Гэрасымивський» и др. – В. М.), приблизительно 43-х лет, среднего роста, крепкого телосложения, бронеет, свободно владеет немецким, французским и английским языками, ранее работал профессором философии Львовского университета (здесь Мюллер ошибается, потому что И. Грындох был преподавателем теологии в Львовской духовной академии – В. М.). Он имел офицерский чин УПА – полковник». И далее: «В декабре 1944 года главное управление имперской безопасности (РСХА) освободило из тюрьмы Стэпана Бандэру (здесь Мюллер ошибается, потому что С. Бандэра был освобожден из концлагеря 25 сентября 1944 г. – В. М.), получившего под Берлином дачу от отдела 4-Д гестапо. Бандэра с того времени находился под персональным наблюдением и работал по указаниям нового начальника отдела 4-Д оберштурмфюрера Вольфа. В том же месяце Стэпан Бандэра прибыл в распоряжение Абверкоманды-202 в г. Краков и лично инструктировал «Данылиива», а также подготовленную нами агентуру, направленную для связи в штаб УПА...

По случаю приезда Бандэры в Абверкоманду-202 капитан «Кирн» устроил банкет на вилле нашей команды, находившейся на Гартентрассе 1 (возле краковского стадиона), на котором выступали с речами Бандэра, капитан «Кирн» и профессор «Данылиив». Там я познакомился с Бандэрой, а потом через несколько дней встретился с ним на деловой почве.

27 декабря 1944 г. я подготовил группу диверсантов для заброски их в тыл Красной Армии со специальным заданием. Эта группа состояла из трех украинских националистов – Лопатыньского, «Дэмыда» и еще одного радиста, фамилии которого не помню. (Здесь речь идет о бывшем офицере специаль-батальона «Нахтигаль» и инструкторе школы диверсантов ОУН-УПА в замке Фриндеталь вблизи Заксенхаузена Ю. Лопатыньском и о В. Чыжэвськом, фамилия радиста не установлена – В. М.)

Стэпан Бандэра в моем присутствии лично инструктировал этих агентов и передал через них в штаб УПА приказ об активизации подрывной работы в тылу Красной Армии и налаживании регулярной радиосвязи с Абверкомандой-202.

Я был представлен группе как офицер Абверкоманды-202, назначенный на должность офицера связи в штаб УПА с тем, чтобы, когда я приду в штаб УПА., они могли меня узнать как представителя Абверкоманды-202 ... »

Помимо этих свидетельств капитана Зигфрида Мюллера есть немало сведений о том, что С. Бандэра принимал активное участие в переговорах с гитлеровцами по созданию украинского комитета (УНК) и так называемой Украинской национальной

армии (УНА). 12 января 1945 г. такой комитет был создан. В него вошли представители всех националистических группировок, в том числе и бандэровцы. Председателем УНК, а затем и УНА (основой которой стала 14-я гренадерская дивизия СС «Галиция») стал генерал П. Шандрук бывший петлюровский и польский офицер.

В последние дни дышащего на ладан гитлеровского рейха Бандэра, Стэцько и Грыньох были в городке Колин недалеко от Праги в распоряжении Абверкоманды-202. Отсюда в конце апреля 1945 г. с помощью абверовцев Бандэра перебрался в район австрийского Тироля, а затем в оккупированную американцами Баварию. Последний пункт – Мюнхен, где он окопался надолго. Стэцько с Грыньохом в колонне отступающих абверовцев также отправились в зону оккупации союзных войск.

Таков, как видим, вполне благополучный финиш бывших «узников» Заксенхаузена.

Как описывают оуновцы свое пребывание в Заксенхаузене?

На этот вопрос трудно ответить, потому что все бандэровцы, в том числе и сам С. Бандэра умалчивают о своем пребывании в Заксенхаузене. Думаю, что только по одной причине: вокруг умирали насильственной смертью сотни тысяч, миллионы людей, а они оставались неприкосновенными в условиях бункера «Целленбау», предназначенного на «фабрике смерти» для избранных. Да и кем они там были? Заложниками политического игрища? Но с заложниками, как известно, гитлеровцы не церемонились, а держали в камерах до ближайшего случая, чтобы немедленно и безжалостно поставить к стенке!

Единственный Я. Стэцько (возможно, для оправдания «перед историей», чем он был так «обеспокоен») нарушил это «этическое» табу. В своих воспоминаниях «30 июня 1941 г.» он пишет следующее: *«24 января 1942 года в три часа утра перевезли меня с другими друзьями тюремной автомашиной, как обычных преступников, в концлагерь Саксенгазен, где нас – Ивана Габрусэвича, Осыпа Тюшко, Романа Ильницького поместили в одиночных камерах в т. н. бункере (имеется в виду, конечно, уже упоминавшийся бункер «Целленбау» – В. М.)...»* И еще: *«Там находились в разное время немец-атентатор на Гитлера в Мюнхене в 1939 г. Бюргерброейеллер, затем – капитан Бест, англичанин из «Интеллидженс сервис», схваченный на голландской границе, генерал Ровецки, главный команды АК, адъютант Пилсудского, капитан Ежи Кунцевич, франц. министр Дельбос, член правительства Бела Куна, жид из Будапешта... Видимо в январе 1942 года привезли в бункер С. Бандэру и Волод. Стахова».*

Как видим, Стэцько не называет многих высокопоставленных персон, которые находились в бункере «Целленбау». Зато тут же пожаловался на такую «непорядочность» эсэсовцев: *«В этот день с раннего утра до поздней поверки нас держали на необычно остром морозе без головных уборов перед зданием администрации концлагеря. Иван Габрусэвич простудился... Когда после купели забрали у меня мою одежду, а дали концлагерную, я отказался её надеть. Возмущенные эсэсовцы: «Такого еще здесь не бывало!» Две недели я находился в келье в белье, заявив, что тюремной одежды не принимаю. Вызванное из Берлина гестапо – после моего неизменного сопротивления – велело отдать мне мою одежду ... »*

На этом «героическом» поступке Стэцько и прекращает писать о буднях концлагерной жизни, а дальше достаточно куце замечает: *«28 сентября 1944 г. появились в моей келье СС-штурмбанфюреры Вольф и Шенк...«Вы свободны», – сказал Вольф... Вместе с Бандэрой отвезли нас автомашиной в какую-то охраняемую гестапо виллу под Берлином...».* (Речь здесь, конечно, о вилле, которую гестапо выделило как помещение для Бандэры. – В. М.). И еще под конец один намек: *«Здесь приезжали и вели переговоры*

представители немцев, но они были без всякого успеха». Стэцько намекает здесь как раз на те переговоры («разговоры»), которые вели руководители СС Бергер и Гиммлер. Трудно, конечно, поверить в то, что, живя на вилле гестапо и на харчи того же гестапо (хотя и под надзором и охраной), можно было отказать такой персоне, как гестапо. Вот и все «адские муки» Бандэры и Стэцько как «мучеников» гитлеризма.

---

¹ Для читателя может быть очевидной низкая культура Бандэры. Это характерно для националистических публицистов, их литература пестрит лозунгами, недосказанными выражениями, бессмысленными фразами прикрытыми ширмой мистицизма. Это встречается в записях Донцова, а особенно ярко выражено у Ленкавського.

² Олэкса (Олэксандр) Гасын (1907-1949) – друг юности Бандэры, выпускник Львовской политехники. Был членом ОУН, затем ОУН(б). Сделал стремительную карьеру в организации националистов. Получил военное образование в школе подхорунжих в 1929г. Несколько раз отбывал наказания в польских тюрьмах. В 1941 году входил в состав «правительства» Стэцько. Затем посажен немцами под стражу как один из руководителей ОУН. Командир частей УПА-запад с 1944 года. Начальник штаба УПА с начала 1946 г. В 1949 году застрелился во время бегства от сотрудников НКВД во Львове. Его жена – Ольга Гасын была связной Р. Шухэвчыча и самого О. Гасына. После раскрытия мужа была арестована и осуждена на 10 лет лагерей. В 1956 году отпущена на свободу без права поселения на Львовщине. Окончила жизнь в Броварах под Киевом, где в 2015 году в честь неё назвали улицу.

Иван Габрусэвч (1902-1944) – член ОУН с 1929 года, один из руководителей и идеологов организации. С 1934 года выехал из Польши в Германию, где занимался подготовкой националистических групп для подпольной работы на территории Польши. В 1941 году вместе с другими националистами был посажен в Заксенхаузен. Умер в концлагере.

Володымыр Стахив (1910-1971) – выходец из семьи потомственных националистов, член ОУН, «министр иностранных дел» в правительстве Стэцько. В 1941-1944 гг. находился под стражей в Заксенхаузене. Затем работал в сфере развития международных связей ОУН(б). Старший брат Евэна Стахива (1918-2014). Евээн был командиром восточной походной группы ОУН(б), которая работала на Донбассе. После войны оба брата жили в Германии до конца 1940-х гг., затем переехали в США. В 1954 после организационного раскола оба брата отошли в состав ОУН(з). Володымыр занимался налаживанием связей с западным миром. Евээн неоднократно клеветал на Александра Фадеева и повесть «Молодая гвардия», став источником «фейков» о националистическом «подполье» на Донбассе и его борьбе с нацистами. После 1991 года неоднократно приезжал в Украину, получил несколько государственных наград, оказывал влияние на развитие неонацизма на Украине. Сын Евэна Стахива – Зенон Стахив – действующий американский ученый и военный (занимал высокопоставленные должности в Корпусе военных инженеров США), в 2007 был лауреатом Нобелевской премии мира. В 2003 году был участником интервенции в Ирак, где после стал министром ирригации и водного хозяйства в оккупационном правительстве страны.

---

^{III} Своеобразное написание автора. Обычно используется аббревиатура НСДАП – Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (нем. Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei (NSDAP)).

^{IV} Стэпан Лэнкавський (1904-1977) – активный участник оуновского движения. Ориентировался на Бандэру, автор «Декалога» – десяти заповедей националиста. Был продуктивным публицистом. Сидел в польских тюрьмах в 1930-е гг. В 1941 г. вместе с другими националистами посажен немцами в Заксенхаузен. Выпущен из клетки в 1944 году для борьбы против СССР. После ликвидации Бандэры возглавил ОУН(б), руководил организацией до 1968 года. Основал газету «Шлях перемоги». С 1993 года газета издается на Украине. Нынешний редактор – Виктор Рог, член ВО «Свобода». Редакция газеты занималась развитием неонацизма на Украине.

Лэв Рэбэт (1912-1957) – националист, стал активистом движения в 15 лет. Рэбэт был близким соратником Бандэры, заместителем Стецька на посту премьер-министра в «правительстве» 1941 г. После провозглашения акта 30 июня был арестован и до 1944 года содержался в Освенциме, затем был освобожден нацистами для антисоветской деятельности. В 1948 г. Рэбэт стал членом ОУН(з), в 1956 году возглавил данную организацию. Занимался публицистической и издательской деятельностью. В 1957 Рэбэт уничтожен советскими спецслужбами.

^V Роман Ильницький (1915-2000) – член ОУН(б), «министр» народного хозяйства в «правительстве» Стэцько. В 1945-1949 находился в ФРГ где издавал журнал «Час» (рус. «Время»). После ликвидации Рэбэта возглавил ОУН(з), со временем переехал в США, где продолжал заниматься антисоветской деятельностью.

Дарья Гнатківська (1912-1989) – член ОУН, жена Мыколы Лэбэдя – начальника службы безопасности ОУН(б). За террористическую деятельность и подготовку убийства министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого была осуждена польским правительством на 15 лет тюремного заключения. В 1939 году выпущена гитлеровцами из камеры. В 1944 арестована гестапо. После войны проживала в ФРГ, а затем в США.

^{VI} Юрий Лопатыньський (1906-1982) – украинский националист, был активным организатором военных националистических организаций в конце 1930-х гг. на территории Польши. В годы войны служил в батальоне «Нахтигаль». С 1946 года жил на территории США.

^{VII} Ярослав Галан (1902-1949) – выдающийся украинский писатель и публицист, член Коммунистической партии Западной Украины. Последовательный антифашист, Я. Галан стал известен благодаря своим работам в советской прессе в годы Великой Отечественной войны. 24 октября 1949 года во Львове был убит бандэровцем Михаилом Старухом. На смерть Галана советские спецслужбы ответили ликвидацией Р. Шухэвчы. Убийца М. Старух был повешен по решению военного трибунала Прикарпатского военного округа.

^{VIII} В оригинальном тексте нет выделения, здесь оно сделано редакцией в виде подчеркнутого фрагмента текста.

ОУН НА НЮРНБЕРГСКОМ ПРОЦЕССЕ

Украинские националисты – сообщники преступлений гитлеровской Германии.

К сожалению, и до сих пор недоступны все материалы Международного судебного процесса по делу главных военных преступников гитлеровской Германии в Нюрнберге, так как они по большей части не опубликованы. Сегодня можно использовать только сборник материалов «Нюрнбергский процесс»¹, который так до сих пор и не завершен. Здесь, в частности, представлены материалы Абвера и свидетельства его руководителей по этому поводу. Тем не менее, многочисленные материалы, которыми пользовалась следственная часть процесса, так нам и до сих пор недоступны, так как находятся в архивах, или печаталась в ряде стран Европы (в частности, в Польше) в солидных фрагментах.

Интересно свидетельство генерала Е. Лахузена, одного из руководителей Абвера, на заседании Международного военного трибунала 30 ноября 1945 г.

Но сначала дадим краткую справку о личности Е. Лахузен фон Вивремонт Эрвин родился в 1897 году в Вене в дворянской франко-польской семье. В годы Первой мировой войны Лахузен – лейтенант секретных служб австро-венгерской армии, затем – офицер разведки. После развала Австро-Венгерской империи работал в службе информации (служба разведки Австрийской Республики). В 1936 г. получил звание подполковника. Способствовал захвату Австрии гитлеровской Германией. После аншлюса (присоединения) Австрии к фашисткой Германии был переведен в ведомство адмирала Канариса – Абвер. Служил сначала в Абвере-1 (разведка и контрразведка), а затем возглавил Абвер-2 (диверсии в стане противника). Награжден высшим нацистским орденом «Золотой немецкий крест» и другими наградами. В конце 1943 г. был послан на Восточный фронт, где командовал 41-м егерским полком. В декабре 1944 г. назначен начальником разведывательного бюро 17-го военного округа (Вена). В январе 1945 г. получил звание генерал-майора. В мае 1945 г. сдался в плен американским войскам. На Нюрнбергском судебном процессе выступал в роли свидетеля. После окончания процесса его освободили американцы «в знак благодарности за значительную помощь западным союзникам во время первого Нюрнбергского процесса». В послевоенный период Лахузен получил австрийскую генеральскую пенсию и жил в Тироле (Австрия). Автор мемуаров о длительной службе в Абвере, которые опубликованы в 1958 г. в США. Умер в 1958 г. Инсбруке (Австрия).

И еще важная информация. В ведомстве Лахузена (Абвер-2) была дивизия специального назначения «Бранденбург», которая предназначалась для организации и проведения диверсий разного характера в стане противника.

В составе полка «Бранденбург-800» были сформированы и действовали специальные батальоны «Нахтигаль» и «Роланд», личный состав которых состоял из украинских националистов. Батальоны предназначались для совершения диверсий и карательных акций. Итак, руководя Абвером-2, которому была подчинена дивизия специального назначения «Бранденбург», полковник, а затем генерал, Лахузен хорошо знал об украинских националистах, деятельностью которых занимался непосредственно.

Теперь представим отрывки из стенограммы заседания Международного военного трибунала от 30 ноября 1945 г.

«Эймен (председательствующий в тот день на процессе, начальник следственной части обвинения США, полковник юстиции – В. М.)»

---

¹ Нюрнбергский процесс, М., 1987–1991.

- Говорилось ли что-нибудь, и если говорилось, то что именно, о сотрудничестве с украинской группой?

Лахузен:

- Канарис получил приказ от тогдашнего начальника ОКВ (Верховное командование вооруженных сил гитлеровской Германии – В. М.), который (то есть начальник ОКВ, генерал-фельдмаршал Германии – В. М.) представил его как директиву, явно полученную им от Риббентропа, так как эти директивы находились в тесной взаимосвязи с политическими намерениями имперского министерства иностранных дел. Канарису было поручено вызывать в украинской Галиции повстанческое движение, целью которого стало бы уничтожение евреев и поляков...

...После этих разговоров в личном вагоне начальника ОКВ Канарис покинул вагон и имел еще короткую беседу с фон Риббентропом, который, вернувшись к теме Украины, сказал еще раз, что необходимо инсценировать восстание или повстанческое движение таким образом, чтобы все дворы поляков были объаты огнем и чтобы все евреи были убиты.

Эймен:

- Кто сказал это?

Лахузен:

- Это сказал министр иностранных дел Риббентроп Канарису. Я стоял рядом.

Эймен:

- Вы не сомневаетесь, хоть в какой бы то ни было мере, что всё было сказано именно так?

Лахузен:

- Нет, у меня нет ни малейшего сомнения в этом. Особенно хорошо я помню фразу: «Должны быть охвачены огнем все польские дворы». Это было в известной мере новым. Раньше употреблялось выражение «ликвидация» и «убийства»...²

И далее:

«Эймен:

Желает ли Советское обвинение задать вопросы свидетелю?

Руденко (Р. А. Руденко – главный обвинитель СССР на процессе – В. М.)

- Свидетель, я хочу задать Вам несколько вопросов в порядке уточнения. Правильно ли я Вас понял, что повстанческие отряды из украинских националистов создавались согласно директиве немецкого верховного командования?

Лахузен:

- Это были украинские эмигранты из Галиции.

Руденко:

- Из каких эмигрантов создавались повстанческие отряды?

Лахузен:

- Возможно, не совсем правильно называть их отрядами. Это были (формирования), которые размещались в лагерях и проходили полувоенную или военную подготовку.

Руденко:

- И какое же назначение имели эти отряды?

Лахузен:

- Это были организации, как я уже сказал, которые формировались из эмигрантов украинской Галиции и которые работали с отделом разведки за границей.

---

² Нюрнбергский процесс. М., 1989. С 160–161.

Руденко:

– Что должны были они исполнять?

Лахузен:

– Задание их заключалось в том, чтобы с началом военных действий исполнять распоряжения высших инстанций, то есть те директивы, которые получал мой отдел и которые исходили от ОКВ.

Руденко:

– Какие же задания ставились перед этими отрядами?

Лахузен:

– Эти отряды должны были осуществлять диверсионные акты в тылу врага и организовывать всеохватывающий саботаж...»³

Читатель, думаю, понял четко: речь идет о приготовлениях гитлеровцев к немецко-польской войне 1939 г. и о привлечении к этой акции украинских националистов из ОУН в военных действиях против Польского государства.

Особенно выразительные свидетельства представил на процессе полковник Э. Штольце, заместитель начальника Абвера-2 генерала Лахузена.

Краткая справка. Штольце Эрвин родился в 1891 г. в Берлине. Во время Первой мировой войны – солдат-артиллерист. С 1923 г. служил в Абвере, сначала был офицером в Абвере-1, а затем – в Абвере-2. Заместитель руководителя Абвера-2 генерала Лахузена. Полковник вермахта. С августа 1944 г. – заместитель начальника диверсионного сектора в Управлении имперской службы безопасности. С осени того же года особо секретный сотрудник гбнущей гитлеровской тоталитарной системы – начальник «Берлинского района сбора донесений».

В мае 1945 г. сдался в плен советским войскам. Работая в Абвере-2, непосредственно отвечал за связи в ОУН и управлял всеми операциями, в которых принимали участие украинские интегральные националисты.

Свидетельства полковника Штольце на Нюрнбергском процессе 25 декабря 1945 г.:

«В марте или апреле 1941 года мой начальник – руководитель отдела Абвера-2 полковник (ныне генерал) Лахузен вызвал мене к себе в служебный кабинет и поставил в известность о том, что скоро предвидится военное нападение Германии на Советский Союз, и в связи с этим предложил мне использовать все данные о Советском Союзе, которые имел отдел Абвер-2, для проведения необходимых мер по диверсии против СССР. При этом Лахузен заявил мне, что необходимо хранить всё сказанное им о подготовке нападения на Советский Союз в строжайшей тайне.

Далее я получил указание от Лахузена организовать и возглавить специальную группу под условным наименованием «А», которая должна была заниматься подготовкой диверсионных актов и работой по разложению в советском тылу, в связи с нападением на СССР, которое намечалось.

В то же время Лахузен дал мне для ознакомления и руководства приказ, который поступил из штаба оперативного руководства вооруженных сил, подписанный фельдмаршалом Кейтелем и генералом Йодлем (или генералом Варлимонттом по поручению Кейтеля, – точно не помню), который содержал основные директивные указания по проведению подрывной деятельности на территории СССР после нападения Германии на Советский Союз.

---

³ Там же. С 165–166.

Данный приказ был впервые помечен условным шифром «Барбаросса». В дальнейшем все мероприятия по подготовке войны против Советского Союза именовались условно «Операция Барбаросса».

В приказе указывалось то, что с целью нанесения молниеносного удара по Советскому Союзу, **Абвер-2 при проведении подрывной работы против СССР должен использовать свою агентуру для разжигания национальной вражды между народами Советского Союза.**

Исполняя упомянутые выше указания Кейтеля и Йодля, я связался с украинскими националистами и другими участниками националистических фашистских группировок, которые находились на службе у немецкой разведки, и привлек к исполнению поставленных выше задач.

В частности, мной лично было дано указание руководителям украинских националистов агентам Мэзьнюку (кличка «Консул-1») и Бандэре организовать сразу же после нападения Германии на Советский Союз провокационные выступления на Украине с целью подрыва ближайшего тыла советских войск, а также для того, чтобы убедить международное общественное мнение в том, что происходит якобы разложение советского тыла...»

Далее Штольце уточнял:

«Для более успешного руководства всей разведывательной работой немецких войск, предназначенной для вторжения в СССР, немецкой военной разведкой в конце мая 1941 г. был организован специальный разведывательный орган под названием штаб «Валли», который дислоцировался недалеко от Варшавы. Кроме того, была подготовлена для подрывной деятельности на советской территории специальная военная часть – учебный полк специального назначения «Бранденбург-800», подчиненный непосредственно начальнику Абвера-2 Лахузену.

В задачу этого созданного в 1940 г. специального соединения входил захват оперативно важных объектов: мостов, туннелей, оборонных предприятий и удержание их до прихода авангардных частей немецкой армии. При этом, вопреки международным правилам ведения войны, личный состав полка был укомплектован главным образом за счет зарубежных немцев, широко использовал применение обмундирования и оружия армий противника для маскировки своих операций.

*В процессе подготовки нападения Германии на СССР командование полка «Бранденбург-800» запасало предметы обмундирования и оружия Красной армии и организовало отдельные отряды из числа немцев, которые знали русский язык».*⁴ (Тут и выше выделено мной – В. М.).

Что же касается полка Абвера-2 специального назначения «Бранденбург-800», в состав которого входили, как известно, специаль-батальоны «Нахтигаль» и «Роланд», то полковник Штольце грубо ошибается, когда свидетельствует, что он комплектовался «зарубежными немцами». Видимо, свидетель имел в виду, говоря о «зарубежных немцах», представителей тех народов, которые симпатизировали фашистам и воевали на их стороне. Так как на самом-то деле батальоны «Нахтигаль» и «Роланд», как и весь полк (а затем дивизия) специального назначения «Бранденбург-800» [состояли] из предателей-кондотьеров тех народов, против которых гитлеровская Германия вела наступление и агрессию – эстонцы, латыши, литовцы, украинцы, русские, калмыки, грузины, татары, туркестанцы, чеченцы.

---

⁴ Там же. С 530–532.

Словно продолжением, и в то же время важным уточнением высказанного выше, является показание того же полковника Эрвина Штольце советскому правосудию после того, как он попал в советский плен. Это немаловажные показания хранятся в Киеве в Центральном государственном архиве общественных организаций (ЦДАГО) Украины.

Э. Штольце:

«... Для подрывной деятельности в Польше мы использовали украинских националистов. С целью привлечения широких масс к подрывной деятельности против поляков нами был завербован полковник петлюровской армии, белоэмигрант Коновалёц, через которого в Польше, областях Западной Украины осуществлялись террористические акты, диверсии...

В начале 1938 г. я лично получил указания от адмирала Канариса о переключении имеющейся агентуры из числа украинских националистов на непосредственную работу против Советского Союза.

Коновалёц охотно согласился переключить часть националистического подполья непосредственно на работу против Советского Союза, поскольку считал, что работу против поляков надо также продолжать, так как эти мероприятия нами одобрялись.

Вскоре полковник Коновалёц был убит.

После убийства Коновальца украинское националистическое движение возглавил полковник Мэльнык Андрий, которой, как и Коновалёц, позже был привлечен к работе в немецких разведывательных органах...»

Вопрос:

«При каких обстоятельствах Мэльнык был завербован как агент немецких разведывательных органов?»

Штольце:

«В ходе работы полковника Коновальца как нашего агента для сохранения условий конспирации был завербован, по его рекомендации, украинский националист, ротмистр петлюровской армии Ярый, по кличке «Консул-2», который нами использовался как агент-связной между нами и Коновальцем, а Коновалёц, в свою очередь, как связной с националистическим подпольем.

Еще при жизни Коновальца Ярый был известен Мэльныку и другим националистам как близкий к Коновальцу и как активный националист, потому Канарис поручил начальнику Абвера-2» полковнику Лахузену через Ярого связаться с Мэльныком, который уже в то время переехал из Польши в Германию.

Таким образом, в конце 1938 г. или в начале 1939 г. Лахузеном была организована встреча с Мэльныком, во время которой последний был завербован и получил кличку «Консул».

Поскольку Мэльнык должен был быть на связи как агент лично у меня, то во время его вербовки я также присутствовал.

Должен указать, что вербовка прошла очень гладко, так как о деятельности Мэльныка мы знали в достаточной мере, и он, по сути, был агентом Коновальца в проводимой работе против поляков...»

Здесь, для ясности читателям, следует дать краткую справку о Р. Яром, которому так доверяли абверовцы и руководители ОУН и который в отношениях ОУН и Абвера (и не только этой организации, но и гестапо) играл немаловажную роль.

Ярый («Ярры», «Рихард», «Рико») (1888-1969) – австрийский подданный чешско-немецкого происхождения. Согласно семейной легенде – потомок украинского казака, раненного в 1683 г. под Веной в битве польских войск Яна Собеского против турок. В

1912 г. закончил военную академию австро-венгерской армии. В чине поручика служил на Восточном фронте австро-венгерской армии против России. Затем в чине ротмистра служил в царской контрразведке. С 1918 г. служил в Украинской галицкой армии (УГА) командиром саперной сотни, а затем командиром конного полка. В Армии Украинской Народной Республики был офицером 5-го Херсонского конного полка. В 1920 г. был интернирован в Чехословакии. Активный деятель УВО и ОУН, где был членом руководства. С начала 20-х годов был резидентом немецкой разведки в ОУН, с 1937 г. – связным между руководителем ОУН Е. Коновальцем и руководителем Абвера адмиралом Канарисом. Весной 1941 г. – командир специаль-батальона «Роланд». Имел огромное влияние на С. Бандэру, активно поддерживал его, но с июля 1941 г. разорвал с ОУН-бандэровцев. В послевоенный период отошел от политических дел. Жил в родовом имении в Австрии. Умер в 1969 г.

Далее предоставим слово Э. Штольце:

«... После окончания войны с Польшей Германия усиленно готовилась к войне против Советского Союза, и поэтому по линии Абвера осуществлялись мероприятия по активизации подрывной деятельности, так как те мероприятия, которые проводились Мэльным и другой агентурой, казались недостаточными.

С этой целью был завербован известный украинский националист Бандэра Стэпан, который в ходе войны был освобожден немцами из тюрьмы, куда был заключен польскими властями за участие в террористическом акте против руководителей польского правительства.

Кто вербовал Бандэру, я не помню, но последний на связи находился у меня.

В процессе активизации украинской националистической деятельности, которую мы проводили через свою агентуру, уже в начале 1940 г. нам стало известно о трениях среди руководства националистического подполья, в частности, между нашими агентами Мэльным и Бандэрой, и о том, что эти трения ведут к расколу в националистическом движении...» (Здесь и выше выделено мной. – В. М.)

Далее Штольце в своих показаниях отмечал, что пытался примирить обоих руководителей ОУН, что весьма сомнительно. Следует полагать, что раскол в ОУН (как это всё уже отмечали, ссылаясь на мнение Бандэры) был инспирирован гитлеровцами в их политических интересах и осуществлялся руками уже упомянутого Рико Ярого.

Штольце продолжал:

«...После нападения Германии на Советский Союз Бандэра активизировал националистическое движение в областях, оккупированных немцами, и привлек на свою сторону особенно активную часть украинских националистов...»

Вопрос:

«В какой мере использовались украинские националисты в борьбе против партизанского движения, подполья компартии на оккупированной немцами Украине и какое руководство в этом было отдела Абвера?»

Штольце:

«Отдел Абвера активно использовал украинских националистов в ходе всей войны с Советским Союзом.

Из числа украинских националистов формировались отряды для борьбы с советскими партизанами, полицией вербовалась агентура из числа украинских националистов для забрасывания за линию фронта с целью диверсии, террора, шпионажа и т. д., однако подробностей всей работы я не знаю, так как этим занимались непосредственно абверкоманды, абвергруппы, абверштелле, специально в округах оккупированной территории.

Во время отхода немецких войск с Украины по линии Абвера лично Канарисом были даны указания о создании националистического подполья (банд) для продолжения борьбы против Советской власти на Украине, проведения террора, диверсий, шпионажа, специально для руководства националистическим движением оставлялись официальные сотрудники – офицеры и агентура.

Были даны указания о создании складов оружия, продовольствия, и т.п. Для связи с бандами агентура направлялась через линию фронта, а также сбрасывалась на парашютах. Боеприпасы и оружие сбрасывались бандам на парашютах...»⁵

Эти свидетельства датированы 29 мая 1945 года.

---

⁵ ЦДАГО України, ф. 57, оп. 4, спр. 338.

«ПОХОДНЫЕ ГРУППЫ» ОУН И УКРАИНСКАЯ ПОЛИЦИЯ

Создание «походных групп».

Накануне вторжения войск гитлеровской Германии в Советский Союз оуновцы (сначала бандэровцы, а затем и мэльныковцы) начали формировать (конечно, с ведома Абвера и гестапо) так называемые «походные», или «маршевые» группы. Их назначение: продвижение вслед за наступающими войсками гитлеровцев и создание в каждом оккупированном немцами населенном пункте своих ячеек – «самоуправлений». «Походные группы» предназначались, прежде всего, для Центральной и Восточной Украины. Основное задание этой акции – националистическая пропаганда «самостоятельности» и «соборности» Украины среди населения этих районов, создание «собственных» административных органов местного управления «в рамках» оккупационного «нового порядка» гитлеровцев, формирование «собственной» полиции и военных подразделений. Все это, конечно, полагалось создавать с верховенством ОУН. Деятельность «походных групп» должна была показать гитлеровцам «*талант националистов, чтобы союзники (т.е. гитлеровская Германия – В. М.) могли убедиться в достоинствах украинцев (т.е. украинских интегральных националистов – В. М.) и способности их к образованию государственности*», – так определял сам Бандэра свою политическую задумку.

Эту мысль Бандэры глубоко и значительно интерпретирует другой националистический вождь Василь Боровец¹ – «Тарас Бульба» в своей книге «Армия без государства»: *«Украина ко всему относилась с опаской и осторожностью. Эту осторожность некоторые западные украинские организации, особенно группа С. Бандэры, фальшиво поняли как доказательство политической немочи, мол, раз там никто официально не соглашается на какую-либо политическую или революционную деятельность, то это доказательство, что во всей подсоветской Украине никто на такое дело не способен».* И далее автор утверждает так: *«А раз на востоке Украины ничего нет, то это означает, что надо той Украине дать всё, начиная с полиции, гражданской администрации, политической грамотности и практической организованности. Надо немедленно распространить активную работу своей партии, которая должна задавать тон политике и гражданской жизни целой страны».*

Три «походные группы» объединяли суммарно четыре тысячи бандэровцев. Первая группа под руководством М. Клымышина должна была выйти из Соколя через Житомир на Харьков; вторая, руководимая Д. Лэмыком, – из района Сана через Винницу на Киев; третья во главе с З. Матлой – из Саночка через Днепропетровск на Одессу. Параллельно подобные «маршевые группы» создали и мэльныковцы.

Длительное время бандэровцы уверяли (да и теперь уверяют), что «походные группы» – это их собственное самостоятельное творение, без согласия и помощи гитлеровцев. Мало того, уверяют они, «походные группы» действовали, мол, целиком самостоятельно и бесконтрольно со стороны немцев. Всё это, конечно, рассчитано на наивных. Так как кто поверит, что гитлеровцы, имея и СД, и гестапо (политическую полицию), и полевую жандармерию, и службы абвера (разведка и контрразведка), и разведку СС, не могли заметить многочисленные группы инородцев, которые шатались в их обозе?

---

¹ Боровец В. Армія без держави. Львів, 1993. С. 75–76.

Но затея с «походными группами» ОУН потерпела полную катастрофу. Население Украины не принимало их националистической демагогии, относилось к ним с недоверием, а то и враждебно, как к прислужникам фашизма. *«Мы вели себя на Украине, – откровенно писал из действующих националистических деятелей, участник одной из «походных групп» ОУН-бандэровцев Лэв Шанковський^{II} в изданной в 1958 г. в США книге «История походных групп ОУН», – как британцы вели себя в Индии, Бирме и в других колониях». И продолжал: «... Мировоззренческо-политические и философские положения западноукраинского национализма с его аморальностью, макиавеллизмом, исключительностью и жаждой власти были просто противны народным массам Восточной Украины».* Правда, несколько позже, в своей «Истории украинского войска», тот же Шанковський старательно вытер эти откровенно правдивые оценки.

Затея с походными группами закончилась для ОУН жалким образом. С одной стороны, их демагогию не воспринимало население Восточной и Центральной Украины, а с другой – после недоразумений между бандэровцами и гитлеровцами по поводу известного «Акта 30 июня 1941-го», гестапо приказало участникам «походных групп» вернуться на Западную Украину, а те, кто не подчинился этому приказу, были арестованы и изолированы в тюрьмах и концлагерях... Однако сегодня, когда Украина стала независимым государством, поклонники интегрального национализма и галицкие «пьемонтисты» представляют участников «походных групп» ОУН 1941-го как «национальных (националистических, конечно) миссионеров» на родине Котляревского и Шевченко. Что ни говорите, но всё это – удивительная ирония истории! Недавно мой добрый приятель из Полтавы, который хорошо знает историю прошедшей войны, рассказал мне о том, как сегодня «национально сознательные» из Галиции часто нелегально десантами с сине-желтыми и красно-черными флагами в его родной город, рейдируют по Полтавщине и просвещают «обмоскаленных» полтавчан «национальными идеями», духом галицкого «пьемонтизма» и культуртрегества, а главное, – учат земляков Василя Симоненко^{III} языку, которому сами недавно обучились в советской школе. *«Понимаешь, – сокрушённо завершил он, – эти разгоряченные и нервные люди – чистейшие диверсанты из «походных групп» ОУН времен ушедшей войны».*

Была ли «украинская» полиция украинской?

Этот вопрос вот уже более столетия волнует послевоенное поколение. Для одних эта полиция – «национальные защитники», основа «национальных» вооруженных сил УПА, почти «национальные герои». Для других – наёмники фашистов, ландскнехты, подонки растерзанной войной обездоленной Украины, палачи собственного, польского и еврейского народов, или просто бандиты.

Кто же они на самом деле? Думаю, что ответить на этот вопрос довольно легко. Так как для ответа есть два необычайно весомых основания: во-первых, есть многочисленные документы, архивные и литературные, которые всесторонне характеризуют эту формацию; во-вторых, еще живут тысячи и тысячи свидетелей ушедшей войны, очевидцев того, что натворили эти «национальные защитники» и «герои».

Уже в первые дни немецко-фашистской оккупации в административные инстанции и в военные комендантуры оккупантов стали сбегаться люди, которые рьяно предлагали свои услуги. Кто они? Это – разноцветный общественный сброд, который стремился поживиться обедами со стола новых хозяев, хотел командовать, понукать

своими односельчанами, земляками, соотечественниками, безнаказанно мародерствовать и грабить, или просто сберечь свою шкуру в сложных условиях войны. Часть полицейских подразделений, в частности, в Галиции, создали еще накануне войны оуновские подпольные центры для того, чтобы в случае вторжения гитлеровской Германии на территорию Украины, овладеть политической ситуацией в крае. Так, в частности, уже 30 июня 1941 г. во Львове действовали подразделения «украинской» полиции, созданные обеими (бандэровской и мэльныковской) фракциями ОУН. 26 августа 1941 года оккупационная газета «Львовские вести» сообщила, что «украинская полиция – полноправный полицейский отдел немецкой полиции» и что она «является необычайно компетентной по отношению к украинскому, польскому и еврейскому населению». «Несколько дней носит украинская полиция на нижней части правого рукава формы красную повязку с надписью «генеральгуернемау»^{IV}. Эта повязка – доказательство того, что полицией является фактически членом украинской полиции. («Львовские вести». 1941. 21 ноября).

Чтобы заслужить «доверие», украинские полицаи блуждали вымершими улицами Львова и других городов и сел Галиции в поисках жертв, убивали без суда и следствия «подозрительных», конвоировали и охраняли в гетто и концлагерях, принимали участие в массовых расстрелах мирного населения, наводили ужас на целые села и поселки. А после экзекуций, вернувшись в полицейские «станции», считали патроны и отчитывались об использованных (так как ежедневно на каждый «гвер» такому полицаяу выдавали по десять патронов). Потому многие из них, кроме немецкого «гвера», носили еще и веревки с заготовленной удавкой, так как были одновременно представителями оккупационной власти и гестапо, собирателями оккупационных налогов (контингентов) а также экзекуторами, судьями и палачами.

12 августа 1942 г. во Львове началась «чрезвычайная акция» по вывозу еврейского населения в концентрационные лагеря. Гитлеровцы приказали «украинской» полиции ежечасно докладывать в немецкую комендатуру о «количестве захваченных евреев» и о «числе потраченных патронов». Акция продолжалась двенадцать суток. Всё это время «украинские» полицаи шарили по подвалам и чердакам домов, с исключительной жестокостью расправлялись с теми, кого находили. В докладных записках полицаяев указано, сколько евреев задержано или расстреляно во время преследования, сколько патронов потрачено. Во Львовском областном государственном архиве хранятся сотни таких записок, и каждая из них – очередное свидетельство содеянных преступлений.

В Центральном государственном архиве высших органов государственной власти Украины в Киеве хранится документ, в котором указано: «на площади возле почты (судя по тексту, событие происходило в Станиславе, ныне – Ивано-Франковск – В. М.) состоялось 10 июня (1942 г. – В. М.) торжественное принятие украинской народной милиции в ряды немецкой государственной полиции. К выставленным в ряды нашим милициянтам (около 300 человек) и их командованию обратился с трибуны комендант гестапо п. Кригер (тот самый гауптштурмфюрер СС Ганс Кригер, который руководил массовыми расстрелами во Львове в первые дни оккупации – В. М.). Приветствуем «Слава Украине!» начал свою речь, в которой указал на тяжелое и ответственное задание службы безопасности, апеллировал к чувству обязательности и точности, подчеркивал большой труд немцев и опыт, который украинская милиция сможет теперь

себе усвоить, в частности, когда она имеет в своем числе офицеров бывшей украинской армии (имеется ввиду Украинская галицкая армия (УГА) – В. М.)...»

«...Принимая нашу милицию в ряды службы безопасности, п. комендант издал первый приказ о поздравлении и закончил свою речь словами: «Sieg! Heil!». Потом по окончании исполнения оркестром немецкого гимна, розданы команде милиции новые повязки, после чего п. комендант вместе с представителями областной милиции принял парад. По окончании парада дети одарили п. коменданта букетами цветов. Трибуна украшена немецким и украинским флагами. Много украинской публики».²

В документе, как видим, речь идет не об обычной, так называемой «вспомогательной» или «порядковой» полиции, а о посвящении подразделения функционеров службы безопасности (состояло из 300 лиц – В. М.), которые действовали под руководством гестапо и СД, то есть тех, чьими руками гестаповцы совершали свои кровавые преступления. Можно представить, какое «полное доверие» заслужили эти полициан с украинскими именами, коль удостоились служить в гестапо и СД!

К сожалению, специальных сводов о количественном составе так называемой «украинской» полиции на оккупированной гитлеровцами Западной Украине до сих пор не обнаружено: да и удастся ли обнаружить? Но анализ многих документов свидетельствует о том, что в дистрикте «Галиция» (Дрогобычская, Львовская, Станиславская и Тернопольская области) служило оккупантам только во «вспомогательной» полиции около 12 тысяч галичан, а на Волини (Волинская и Ровенская области) – более 8 тысяч волянян. А сколько их прислуживали гестапо, железнодорожной, лесной и другим полициям?!

В. Боровэць в своей книге «Армия без государства» пытался, как и все другие националистические авторы, всячески защитить «украинских» полицаяв. Он пишет так: *«Особенно следует отметить украинскую полицию, которая была на службе под командой немецких вахмистров». Этим людей кое-кто пытался обвинять в сотрудничестве с немцами. Эти обвинения неосновательны». И далее: «Украинская полиция под немецкой оккупацией, за исключением нескольких преступных единиц, стояла на очень высокоморальном уровне».*

В таких заявлениях нет ничего удивительного, так как «Тарас Бульба»-Боровэць сам был в начале войны полицаем, организовав на Волинском Полесье (в Олевске и Сарнах) верноподданные оккупантам отряды «украинской» полиции и назвав их «Полесская Сечь». Эта «Сечь» исполняла не только «вспомогательные» функции при наведении внутреннего порядка в регионе, но и очищала полесские земли от красноармейцев, которые отстали от своих частей.

Тот «высокий моральный уровень» типичного «украинского» полицая, о котором писал «Тарас Бульба»-Боровэць, и показывает в своем очерке «Ликвидация» Ярослав Галан. Очерк написан писателем в конце 1944 г. по свежим следам описанного в нем. Есть сведения, что Галан специально выезжал в Бобрку на Львовщине, где действовал «герой» этого произведения.

В этом очерке Галан писал: *«Рассмотрим фотокарточку: гладко выбритая физиономия типичного бандита. На голове у него шапка-мазепинка – единственная уступка гитлеровцев галицким жовтоблакытникам. На шапке – круглая кокарда полицая, которая напоминает пломбу, какой во времена поляков ставили тавро на уши предназначенных для экспорта свиней...»*

---

² ЦДАВО України, ф. 4620, оп. 3, спр. 378, арк. 55.

«Кто такой Фэдь Коваль? – продолжал Ярослав Галан. – Куркуль из села Лопушна, но из тех куркулей, которые желают не сеять, не пахать, а собирать. Долго ждал Коваль своего часа. Он пробил, когда в Бобрке появились немцы. Фэдь один из первых записался в полицию. Это был единственный возможный для него путь к карьере и...наживе».

Галан продолжал:

«Начались «акции». Фэдь Коваль не копал ям для трупов. Это делали сами обреченные. Он только следил за ними: украдкой из-под опущенных век следил за руками тех, кто раздевался. Когда на руке девушки блеснул золотой перстень, Фэдь незаметно подходил к ней и движением опытного вора снимал перстень с пальца. Сережки вырывал с мясом: церемониться не было времени – за спиной Фэдя сотни людей стояли в очереди за его пулей.

Стрелял Фэдь отлично. Немецкий комендант Бобрки не мог его нахвалить: Фэдь никогда не давал маху. Когда по приказу гестаповцев человек бежал что есть силы на «доску смерти», Фэдь попадал в его затылок с расстояния 20 и даже 30 метров. Больше всего хлопот было с маленькими детьми. Они ни за что не хотели приближаться к страшной яме, в которой шевелились в предсмертных конвульсиях сотни залитых кровью тел. Фэдь то угрожал, то показывал им конфеты. Когда это не помогало, он хватал ребенка за ножку и подбрасывал высоко вверх. Маленькое тельце, перевернувшись несколько раз в воздухе, падало в яму...

Когда же гитлеровцы пошли на запад, а в край пришла Красная Армия, – продолжал повествование Ярослав Галан, – Фэдь Коваль стал «Морозом», комендантом куреня УПА и «воевал... не за Гитлера, а за соборную».³

Такие метаморфозы произошли не с одним Фэдем Ковалем - «Морозом». В марте – апреле 1943 г. на Волыни, а затем осенью 1943 г. в Галиции подразделения «украинской» полиции по соглашению с тем же гестапо и по приказу руководства ОУН-бандэровцев, «тайно», чтобы создать перед общественностью видимость побега, с немецким оружием и различной амуницией перешли в «подполье», составив тем самым основу будущей УПА. Другие полицейские бежали на запад вместе с немцами. Еще одна часть влилась в дивизию СС «Галиция» второго и третьего формирования, другие стали объектом диверсионно-агентурной подготовки в школах Абвера для забрасывания в тыл Красной Армии.

Однако при этом нужно предостеречь читателя, речь идет не только об «украинских» полициях, которые пополнили ряды так называемой «вспомогательной» полиции на оккупированной гитлеровцами Западной Украине, охранявшей учреждения и склады или регулировавшей порядок на улице. Собственно, об этой полиции как раз и пишут многочисленные националистические авторы, чтобы ввести в заблуждение нынешнего читателя.⁴

Речь идет, прежде всего, о крипо (криминальной полиции), о сипо (службе безопасности), о шуно (охране концлагерей и тюрем) и о больших подразделениях так называемой «охранной» полиции («шцуманшафтполицай»), которые вели борьбу с советскими и польскими партизанами и осуществляли карательные акции против мирного населения. Так, во время освобождения западных областей Украины Красной Армией Львовская областная комиссия по расследованию преступлений немецких фашистов и их

---

³ Галан Я. Твори в 4-х тт. К., 1977, Т. 2. С 194–195.

⁴ Див.: Державний архів Львівської області, ф. П-1, оп. 3, спр. 16, арк. 117–122.

пособников опубликовала список преступников, которые совершали ужасные злодеяния в трех концлагерях Львова и в других местах массового уничтожения людей на территории области. В список вошло 190 маститых оберпалачей – от генерал-губернатора Ганса Франка до рядового палача-исполнителя. Среди них было немало преступников с украинскими фамилиями. Речь идет также и о том, что печально известные диверсионно-картельные батальоны специального назначения «Нахтигаль» и «Роланд», подчиненные Аберу, а в августе 1941 г. отозванные с фронта и переформированные в полицейские (щуцманшафт) батальоны, были затем включены в «охранную» дивизию эсэсовских войск, которая вела борьбу против советских партизан и осуществляла карательные акции против мирного населения Белоруссии. Почти все щуцманполицай этого подразделения во главе с капитаном Р. Шухэвичем вскоре влились в УПА. Капитан Шухэвич стал «главнокомандующим» УПА, генерал-хорунжим.

Таким образом, все эти уголовно-криминальные кадры «украинской» полиции, щуцманшафта и СС составляли не только командное ядро УПА, но и её основу. А это, безусловно, существенно определяло политический и морально-психологический характер украинской повстанческой армии. Так была ли полиция украинской, национальной? И была ли УПА такой формацией?

Окончательный ответ на этот вопрос дан в следующих разделах этой книги.

Участие «украинской» полиции в истреблении еврейского населения.

В массовом истреблении еврейского населения на Западной Украине, безусловно, принимали активное участие «украинские» полицаи. Но не только они. К этому преступлению причастны и бургомистры-украинцы с многочисленными чиновниками, которые верноподданно служили оккупантам, и старосты (войты) в селах с их активами, и руководители низовых организаций ОУН (станичные), которые угождали оккупационным властям.

Накануне войны на Западной Украине проживало около миллиона евреев (более половины из них в Галиции). Все эти мирные жители были зверски уничтожены в концлагерях и гетто, расстреляны, сожжены, замучены. Евреев в селах и городах отлавливали, препровождали в концлагеря и гетто, грабили и расстреливали полицаи под командой гестаповцев. Такая «практика» была особенно характерна для небольших городков и сел, где проживало много еврейского населения.

Мы уже упоминали выше о позиции заместителя Бандэры Я. Стецько, когда он писал оправдание перед гитлеровцами под названием «Мое жизнеописание». Там он писал о необходимости истребления еврейского населения по примеру нацистов. Многочисленные документы свидетельствуют о том, что ОУН-бандэровцев (как и вся ОУН) в вопросе отношения к еврейскому населению занимала идентичную с нацистами позицию – тотального истребления евреев! Уже за несколько дней до начала войны националистическая оккупационная газета «Краковские вести», которую издавал Украинский центральный комитет (УЦК), в статье «Жидовский вопрос на Украине» писала о «засилье жидов на украинских землях» и о необходимости мести и расправы над ними (Газ. «Краковские вести». 1941. 18 июня.)

18-19 июня 1941 г. С. Лэнкавський, шеф бандэровской службы пропаганды, провел во Львове совещание, на котором обсуждался и вопрос «О меньшинствах на Украине». Сохранилась короткая стенограмма этого собрания:

«Гупало:

– Главное – много повсюду жидов. Надо не позволять им жить. Вести политику на выселение. Они будут сами бежать. А может, выделить им какие-то города, например, Бердичев?

Лэнкавский:

– Охарактеризуйте мне жидов.

Головко:

– С ними надо поступать очень просто. Мы должны их прикончить.

Лэвыцкий:

– В Германии жида имеют арийский параграф. Для нас более интересным является такое дело, как в генерал-губернаторстве. Там обозначен каждый жид. Каждый должен быть зарегистрирован. Потом их определили в гетто... Молодые, способные к труду, идут на труд. Часть нужно уничтожить. Хотя и теперь уже кое-что уничтожено...

Головко:

– Мне очень нравится немецкий взгляд на жидовство.

Лэвыцкий:

– Мне кажется, что немецкий способ жидовского дела нам не очень подходит. Мы должны индивидуально рассматривать отдельные случаи.

Лэнкавский:

– Относительно жидов принимаем все методы, которые пойдут на их уничтожение...»⁵

Все эти факты – только отдельные фрагменты уже выработанной (по примеру нацистской) заблаговременно программы тотального истребления еврейского населения на украинской земле. Буквально с первых минут программа начала безусловно осуществляться. Приоритет в этом принадлежал, конечно, «украинской» полиции. Вот как об этом массовом кровопролитии писал Юлиан Шульмейстер в книге «Гитлеризм в истории евреев» (К., 1990), характеризуя только отдельные факты в первые дни немецко-фашистской оккупации г. Львова:

«Свидетельство Ф. Фридмана:

«В первые дни немецкой оккупации, с 30 июня по 3 июля, были произведены кровавые и жестокие погромы. Украинские националисты и организованная украинская полиция (вспомогательная полиция) начали на улицах охоту на еврейских жителей. Вламывались в квартиры, хватили мужчин, иногда всю семью, не исключая детей».

Свидетельство Янины Хешелес:

«Развешаются желто-голубые флаги. На улицах полно украинцев с палками и железяками, слышатся крики... Рядом с почтой стоят люди с лопатами, украинцы их бьют, кричат: «Жида, жида!» На улице Коллонтай парни бьют евреев метлами, палками, камнями. Ведут в тюрьму «Бригидки», на Казимировку. На бульваре снова бьют...»

Свидетельство Рубинштейн: *«На следующий день (после оккупации Львова – В.М.) немцы вместе с украинцами устроили погром. Убили тогда около трех тысяч евреев...»*

Свидетельство украинки Казимиры Порай (из дневника):

«То, что видела сегодня на рынке, могло случиться в древние времена. Возможно, так поступали дикие люди... Недалеко от Ратуши дорога засыпана битым стеклом...»

---

⁵ ЦДАГО України, ф. 3833, оп.1, спр. 9, арк. 1–2.

Солдаты с эсэсовскими эмблемами, которые разговаривают по-украински, мучают и издеваются над евреями. Заставляют замечать площадь своей одеждой – блузками, платьями, даже шапками. Поставили две ручных тачки, одну на углу улицы Краковской, другую на улице Галицкой, заставляют евреев собирать стекло и нести гольми руками к тачкам... Бьют палками и кусками провода. Путь от Галицкой до Краковской залит кровью, которая течет из человеческих рук...»

Из свидетельств польки Станиславы Гоголовской:

«На Русской увидела полицейев-украинцев, которые вели каких-то людей, которых били палками и железными ломками... На улице Коперника попала в адскую круговерть, господствовал ужасный гул, крик и плач. Люди шли с выражением отчаяния и страха. Украинские полицаи стояли шпалерами вдоль тротуара, кричали: «Жиды, жиды!» Били, если кто-нибудь пытался защищаться или кричал, что не еврей, над ним учиняли ужасное. Передо мной затоптали молодого человека...»⁶

Подобных свидетельств много.

Второй еврейский погром во Львове гитлеровцы осуществили полностью руками украинских националистов 25-28 июля 1941 года. На этот раз поводом погрома была выбрана месть за убийство евреем Соломоном Шварцбардом в 1926 г. в Париже Симона Петлюры. «Дни Петлюры» националисты превратили в страшную кровавую оргию.

Свидетельство раввина Д. Кахане:

«28 июля украинские полицаи врывались в еврейские дома, хватали молодых мужчин и отводили на Лонцкого. Подобное повторялось два дня, пока тюрьма на Лонцкого не переполнилась. Даже двор был забит евреями... Охватывает ужас, когда вспоминаю, что происходило. Есть на давали. Каждый раз, когда заходила банда украинских националистов, издевались, убивали, кричали: «Это вам за нашего атамана Петлюру!».

Свидетельство Ф. Фридмана:

«В дни 25, 26, 27 июля снова на улицах и в квартирах хватали евреев мужчин и женщин, якобы взятых на работу, чаще всего убивали. Эти убийства и издевательства проходили как «акция Петлюры». В основном дело украинской вспомогательной полиции...»⁷

Как действовала «украинская» полиция в населенных пунктах Западной Украины?

Об ужасных кровавых оргиях в Ровенской области свидетельствовал немецкий инженер Г. Граббе, который 1942 г. был директором украинского филиала одной немецкой строительной фирмы в г. Здолбунове. Во время поездки по строительным объектам своего предприятия он оказался в Ровно, когда в ночь на 13 июля 1942 г. было уничтожено 5 тысяч заключенных Ровенского гетто. Сотня этих несчастных людей использовалась его фирмой, и Г. Граббе пытался спасти их, ссылаясь на нехватку рабочей силы. Бегая от одного начальника к другому, безрезультатно обращаясь к властям, он на протяжении всей ночи наблюдал за перипетиями этой трагедии.

«13 июля около 22 часов украинские полицаи под руководством эсэсовцев окружили ровенское гетто, установили вокруг него прожекторы. Разделившись на небольшие группы, полицейские и эсэсовцы врывались в дома, ударами прикладов выбивали двери,

---

⁶ Шульмейстер Ю. Гітлерізм в історії євреїв. К. 1990. С. 76–78.

⁷ Там же.

если их не открывали достаточно быстро, или кидали в окна гранаты...» «Слышались крики женщин, которые звали детей, и крики детей, которые потеряли родителей, – продолжал Граббе. – Но это мало волновало эсэсовцев, которые били несчастных и гнали их бегом в сторону вокзала, где ждал товарный поезд. Людей заталкивали в вагоны. Над всем этим стоял невыносимый плач, плач женщин и детей, слышались звуки ударов и выстрелов. Всю ночь под ударами кнутов и грохот стрельбы перепуганные жители гетто метались по специально освещенным улицам. Можно было видеть, как женщины прижимали к себе иногда неживых детей, дети несли куда-то мертвых родителей, не желая оставлять на поругание их тела. Вдоль дороги были брошены десятки трупов – женщин, детей, стариков. Двери домов были распахнуты, окна выбиты, всюду валялись одежда, обувь. Выпотрошенные сумки, чемоданы и другой жалкий скраб. В одном из домов я увидел полуголого ребенка с расколотой головой, которому, наверное, не было и года, стена и пол вокруг него запачканы кровью...»⁸

В 1943 г. решили завершить истребление еврейского населения Западной Украины. Расстрелы в гетто слились в непрерывную «акцию», а тех, кого не успевали уничтожить на месте, вывозили в концлагеря смерти. Тех, кому удалось сбежать, разыскивала и отлавливала «украинская» полиция в селах и лесах, посылала на смерть или расстреливали на месте. По сути, до конца лета 1943 г. с еврейским населением было покончено. Временная инструкция УПА от 7 сентября 1944 г. констатировала: «5. Жидовский вопрос. Против жидов не проводили никаких акций. Жидовский вопрос перестал быть проблемой (их осталось очень мало). Это не касается тех, кто выступает против нас активно».⁹

Таков финал акции тотального истребления евреев в крае. Но для пояснения этого финала обратимся к авторитету известного историософа за границей И. Лысяка-Рудницького, который в одном из своих эссе писал:

«Мы знаем, что некоторые украинцы, особенно те, которые были завербованы в полицейские формирования, принимали участие в осуществлении нацистских преступлений».

И далее обращал внимание:

*«Однако известно, что украинское националистическое подполье ни одного раза не подняло своего голоса против уничтожения евреев. Бывает ситуация, когда молчание морально не оправдано, когда оно становится равнозначным соучастию. Молчание ОУН и УГВР об ужасах, которые творили нацисты в отношении еврейских граждан Украины, не было случайным. Оно отображает моральную черствость и глубинную негуманность – черты, которые украинский интегральный национализм разделяет со всеми другими тоталитарными движениями и системами».*¹⁰

---

¹ Василь Боровець (1908-1981) – украинский националист, был членом ОУН, однако имел ряд разногласий с Мэльником и Бандэрой. Признавал правительство УНР в изгнании. Боровець сотрудничал с немцами, создал первую УПА. Из-за отказа участвовать в

---

⁸ Деларю Ж. История гестапо. Смоленск, 1993. С. 327–328.

⁹ ЦДАГО України, ф. оп. 23, спр 931, арк. 169.

¹⁰ Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. К., 1994. Т. 1. С. 138.

геноциде евреев был отправлен немцами в концлагерь Заксенхаузен. В 1948 году оказался в Канаде, а затем жил в США.

^{II} Лэв Шанковський (1903-1995) – бандэровец и петлюровец, воевал против советской власти в составе Украинской Галицкой армии (УГА), в годы войны входил в провод ОУН(б). Боевик дивизии СС «Галиция». В послевоенное время занимался публицистикой и неофашистской пропагандой в США. Отец националиста Игоря Шанковського. Младший Шанковський последовательно пытался представить творческое наследие Василя Симоненко как националистическое, участвовал в войне против Кореи в 1950-1953, умер в 2012 году в США.

^{III} Василь Симоненко (1935-1963) – известный поэт и журналист Советской Украины, автор многочисленных произведений, последовательный антифашист и антимилитарист. Василь Андреевич смело критиковал советскую бюрократию, был одним из наиболее ярких представителей «шестидесятников» – характерного движения советской культурной элиты послевоенного периода, критиковавшей сталинизм после XX съезда. Симоненко безгранично любил свою родину, оставаясь при этом интернационалистом и сторонником построения социально справедливого общества. Украинские националисты в эмиграции пытались выдать Симоненко за своего путем публикации некоторых его самиздатовских стихов с содержанием критики советского бюрократизма. После 1991 года причисление В. Симоненко к националистическому движению стало частью государственной пропаганды, однако это так и осталось попыткой выдать желаемое за действительное.

^{IV} Бандэровская транскрипция немецкого «Generalgouvernement» – генерал-губернаторство.

КАК ФОРМИРОВАЛАСЬ УКРАИНСКАЯ ПОВСТАНЧЕСКАЯ АРМИЯ?

Где и при каких обстоятельствах образовалась УПА?

«УПА зародилась на Волыни!» – провозгласил как-то, будучи Президентом Украины, Л. Кравчук. Так ли?

Да, УПА зародилась на Волыни. Но сначала расскажем об этой одиозной фразе. Говорят, что она была высказана Л. Кравчуком в начале его президентства довольно эйфорично, с «патриотическим» подъемом или нажимом. Что ж, недавнему главному идеологу Компартии республики и «широму» вольтыниину (и одновременно «национально сознательному» украинцу!) это, конечно, хорошо известно.

Да, первые националистические вооруженные отряды появились на Волинском Полесье. С началом войны здесь возникли вооруженные формирования так называемой «УПА – Полесская сечь» «Тараса Бульбы»-Боровца, а затем формирования ОУН-бандэровцев также под названием УПА.

Причины возникновения таких формирований довольно четко выражены. Однако, некоторые оппоненты предостерегают: почему националистические так называемые «повстанческие» отряды возникли на «красной Волыни», где были довольны сильные революционные традиции левого направления, а не в Галиции, по сути, центре воинствующего национализма? Тут что-то, мол, неправдоподобно и даже парадоксально.

Да, парадоксально. Но факт. Именно тут, на Волинском «красном» Полесье и возникают первые вооруженные националистические формирования. А для чего? – спросим. На этот вопрос отвечает однозначно «историограф» ОУН-УПА Пэтро Мирчук в своей книжке «Украинская повстанческая армия»:

«Причиной того, что первый отдел УПА возникает именно на Полесье, было то, что здесь кроме немецких притеснений на населении сказались еще большевицкие партизаны и польские «пляцуфки»...»

И дальше добавляет:

«...необходимость немедленного перехода к вооруженной партизанке была наиболее жгучей ...»¹

Итак, «наиболее жгучей» была, конечно, не необходимость противостояния немецко-фашистским оккупантам, которых националисты так нетерпеливо ждали и на которых хотели опереться, а необходимость борьбы против советских и польских партизан, которые угрожали националистам как сообщникам нацистов, и которые уже активно действовали на Волыни и, особенно, на Полесье, в сплошных лесных массивах, с первых дней войны, и действовали эффективно.

Этим националисты были серьезно обеспокоены. Потому и бросают в этот регион все силы, чтобы противостоять этому антифашистскому движению. Организаторами и руководителями создаваемых вооруженных формирований были галичане: М. Лэбэдзь («Максым Рубан»), В. Сыдор («Шэлэст»), Д. Клячківський («Клым Савур»), Р. Шухэвич («Тарас Чупрынка») и др.

Что же касается Галиции, то тут ситуация была полярно противоположной. Уже с первых дней оккупации националистическое (ОУН-бандэровцев) подполье, массово терроризировавшее советский актив, установило

---

¹ Мирчук П. Українська повстанська армія. 1953. С 27–29.

тут полный контроль над населенными пунктами, особенно в сельской местности. Существующие тут отряды «украинской народной самообороны» (УНС) длительное время не проявляли себя, чтобы лишний раз не дразнить гитлеровцев. Только летом 1943 года, во время рейда партизанского соединения дважды героя Советского Союза генерал-майора С. А. Ковпака в Карпаты они начали активизироваться и организовываться в мобильные отряды для отпора советским партизанам, а осенью того же года подчиняться общему командованию УПА, проведя одновременно кардинальную реформуацию этой структуры и полностью подчинив её руководству ОУН-бандэровцев.

Вот как об этом рассказывал бывший командир партизанского соединения, которое действовало летом 1943 г. на Волыни, Герой Советского Союза, полковник А. П. Брынский («Дядя Петя»):

«...Усилилась опасность со стороны украинских буржуазных националистов. Из достоверных источников мы знали, что в Луцке и Ковеле руководители националистических организаций – наперные, напуганные нашими успехами и подъемом антифашистского движения – вели переговоры с представителями гестапо в отношении общей борьбы против партизан. Против немцев они, конечно, не воевали, но к своему старому лозунгу борьбы за «самостоятельную Украину» добавили новый лозунг – беречь силы для борьбы против Советской Армии. «Курени» их размещались вдоль железных дорог и ближе к мостам, чтобы поддерживать фашистские гарнизоны и препятствовать партизанам подходить к железным дорогам. Во имя «Украины для украинцев» они разжигали национальную вражду, призывая к поголовному уничтожению всех людей неукраинского происхождения (за исключением, разумеется, немцев).

Переходя от слов к делу, они убивали мирных жителей, жгли польские хутора, ловили евреев, которые сбежали из гетто. Поляки уже не раз обращались к нам за помощью, и мне пришлось выделить часть наших сил для охраны польского населения...»²

И далее такое дополнение:

«Положение первой бригады тем временем все более усложнялось. Гитлеровцы договорились с украинскими буржуазными националистами о совместной борьбе не только против партизан, но и против Красной Армии, которая приближалась. Для этого националисты должны были заполнить своими бандами партизанский край и очистить от партизан районы между Западным Бугом и Стыром, именно те районы, в которых базировались отряды первой бригады. Националисты стремились выполнить это задание, стягивая сюда силы из других областей. Даже из Галиции перебросили националистические банды. Вокруг Ковельского железнодорожного узла они аж роем роились, хватывая дороги, которые вели от Ковеля на Восток ...»³

Таковы, безусловно, причины создания отрядов УПА на Волыни. Но при каких обстоятельствах родилась УПА? На этот вопрос довольно четко отвечают материалы националистического сборника документов «Летопись УПА». Обратимся к нескольким материалам.

---

² Брынський А. По той бік фронту. Спогади партизану. К., 1978. Книга 2. С 114.

³ Там же. С 219.

Первое обстоятельство. Руководитель оперативного отдела штаба организованной УПА М. Омэлюсик¹ в небольшом обзоре «УПА на Волыни в 1943 году» довольно определенно писал о социально-политической ситуации на Волыни в первый период немецко-фашистской оккупации: *«На Волыни немцы оставили то правовое положение, которое было при большевистской оккупации, особенно в отношении права собственности на недвижимость и всяческого рода хозяйственные объекты. А поскольку это все было национализировано, то правовым наследником должно было быть немецкое государство. Собственного ничего не было, даже сельского мелкого хозяйства. По немецким законам, изданным для Украины, суды, также и немецкие, не имели права рассматривать дела о собственности на недвижимость, только право владения чужим имуществом. Только в Галиции («Генеральная Губерния») украинцы могли иметь земельную собственность до 20 га...»*⁴

К этому следует добавить, что немецко-фашистские оккупационные режимы на Волыни и в Галиции довольно резко отличались во всех отношениях. В Галиции допускались (особенно в низовых звеньях) элементы местного самоуправления, которое осуществляли разного рода коллаборационисты из местного населения. Так, уже с первых дней оккупации сбор всяких оккупационных поборов (прежде всего, так называемых «контингентов» – сельскохозяйственных налогов) полностью взяли на себя службы и структуры УЦК (Украинского центрального комитета), созданного гитлеровцами с помощью украинских националистов и национал-клерикалов в генерал-губернаторстве (в 1939 г.), которые на протяжении всех лет оккупации довольно тщательно справлялись со своими обязанностями экзекуторов. На Волыни же эти функции исполняли гебиткомиссариаты, крайсландверты вместе с сельскими старостами и их активом с помощью «украинской» и «польской» полиции, а часто карательных акций «охранных» войск СС. Горели волынские села, массово уничтожались их жители даже за пустяковую «провинность». Ограбленные до нитки крестьяне, по сути, были беззащитными перед оккупационным режимом.

Второе обстоятельство. Уже с первых месяцев немецко-фашистской оккупации руководство ОУН-бандэровцев было крайне обеспокоено тем, что на Волыни и Полесье множатся антифашистские силы советских партизан и подполья. В специальном обзоре информационной службы «Северо-западные украинские земли» ОУН-бандэровцев, датированном маем 1943 года, констатировалось, что *«большевистская партизанищина уже в 1942 году овладела всецело Полесьем и северной лесной полосой Волыни...»*

Одновременно ОУН-бандэровцев была не менее обеспокоена возрастанiem и усилением польского партизанского движения на Волыни, которое в силу обстоятельств консолидировалось с советскими партизанскими отрядами и подпольем. Активизация действий советских и польских партизан была, безусловно, вдохновлена разгромом гитлеровских войск под Сталинградом в начале 1943 года. Это событие стимулировало, как известно, все движение антифашистского сопротивления в оккупированной гитлеровцами Европе.

Реакция ОУН-бандэровцев на эти события была обратной. III-я конференция ОУН-б 21 февраля 1943 года решила создать «ячейки организованной

---

⁴ Літопис УПА. Торонто, 1978. Т. 1. С. 20–21.

силы» под названием УВА (Украинская освободительная армия). Сразу же после Рождества 1943 года командующий карательными («охранными») войсками СС обергруппенфюрер СС фон-дем Бах-Зелевски «развязал» (то есть отпустил домой) штурманшафт-батальон (сформированный из специаль-батальонов Абвера «Нахтигаль» и «Роланд» и брошенный в Белоруссии против советских партизан и мирных жителей) под командованием Побигущего-Шухэвчыча. Сразу же, в апреле 1943 г., другая часть бандэровской УПА во главе с майором Е. Побигущим влилась в дивизию СС «Галиция», которая только-только начала формироваться. А с 15 марта по 10 апреля того же года «по приказу главного командования УПА», как обозначено в документе, происходил *«массовый переход всех украинцев-штурманов и полицаев на всей Волыни и Полесье с оружием в руках... в ряды УПА»*. Все это, вышесказанное, не случайно, а тщательно продуманная и организованная акция.

И далее:

«Согласно с постановлением конференции ОУН, охвачено это движение в организационные рамки, а для профессионального оформления направлены туда (то есть на Волынь и Полесье – В.М.) офицеры».

Откуда направлены эти офицеры? Из той же Галиции, конечно. Достоверно известно, что для организации УПА на Волыни и Полесье было послано (еще кроме «офицеров») около тысячи галичан «для усиления морально-идейной мощи» националистического движения. В это же время начинается на Волыни и «украино-польская резня» – массовое истребление польского населения в крае. Не много ли совпадений? Можно с уверенностью сказать, что вся эта затея – спланированная заранее акция ОУН-бандэровцев!

Как видим, организационно УПА на Волыни возникла не 14 октября 1942 г., как это событие празднуют необандэровцы сегодня, а в начале весны 1943 г. Об этом так и пишется в томе 5 «летописи УПА»: «Первые организационные выступления отделов УПА приходятся на февраль-март 1943 года». Организационной основой, костяком этих формирований стали каратели из штурманшафт-батальона, которые недавно действовали в Белоруссии против советских партизан и белорусских крестьян, и более четырех тысяч «украинских» полицаев с Волыни и Полесья, которые уже набрались соответствующего «опыта» в расправах над украинцами, поляками и евреями.

Об этих «перипетиях» и «тайне» довольно ярко рассказывает Васыль Макар в письме к своему брату Володымыру Макару в Галицию. Письмо здесь названо «К началам УПА» и датировано 2 августа 1943 года.

Васыль Макар («Сироманэць», «Бэзридный») родился в 1908 году в селе Поторица Сокальского района в Галиции. Этот «Сироманэць» был хорошо известен на Волыни в 1943-1944 гг. Он был руководителем СБ ОУН-бандэровцев на СЗУЗ (северо-западных украинских землях), то есть на Волыни и в Полесье.

Автор письма сначала описывает брату настроения на Волыни весной и летом 1943 г.: *«Заобсервую... что назревает антагонизм между «москалями» (так галичане называли волынян – В. М.) и австрияками (так на Волыни называли галичан), и это может обрести значительные размеры, если соответствующей политикой не устранишь эта угроза. Как с одной, так и с другой стороны взаимные обвинения и нарекания. И это снизу до самого верху. Например, такое: волыняки нарекают (на галичан – В. М.), мол, не то что сидят себе тихо, ничего не делают, а еще и говорят: «О, москаль, холера б их забрала! Ты посмотри-ка, стреляют наших немцев. Понабировали гандгранат (ручных гранат – В. М.) и*

машингверов (автоматов – В. М.) и бьют наших немцев». Другие говорят: «У себя-то небось, не хотят трогать немака, а к нам-то пришли и т. п...»

Эти «обвинения» и «нарекания» требуют определенного пояснения, так как нынешний читатель, возможно, не всегда понимает, о чем тут идет речь. Дело в том, что немало волынян, которые были завербованы в УПА помимо их воли, прятались в лесах и были привлечены в националистические вооруженные формирования насильно, в ситуации безысходности, а потому вались к мести за поругание, которое учиняли гитлеровцы над населением. Бывало тут немало случаев, когда, вопреки приказам командиров, такие «малондейные» ребята нападали на небольшие полицейско-карательные отряды гитлеровцев и их пособников, которые проводили реквизиции и мародерства в селах, освобождали своих односельчан, юношей и девушек, которых силой вывозили на каторжные работы в Германию, или с намерением получить оружие и боеприпасы. В Галиции же подобные действия были редкостью и то не в 1941-1943-х гг., а летом 1944 г., когда гитлеровские войска панически откатывались на запад.

Далее автор письма отмечает, что из-за этих «обвинений» и «нареканий» были запрещены (и то, конечно, службой безопасности, которой руководил он сам) «организационным порядком» соседские взаимоотношения в пограничье между Волинью и Галицией». *«Это тоже по-своему комментируют, – продолжал автор письма, – есть много случаев, когда галичмены (то есть галичане – В. М.) продают волынякам за хлеб и сало оружие. Это преступление, которое надо наказывать смертью. Они же сильно деморализуют, ибо волыняне говорят: «Как дать оружие, так нет, а за хлеб и сало, так есть».*

Далее автор поясняет причины создания УПА на Волини так:

«... Повстанческую акцию на северо-западных и частично восточных территориях мы должны были начать, и это не было преждевременно, как кое-кто говорит, но вырывалось у нас из рук. С одной стороны – начали множится атаманчики, как Бульба-Боровець, а с другой стороны – красная партизаница начал заливать территорию....

...Второе: еще тогда, когда мы не начинали повстанческой акции, немчура начала массово истреблять села... Всех людей расстреливала, а постройку сжигала. В связи с этим масса людей начала убежать в леса и бродить без присмотра. Начались грабежи, другие пошли в коммунистическую партизаницу, к Бульбе и т.п. То есть мы должны были организационно охватывать этих людей в лесу. Вот две основные причины нашей повстанческой акции. Есть еще и третья, морального характера. Послышались голоса: «Где же то руководство? Почему не дает распоряжения бить немцев?» и т. п.»

И тут же добавлено:

«Теперь мы этим болтунам заткнули рты, а революцию обобществили. Бремя борьбы разложили на плечи всего общества, хочет оно того, или нет, а должно нести его...»

Следует к этому добавить то, что служба СБ действительно быстро заткнула рты «этим болтунам», подвергнув их пыткам «на мокро» и «на сухо».

Далее автор сообщил, что немцы вокруг Луцка, Костополя и Ковеля уничтожили целые села. А немцам, мол, помогают «ляхи» (то есть поляки). «В ответ мы уничтожаем их беспощадно», – добавил он.

Все это соответствовало действительности, кроме, безусловно, одного, так как вокруг Луцка, Костополя и Ковеля руками местных боёвок^{II} ОУН и отрядов

УПА, управляемых службой безопасности ОУН-бандэровцев, которую возглавлял на Волини Васыль Макар, были уничтожены не украинские (хотя и страдали украинцы), а прежде всего польские села вместе с жителями. Что же касается Галиции, то здесь делалось всё возможное, чтобы не раздражать гитлеровцев, особенно оккупационную администрацию, которой угодливо служили все коллаборационисты, в том числе и ОУН-бандэровцы. Тем временем та же ОУН делала всё возможное, чтобы как можно быстрее инспирировать «повстанческое движение» на Волини против советских и польских партизан (а не против «наших немцев»), прикрываясь тактикой «вырезания сел в Галиции». Ибо, мол, «заданием Галиции было поставлять Волини и Полесью оружие и амуницию со своих магазинов и доставлять необходимые медикаменты».

Однако здесь же написано открытым текстом следующее:

«Непосредственной причиной явного выступления украинских вооруженных сил (так называемой «Украинской народной самообороны» в Галиции – В. М.)» на галицких территориях был рейд большевистской партизанины под руководством Ковпака... Перед лицом этой опасности, – сказано далее в документе, – немедленно мобилизованы в Галиции вооруженные силы и брошены они против красных банд в Карпаты». Прикрытием (и оправданием перед гитлеровцами) для этой акции было то, что, мол, «немцы не имеют достаточной силы для обеспечения безопасности украинского народа от большевистских банд и потому украинский народ перед лицом этой опасности вынужден создавать собственные самооборонные отделы».

Это случилось ровно через четыре месяца после восстания отрядов УПА на Волини. И не гитлеровцы беспокоили ОУН-бандэровцев, а советские партизаны!

Эти необычайно важные предостережения руководителя службы безопасности ОУН на СЗУЗ (то есть Волини и Полесье) Васыля Макара («Сироманця», «Бэзридного») довольно существенно дополняет его брат Володымыр Макар («Вадым») в статье «Северо-западные украинские земли».⁵

Статья написана, как раз в то самое время, когда его брат Васыль отправил ему письмо с Волини, то есть летом 1943 г. Эта статья имеет, конечно, определенный недостаток, ибо её автор был в то время работником отдела информации и пропаганды при проводе ОУН-бандэровцев, который находился в городке Винники под Львовом. Немаловажно и то, что отделом информации и пропаганды руководили Мыхайло Палидович («Карпатський») и Мырослав Прокоп («Володымыр»), тот самый Прокоп, который теперь является одним из «наиболее значительных» историографов «национально-освободительной борьбы».

В статье немало объективной информации. Так, автор констатирует:

«До начала 1943 года преследуемые немецкими оккупантами украинцы, которым грозила смерть на месте или на каторге в «райхе», были принуждены в основном искать пристанища в рядах красных партизан, хотя видели их враждебное отношение к самостоятельным стремлениям Украины».

«Большевистская партизанина уже в 1942 году овладела всецело Полесьем и северной лесной полосой Волини... Их ряды пополняются постоянно красными парашютистами – москвинами, белорусами, беглецами-поляками, жидами и цыганами, а до времени выступления УПА еще и украинцами... Общее число красных партизан на пространстве между Берестьем и Днепром еще и

---

⁵ Літопис УПА. Торонто, 1984. Т. 5.

сегодня оценивают в 10-15 тысяч... Главное их внимание в теперешнее время обращено на уничтожение железных дорог и поездов. Все важнейшие хозяйственные объекты на подконтрольной им территории уничтожены...».

Что же касается первых формирований националистов, то автор ссылается на оуновские публикации:

«Кто они, эти народные мстители? Они выросли в гуще народа. Это те крестьяне и работники, которым сожгли хату, разрушили нажитое, расстреляли семью. Это те шуцманы, у которых застрелены товарищи и которые заключены за колючую проволоку. Это те батальйончики, которым велено стрелять в своих отцов, матерей, сестер и братьев. Это наконец те чиновники, которым за их работу выкопана яма, куда они должны были лечь вместе с семьей...».

Как видим, автор в «народные мстители» зачисляет и «шуцманов», и «батальйончиков», которые стреляли своих родных, и «чиновников», то есть тех «коллаборантов», которые еще недавно служили в органах оккупационной власти, а теперь оказались в формированиях УПА. Такая постановка, конечно, не удивительна для пропагандиста идеи украинского интегрального национализма.

Хотя далее Володымыр Макар справедливо отмечает:

«Первые организованные выступления отделов УПА приходится на февраль-март 1943 года. Штаб УПА вел речь, прежде всего, о захвате хороших стратегических позиций для разворачивания дальнейших плановых акций. Эти лучшие позиции на СЗУЗ (Полесье) были в руках красных партизан. Их прежде всего нужно было добыть. Так дошло до первых боев УПА с красными партизанами. В феврале и марте-месяце отделы УПА ударили по красным на окраинах Сарн, Столина и Владимирца... Линия разделов «сфер влияния» УПА и красных партизан проходит на северо-востоке по речке Случ, а в западном направлении на север от Сарн. Итак, отделы УПА занимают пока что невыгодное положение по краям лесов».

Итак, пропагандист из центра провода ОУН-бандэровцев констатирует здесь, что впервые организационно отделы УПА заявили о себе только в феврале-марте 1943 г.; эти выступления были направлены не против немецких оккупантов, а против красных партизан; пока что речь шла о «сферах влияния» между отрядами УПА и отрядами красных партизан.

Таким образом, автор здесь, как видим, камуфлирует главную причину бегства «украинской» полиции в леса между 10 марта и 10 апреля 1943 г. Он указывает, что *«главной причиной этого шага была опасность массового разоружения и ареста, или даже расстрела шуцманов-украинцев немцами».*

Это абсолютно не соответствует действительности. Ведь главной целью массового перехода «украинской полиции» в леса по команде провода ОУН-бандэровцев была необходимость укрепить организационно (кадрово) и довооружить первые формирования УПА на Волыни и в Полесье.

---

¹ Мыкола Омэлюсик (1889-1970) – бывший офицер Российской императорской армии, с 1918 в армии гетмана Скоропадского, затем боевик-петлюровец. После гражданской войны жил в Германии, вернулся на Украину после её оккупации гитлеровской Германией. В 1943 году вошел в состав УПА. После войны против

СССР бежал в Аргентину. Затем осел в США, где и прожил до смерти. Его жена (Тамара) была медсестрой в УПА и также занимались антисоветской деятельностью в послевоенные годы. Она была членом СУА – Союза Украинок Америки.

¹¹ Боёвка – боевая ячейка, небольшая группа

УПА – «ПОЛЕССКАЯ СЕЧЬ»

Как именно возникла УПА?

Ответ на этот вопрос непросто. Здесь существует много суждений, политических комбинаций и оценок. Да и выступали под этим названием два националистических вооруженных формирования, которые и до сих пор не могут поделить свои «заслуги».

В «Энциклопедии украиноведения»¹ указано: «Первые отряды УПА – «Полесская Сечь» создал со взрывом немецко-советской войны атаман Т. Боровець-Бульба в районе Олевского на Полесье для борьбы против большевиков. Они действовали независимо от немцев против остатков разбитых советских войск...»

Рассмотрим, как они действовали «независимо» и против кого действовали?

Начнем с Васыля Боровца («Тараса Бульбы») и с его книги «Армия без государства», которая недавно была переиздана во Львове. Здесь Боровець откровенно отмечает, что в начале войны «националисты всех направлений безусловно ориентировались на гитлеровскую Германию». Однако отношение к гитлеровцам на Украине было разным: «...*Революционное подполье Центральной и Восточной Украины* (что было, безусловно, крайне сомнительным в своем реальном существовании – В. М.) *далее действовало с большой осторожностью, чего нельзя сказать о Западной Украине, особенно Галиции. На этих землях политическая жизнь сразу начала приобретать открытые формы.*»²

Что же это за «революционное подполье», которое с приходом гитлеровских захватчиков «сразу начало приобретать открытые формы» в Галиции? На этот вопрос четко отвечал сам Боровець-Бульба, здесь же уточняя, что политической линией всех группировок националистов на Западной Украине была ориентация на гитлеровскую Германию. Но тактика была такая: «*Побеждает трезвая концепция: переждать эту фазу войны пассивно, а в подполье вести активную работу.*»

Здесь же Боровець подчеркивал, что из этой концепции выпадает ОУН-бандэровцев, ибо это организация, которая хочет осуществить всё и немедленно. И при этом приводит приказ «министра» из «правительства» Стэцько И. Клымыва – «легенды», тогдашнего руководителя краевой экзекутивы ОУН. Вот что приказывал этот «проводник»:

1. На украинской земле война. Немецкая армия вышла как наша союзница в борьбе с Москвой и таковой ее надо считать.

2. Главная роль в первой фазе борьбы падет на немецкую армию. Пока немцы будут бить Москву, мы должны создать украинскую крепкую армию, чтобы потом общими силами приступить к разделу и перестройке мира.

3. Назначаю единственным сувереном на Украинской земле украинский народ, а его выразителем провод Украинской Нации со Стэпаном Бандэрой во главе. Всякие поползновения на это наше право встретят наше решительное вооруженное сопротивление. Немецкой армии в борьбе с Москвой будем помогать всеми возможными способами, но будем создавать свою Украинскую армию. Боровець тут же добавляет: «*думаю, что комментарии к этому «приказу» не нужны. Этот приказ свидетельствует сам за себя и его авторов.*»

---

¹ Энциклопедія українознавства. Париж – Нью-Йорк, 1980. Словникова частина. № 9. С. 3377.

² Бульба-Боровець Т. Армія без держави. Львів, 1993. С. 137.

Однако сам Боровэць-«Бульба» поступает в данной ситуации еще «оригинальнее»: *«На фоне такой невыразительной политической ситуации Украины... рождалась наша новая революционно-партизанская армия. 22.06.1941 г. автоматически перестало существовать Украинское Национальное Возрождение (подпольная организация в Олевске, Сарнах и в других населенных пунктах Полесья, созданная Боровцем-«Бульбой» накануне войны и подчиненная «президенту» Украинской Народной Республики (УНР) за границей А. Лэвыцькому – В. М.), а на его месте родилась Украинская Повстанческая Армия. Я сам перестал быть «Байдой», а взял себе новое военно-революционное имя и начал подписывать все приказы и документы «Отаман Тарас Бульба».*³ Эта «революционная» УПА под названием «Полесская Сечь» отнюдь не была «партизанской», а обычным полицейским подразделением, которое действовало в интересах немецко-фашистских оккупантов. Вот как об этом пишет сам Боровэць-«Бульба»:

«Начальные действия УПА были невелики. Мы специально не вступали в бои с отступающими войсками Красной Армии, а охотились главным образом на банды НКВД». И далее: «Мы преобразуем войско УПА в официальную «милицию», организуем в Сарнах Окружную команду украинской милиции. Я занимаю должность окружного коменданта милиции... В общем деле наша «милиция» (Боровэць-«Бульба» сам эти слова берет в кавычки – В. М.) во всем Полесье превышает 10 тысяч солдат...».

И всё это в первые недели войны! Что же случилось? А случилось то, что под привлекательное название и демагогические лозунги «Полесской Сечи», которая якобы борется за «независимую» Украину, сбегалось немало «казаков» – недовольных советской властью местных крестьян еще со времен гражданской войны, романтично настроенных юношей, а то и уголовных преступников местного и неместного значения, которые желали удовлетворить свои корыстные интересы.

А что же творили эти «сечевики-бульбовцы»? Останавливали на дорогах («охотились», как писал Боровэць-«Бульба») отдельных красноармейцев, которые отставали от своих отступающих частей, отлавливали отступающих вместе с советскими войсками беженцев из Бреста, Ковеля, Луцка, Ровно и других городов, советских активистов, которые пытались эвакуироваться, всех, кто пробивался в направлении на Киев, и тут же ликвидировали.

Но об этом лучше всего скажет сам Боровэць-«Бульба»:

«Факт наличия таких больших партизанских соединений советской партизанины, которая уже начинает проводить большую диверсионную акцию на Полесье, вынуждает немецкое командование относиться к нашей милиции с большей толерацией (благосклонностью, одобрением – В. М.), чем в других областях, где нет леса и партизанской деятельности. Это обстоятельство дало нам возможность действовать целиком официально на протяжении кое-какого времени. От нас немцы не имели возможности требовать сокращения числа и централизации наших операций так, как они делали это в других областях. Немцы пытаются использовать наши силы для своих целей, мы пытаемся использовать свое привилегированное положение для нашего родного дела, то есть – вымуштровать кадры, добывать оружие и очищать всё Полесье от российско-коммунистической диверсии, чтобы сохранить всю Полесскую котловину как базу для себя».

И еще: *«Полесская Сечь уже своими первыми боевыми операциями добыла себе большое дело и славу по Украине».* (Выделено мной – В. М.)

---

³ Там же. С 78.

Как видим, гитлеровцы относятся благосклонно к «бульбовцам» или «бульбашам», как называли «милицию» Боровца-«бульбы» вольняне, ибо те оказывали большую услугу оккупантам – очищали Волынское Полесье от «красных». А «бульбовцы» были довольны такой «толерацией», «привилегированным положением» (но перед кем?), так как имели официальное разрешение безобразничать во всем лесном пространстве, «муштровывать кадры» братоубийц. Волне понятно, для кого они «добывали славу»!

Уже в конце июля 1941 г. атаман «Полесской Сечи»-«милиции» отчитывался «прэзыдэнтгу» УНР Лэвчыцькому в Варшаве, где под крылом гестапо находился его штаб. А отчитываться было чем и о чем. «Очищены» от «красных» целые районы Полесья, ограблены и ликвидированы тысячи беженцев – советских активистов, евреев, семей офицеров и служащих, красных партизан, которые создавали здесь ячейки и базы антигитлеровской народной войны. «Прэзыдэнт», как известно, посоветовал действовать более настойчиво. *«Мы добивались от немцев, – продолжал Боровэць-«Бульба», – признания «Полесской Сечи» как отдельной национальной воинской части».*

С этой затеей атаман носился перед руководством рейхскомиссариата «Украина», дислоцированным тогда в Ровно. «Генерал Китцингер согласился только на полувоенную-полумилиционную акцию специально для Полесья, – отмечал Боровэць-«Бульба». А «Тарасу Бульбе» хотелось значительно большего.

Чего добивались «бульбовцы»?

Дело в том, что «казакам» «Полесской Сечи» (конечно, не всем) хотелось чего-то другого, чем её атаману. Ибо вокруг горели села, гитлеровцы насильно реквизировали крестьянскую скотину и другое имущество, отправляли на рабский труд в гитлеровскую Германию вольных юношей и девушек, гибли родные люди от пуль гитлеровских палачей и их прислужников. А рядом дрались с гитлеровцами красные партизаны, летели под откос эшелоны с гитлеровцами и техникой, которые направлялись на завоевание Востока. Боль за народное горе пробирала до глубины сердца многих «сечевиков». Они рвались к мести, к расплате с врагом. Потому-то отдельные подразделения «Сечи» выходили из-под контроля атамана и пытались защитить население от грабежей и пыток карателей. Это заставило Боровца-«Бульбу» маневрировать и несколько менять свое поведение. Он, конечно, не разрывал тесных связей с гитлеровцами, но одновременно пытался показать перед «сечевиками» и населением Полесья свою «независимость» и «самостоятельность». Атаман хорошо понимал, что для населения стала не понятна эта яростная, братоубийственная война с советскими партизанами, которые с весной 1942 г. активизировали свои действия в лесных массивах Полесья, выводя из строя важные стратегические узлы коммуникаций в направлении на Киев. Под давлением этих довольно убедительных обстоятельств атаман вынужден был «порозумитися» (поладить) с советскими партизанами, которые действовали в крае.

*«В первые дни сентября 1942 года, – отмечал атаман в книге «Армия без государства», – ...на определенное нами место прибыла советская делегация в составе пятерых офицеров под охраной 15 автоматчиков. Делегацией руководил подполковник А. Лукин и капитан Брежнев».*⁴ Переговоры проходили на хуторе в селе Старая Гута Людвипольского района на Ровенщине. Эти переговоры должны были официально (как бы дипломатически) закрепить те эпизодические устные договоренности, которые уже имели место еще весной 1942 г. между «бульбовцами» и «красными» партизанами.

---

⁴ Там же. С 137.

Оснований, как указано выше, было немало, но главное из них то, что «бульбовцы» с активизацией действий советских партизан стремились обеспечить себе спокойствие в окружающих лесах. С мая того же года бульбовцы избегали стычек с советскими партизанами, что становилось предварительным условием и основой для предметных переговоров. Однако же, обе стороны не могли принципиально согласиться на поставленные (даже на главные) условия. Так, в конце ноября 1942 года состоялась вторая встреча делегаций. *«В декабре 1942 г. – отмечал в книге «Бульба»-Боровецъ», – обеим сторонам стало ясно, что переговоры ни к чему не приведут».*⁵

В то же время атаман вел активные переговоры с гитлеровцами. В октябре 1942 года рейхскомисар Украины Э. Кох поручил их ведение ровенскому гебитскомиссару Байеру и шефу службы безопасности Вольни и Подолья оберштурмбанфюреру (подполковнику) СС Пютцу. 6 декабря 1942 г. Боровецъ обратился к Пютцу с таким заявлением: *«Наше нелегальное положение не означает, что мы находимся в состоянии действительной борьбы с Германией. Это только вынужденная самооборона. Мы считаем Германию только временным оккупантом, а не врагом Украины. Когда Германия отбросила нас от участия в этой войне как субъекта, мы постановили ждать её окончания пассивным наблюдателем. Так как считаем вполне естественным и не помогать, и не вредить вам».*⁶

Атаман, как видим, совершенно не собирался вредить гитлеровцам. Зато с советскими партизанами дела все более обострялись. Более-менее терпимые отношения (в силу указанных обстоятельств) «бульбовцы» с «красными» имели с весны 1942 г. до февраля 1943 г. Вот как это объяснял сам атаман:

*«Однако с половины февраля 1943 года наш договорной нейтралитет с Лукиным был окончательно, по-большевистски, односторонне разорван. Они получили из Москвы приказ истреблять всеми силами и средствами все те национально-освободительные партизанские организации, которые им до сих пор не повезло перетащить на свою сторону».*⁷

Далее атаман «Бульба»-Боровецъ излагает и причину, из-за которой, мол, был разорван этот «нейтралитет». 19 февраля 1943 г. начальник штаба УПА-«Полесская Сечь» атаман Лэонид Щэрбатюк – «Зубатый» попал в засаду советских партизан. Его и сопровождающих расстреляли «красные». «Зубатый» выжил, дополз до ближайшего хутора, где ему оказали помощь. А уже 20 февраля бульбовская УПА официально вступила в открытую борьбу с советскими партизанами. Так объяснял разрыв «нейтралитета» атаман «Бульба»-Боровецъ. Но из донесений разведки советских партизан известно следующее: *«Узнав об этой сделке (имеется в виду договоренность о нейтралитете между УПА-«Полесская Сечь» и руководством советскими партизанами, которые действовали на Вольни и Полесье – В. М.), немцы начали провоцировать столкновения между партизанами и бульбовцами. Созданные ими так называемые «казацкие отряды» (сформированные из тех же украинских националистов – В. М.) напали на бульбовцев под видом партизан, что привело к разрыву соглашения бульбовцев с советскими партизанами».*⁸

---

⁵ Там же. С 140.

⁶ Там же. С 148.

⁷ Там же. С 154.

⁸ ЦДАГО України, ф. 1, оп. 23, спр. 919, арк. 39.

Какими были взаимоотношения между бульбовцами и бандэровцами?

Ответ на этот вопрос дает сам атаман «Бульба»-Боровэць в своей книге. Довольно рельефно и политически определено он характеризует раскол в ОУН, который случился в начале 1940 г.:

*«Вследствие раскола у полковника Мэльныка остался высший и средний руководящий элемент организационных кадров, а группа Бандэры овладела низовыми клетками организации. Таким образом образовалось две организации. Одной оторвало руки и ноги, а второй не хватало головы».*⁹

Особого внимания заслуживает характеристика и оценка атаманом «Бульбой» «Акта 30 июня 1941-го», осуществленного бандэровцами во Львове. Атаман, как известно, не был принципиальным политическими оппонентом ни ОУН-мэльныковцев, ни ОУН-бандэровцев. Некоторые националистические авторы пытаются показать его даже поклонником политической платформы Бандэры. Но это категорически не так. Как же тогда понимать то, что «Бульба»-Боровэць прикладывает столько усилий ко всестороннему разоблачению Бандэры и бандэровщины, хотя сам со своей политической практикой нечем особенным не отличался от кровавой практики бандэровцев? И как понимать то, что бандэровцы насильственными методами ликвидировали вооруженные формирования атамана?

В своей книге Боровэць отмечает, что одновременно с пафосным провозглашением «Акта 30-го июня 1941 года» бандэровцы распространяют («пустили в массовый оборот») копию другого документа под названием «Акт консолидации украинских политических сил» (очевидно, имеется в виду документ Украинского националистического комитета (УНК), принятый 22 июня 1941 г. в Кракове, который «Бульба» воспринял как бандэровский, и говорит, что этот документ был «подтасован до общих событий... с большим мастерством»).

Впечатление от «Акта 30 июня» у Боровца незаурядное:

«На самом деле акт провозглашения нового государства за плечами немецкой армии да еще с участием немецких офицеров и других высоких чиновников, с приветственными телеграммами Стэцько – Бандэра – Гитлер и т. п. указывал на то, что его политическое руководство как будущее правительство Украины под немецким протекторатом договорилось в этом таком важном деле с немецким правительством и имеет задание репрезентовать Украину под немецким правительством».

При этом атаман иронизирует:

«Насколько эти два акта и их начальные последствия были убедительны, свидетельствует тот факт, что «государство» господина Бандэры в первые дни благословит архиепископскими посланиями даже такой политически грамотный человек, как князь Украинской греко-католической церкви митрополит граф Андрий Шэптыцький».

Далее же «Бульба»-Боровэць обращал внимание:

«Как раз наибольшей жертвой обмана актом «консолидации» был сделан митрополит Шэптыцький. Он благословил «государство» господина Бандэры только потому, что его явно обманывал подвластный ему духовник отец доктор Грыньох и сам «премьер-министр» Ярослав Стэцько. Они в 4 часа утра 30.06.1941 явились к митрополиту Шэптыцькому как специальная делегация от С. Бандэры, где заявили, что они действуют на основании консолидированного договора со всеми политическими партиями и что им «Украинский национальный комитет» поручил провозгласить

---

⁹ Бульба-Боровець Т. Армія без держави. С. 96.

создание украинского независимого государства. В тот же день к митрополиту Шептыцькому явилась делегация немецких офицеров в составе Ганса Коха и зондерфюрера Кайта, которые заявили митрополиту, что местное командование немецкой армии не имеет никаких возражений против провозглашения акта создания украинского независимого государства».

Что же касается Ганса Коха, представителя Абвера в так называемых «украинских делах», то здесь атаман серьезно ошибался, так как позиция этого «знатока украинских дел» хорошо известна: не имея никаких указаний относительно этого вопроса со стороны руководства Абвера и вермахта, он, понятное дело, не мог что-то декларировать от своего имени.

Довольно интересны замечания Боровца относительно самого «Акта 30 июня 1941-го»:

Каковы же позитивные и негативные моменты «государственного акта» Бандэры?

1. Акт 30.06.41г. официально напомнил широкому миру, что на Украине бурлит воля к своей суверенной государственности.

2. Акт пытался эту волю направить в должным образом организованное русло.

3. Акт является исторически доказательным документом, который навеки засвидетельствовал, что Украина в 1941 году официально боролась за свое суверенное государство.

Так, по крайней мере, объясняют этот акт его авторы. А теперь посмотрим на его другие моменты:

1. Акт не был волеизъявлением всего украинского народа с помощью репрезентативно-парламентских органов. Он был наспех провозглашен несколькими случайными людьми. По этим причинам это никакой ни акт национально-государственной политики, а самозванная диверсия и явная атаманищина.

2. Провозгласители этого акта автоматически аннулировали Четвертый Универсал Украинской рады от 22.01.1918 года, которым была провозглашена и утверждена Украинская Народная Республика.

3. Даже из положения авторов этот акт не может иметь ни политико-дипломатической, ни революционной законности, ибо был провозглашен за плечами чужой армии без согласия политической власти и государства этой армии. Этот акт имел бы революционно-юридическую законность, если бы был провозглашен не 30.06.41 г., а раньше, и не за плечами немецкой армии, а в подполье предыдущего советского оккупанта Украины. Немецкая армия тогда застала бы совершенный революционный факт, с которым, согласно международным законам, должна была считаться и уважать его.

4. Провозглашение этого акта внесло юридически-государственный дуализм в украинскую национальную политику. Такая затея является доказательством непонимания авторами акта политических законов, чем компрометируется государственная традиция украинской нации перед широким миром.

5. Начиная с 22.01.1918 г., никто не имел потребности провозглашать украинское суверенное государство, ибо Украина уже раз сделала это и легитимное правительство этого государства не прекратило своей политической деятельности как экзильное правительство оккупированной врагом страны (здесь «Бульба»)-Боровэць, понятное дело, намекает на «легитимное» и «экзильное» правительство «президента» А. Лэвыцького, которого никто не избирал и который репрезентовал за границей, а во время войны и в

гитлеровской Германии, бывшее правительство УНР). Какая же может идти речь о восстановлении этого государства.

6. Акт вызвал определенную дезориентацию и анархию среди народных масс – если это был революционный акт против воли Германии, то почему там трубились официально: «Слава немецкому фюреру?» А если по согласию немцев, то почему авторы не договорились с немецким правительством, чтобы оно этот акт уважало?

7. Редакция самого акта неграмотная. Ни один акт любого суверенного государства никогда не должен быть инструментом прославления другого чужого государства. Кроме того, этот акт даже не очерчивает, каким должно быть это государство: республикой, монархией, авторитарной диктатурой или чем-то еще.

8. Акты о восстановлении государств и действия их суверенной власти могут быть действены только тогда, когда это делает или экзильное правительство на чужой территории, куда враг не имеет доступа, или на своей территории, только в такое время, когда политическая и военная ситуация гарантирует, что поднятый флаг наибольшей национальной святыни, какой является государственность, не будет сразу кем-либо опрофанен. Провозглашая свое «государство» под немецкой оккупацией, Стэпан Бандэра таких предпосылок не имел даже за несколько коротких дней.

9. Акт без единого основания был прокомментирован в мировой публицистике как акт государства-сателлита под властью государств оси. По сути, такой факт не отвечал действительности, ибо Украина ни де-юре, ни де-факто не была сателлитом держав оси, а только оккупированной территорией под немецкой, румынской и венгерской администрацией.

10. О том, что на Украине не погибла идея восстановления своего суверенного государства, свидетельствует постоянная революционная борьба с большими кровавыми жертвами, а не «опереточные государственные акты» вроде акта С. Бандэры от 30.06.41 г.

11. Во время Второй мировой войны не было места даже для сателлитного украинского государства, не говоря уже о соборной украинской державе и её суверенной власти. Это должны были понять авторы акта как кандидаты в державные мужи.

12. Национальная революция, её политика и вооруженная борьба – это не детская забавная игра в государство и войну, а важное дело, за которое целая нация платит огромную цену кровью и духовными и материальными сокровищами.¹⁰

И в конце Боровэць заметил: «Акт... был доказательством полной политической безграмотности его авторов».

В этих оценках, согласитесь, немало доказательного и справедливого.

В завершение выше сказанного «Бульба»-Боровэць довольно предусмотрительно предостерегал, что:

«... мы вынуждены эти документы цитировать прежде всего для самих себя, чтобы осветить полностью ту политическую ситуацию, какая была на Украине во время Второй мировой войны. Рекомендуются это в основном по двум мотивам:

- чтобы дать будущему историку нашей эпохи настоящие факты и события;
- для того, чтобы авторы всех этих примитивных «государственных документов» в ретроспективе увидели сами себя в зеркале и не пытались бесстыдно называть себя «проводом» всей Украины».

Сказано, как видим, искренне и справедливо.

---

¹⁰ Там же. С 73–74.

Почему бандэровцы ликвидировали УПА-«Полеская Сечь»?

Отвечаем на этот вопрос предостережениями самого атамана «Бульбы»-Боровца из его книги «Армия без государства». Автор справедливо отмечает, что в начале войны «украинское антикоммунистическое военное движение централизованным порядком распространялось на всю Украину с трех главных баз:

- « - с полеской, которая действовала по приказам правительства УПА;
- с буковинской, действовавшей по приказам ОУН;
- со львовской, действовавшей по приказам группы С. Бандэры». ¹¹

Атаман здесь обращает внимание, что претенциозность ОУН-бандэровцев в начале и в ходе войны в отношении всей политической жизни в Украине не имела границ. Бандэра стремился прибрать под свое крыло все организации военного характера. *«Бандэровцы... добивались от нас, – писал атаман, рассказывая о событиях лета 1941 г., – чтобы УПА (то есть УПА – «Полеская Сечь» – В. М.) официально признала их «власть» и подчинялась приказам политической линии их партии. Когда же главная команда УПА в этом домогательстве им категорически отказала, заявив, что она подчинена, тогда они начали эту сугубо армейскую формацию всячески обзывать, называя её «анархической атаманией», «демократической гнилью» и т.п.»*

С каждым месяцем напряжение взаимоотношений между бандэровцами и бульбовцами нарастало. Когда же весной 1942 г. отдельные подразделения «Полеской Сечи», выйдя из-под контроля Боровца, вступают в эпизодические стычки с гитлеровцами, проводившими массовые реквизиции крестьянской скотины и другого имущества, и освобождали группы молодежи, предназначенной для вывоза на рабский труд в гитлеровскую Германию, «вместо этого, – указывает «Бульба»-Боровец, – группа С. Бандэры, которой руководил тогда Микола Лэбэдь, была за пассивное сопротивление без партизанской диверсии. В противовес боевой пропаганде УПА группа Бандэры-Лэбэдя издала в июне 1942 года антипартизанскую листовку, в которой справедливо предостерегала украинский народ от акции советской и польской партизанины на украинской земле с вытекающими из этого немецкими репрессиями. В этой же листовке проявлялось стремление патриотические акции УПА или игнорировать, или ставить их в один ряд с советско-польской диверсией».

Отношения крайне обострились с началом осени 1942 г. Именно в это время провокации бандэровцев перерастают в вооруженные столкновения. Боровец старался уладить конфликт дипломатическим путем. Но зря. Такая ситуация привела к быстрому сближению «Бульбы»-Боровца с ОУН-мэльныковцев, на которых также оказывали давление бандэровцы. После присоединения последняя была переименована в «Украинскую народно-революционную армию» (УНРА). Вместо газеты «Земля и власть» стала выходить «Соборная Украина». В составе УНРА был создан политический совет из представителей «Украинской народно-демократической партии», «Союза коммунистов-самостийников» и мэльныковского провода ОУН. ¹²

В начале 1943 г. несколько отрядов бульбовцев были срочно разоружены бандэровцами. Однако настоящая война между ними начинается с лета 1943 года. 18 августа этого года бандэровцы разоружили основные отряды УПА-«Полеская Сечь». Подавляющее большинство их вошло в состав создаваемой бандэровской УПА.

4 августа 1943 г. атаман «Тарас Бульба» обратился к ОУН-бандэровцев с открытым письмом и с призывом прекратить вражду между всеми течениями

¹¹ Там же. С 78.

¹² ЦДАГО України, ф. 1, оп. 23, спр. 919.

националистического движения и объединиться на многопартийной основе (платформе) в борьбе за Украинское самостоятельное государство:

«Отправить это открытое письмо к Вам заставила меня Ваша работа на территории, которая входит в такую стадию, когда до братоубийственной войны остается только шаг. Об этом говорят Ваши проводники, отбрасывая всякие согласительные переговоры, а требуют абсолютного подчинения исключительно проводу ОУН. Они откровенно заявляют, что для достижения своей партийной диктатуры не поколеблются начать братоубийственную войну, даже если бы она стоила украинскому народу не сотни, а целые миллионы жертв...».

И далее:

«Из-за таких категорических взглядов позволю себе спросить Вас: за что Вы боретесь? За Украину или за ОУН? За украинское государство или за диктатуру в этом государстве? За украинский народ, или только за свою партию? – Командующий УНРА атаман «Тарас Бульба»-Боровэць».¹³

А осенью 1943 г. атаман распространил такое обращение:

«Трудящиеся Украины!.. Если бандэровские фашисты начинают бросать в народ демократические лозунги и говорят, что они также борются за единство и за полную свободу трудящихся, то почему же они это единство разбивают стремлением установить бесконтрольную диктатуру такими методами борьбы, как уничтожение женщин и детей, терроризирование населения, беспощадным уничтожением других политических объединений...»¹⁴

Однако, все эти попытки атамана остались без ответа. Бандэровцы действовали по-старому и крайне жестоко. С приближением фронта атаман издал приказ от 5 октября 1943г., в котором указывал остаткам УНРА не оказывать сопротивление частям Красной Армии, а штаб и типографию перевел в подполье под охрану небольшого отряда. В ноябре того же года «Бульба»-Боровэць начал вести переговоры с гитлеровцами в Ровно. Те оправляют его в Берлин для «дальнейших переговоров» и тут же командируют в Заксенхаузен, в тот же бункер «Целленбау», где уже продолжительное время пребывал С. Бандэра. В октябре 1944 года его выпускают «на волю» и привлекают к созданию Украинского национального комитета (УНК) и к дальнейшему активному «сотрудничеству».

А далее – путь на Запад, под крыло англо-американских разведок и оккупационных властей в Европе. Но здесь придется сделать значительные уточнения. Дело в том, что книга воспоминаний «Тараса Бульбы»-Боровца «Армия без государства», которой я пользовался, вышла во Львове в 1993 г. Издательство «Зов совести», которое издало эту работу, как оказалось, не имеет никакой совести, так как исключило из предыдущего издания немало разделов, а в других сделало немало купюр. И хотя руководитель этой бессовестной затеи Е. Грынив предупреждал об этом в «Послесловии», однако все это – самый обыкновенный произвол в издательском деле, который так свойственен националистическим издательствам. Изъяты как раз те части предыдущего издания, где «Тарас Бульба»-Боровэць писал о партийной борьбе с УПА, о преступлениях бандэровцев.

Итак, берем другое издание воспоминаний «Тараса-Бульбы»-Боровца «Армия без государства» (Виннипег, 1981). В разделе «Ликвидация Полесской Сечи» (которого нет во львовском издании) Боровэць отмечал, что «Полесская Сечь» выполнила своё

---

¹³ ЦДАГО України, ф. 166, оп. 3, спр. 149.

¹⁴ ЦДАГО України, ф. 1, оп. 23, спр. 930.

задание, очистив Полесскую котловину от «диверсии большевиков». Бульбовцы здесь хорошо «поработали», чтобы заслужить доверие гитлеровцев.

Несмотря на всё это, администрация рейхскомиссариата «Украина» с центром в Ровно ставила задание ликвидации такого формирования, ибо стремилась собственными силами контролировать ситуацию на оккупированной территории. Потому «Тарас Бульба» искал защиты у начальника тыла вермахта в группе армий «Центр» генерала Кицингера. Атаман настоятельно просил оставить под его командой 10 тысяч боевиков для охраны тыла немецких армий в зоне волинского Полесья.

«Тарас Бульба»-Боровэць:

«Генерал Кицингер заявил, что он здесь бессилён. Немецкое командование имеет всё это в виду, но эта территория уже входит в орбиту влияния гражданской немецкой власти, а не армии. То есть, и вопрос безопасности этой территории относится уже не к компетенции немецкой армии, а к компетенции рейхскомиссара Украины и его административных и полицейских органов. От имени немецкой армии сердечно поблагодарил бойцов Полесской Сечи за такую блистательную военную операцию против общего коммунистического врага...»

Итак, распоряжение рейхскомиссариата «Украина» о ликвидации «Полеской Сечи» надо было немедленно исполнять, и 15 ноября 1941 г. атаман «Тарас Бульба» организовал в Олевске парад своих боевиков-полицаяв, присвоив себе звание генерал-атамана (генерал-хорунжего) и приказал всей полицейской братии разойтись по домам.

«Тарас Бульба» решил переждать до более благоприятных времен. Он оставил небольшой отряд, а остальным полицаям приказал прихватить оружие и тоже дожидаться «добрых времен». В конце 1942 года атаман обратился ко всем националистическим организациям с призывом «найти общий язык» и объединить все вооружённые формирования. Тем временем ОУН-бандэровцев перехватывала инициативу и, будучи тоталитарным объединением, не терпела любых политических конкурентов. *«22 февраля 1943 г., – писал далее «Тарас Бульба», – в наш штаб прибыл член провода ОУН-Бандэры, мой личный приятель, п. Олександр Бусэл. Сделано заявление об общих действиях. Но речь о слиянии не шла».* Это, выходит, была только разведка, которая ставила целью успокоить своих соперников.

Однако, *«9 апреля 1943 г. начались деловые переговоры между Главной командой УПА и ОУН-Бандэры. Бандэровцы требовали: подчиниться ОУН-Бандэры, признать «Акт 30 июня 1941», беспрекословно исполнять распоряжения ОУН-б. Атамана «Тараса Бульбу»-Боровца предлагали оставить как профессионального партизанского командира, но в УПА ввести систему партийных комиссаров и службу безопасности, провести немедленную мобилизацию в ряды УПА, очистить земли от польского населения».*

Этим диктаторским требованиям атаман дал такой ответ: УПА не может принадлежать какой-то партии, а должна быть «всенародной»; УПА не признает «Акт 30 июня», ибо считает его незаконным; повстанческий взрыв на Украине не нужен, *«так как завтра вся Украина будет оккупирована советской властью».*

«Тарас Бульба»-Боровэць здесь определял позицию ОУН-Бандэры так:

«Все́му польскому населению Западной Украины в марте 1943 года вынесен коллективный смертный приговор и приказано дотла выжигать все поселения польских крестьян». «Объявлена массовая принудительная мобилизация людей в армию». (Здесь и выше выделено мной – В. М.)

В связи с диктаторским нажимом ОУН-бандэровцев на УПА-«Полесская Сечь» руководство формирований Боровца приняло постановление о смене названия на УНРА

(Украинская народно-революционная армия) и немедленный переход её формирований в подполье.

В разделе «Массовые жертвы лэбэдевской диктатуры» «Тарас Бульба»-Боровецъ называет руководителя ОУН-бандэровцев М. Лэбэдя «диктатором» и здесь добавляет:

«Вместо борьбы против внешних врагов, вместо ударов по объектам военно-стратегического значения Гитлера и по советским партизанам, новая армия Лэбэдя (то есть ОУН-бандэровцев – В. М.) принялась уничтожать национальные меньшинства Украины» (имеется в виду массовое уничтожение польского населения; здесь и ниже выделено мной – В. М.)

Как действовала ОУН-б против УПА-«Полесская Сечь»?

*«Начиная с июня 1943 года, пропаганда этой группы (ОУН-б) начала называть армией только свои новые военные отделы. А существующая УПА с её богатым боевым опытом, с её высококвалифицированными старшинами в их глазах стала «бандой», командование – агентами: раз – Берлина, другой раз – Лондона, и наконец – красной Москвы. Всему нашему штабу Лэбэдь вынес заочные смертные приговоры и приказал СБ эти приговоры всеми способами исполнять. Всех переловленных наших бойцов братия Лэбэдя агитировала переходить на их сторону, а кто отказывался, то на месте расстреливали. При встречах больших военных частей лэбэдевы открывали братоубийственный огонь».*¹⁵

И далее:

*«Все эти недостойные действия вытекают из низкопробного понимания мира и людей, из тоталитарной идеологии и дикой жажды абсолютной власти. Мало того, что они ведут свою отдельную политику, не считаясь со многими другими группировками; они еще хотят доказать всему миру, что в Украине только их партия является той реальной силой, которая ведет освободительную борьбу и имеет право на военно-политическое руководство всей нацией. А чтобы так было, надо всех своих противников физически уничтожить. Эта ослепленная мегаломания Бандэры и Лэбэдя стоит нашей нации сотни тысяч кровавых жертв во времена Второй мировой войны, которых при другой политике можно было бы избежать».*¹⁶

«Тарас Бульба»-Боровецъ далее объяснял свою позицию:

«Командование нашей армии стояло летом 1943 года перед альтернативой: или мобилизовать соответствующее количество нашего демобилизованного войска и дать ответ ослепленным братоубийцам огнем и мечем (оружие и кадры были), или маневрировать так, чтобы массовое братоубийство не допустить».

И далее:

«Все младшие офицеры нашего штаба, а особенно начальник политико-пропагандистского отдела хор. Полын Иван Митрынга¹ отстаивали первый вариант. Полын-Митрынга еще в марте доказывал, что если наша армия не ликвидирует в зародыше новые диверсии Лебеда, то они обязательно будут пытаться уничтожить всех нас, чтобы таким образом возглавить армию. Как бывший видный член этой партии, Митрынга-Полын прекрасно знал психологию и все методы действий этих людей и очевидно был абсолютно прав.

Остальные наши старшие офицеры... отстаивали второй вариант. Я лично был за второй вариант, но окончательного решения не принимал, пока не получил директиву

---

¹⁵ Бульба-Боровецъ Т. Армія без держави. С 256–257.

¹⁶ Там же.

от Прэзыдэнта А. Лэвыцького. Прэзыдэнт катэгорычна запыраца дапусціць масовае братаубійства і прыказываў маневрыраваць так, каб не даводзіць ні да якіх боёў з украінцамі.

Его мотывы: не політычнай цэласообразнасці звылічваць лічэнасць арміі без гасударства, барацьба за гаспадарствуючае палажэнне сярод свайго народа.

«Гэта дапусціма толькі тагда, калі ёсць гасударственная ўлада».

Атаман адзначаў, што яны пошлі другім шляхам. На гэта Лэбэды аб'ясніў такую пазіцыю слабасцю «дэмакратычнай гнілі», то ёсць бульбавцаў.

«Гарас Бульба» прадаўжаў:

«Событыя развіваліся бешеным тэмпам. С кожным днём звылічваўся масавы тэррор лебедэўскай атаманіі праціў сабственага народа. Всех, хто не раздзяляў лічэння Лэбэды і яго праграму, какай бы бездарнай яна ні была, падвергалі разным, вельмі астрым рэпрэсіям. Іх аб'яўлялі «прадаўцамі украінскай націі», «сабатажнікамі украінскага парадка». За гэта наказывалі шомполамі і расстрэламі. В канце іюля 1943 г. Главная Команда УНРА іздаў абрачэнне к украінскаму народу, в котаром выражаўся пратэст праціў всех гэтых мэтадаў, осуджаўшымся как недастойныя поступкі ослепленнх тоталітарыстаў, і падчэрківалася, што за все гэтыя праступленія всю адветствэннасць несёт персанальна праваўячы праваднік ОУН-Бандэры, пан Лэбэды ...».¹⁷

А 10 аўгуста 1943 г. атаман іздаў абрачэнне «Открытое письмо к членам ОУН Стэпана Бандэры», где высказываў все свай несогласія с акціей бандэраўцаў. В нем, в частности, указано:

«Еще в марте 1943 года неконспіратывным павадэннем арганізацыйнага сеткі пражэвременно спровоцаіравана на общее восстаніе украінскага поліцыя, чем загнано много людей в могілу і немецкіе лагеря...».¹⁸

Далее в абрачэнні адзначаўся:

«Уже во время переговоров, вместо того, чтобы проводить акцію по общей намеченной линии, военные отделеы ОУН, под маской УПА да еще и вроде как по приказу Бульбы, принялись истреблять позорным способом польское население и другие национальные меньшинства...»

...Эта правда, что Ваша партійная сетка в некоторых областях Западной Украины до сих пор распространена, – продолжалось в абрачэнні, – но хватит ли этого, чтобы построить великое самостоятельное соборное украінскае гасударство? Мало забросить сетку в глубокое море. Более важное дело – вытациць её оттуда целой. Скажем, что Вы сегодня имеете 10, 20, 30, 40 или даже 100 тысяч партизан. Сможете ли эта сила зашитить Украину тогда, когда это дело требует как минимум трехмиллионной армии и отчаянного порыва всего народа? С Вашими мэтадамі отстреливания украінцев из Красной Армии, бывших украінских коммунистаў, комсомольцев и бичевания украінскаго актыва, как это было на Житомирціне, удоушения путами своих лучших людей. Вы не отомобілізуете такую армию, а наоборот – уничтожите самих себя и тех, кто единственно мог бы построить украінскае гасударство».

И далее довольно важное предостережение:

«С такой оглядкой я позволю себе спросить Вас: за что Вы боретесь? За Украину или за Вашу ОУН? За Украинское гасударство или за диктатуру в этом

---

¹⁷ Там же. С 258.

¹⁸ Там же. С 261.

государстве? За украинский народ или только за свою партию?..»

В ответ на это обращение подразделения службы безопасности ОУН-бандэровцев осуществили нападение на штаб атамана 19 августа 1943 г., в результате которого погибло немало людей. Часть руководящего состава формирований «Полесской Сечи» была захвачена, в том числе и жена «Тараса Бульбы» Анна.

Атаман писал: *«Все эти люди были террором заставлены некоторое время работать в новом войске, а потом были поголовно ликвидированы как свидетели массовых преступлений. Особенно страшным пыткам была подвергнута Анна Боровэць, чтобы вывить некоторые тайны мужа, а главным образом – где спрятаны магазины оружия и наши типографии. Этот человек ничего не выдал и был замучен насмерть...»*

И здесь же:

«15 ноября 1943 года партия Лэбэдя уведомила, что «СБ установила, что Анна Боровэць, как полька по национальности (она была чешкой), была польским шпионом среди украинцев и потому её приговорили ревтрибуналом к смертной казни и приговор исполнен 14.XI.1943.»

Так бандэровцы жестоко отомстили атаману.

В разделе «Котловина смерти» «Тарас Бульба»-Боровэць продолжил описание трагедии своих вооруженных формирований. Здесь он, в частности, вновь обращал внимание на то, что бандэровцы рьяно исполняют акцию истребления польского населения Волыни. Он свидетельствовал о том, что в июне 1943 года руководитель ОУН-бандэровцев М. Лэбэдь издал приказ **«немедленно и как можно скорее закончить акцию тотального очищения украинской территории от польского населения»**. (Выделено мной – В. М.)

«Тарас Бульба» констатировал:

«Все бойцы видели, что, таким образом, партия Лэбэдя ведет целую армию на явную смерть. А после армии такая же судьба ожидает всю нацию. Началось большое недовольство в рядах армии. Это недовольство партийная СБ начала ликвидировать системой массового внутреннего шпионажа, репрессиями и расстрелами. Началось массовое дезертирство из армии в подполье из-за партии и СБ. В ответ на дезертирство СБ начала терроризировать и расстреливать целые семьи дезертиров. Начали брать заложников, распространять доносительство и т.п.»¹⁹

Атаман при этом обращал внимание, что особенно свирепствовал *«наш внутренний враг – дикий, безоглядный, патологический вождизм. Нам было ясно, что их «провод» своевременно накидает пятками с Полесья, а масса несчастного народа погибнет. Так оно, к великому сожалению, и случилось. Великий «революционер» Лэбэдь со всей своей партийной верхушкой и палачами СБ сбежал за границу, а народ погиб...»*

Далее «Тарас Бульба» определял свои тактические намерения с приближением фронта к землям Западной Украины:

«18 ноября 1943 года было созвано совещание Главной команды УНРА. На этом совещании я пояснил своим коллегам приведенные выше соображения и предложил одобрить такой конкретный план:

- немедленно пытаться заключить мир с немцами, чтобы получить у них возможность перехватить у них те военные материалы, которые они, однако, оставляют или уничтожают, и добиться официального разрешения на эвакуацию нашего гражданского населения из Полесской котловины на польскую или другую территорию на западе. Сперва это будет немецкая или австрийская территория, а потом после войны эти

---

¹⁹ Там же. С. 264.

люди будут иметь возможность поселиться в свободном мире;

- предложить немцам освободить из тюрьмы С. Бандэру, чтобы с его помощью прекратить саботаж Лэбэдя и чтобы как можно скорее переформировать массовую УПА в партизанскую армию, которая далее действовала бы под советской оккупацией;

- подготовленную к сугубо партизанским акциям УНРА, согласно с одобренным планом, под командованием атамана Зубатого-Щербатюка, как моего заместителя, при приближении советско-немецкого фронта планомерно переводить в советское подполье и дальше действовать согласно директивам нашего правительства;

- принимая во внимание большую серьезность нашего положения, где каждый час равнозначен целым годам мирной жизни, для ускорения переговоров с немцами я не имею ничего против того, чтобы возглавить нашу делегацию».²⁰

С этими затеями относительно тактики поведения в такой критической ситуации атаман «Тарас Бульба»-Боровець и поехал на переговоры с немцами в столицу рейхскомиссариата «Украина» город Ровно.

Атаман продолжал:

«В ночь с 15 на 16 ноября 1943 года мы создали меморандум к немецкому военному командованию, в котором предлагали немецкой стороне:»

1. С учетом изменившейся ситуации, когда Украину вновь оккупирует СССР прекратить украинско-немецкую вражду и составить договор о совместной борьбе против большевизма.

2. Наши лесные партизанские войска реорганизуются в меньшие боевые группы и остаются под опытным командованием для дальнейшей борьбы в тылах СССР. Эти войска обеспечиваются военным материалом немецкой армии, который остается при отступлении на запад.

3. Остаток партизанского войска мы либо демобилизуем, либо предлагаем эвакуировать его в дальние тылы немецкой армии и там реорганизовать его в регулярные боевые части новой Украинской Националистической армии при немецких вооруженных силах.

4. Дать украинской стороне разрешение на эвакуацию своего гражданского населения с советско-немецкого фронта на немецкую территорию и далее на запад.

5. Освободить всех украинских политических заключенных, репрессированных и военнопленных и дать им возможность включиться в новые регулярные и партизанские украинские войска. Свести в новую УПА военных украинцев, которые до сих пор поодиночке или отдельными группами находятся в немецких военных частях (дивизия «Галиция» и другие военные и полицейские части).

6. Для осуществления этой программы украинско-немецкого сотрудничества вернуть к жизни в Германии Украинский национальный комитет, составленный из представителей всех политических группировок и авторитетных гражданских организаций.

7. Переговоры ускорить, ибо иначе события на фронте парализуют осуществление намеченной программы, занимая остаток украинской территории».

17 ноября 1943 г. атаман «Тарас Бульба» вместе с сотником Ждановичем выехал в Ровно, чтобы передать этот «меморандум» главнокомандующему тылом вермахта генералу Кицингеру.

Политические вопросы нужно было решить в Берлине. А потому 30 ноября атаман в сопровождении того же Ждановича прибыл в Берлин. «1 декабря нас закрыли в

---

²⁰ Там же. С 277–278.

одиночках Саксенгаузенского кацета» – отметил Бульба в мемуарах. – *Где-то в последних числах октября 1944 года нас выпустили из кацета*. Мы уже приводили несколько фрагментов из «эпопеи» пребывания «Тараса Бульбы» в Заксенхаузене. Там он сидел в том же бункере «Целленбау» («для избранных») в пристойных условиях. Его камера была почти рядом с камерой С. Бандэры. На этом военная «эпопея» атамана «Тараса Бульбы» не закончилась. Мы еще вернемся к её продолжению.

---

¹ Хорунжий Иван Митрынга (1907-1943) – активист ОУН, автор бандэровского лозунга: «Свободу народам! Свобода человеку!». Яркий представитель социального популизма в фашистском движении, идейный антикоммунист. Изложил взгляды в книгах «Гитлер и Украина» и «Наш путь борьбы». В годы войны отмежевался от ОУН-Бандэры. Был убит в бою с бандэровцами в 1943 году.

Как возникла Бандэровская УПА?

Ответ на этот вопрос дают многочисленные националистические авторы. Однако их информация и интерпретации односторонни и примитивны, часто достаточно противоречивы или откровенно фальшивы и не отображают реального положения вещей.

Один из таких авторов – Мыкола Лэбэдь, руководитель службы безопасности ОУН, а после арестов Бандэры и Стэцько – руководитель ОУН-бандэровцев. В книге «УПА: Украинская повстанческая армия, её генезис, рост и действия в освободительной борьбе украинского народа за Украинскую самостоятельную соборную державу», изданной в 1946 г. на Западе, он пытается показать рождение УПА и её действия, но материалы этой попытки абсолютно не соответствуют поставленным в заголовке проблемам – ни генезису, ни росту, ни действиям.

Отец И. Грындох, бывший капеллан специаль-батальона «Нахтигаль», в «предисловии» к книге замечает, что «труд» Лэбэды «не является историей», а «это вернее хроника, иллюстрированная документальным материалом».¹ А на самом же деле в этом «труде» нет ни хроники, ни достоверных иллюстраций и аргументов. Эта книга наполнена информацией, примитивными суждениями и оценками. Однако, за этим камуфляжем и сплошными недоговорками при внимательном чтении прослеживается ряд позиций, стоящих внимания исследователя. А главное, здесь немало разоблачающих, точнее – саморазоблачающих материалов. Прежде всего, обращает на себя внимание такой диссонанс. Историографы УПА, вчерашние и нынешние почитатели бандэровщины считают, что Украинская повстанческая армия создана в октябре 1942 г. При этом упрямо уверяют, что УПА создана на Воляни и Полесье (подобно наглому бахвальству бывшего секретаря Компартии Украины и бывшего президента Украины Леонида Кравчука: «УПА родилась на Воляни!»). История её, мол, начинается на Полесье с созданием «первого отдела» во главе с «Остапом» (С. Качынським, сыном священника). При этом рождается стихийно, словно от непорочного зачатия.

М. Лэбэдь пишет такое:

«...В декабре 1942 года провод Организации (т.е. ОУН-бандэровцев – В. М.) издает приказ территориальному проводу Воляни реорганизовать существующие уже мелкие вооруженные отделы и организовать широкую разноплановую вооруженную самооборонную борьбу украинского народа... **С конца декабря** появилась **уже первая сотня УПА** на Полесье под командованием сотенного Коробки-Пэрэгийняка, который в 43 г. погиб как командир той сотни в наступлении на врага».²

Итак, М. Лэбэдь («Максым Рубан», фактический руководитель ОУН-бандэровцев, организатор и руководитель формирований УПА) начинает историю этого формирования (кому же больше известно, чем ему!) с создания «первой сотни УПА», как раз под командованием Пэрэгийняка – «Коробки», то есть с конца декабря.

Но и эту сотню он не считает началом настоящего создания. Кроме этого, М. Лэбэдь довольно рельефно раскрывает тогдашнюю ситуацию, которую не хотят видеть или старательно маскируют и замалчивают почитатели и историографы УПА:

«Одновременно (то есть одновременно с изданием уже упомянутого приказа провода ОУН-бандэровцев в декабре 1942 г. о переорганизации существующих мелких вооруженных групп в одно формирование – В. М.) **провод издал отдельный приказ**

---

¹ *Лебедь М.* УПА. Видання пресового бюро УГВР, 1946. С 9.

² Там же. С 21–22.

одному куреню при немецкой армии, составленному из мобилизованных украинцев, переброшенных на Беларусь для борьбы с красной партизанкой (здесь идет речь, безусловно, о шуцманшафт-батальоне под руководством майора Е. Побигущего и капитана Р. Шухэвicha, сформированного из бывших специаль-батальонов Абвера «Нахтигаль» и «Роланд» – В. М.), **оторваться от немецкого командования и перейти с новым руководством на Полесье...** Этот приказ не мог быть выполнен только потому, что курень, пока приказ к нему дошел, **отказался уже во второй раз слушаться немцев, был формально распущен и деморализован** (этот курень в августе 1941 г. в связи с арестом членов украинского государственного правления (речь идет, понятное дело, о «правительстве» Я. Стэцко, разогнанном гестапо в начале июля 1941 года – В. М.), **отказался слушаться немецкое командование, вследствие чего был оттянут с фронта на территорию Германии и насильно реорганизован в ряды вспомогательной полиции**). Стрелков-рядовых освободили и отпустили домой, где они должны были заявиться в местных станицах немецкой полиции, а тех старшин, которые не успели бежать, немцы арестовали. Потому что не заявлялись в местных командах полиции, **немцы быстро освободили старшин**, чтобы не создавать паники и таким способом эвиденциально¹ охватить всех стрелков.

Этот момент был использован, и с этой минуты **почти весь состав куреня переходит в подполье**, чтобы добытое военное знание использовать для родного дела и передавать его другим для дальнейшей борьбы с врагом. **В упомянутых вооруженных отделах Организации, которые создавались в 1941-1942 гг. и были усилены весной 1943 г. вышколенными кадрами украинского куреня, нужно именно искать первые начала Украинской повстанческой армии – УПА**.³ (Здесь и выше выделено мной – В. М.) Здесь, как видим, обо всем довольно открыто и «искренне» сказано.

Итак, провод ОУН-бандэровцев в декабре 1942 г. издает приказ собрать отдельные вооруженные группы в одно целое. Затем дает приказ шуцманшафт-батальону под командованием майора Е. Побигущего и капитана Р. Шухэвicha, который в то время пребывал в Белоруссии и «героически» дрался с советскими партизанами и мирным населением, получая награды и всяческие похвалы от эсэсовского командования, немедленно перейти вместе с оружием в район вольнского Полесья для организации вооруженного формирования ОУН под названием «УПА».

Однако, пока этот приказ дошел в Белоруссию (а это же совсем рядом!), батальон был расформирован, ибо, как писал М. Лэбэдь, «отказал уже во второй раз в послушании немцам». Шуцманы-каратели из недавнего батальона «охранной» полиции карательного корпуса СС под руководством обергруппенфюрера СС фон-дем Бах-Зелевски переходят в «подполье» почти полным составом, чтобы «добытое военное знание (и опыт борьбы с советскими партизанами!) использовать... для «борьбы с врагом» (т.е. с теми же советскими партизанами). Напрашивается еще одно весомое резюме, на которое должен ответить сам читатель.

Я помогу ответить на него, поставив несколько серьезных вопросов. Как понять, что «Нахтигаль» и «Роланд» подготавливаются в гитлеровской Германии, посылаются как диверсионные подразделения на Восток, затем снимаются с фронта, переформируются в «охранную» полицию СС, посылаются против белорусских партизан как каратели, отличаются там и получают награду гитлеровцев, а затем расформируются, не без помощи, а по прямым распоряжениям руководства СС, потом переходят с оружием в «подполье»? Е. Побигущий становится командиром полка

---

³ Там же.

дивизии СС «Галиция», а Р. Шухэвич – главнокомандующим УПА? Не закамуфлировано ли что-то под этими игрушками, уважаемый читатель? Выходит, так! То есть, по чьему-то сценарию и создавалась УПА. По чьему сценарию?

М. Лэбэдь в своей книжке «УПА» предался прямым фальсификациям. Как руководителю ОУН-бандэровцев, а со временем УПА, ему, конечно, была хороша известна информация о вооруженных формированиях УПА-«Полесская Сечь» под руководством атамана «Тараса Бульбы»-Боровца, в которых в начале оккупации находилось от 6 до 10 тысяч боевиков. Тем не менее он пишет так:

«Одним из наших (то есть националистических – В. М.) движений был отряд силой от 150 до 300 бойцов Тараса Бульбы-Боровца, который именовал себя атаманом. Поскольку вокруг его особы и организованного им отряда возникли разные версии, приходится **дать по возможности объективное пояснение** этого вопроса на основании сохранных отчетов и протоколов».

«Тарас Бульба-Боровэць с приходом немцев на украинские земли создает... с согласия и согласно инструкциям административных властей, которые действовали в то время от имени Украинского правления, в городе Олевске отдел полиции и называет его «Полесская Сечь». Сначала действует по инструкциям и направляющим Украинской государственной власти (здесь, конечно, – сплошная ложь, так как Бульба-Боровэць не исполнял распоряжения провода ОУН-бандэровцев и его «правительства» Стэцько, провозглашенного 30 июня 1941 года во Львове, а подчинялся «прэзыденту» УНР А. Лэвыцькому – В. М.), позднее с каждым разом всё больше самовольничает, выступая как атаман «Полесской Сечи». Во время ликвидации немцами украинской администрации на Волины Бульба начинает переговоры с немцами, чтобы сохранить свой отдел как самостоятельную единицу, но разговоры закончились безуспешно».⁴

М. Лэбэдь продолжал дезинформацию. Но для чего? «В феврале 1942 г. Бульба с 15-20 людьми переходит в подполье и пребывает в Сарненском и Костопольском районах. В конце 1942 г. навязывает вновь разговоры с немцами (гестапо в Ровно) и на вторых переговорах их разрывает, боясь ареста. В то же самое время ведет переговоры с представителем большевистской партизанки полк. Лукиным, специально посланным из Москвы, но эти переговоры прерывает. Чтобы придать своему имени «славу», Бульба заказывает у художника свой портрет с казацкой саблей на фоне знамен и духов предков с вождистским выражением лица. Копии портрета раздает населению в своем районе и рассылает письма с назначениями и призывами адресатов в свое «правительство».

Такие вещи можно было бы терпеть, несмотря на то, что на Украине нужны были не дерзкие атаманы, а борцы, которые боролись бы не ради своей славы или своих личных амбиций, а только за дела Украины. Команда УПА (то есть бандэровская УПА – В. М.) не противодействовала тому, что немцы и большевики, а частично и украинский народ связывали действия УПА с именем Бульбы». Весь этот камуфляж был, ясное дело, нужен Лэбэдько как руководителю бандэровских ОУН и УПА только для того, чтобы скомпрометировать атамана «Тараса Бульбу»-Боровца.

Атамана бандэровцы обвиняли, как видите, даже в том, что он посмел раньше, чем они назвать свои вооруженные формирования, тем же именем – «УПА»!

Далее М. Лэбэдь писал:

«...С началом 1943 г. Бульба с группой единомышленников создает новую партию, под названием «Украинская национально-демократическая партия», и приступает к созданию вооруженного отдела, который насчитывает до 150 бойцов. В марте-апреле

---

⁴ Там же. С 42.

1943 года Бульба ведет переговоры со штабом УПА-Север (то есть с бандэровским формированием – В. М.), однако предложение штаба, включить себя в общее украинское повстанческое движение и войти в штаб УПА, Бульба отклонил).

Здесь мы прервем пана Лэбэдя и его пропагандистскую чушь и приведем такие достоверные данные. В мае 1943 года Украинский штаб партизанского движения (по данным разведки) констатировал, что в отрядах «Тараса Бульбы»-Боровца УПА-«Полеская Сечь» находилось 6 тысяч боевиков.⁵ По данным же Абвера того же времени – 5-6 тысяч боевиков.⁶ Для чего же тогда Лэбэдь так нагло и беспардонно фальсифицировал численность «Полеской Сечи», насчитав в ней только 150 бойцов? И в финале своей лжи Лэбэдь выдал следующее:

«В начале августа, когда действия УПА охватили всю территорию атамани, дальше терпеть было нельзя, ибо данные районы не могли создать отдельной «республики»; этого требовала безопасность территории и неуверенность, не захочет ли Бульба возобновить переговоры с оккупантами. **Поэтому в августе 43 г. сотня УПА под командованием Дороша окружила всю группу Бульбы и перевербовала её без единого выстрела.** Группа состояла из трех полковников, нескольких старшин и сотни стрелков в составе 63 лиц. Это были люди, которые случайно попали к Бульбе, прчась от немецкого террора. По их просьбе все приняты в ряды УПА. Сам Бульба с группой 30-40 людей сбежал. На предложение упомянутых уже трех полковников, которые обратились еще раз к Бульбе, комендант УПА-Север согласился и одновременно удостоверил принятие Бульбы в ряды УПА и полную безопасность, если он до 09.09.43 (срок три недели) согласится; если же он на это не согласится, его будут рассматривать как атамана-бунтовщика. Высланный к Бульбе его адъютант Крук не вернулся».⁷ (Выделено мной – В. М.).

Но «Бульба»-Боровэць «на поклон» к бандэровцам не появился, ибо хорошо знал, как интегральные националисты расправлялись со своими политическими противниками. Дело же, как известно, закончили гестапоцы, спрятав его в бункере «Целленбау» в Заксенхаузене. Здесь, видимо, было удобнее пережить наряженную ситуацию.

Так романтично пан М. Лэбэдь описывал атамана УПА – «Полеская Сечь». А на самом же деле, «армия без государства», как называл свои формирования сам атаман, сошла с арены «национально-освободительной борьбы» не так-то и просто, как описывал Лэбэдь, – «без единого выстрела» (!), ибо имела не 150 или 63 бойца, а несколько тысяч вооруженных «казаков». Служба безопасности ОУН, которой руководил сам Лэбэдь, еще долго душила поодиночке и группами тех бывших бульбовцев, которые выказывали неподчинение бандэровцам. Это очередное «кровопускание» уничтожило сотни и сотни людей.

Зато М. Лэбэдь в своей книге довольно откровенно определял возникновение «Украинской национальной самообороны» (УНС) в Галиции. От кого же оборонялись галицкие интегральные националисты?

М. Лэбэдь:

«Чтобы не дать Ковпаку (соединению дважды Героя Советского Союза генерала С. А. Ковпака – В. М.) овладеть Карпатами, которые имели для нашей борьбы первостепенное значение, отдельным приказом провода Организации (то есть ОУН-бандэровцев – В. М.) формируется на территории Галиции «Украинская народная

⁵ ЦДАГО України.ф. 1, оп. 23, спр. 523, арк. 74.

⁶ Див.: Літопис УПА. Торонто, 1983. Т. 6. С 191.

⁷ *Лебедь М.* УПА. С 42–43.

самооборона» (УНС). Это название введено по тактическим мотивам, чтобы обмануть немцев по крайней мере вначале, что это не УПА...»⁸

Тезис «чтобы обмануть немцев», понятное дело, крайне примитивен и рассчитан на недалеких, ибо агентура гитлеровцев (Абвера и гестапо), в которой работали и бандэровцы, активно действовала во всех закоулках Галиции, и от неё отнюдь ничего нельзя было скрыть. Однако, почему бандэровцы не спешили с созданием так называемых «самооборонных» отрядов? Да и еще под другим названием – УНС?

Дело в том, что летом 1943 г. советские партизаны (в частности, соединение генерал-майора С. А. Ковпака) осуществили легендарный Карпатский рейд. Целью рейда был выход из ровенского Полесья через Львовскую, Тернопольскую и Станиславскую области в Карпаты, выведение из строя прикарпатских нефтепромыслов, которыми пользовалась немецкая военная машина, и тыловых коммуникаций гитлеровцев. Партизаны эффективно атаковали и разрушали нефтепромыслы Быткова и Яблонова, подняли на воздух несколько стратегически важных мостов и других объектов. 4 августа соединение разгромило вражеский гарнизон в г. Делятине, парализовало железнодорожное движение во всем Прикарпатье. Гитлеровцы бросили против ковпаковцев большие силы СС и полиции. Но не смогли овладеть ситуацией. Они даже направили сюда батальоны эсэсовцев из дивизии СС «Галиция», которая еще не успела как следует подготовиться. Но все напрасно.

Лэбэдь:

«...В течение двух недель формируются особые отделы, которые команда УПА поспешным маршем перебрасывает в Карпаты для борьбы с красной партизанкой».

Эти отряды, понятное дело, значительно усиливают дислоцированные здесь немецкие гарнизоны и создают перевес сил. Ковпаковцы, истощенные беспрерывными боями, терпят поражение и отходят. Лэбэдь правда, не вспоминает, что сформировать в помощь гитлеровцам отряды УНС было довольно легко, ведь оуновское так называемое «подполье» было уже вооружено еще с первых дней войны и ждало только соответствующего приказа, отсиживаясь в местных отрядах и расправляясь со всеми «врагами» и «подозрительными».

Однако Лэбэдь здесь же «объясняет» довольно важное обстоятельство – почему ОУН-бандэровцев так спешила создавать отряды УПА в Галиции:

«Может возникнуть вопрос, почему Галиция не вступила одновременно с Вольной в открытую борьбу? Причины прежде всего тактические. Галиция, лучше организованная, боролась против немецкого террора другими методами. Также немцы... применяли на этой территории немного другую политику. Надо было как можно дольше удержать эту территорию в релятивном (относительном – В. М.) покое, чтобы мочь иметь своеобразную подпольную базу для пополнений других территорий руководящими единицами, оружием, медикаментами и т. д.»

К этому пояснению Лэбэдя мы еще вернемся и проанализируем его в аналогии и расхождении с другими событиями и фактами.

Интересно описывает Лэбэдь в своей книге так называемую «войну с немцами». В частности, он отмечает, что до конца лета 1943 г. националисты в дистрикте «Галиция» в «войну с немцами» не вступали. Даже уже созданные отряды «Украинской народной самообороны», указывал он, «не вступают с немцами в наступательные бои». А что же дальше?

---

⁸ Там же. С 49.

Лэбэдь пишет, что первым выступлением УНС против немцев было нападение в июле 1943 г. вблизи Сколе на «исправительный лагерь украинской молодежи». Эта «акция», конечно, не была сложной, ибо сотни юношей со всей Галиции были собраны добровольно, а частично и принудительно на «службу труду» («баундист») в трудовом лагере, который особенно и не охранялся. Лагерь без всякого сопротивления был захвачен. «Освобожденные» юноши пополнили «ряды УПА». Вот и вся война с немцами).

Далее Лэбэдь в своей книжке не опишет никаких (кроме нескольких «зацепных»), то есть перестрелок операций УПА против гитлеровцев, так как серьезных боев так и не было. Были лишь случайные стычки из-за взаимных недоразумений, или с целью получить оружие и боеприпасы, которых часто не хватало.

Зато, повествуя о зиме 1943-1944 гг., он пишет:

«Теперь уже часто и большие немецкие отдели складывают почти без боя (сомнительно, конечно – В. М.) оружие расставленным по дорогам украинским отделам самообороны, которые имеют задание оборонять население от отступающего воинства...»

И еще:

Немцы, «окруженные на постояях, в большинстве случаев не обороняются, но сдают оружие и просят только оставить им часть оружия для собственной обороны по дороге к фатерлянду».

Это уже что-то из сферы анекдотов! Представьте себе: формирования УПА, вместо того, чтобы «оборонять население от отступающего воинства», расставлены вдоль дорог, по которым эти немцы отступают, и собирают (без какого-либо сопротивления!) оружие у немцев. Мало того. Немцы сами отдают свое оружие, прося только оставить хоть что-то, чтобы опереться по дороге в фатерланд! В конце книжки Лэбэдь укажет, что гитлеровцы «навязывали перемирие и сотрудничество», но УПА на это не пошла. Общеизвестно, что многочисленные переговоры на разных уровнях велись постоянно, в них принимали участие и Лэбэдь, и Шухэвич, и Бандэра...

Несколько иначе на вопрос «Как создавалась УПА?» отвечает «наиболее выдающийся» историограф ОУН-УПА Пэтро Мирчук в своей книге «Украинская повстанческая армия. 1942-1952».⁹

П. Мирчук:

«Первый отдел Украинской повстанческой армии организовал на Полесье в октябре 1942 г. Остап, военный референт краевого провода ОУН на северо-западных землях»¹⁰, то есть С. Качынський, сын православного священника на волыньском Полесье». (Выделено мной – В. М.)

И далее:

«Причиной того, что первый отдел УПА возникает именно на Полесье, было то, что здесь кроме немецких притеснений на настроения населения сказывалось и присутствие большевистских партизан и польских «пляцуфков». И здесь же добавляет: «А что до Полесья, то...необходимость немедленного перехода к вооруженной партизанке была наиболее злободневной, потому именно здесь и возник первый отдел Украинской повстанческой армии.... характерным для тогдашней ситуации на Полесье и Волыни является факт...», что первые националистические вооруженные формирования свою борьбу «связывают полностью с ударом по красным партизанам и польским пляцуфкам».

---

⁹ *Мирчук П.* Українська повстанська армія. 1942–1952. Документи і матеріали. 1952.

¹⁰ Там же. С. 27.

Итак, первые боевики УПА борются не с гитлеровцами, а против советских и польских партизан!

А вот «первый бой с немцами». Мирчук считает нападение 7 февраля 1943 г. на казарму шуцман-полицаяв в городке Владимировец на Ровенщине как раз таким «первым боем УПА». Автор, описывая это «событие», приводит сообщение оуновского бюллетеня «Вести с фронта УПА» (1943, ч.1.): «Наступление» осуществлено на сонную казарму, где спали шуцман-полицай «украинской» полиции, на «казаков» с украинскими фамилиями! Как раз на тех самых, которые неделями позже, в марте 1943 г., по команде ОУН-бандэровцев и с согласия гестапо с оружием перейдут в УПА и станут их военной основой! И надо же было убить 7 «казков» и погубить своего боевика, чтобы добыть 65 одеял! Славный подвиг в истории УПА!

Этот «героический» факт фигурирует не только в книжке П. Мирчука, но путешествует по другим «писаниям» по истории УПА как её «первый бой»!

Здесь же Мирчук вступает в спор с М. Лэбэдем, который доказывает, что сотня Пэрэгийняка «Коробки» совершила «героический» подвиг как «первая сотня УПА». Выражая свое несогласие с Лэбэдем, Мирчук тут же себе противоречит, так как приводит отрывок из «Вестей» ОУН, где говорится именно о «наступлении первой сотни УПА», во главе с Довбэшко – «Коробкой». Начинает же Мирчук историю УПА с октября 1942 г., когда, мол, родился «первый отдел УПА» Качынського. Кто же тогда врет, историограф УПА Мирчук, или руководитель ОУН-б и организатор УПА М. Лэбэдь? Но ведь тот же Лэбэдь считал временем рождения УПА весну 1943 года, когда в УПА перешел шуцманшафт-батальон Побигущого-Шухэвыча?

Далее П. Мирчук отмечает:

«Летом 1943 г. начинает реорганизовываться в повстанческую армию Украинская народная самооборона в Галиции...»; «осенью 1943 г. возникают первые повстанческие отделы на Буковине и в Бессарабии, которые принимают временное название БУСА – Буковинская украинская самооборонная армия. В мае 1944 года отделы БУСА принимают общее название УПА...»¹¹

Довольно интересно П. Мирчук характеризует те кадры, которые составляли и пополняли УПА. Вот его незаурядные «разъяснения»:

«В огне национального подъема таяли основы немецкой администрации, Украинская полиция, железнодорожная и лесная охраны, служба труда становились «политически ненадежными» и переходили в ряды УПА. Функционеры самоуправления, солтысы¹², войты, волостные писари, члены комиссий по хлебосдаче, служащие кооперативов начали тайно вступать в УПА, ибо для них ближе была собственная сорочка, нежели чужой кожих, то есть в нашем случае – им ближе был местный командир УПА, чем немецкий жандарм.»¹² (Выделено мной – В. М.)

Здесь Мирчук, как видим, не обошелся без определенной иронии. Но совершенно ясно, кто творил этот «национальный подъем». Его творили те, кто еще вчера прислуживали гитлеровцам, а теперь становились «национально сознательными». Такие «патриоты» и составляли основу «национально-освободительных соревнований» во время прошлой войны.

«Исследование» П. Мирчука «Украинская повстанческая армия» щедро пересыпано «хрониками», «документами», «лэтючками»¹³, насыщенными

---

¹¹ Там же. С. 37.

¹² Там же. С. 45.

националистическими лозунгами и эйфорическими воззваниями, или просто бесстыдной демагогией.

В частности, «хроники» представляют перечень «доблестей» УПА такого типа:

«На третий день Рождественских праздников 1945 г. возле села Горожанка Большая большевики окружили одну сотню куреня «Зубры». После длившегося целый день жаркого боя повстанцам удалось прорваться из окружения, причем во время прорыва, в течение одного часа пало 20 повстанцев. Большевики потеряли 304 бойца убитыми и 30 ранеными; уничтожено повстанцами 11 автомашин, одна танкетка и один танк, в котором ехал осматривать бой майор НКВД со своей женой;

... 6 января 1945 г. курень к-ра «Резуна» ликвидировал т.н. вылазный пункт большевиков у Рыпницы возле Калуша. При этом погибло 120 энкаведистов;

... 16 февраля 1945 г. в селе Гербуртов, на Рогатинщине, дошло до большого круглосуточного боя отделов УПА с отрядами НКВД трех районов (Рогатин, Бурштын, Букачевцы). Большевики разгромлены совсем. На поле боя насчитано 69 большевистских трупов. Добыто много оружия и амуниции. Собственные потери 6 убитых и 8 раненных;

... 29 апреля 1945 г. состоялся бой между одним из соединений УПА и спецотделами войск НКВД, которые силой около двух тысяч бойцов готовились к наступлению на украинское население Кременецкого района. В бою принимали участие танковые части НКВД. Большевики потеряли более 200 убитыми;

... 15.01.46г. отдел «Дзвони» провел полуторачасовой бой возле с. Бубнице (р-н Болехов, Станиславская обл.). Враг силой более 200 бандитов развернул против повстанцев упорное наступление, и каждый раз вынужден был отступать. Оставив 20 убитых, он отступил. Отдел, который не понес никаких потерь, вышел к селу, где спокойно поужинал и отошел к лесу;

... 18.07.46 г. группа повстанцев имела стычку с энкаведистами в с. Чехи (р-н Заболотцы, Львов. обл.). Повстанцы убили секретаря комсомола.¹³

Вот такой характер данной «хроники» оуно-уповских акций. При этом почти все такие сведения показывают потери со стороны «врага» в несколько раз большие, чем собственные. Автор представляет только борьбу уповцев с «энкаведистами», не давая сведений о многочисленных карательных акциях против населения, которые так часто и жестоко проводила служба безопасности ОУН, привлекая ко многим операциям подразделения УПА и местного отряда.

Зато сведения со стороны НКВС-НКВД имеют подобные, но обратные тенденции. Вот одна из них: «В результате военной операции, проведенной бригадой НКВД с 29 августа по 15 сентября 1944 года в Рогатинском, Войниловском, Рожнятовском, Галицком, Жабьевском и Багородчанском районах Станиславской (ныне Ивано-Франковской) области, были убиты 2041 боевик УПА, 1153 захвачены в плен, 2153 человека задержаны за уклонение от мобилизации в Красную Армию. Потери бригады: во время стычек погибли три офицера и 36 солдат».¹⁴

Неправдоподобными являются сведения П. Мирчука о диверсионно-террористических акциях УПА и вооруженного подполья ОУН, которые он называет «вооруженными и вооружено-политическими акциями», направленными «против отделов МВД, МГБ, вооруженных партийцев и большевистской оккупационной администрации». Здесь опять-таки не учитываются акции (каких было подавляющее большинство) против сельского советского актива (так называемых «сексотов»), местного украинского и

---

¹³ Там же. С 93–94, 96, 121, 133.

¹⁴ ЦДАГО України, ф. 1, оп. 23, спр. 919, арк. 82–83.

польского населения. Так, отмечает Мирчук, в течение 1947 г. в восьми западных областях Украины УПА и вооруженное подполье ОУН провели 906 акций, во время которых было ликвидировано 1018 «большевиков», в основном видных членов НКВД». Здесь вновь не учтены Мирчуком те сотни и тысячи галичан и волянян (учителей, крестьян, рабочих, служащих), которые погибли от рук боевиков ОУН-УПА. Зато «своих» потерь он насчитывает 325 «людей». На протяжении 1948 г. Мирчук насчитывает 1422 акции (хотя в действительности в 1947 г. таких «акций» было значительно больше, чем в 1948 г.), во время которых убито 910 «большевиков», а потери УПА и вооруженного подполья ОУН составили всего 347 лиц. Неизвестно только, для чего всё это творилось паном Мирчуком: с целью показать «доблести» ОУН-УПА, или таким образом замаскировать жестокость их боевиков?

Явной ложью является и следующее:

«Зимой 1947-1948 гг. совершили рейд в Восточную Пруссию две группы УПА, одна под командованием «Ясеня» и вторая под командованием сотника «Прорвы»...»

Восточная же Пруссия, как известно, стала в послевоенное время Калининградской областью Российской Федерации, была заселена в основном россиянами и имела суровый пограничный режим. Да и трудно представить такой вояж уповцев, коль в это время земля горела под ногами того же вооруженного подполья ОУН, а об УПА уже не могло быть и речи.

Представляя организационную структуру УПА и характеризуя её группы, Мирчук указывает названия подразделений и псевдонимы их командиров. Среди них, в частности, есть курени под названиями «Лайдаки»^{IV}, «Шакалы», «Шавулы», «Рубаки», «Буйные», «Смертоносцы», «Волки», «Сероманцы», «Борзые», «Черные черти» и т. п.; сотни «Резуна», «Вёрона», «Топора». Такие же имена имели и рядовые боевики, «доблести» которых, конечно, соответствовали кличкам. Спрашивается: где, в какой национальной армии есть подобные названия частей, подразделений, командиров и солдат? Какую мораль и духовную сущность они представляют? Не есть ли это результат аморальной идеологии украинского интегрального национализма, которой так рьяно учил Д. Донцов?

В очерке «Украинская повстанческая армия» Лэв Шанковський как бывший политический наставник УПА предаётся безгранично-космической фантазии. Правда, на вопрос «Как возникла УПА?» отвечает так же, как и М. Лэбэдь и П. Мирчук.

«По распоряжению ОУН под руководством Стэпана Бандэры, – пишет Шанковський, – первые самооборонные отделы начал организовывать Сэргий Качынський – «Остап», «для усиления этой работы» прибыл Васыль Ивахив («Сонар», «Сом»), который был до этого времени командиром подпольной унтер-офицерской школы в Поморьях (на Львовщине – В. М.). Осенью 1942 г. из числа наиболее подготовленных бойцов самооборонных отделов создана здесь «первая сотня УПА», которой командовал поручик Иван Пэрэгийняк («Довбэшка»/башка/, «Коробка»»¹⁵

Шанковський продолжал: «В начале 1943 г. в УПА перешел, почти в полном составе, Украинский курень вспомогательной полиции, который был переформирован из двух куреней украинского легиона (официальное название: «Дружина украинских националистов»; здесь идет речь, как видим, о шцуманшафт-батальоне под командованием Побигущого-Шухэвчы, переформированный из «Нахтигалья» и «Роланда». Только это батальон не вспомогательной (Hilfspolizei) полиции, а, как отмечает Шанковський, «охранной» полиции, который входил в корпус охранных войск

---

¹⁵ Шанковський Л. Українська повстанська армія / Історія українського війська. С 28.

СС обергруппенфюрера СС фон дем Бах-Зелевски – В. М.). Этот курень дал значительное **число офицерских и унтер-офицерских кадров для УПА**, а кроме этого, со временем, бывшие легионеры укомплектовали два куреня УПА: «Дружинники» и «Галайда». Курень «Дружинники» оперировал в районе г. Броды; **он очень пополнился бойцами дивизии «Галиция» после несчастливого боя дивизии возле этого города, в июле 1944 г.»**¹⁶ (Выделено мной – В.М.)

Здесь, как видим, есть ряд существенных дополнений к информации в «писаниях» М. Лэбэдя и П. Мирчука. Далее всё, как и у них:

«...Первая сотня УПА выступила против немцев. 7 февраля 1943 г. сотня эта сделала успешный наскок на районный центр – г. Владимировец. Разбита станция немецкой жандармерии, разбиты «шущманы» и казаки на немецкой службе, добыты и трофеи. В бою отличился сотенный командир пор. Пэрэгийняк – «Коробка».

Здесь Шанковський упрямо отмечает, что «наскок» был «против немцев», хотя при этом оговаривает, что это были «шущманы» и «казаки» (то есть, украинцы) «на немецкой службе». Правда, пишет о «трофеях», а не о «коцах»^V, как это делает П. Мирчук.

Далее Шанковський откровенно утверждает, что «значительным подъемом УПА» был «массовый переход всех украинцев-«шущманов», который случился между 15.03 и 10.04. «Шущманы перешли в УПА главным образом с оружием в руках...». Автор, чувствуется, относится к этому «акту» с большим воодушевлением.

Многие националистические авторы, в том числе и Л. Шанковський, с особым ударением отмечают то, что гитлеровцы проводили «широкомасштабные» операции против УПА. Шанковський, в частности, пишет так: «офензиву против УПА готовил фон дем Бах методически... грозил страшным судом», а затем «приступил к проведению широкомасштабной акции против украинского населения». Все это ни коим образом не соответствует действительности, ибо широкомасштабная карательная акция (и кстати, не одна) корпуса охранной полиции обергруппенфюрера СС фон дем Баха-Зелевски (часто с привлечением подразделений бандэровской УПА), которого вскоре мировая общественность окрестит основным садистом Варшавского вооруженного восстания, была проведена летом 1943 г. против советских партизан как реакция на эффективную «рельсовую войну», которую провели советские партизаны накануне и во время Курско-Орловской битвы. Отдельных подразделений УПА, расположенных в зоне действий карательного корпуса охранных войск, эта акция коснулась только частично и то из-за недоразумений. Об этом существует немало свидетельств. Да и еще живы люди, которые все это видели или были объектом расправы гитлеровцев и их пособников.

Что же касается восточной и северной Украины, то пан Шанковський прибегает, как и другие националистические авторы, к чрезмерным фальсификациям. Он, в частности, бесстыдно отмечает, что оуновская подпольная организация «охватила все области Северной Украины и сильнее всего процветала в Одессе, Кривом Роге и Донбассе».¹⁷

Все это не соответствовало действительности. Никаких оуновских организаций здесь не существовало, а если и были одинокие оуновцы, то они прибудили следом за наступающими немецкими войсками из Галиции в составе известных тогдашних «десантов» под названием «походные группы ОУН». Остатки этих диверсантов и могли заявить о своих «активных действиях» на востоке и юге Украины, оправдываясь перед

---

¹⁶ Там же. С. 30.

¹⁷ Там же. С. 51.

своими «проводниками» за свое бездействие. Группа же «УПА-Юг», о которой вспоминают Шанковський и другие авторы, на самом деле существовала только на бумаге. Она была мизерной, сформированной полностью из галичан и со временем вытеснена из центральной Украины как чужеродное тело.

Шанковський признает, что «непосредственной причиной явного выступления украинских вооруженных отделов в Галичине был рейд большевистских партизан ген. Ковпака». И добавляет: «Очевидно, отделы УНС (Украинской народной самообороны – В. М.) не имели необходимой силы помешать группе Ковпака перейти р. Днестр, пытались, но без успеха. Ковпаковцы пошли в горы».

Тем временем, объединив свои незначительные силы с гитлеровцами, особенно с частями СС, которые были брошены сюда, отряды УНС-УПА вытеснили советских партизан из Прикарпатья. Между тем Шанковський отмечает, что «немцы серьёзно обеспокоились восстанием и действиями УНС в Галиции и начали планировать её ликвидацию».

В конце Шанковський пишет, что во время наступления советских войск в Карпатах «советы», мол, хотели «склонить УПА на свою сторону». Он сообщает: «В своем письме от II.IV (1944 года – В. М.) большевистский генерал Баландин поздравлял «украинских партизан», признавая их большие заслуги в борьбе против «общего» врага и предлагал Переговоры...» (!). Сплошная ложь! Хотя бы потому, что вообще в годы Великой Отечественной войны в Красной Армии генерал с такой фамилией не значится.

Т.о., если Мирчук пытался пояснить, что «на Полесье... потребность немедленного перехода к вооруженной партизанке была крайне необходимой...» в связи с активизацией борьбы советских и польских партизан, которые активно действовали в этом регионе, то «Энциклопедия украиноведения» недвусмысленно утверждает, что «УПА возникла на Полесье и Волыни прежде всего для обороны населения от немецкого напора и для обороны от большевистских партизан». Но почему же гитлеровцы терроризировали население Волыни? Да потому, что это население, поддержанное партизанами, оказывало активное и пассивное сопротивление гитлеровцам.

Как ни темнят националистические авторы, возникновение националистических вооруженных формирований в районах Волынского Полесья (первых вооруженных групп, которые еще, конечно, не были формированиями УПА) не было случайным. Гитлеровские тыловые коммуникации и охранные подразделения в тылах терпели неудачи за неудачами в войне с советскими партизанами. Поэтому командование вермахта не делало серьезных и действенных изменений в организационно-военной и политико-пропагандистской тактике на оккупированных территориях Советского Союза. С этой целью рейхсминистр оккупированных территорий А. Розенберг провел 18 декабря 1942 г. соответствующие совещание, на котором обсуждались вопросы создания групп из представителей местного населения, которые могли бы помочь гитлеровцам в борьбе с советскими партизанами. Со временем такие военизированные отряды и вооруженные подразделения будут созданы. Немецкий историк Нюрберт Мюллер в книге «Вермахт и оккупация» категорически утверждает, что «на Украине «Организация украинских националистов» создала с согласия и при поддержке оккупационных органов значительное количество вооруженных банд, которые под лозунгом борьбы за «независимую Украину» терроризировали местное население и помогали оккупантам в их акциях против советских партизан». Таким образом, утверждает автор, формирования УПА и были созданы «с санкции гитлеровцев».¹⁸

---

¹⁸ Мюллер Норберт. Вермахт и оккупация. 1941–1944. М, 1974. С. 196, 260–267.

Раскрывая политическую сущность ОУН-УПА, французский публицист и историк Аллен Герен также отмечал, что «УПА – продукт давней деятельности немецкой разведывательной службы».

«Бандэровская ОУН, – признавали сами оуновцы, – является типичной фашистской организацией, а УПА никогда не была украинским военным формированием – она не что иное, как созданная по идеям гитлеризма «Ваффен СС», которая полностью переняла нацистскую ментальность».¹⁹

Воинские националистические формирования, вооруженные, инструкторованные и вдохновленные гитлеровцами, должны были выполнять следующие задания:

- сдерживать борьбу населения западных областей Украины против немецко-фашистских захватчиков, обманом и насилием привлекая на свою сторону людей, недовольных гитлеровской оккупацией, и тем самым предотвращать их переход на сторону советских партизан;

- под демагогическими лозунгами борьбы «за освобождение» и «независимость» направить оружие УПА против советских и польских партизан, а также против неукраинского населения Западной Украины и восточных районов Польши;

- пополнять карательные немецкие отряды, чтобы не ослаблять силы вермахта на Восточном фронте;

- локализовывать действия советских партизанских соединений в северных, полесских районах Волыни, лишая их возможности развернуть боевые действия во всех других западных областях;

- в случае отступления немецких оккупантов из Украины начать подрывную деятельность в тылу советских войск.

По этому поводу еще раз процитируем соответствующее место из книги М. Лэбэдя «Украинская повстанческая армия»: «Может возникнуть вопрос, почему Галиция не вступила в открытую борьбу одновременно с Волынью? Причины, прежде всего, тактические. Галиция, лучше организованная, боролась против немецкого террора другими методами. Также немцы... применили на этой территории несколько иную политику. **Надо было, как можно дольше удерживать эту территорию в относительном покое, чтобы можно было иметь своеобразную подпольную базу для пополнений других территорий руководящими кадрами, оружием, медикаментами и т. д.**»²⁰ (Выделено мной – В.М.).

Такие «пояснения» Лэбэдя частично «резонны». Галиция действительно, в сравнении с Волынью, где неудержимо свирепствовал палач украинского и польского народов Эрих Кох, была относительно спокойной территорией. Здесь не было советских партизанских отрядов и широкого антифашистского подполья, как на Волыни, ибо все возможные силы сопротивления были подавлены в первые дни оккупации, зато действовали УЦК (Украинский центральный комитет) во главе с Кубийовычем, УНР (Украинская национальная рада) во главе с митрополитом А. Шэптыцькым и К. Лэвцькым, УКК (Украинский краевой комитет), управляемый К. Паньківськым. Здесь, в Галиции, оккупационные органы были буквально напигованы галицкими националистами, которые неприкрыто сотрудничали с немецкой властью и гестапо. Здесь формировалась дивизия СС «Галиция». Что же касается тактики создания «подпольной базы», то она никоим образом не была такой, как её изображал Лэбэдь, так как ОУН-

---

¹⁹ Цит за: *Терлиця М.* Націоналістичні скорпіони. К., 1963. С. 83.

²⁰ *Лебедь М.* УПА. С 50.

бандэровцев засылали на Волинь свои кадры массово и постоянно, не доверяя волянянам. Не только В. Сыдор («Шэлэст»), Р. Шухэвич («Тарас Чупрынка»), М. Лэбэдь («Максым Рубан»), Д. Клячкивський («Клым Савур»), Д. Грыщай («Пэрэбийнис»), Я. Старух, В. Кук, А. Гасын как галичане были организаторами и руководителями вооруженных формирований ОУН-УПА на Волини, но и низовые командиры УРП были галичанами, как и все структуры службы безопасности ОУН, которые прошли многолетнюю школу донцовщины.

Против вышеописанной «тактики» М. Лэбэдя справедливо выступил советский историк В. Чередниченко: «В вопросе, почему отряды УПА возникли именно на Полесье и Волини, а не в Галиции, где нацисты так же жестоко эксплуатировали население и где так же был нужен карающий меч народной мести, бандэровские верховоды заявляют, якобы Галиция была для них своеобразной «подпольной базой» продовольственных и людских ресурсов. Это опять-таки фальсификация. Причина была в другом. Именно тогда, весной и летом 1943 года, фашисты вместе с мельниковцами мобилизовали в Галиции украинскую молодежь в дивизию СС «Галиция». Гитлеровцы хотели, прежде всего, обеспечить дивизию СС наиболее подходящими кадрами, а уже после этого предоставить свободу действий бандэровцам в стягивании людей в отряды УПА».²¹

Далее В. Чередниченко уточняет:

«Борьба отрядов УПА против советских партизан, которые наносили большой вред немецким коммуникациям и уничтожили много живой силы и военной техники оккупантов, была данью украинским националистам фашизму в сложный для него период. Гитлеровцы, таким образом, в определенной мере обеспечивали свои тылы, переложив часть бремени нацистских экспедиций на банды УПА, где верховодили проверенные агенты нацистов во главе с бывшим заместителем командира легиона «Нахтигаль» Шухэвичем».²²

Итак, с этим можно было бы согласиться, если бы не несколько довольно важных оговорок:

- гитлеровцы всеми способами старались подчинить деятельность ОУН, а затем УПА своим политическим целям и интересам;

- ОУН-бандэровцев стремилась сыграть (и таки сыграла!) двойную политическую роль: с одной стороны, они создавали видимость оппозиции нацистам, даже борьбы против гитлеровцев (предлогом для этого, якобы, стали: ликвидация «Акта 30-го июля 1941-го» и содержание в изоляции в концлагере Заксенхаузен Бандэры, Стэцько и других проводников ОУН-б), с другой стороны, – создавали вооруженные формирования УПА, деятельность которых в «борьбе против немцев» сдерживалась, а в войне против советских и польских партизан – всячески поощрялась.

Всё это – бесспорный факт!

О чем свидетельствуют немецкие документы об УПА?

На этот вопрос отвечать необычайно сложно, ибо доступа к солидным немецким документам мы до сих пор не имеем. Нужно лишь надеяться на то, что историки в ближайшем будущем получат доступ к архивам нацистов.

Мы имеем возможность использовать два сборника документов, которые подготовили историографы ОУН-УПА и издали под названием «Летопись УПА» (собрано

---

²¹ Чередниченко В. Націоналізм проти нації. К., 1970. С 132.

²² Там же.

и упорядочено Т. Гунчаком).²³ Шестой и седьмой тома имеют общее наименование «УПА в свете немецких документов» (Книга первая: 1942 – июнь 1944 г.; Книга вторая: июнь 1944 – конец 1945 г.). Документы представлены на немецком языке и сопровождаются краткими комментариями на украинском.

Рассмотрим том 6-й. Читая «Предисловие», написанное Т. Гунчаком, необходимо обратить внимание, что то, что он здесь пишет, абсолютно противоречит содержанию тех документов и комментариев, которые поместил в сборник сам же автор. Складывается впечатление, что пан Гунчак сам не читал этих документов.

Том 6-й «Летописи УПА» начинается «Меморандумом» ОУН-бандэровцев к немецкому правительству от 14 апреля 1941 г. Кроме определений своей цели, бандэровцы здесь вполне откровенно заявили, что борются за самостоятельную Украину в пространстве между Дунаем, Карпатами и Каспийским морем. ОУН-бандэровцев называет «украинскими землями» не только Воронеж и Курск, Старый Оскол и Камышин на Волге, но и территорию Северного Кавказа (Чечни и Ингушетии), а также те, которые прилегают к Каспийскому морю. То есть, выходит, «украинскими» являются и земли нынешней Ичкерии, и нынешней Калмыкии (!). Бандэровцы доказывали, что между украинским и русским народами существуют категорически разные культурные, национальные, духовные, даже расовые расхождения. Всё это в данном «меморандуме» втолмачивалось гитлеровцам.

Документы 3-28, в основном, информируют об УПА – «Полесской Сечи» Боровця-«Тараса Бульбы». В частности, документы 15-16 свидетельствуют о переписке между шефом СД на Волыни и Подолье Пютцем и атаманом «Тарасом Бульбой». В письме от 24 апреля 1943 г. Пютц в частности, обвинял бульбовцев в «беспорядках» на Полесье и предлагал «выйти из подполья», гарантируя «жизнь и свободу». В письме от 19 мая 1943 г. Боровэць-«Бульба» жаловался начальнику СД Пютцу на безоглядный террор немецкой полиции против украинского населения. Прекращение этого террора, указывал атаман, является предпосылкой для дальнейшего сотрудничества с гитлеровцами.

В документе под номером 19 дан отчет шефа полиции и СД в Берлин от 21 мая 1943 г., в котором указано, что «Полесская Сечь» тесно сотрудничает с гитлеровскими службами в борьбе против большевистских партизан. Вскоре та же «Полесская Сечь», маневрируя, ушла «в подполье», но «желает сотрудничества с немцами», недвусмысленно указывается в данном документе.

В документах 20-21 указано, что «Тарас Бульба» готов в военном отношении сотрудничать с гитлеровским вермахтом для борьбы с советскими партизанами, но он не хочет иметь связей с немецкой полицией.

В документе 24 даются две сводки информации гитлеровцев от 17 и 30 августа 1943 г. о действиях УПА – «Полесская Сечь». Здесь, в частности, отмечено, что «бульбовские» подразделения ведут действия против местной немецкой администрации и полиции, но нейтрально относятся к войскам вермахта. С пленными немцами «бульбовцы» поступают хорошо, оказывают им первую медицинскую помощь, других разоружают и немедленно освобождают. Здесь не указано, что это были лишь отдельные, редкие случаи. Зато информаторы указывают на то, что наблюдаются случаи сближения бульбовцев с красными партизанами, что опасно.

Документ 28, датированный 22 ноября 1943 г., информирует Абвер о переговорах гитлеровских служб с атаманом УПА-«Полесская Сечь». Здесь указывается, что в связи с отступлением немецких войск при отделе Абвера «Восток» создан

---

²³ Літопис УПА. Торонто, 1983.

специальный штаб «Р» (Россия – В. М.) для «налаживания контактов с повстанцами для общей борьбы с большевиками». Штаб, как известно, дислоцировался в Ровно. С этим штабом и вел свои переговоры Боровэц-«Бульба» в г. Ровно 19 ноября 1943 г. Во время этих переговоров атамана вызвали в Берлин, где он был изолирован (конечно, как и бандэровцы, по тактическим соображениям) службами гестапо в специальном бункере «Целленбау» в концлагере Заксенхаузен. Правда, здесь не указано, в какой роли – преступника или заложника – находился здесь атаман рядом с С. Бандэрой.

Далее в сборнике даются документы, которые довольно ярко сообщают об ОУН и УПА, но уже бандэровского направления. В частности, в документе 27 дается отчет отдела Абвера «Восток» от 11 ноября 1943 г., где сообщается, что силы УПА под руководством Клыма Савура (УПА бандэровского направления под руководством Д. Клячківського – В. М.) составляют 20 тысяч, а вместе с другими формированиями – 25-40 тысяч бойцов. Численность отряда бульбовцев – 5-6 тысяч.

Документ 31 представляет сообщение от 21 января 1944 г. разведки XIII армейского корпуса гитлеровцев, расположенного на подступах ко Львову, где в частности, сообщается о том, что УПА «избегает конфликтов с вермахтом».

В документе 33 дается инструкция под названием «Отношение к УПА» того же XIII армейского корпуса гитлеровцев, которая датируется 29 января 1944 г. и где, в частности, отмечено, что «со стороны УПА имеются тенденции сотрудничать с вермахтом». Здесь же дано распоряжение «вступить в контакты с отделами УПА и навязать сотрудничество в борьбе с Красной Армией и партизанкой».

Эту линию продолжают документы 36 и 38. Первый документ, датированный 15 февраля 1944 г., информирует о том, что в районе Кременца «налажено местное сотрудничество с УПА», а второй документ, датированный 28 февраля того же года, – о том, что «отделы УПА не имели стычек с немцами, только с большевиками». Подобную информацию дает и разведка 4-й танковой армии гитлеровцев.

Документ 44, адресованный командованию армейской группы «Северная Украина» от 18 апреля 1944 г., представляет письмо командира УПА «Охрима» (псевдоним руководителя УПА-Север Д. Клячківського^{VI} – В. М.). Автор письма как руководитель УПА-Север пишет о необходимости сотрудничества с гитлеровцами и о помощи УПА оружием и боеприпасами.

В документе 46 дается отчет Абвера от 22 апреля 1944 г. «К вопросу о национальном движении в Галиции», где определено, что часть галицкой интеллигенции была в прошлом основательно подготовлена австро-немецкими студийерами и культуртрегерами.

Документы 54-а, 54-б и 55 информируют о переговорах с УПА, в частности, о результатах переговоров доктора Штарка во Львове 3 июня 1944 г. Эта дата совпадает с той, когда с гитлеровцами вел переговоры «Гэрасымовський» – бывший капеллан специаль-батальона «Нахтигаль» И. Грыньох. Гитлеровцы обязывались поставлять УПА оружие, амуницию и медикаменты, УПА – поставлять разведывательные данные и вести диверсионную работу в тылу Красной Армии.

Документ 60 представляет «Меморандум о поведении в отношении УПА», обращенный к командованию групп армий «Северная Украина», в котором, в частности, дается разъяснение о необходимости сотрудничества с УПА и многочисленные рекомендации, как налаживать контакты для совместной борьбы с большевиками.

В документе 67 дается отчет отдела Абверкоманды-202 командованию групп армий «Северная Украина», датированный 21 июля 1944 г. В нем сообщается о том, что УПА остается за линией фронта для дальнейших действий против Красной Армии.

Указывается также, что штабом УПА запланировано встретиться с представителями немцев в Карпатах, чтобы договорится о поддержании связей с Венгрией, Чехословакией и вермахтом. УПА просит помочь оружием и медикаментами; существует специальный штаб УПА для дальнейшего контакта с вермахтом, представители которого просят встречи со С. Бандэрой.

В документе 68 дается отчет Абвера от 22 июля 1944 г., где указано о «неоценимом сотрудничестве с УПА».

В документе 70 дается отчет штаба сухопутных сил гитлеровской Германии от 31 июля 1944 г., где указано, что «силы УПА многочисленны и их стоит использовать в борьбе с большевиками».

Думаю, что такие сведения о содержании документов гитлеровцев не требуют специального комментирования.

Продолжим характеристику немецких документов об УПА. В «Летописи УПА»²⁴ представлены документы, по своему характеру близкие к предыдущим и продолжающие их по времени. Но эти документы можно сгруппировать тематически: поиски контактов для сотрудничества между гитлеровским командованием и руководством ОУН-УПА; материалы о передаче оружия и боеприпасов УПА; о сотрудничестве ОУН-УПА с польской АК (Армией Крайовой); о связях ОУН с английскими разведывательными службами и т.д.

В документе 2 содержится инструкция командования армейской группы гитлеровских войск «Северная Украина» от 18 августа 1944 г. «О поведении в отношении УПА», своеобразной «подпольной базы» продовольственных и людских ресурсов. Это опять-таки фальсификация. Причина лежала в другом. Именно тогда, весной и летом 1943г., фашисты вместе с мельниковцами мобилизовали, где, в частности запрещалось употребление термина «Banden» (банды) для обозначения формирований УПА и предлагалось выдерживать условия сотрудничества.^{VII}

Документ 3 принадлежит командованию армейской группы «Северная Украина» и датирован 18 августа 1944 года. Здесь, в частности, указывается, что переговоры с УПА проводились вблизи г. Турка 11 августа 1944 года. 12 августа УПА было передано немецкое оружие и боеприпасы. А 14 августа прошли «центральные переговоры» со «связным штабом УПА». Такой специальный штаб УПА, который непосредственно поддерживал связи с гитлеровским командованием, был создан летом 1944 года и действовал до конца войны.

В документе 4 под названием «Вооружение УПА», датированном 29 августа 1944 г., дается перечень легкого советского оружия, которое как трофеи было у немцев и которое необходимо передать для УПА.

Довольно интересна инструкция министерства оккупированных восточных территорий от 18 сентября 1944 г. (документ 9), которая указывает на то, что *«украинские националистические банды» всегда воевали против Советского Союза и «относились довольно нейтрально к вермахту»*. И здесь же немаловажная деталь: *«Рейхсфюрер СС разрешил связь с украинскими националистическими партизанами»*. (Выделено мной – В. М.)

В документе 10 дается меморандум немецкого военного командования от 19 сентября 1944 г., в котором указано, что *«укрепление УПА...является позитивным, ибо УПА связала бы силы для борьбы Красной Армии и могла бы ослабить советские действия на фронте»*.

---

²⁴ Літопис УПА. Торонто, 1982. Т. 7.

В документе 12 дается отчет разведки при армейской группе «Северная Украина» от 21 сентября 1944 г. о том, что «в апреле 1944 года УПА через своего проводника Максима Рубана (то есть Мыколу Лэбэдя – В. М.) искала контакты и связала их с Англией». Эту же линию продолжает документ 15: рейхсфюрер СС от 11 октября 1944 г. информирует, что известие о получении контактов УПА с англичанами подтверждено. Об этом же информирует документ 24.

В документе 17 от 16 октября 1944 г. вооруженные формирования УПА оценены в 40 тысяч боевиков. Однако в документе 23 (отчет Абвера от 11 ноября 1944 г.) указано, что количество вооруженных сил УПА оценивается от 80 до 100 тысяч боевиков. Здесь же указано, что ОУН-УПА ставит перед собой цель создание великой Украины на территориях Советской Украины, Галиции, Волыни, Полесья, Буковины, Бессарабии, степей по линии Борисоглебск – Сальск – Майкоп, Крыма, Северного Кавказа, Курской области. Указывается также, что Абверкоманда-202 налаживает связи с УПА, передает оружие, подготавливает диверсантов и радистов и проводит обмен разведывательными материалами.

В документе 29 предоставляется отчет отделу Абвера «Восток» о ходе налаживания связей УПА с АК (Армией Крайовой), подчиненной польскому эмигрантскому правительству в Лондоне. Об этом же отчитывается оберштурмбанфюрер СС Витиска (недавний шеф службы безопасности дистрикта «Галиция»).

Довольно большой материал изложен в документах 32 и 33, представляя широкий отчет капитана «Кирна» (настоящая фамилия Вителц – В. М.), командира разведывательной группы Абверкоманды-202 при армейской группе «А» («Северная Украина» – В. М.) от 27 ноября 1944 г. Группа из семи человек во главе с «Кирном» прошла 180 километров в тыл Красной Армии. Рейд начался 6 октября и закончился 7 ноября 1944 г. Затем группу самолетом доставили в Краков. Капитан «Кирн», в частности, указывает, что, ведя переговоры со штабом УПА-Запад, он узнал о том, что в рядах УПА находится несколько сотен немецких солдат и офицеров.

О том, что в среде УПА есть немецкие и даже итальянские солдаты, говорится в документе 38.

Документ 49 представляет собой отчет немецкого посольства в Братиславе (Словакия) от 2 февраля 1945 г. министерству иностранных дел гитлеровской Германии под названием «Украинская повстанческая армия (УПА)». Здесь также указывается, что УПА насчитывает до 100 тысяч вооруженных воинов.

В документе 55 дается докладная штандартенфюрера СС (полковника) Витиски от 20 февраля 1945 г. группенфюреру (генерал-лейтенанту) СС Мюллеру (шефу гестапо – В. М.) о том, что УГВР (Украинская главная военная рада – В. М.) ищет контакты с альянтами (то есть, с западным союзным блоком держав – В. М.). Этим занимается посланный в Швейцарию Евгэн Врэцэна. Здесь же указано, что УПА-Запад объединяет около 80 тысяч бойцов.

Документ 58 предоставляет обзор вышеупомянутого штандартенфюрера СС Витиски, построенный на свидетельствах тех, кто сбежал из советского плена. Эти личности информируют, что в УПА находится большая группа немцев, среди них оберштурмбанфюрер (подполковник) СС фон Кистен из 14-й гренадерской дивизии СС «Галициен», и даже генерал, имя которого неизвестно.

Анализируя материалы 6-го и 7-го томов «Летописи УПА» в целом, приходим к выводу, что их составитель Т. Гунчак подбирал для публикации только второстепенные, часто политически невыразительные документы немецких военных и правительственных ведомств, которые, конечно, мало «компрометируют» ОУН-УПА, а также представлял

дело так, вроде только немцы стремились к «сотрудничеству» с ОУН-УПА. Это конечно, абсолютно не соответствует действительности. Прежде всего, к такому сотрудничеству, а главное, к поддержке и помощи, стремились украинские националистические группировки и их руководители.

К этому стоит добавить рецензию на 6-й и 7-й тома «Летописи УПА» историка из диаспоры Игоря Каменецкого под названием «Документы об украинских партизанах»,²⁵ где автор делает довольно аргументированные существенные выводы:

«Немецкое военное командование старалось избежать стычки с УПА, направить действия УПА против советских и польских партизан и использовать их в целях разведки».

И еще одна оговорка:

«Только в исключительных случаях рассчитывали они на помощь УПА в отношении определенных отрезков фронта»;

«Взамен немецкие военные власти иногда передавали отделам УПА оружие и амуницию, в основном из запасов добытого советского оружия».

Что правда, то правда. Поэтому составитель томов «Летописи УПА» пан Гунчак серьезно просчитался, ибо вместо освещения «доблестей» УПА, документы, представленные здесь, исполняют роль саморазоблачения.

Мы уже не раз указывали, что правду об ОУН-УПА фальсифицируют и М. Лэбэдь, и П. Мирчук, и Л. Шанковський, и «Летопись УПА», а также другие известные и неизвестные «историографы» и националистические издания. Однако, больше всех стараются в этом создании мифа о легендарности УПА нынешние авторы, среди них те коммутанты, которые еще вчера носили в карманах билеты членов КПСС или писали об этом общественном явлении совершенно противоположное.

Приведу только один пример.

Есть на Волини село Радовичи Турийского района. 7-9 сентября 1943 г. здесь разыгрались события, которые не забываются. Нашли они и следы в «истории» УПА. Вот как об этом пишет «историограф» ОУН-УПА П. Мирчук в уже упомянутой книге «Украинская повстанческая армия»:

«Этот бой разгорелся неожиданно. Готовилась большая акция возмездия против большевистских партизан и польских отрядов, которые концентрировались в польской колонии Засмыки. Подготовкой боевой акции руководил сам командир военного округа «Туров» к-р Бовчак. Для этого стянул он три куреня УПА: курень к-ра Голобэнко, с сотнями к-ра Байды, к-ра Кубика и к-ра Зализняка. Курень к-ра Щуки и к-ра Ярэмы, а также подготовленную сотню артиллерии под командованием к-ра Розважного. И вызванный по спешным делам в Главную команду к-р Вовчак передал управление акцией своему заместителю к-ру Рудому. Тем временем сотня к-ра Байды, которая должна была заблокировать путь Ковель-Радовичи, чтобы не допустить польскую полицию из Ковеля на помощь польско-большевистским партизанам в Засмыках, наткнулась на автоколонну немецкого войска. Как позже выяснилось, это была немецкая военная часть численностью 420 человек, которая ехала в фольварки и села грабить продукты. Сотня к-ра Байды вступила в бой с немцами, на помощь им пришла сотня к-ра Кубика. Немецкая часть разбита. Немцы оставили 5 убитыми и 11 пленными и убежали в Ковель».

Утром следующего дня на место боя прибыла из Ковеля немецкая военная часть силой до одного полка с танкеткой и двумя бронированными автомобилями, а по

---

²⁵ Ж. «Український історик». Нью-Йорк – Торонто – Мюнхен, 1988. №№ 1–4.

железной дороге Ковель – Волынский прибыл немецкий бронепоезд. Дошло до упорных двухдневных боев, в которых немцы полностью разбиты. Не ориентируясь совсем в количестве и в размещении повстанческих сил, немцы повели себя слишком вольно и между тем сами подставили себя под чувствительные удары частей УПА. К тому же, в немецком бронепоезде уже вначале был уничтожен радиоприемник, и он, не разобравшись в сложившейся боевой ситуации, накрыл пушечным огнем немецкие части, которые заняли было позиции сотни УПА, отступавшей под натиском немцев. Под вечер того дня разбитый немецкий полк отступил в Ковель. В двухдневных боях немцы, согласно их собственным донесениям, потеряли убитыми и ранеными 208 бойцов. Потери повстанцев составили 16 убитых и 3 раненных. Добычей УПА были 3 скорострела, 56 крисов и большое количество амуниции. Победу почтили Службой Божьей, которую на общей могиле павших бойцов УПА отправили местный священник и капеллан УПА о. Лэв.

В ближайший день из Ковеля приехали новые немецкие военные части, которые направлялись в Радовичи. УПА приветствовала их пушечным огнем. Но немцы в бой не вступали. Забрав с поле боя предыдущих дней своих убитых, они поспешно отступили к Ковелю».²⁶

Немецкий полк и другие части, потерпев поражение, убежали в Ковель. Несколько сотен примитивно вооруженных уповцев, да и еще с «артиллерией» (то есть одной пушкой мелкого калибра, которая так и не стреляла) победили укомплектованный полк гитлеровцев с танкеткой и бронепоездом!

А суть здесь такая. Описание этого боя (по сути стычки, которая случилась по недоразумению) П. Мирчук подает перекручено, фальшиво. Действительно, около 7 сотен УПА готовили нападение на соседнее польское село Засмыки (теперь подчиненное сельсовету Любитов Ковельского района). Так, сюда были стянуты три куруня уповцев из военной округи «Туrow», которая действовал на Полесье. А в Засмыках поляки вели круговую оборону против нападений уповцев и отрядов службы безопасности ОУН, их поддерживали советские партизаны из местного отряда соединения Героя Советского Союза полковника А. П. Брынского. Как раз в это время вооруженные формирования ОУН-УПА массово уничтожали польское население на Волыни. 7-9 сентября 1943 г. и состоялось нападение уповцев на село Засмыки и еще несколько соседних сел и хуторов, где жили поляки. Засмыки вместе с его жителями и охранниками были полностью ликвидированы.

Но в то время, когда бандэровцы проводили свою «акцию», случилось обычное недоразумение. Немецкая военная часть, расквартированная в г. Ковеле (не 420 солдат, как здесь указано, а намного меньше) следовала грабить окрестные села и наткнулась на подразделение УПА. Возникла перестрелка. Немцы приняли уповцев за советских партизан, которых в то время в районе Ковельского железнодорожного узла было немало. Бой разгорелся. На помощь небольшой группе из Ковеля пришла новая группа немцев силами до батальона (а не полка, как пишет Мирчук) с бронепоездом. Уповцы отступили, их позицию заняли гитлеровцы, а бронепоезд из всех орудий открыл огонь по своим. Были потери, но не такие, как пишет Мирчук. Со временем немцы ошибку выяснили, оставили позицию и вернулись в Ковель. На следующий день (как и пишет Мирчук) немцы в бой не вступали (ибо никто их не обстреливал), а подобрали трупы и вернулись.

Читатель, думаю, обратил внимание на такую несуразицу в рассказе Мирчука: «Потери повстанцев составили 16 убитых и 3 раненных». Всем же известно, что в бою

---

²⁶ Мирчук П. Українська повстанська армія. С. 40–41.

раненных бывает в несколько раз больше, чем убитых. Здесь же Мирчук неправильно называет руководителей акции УПА. Командиром войсковой округа «Туров», которая действовала на Полесье, в т. ч. и на Ковельщине, был «Рудый» (Стэльмашук), его заместителем – «Вовчак» (Шум), а не наоборот.

Кстати, укажу, что я лично в то самое время (тогда 8-летний мальчик) вместе с матерью находился у родственников на хуторе вблизи железнодорожной станции Люблинец (теперь поселок городского типа недалеко от Ковеля). Мы слышали грохот далекого боя. А вскоре, возвращаясь, бронепоезд обстрелял какой-то объект вблизи нас. Информированные о бое и его результатах местные жители говорили в то время об уничтожении бандэровцами польского села Засмыки вместе с жителями и о недоразумении уповцев с немцами. Гитлеровцы, выявив свой просчет, не пошли на усложнение и не проводили против мирного населения акций, которые обычно в то время проводили часто.

Несколько иначе об этом бое под Радовичами пишет его участник В. Новак («Крылатый») в томе 5 «Летописи УПА». Если П. Мирчук в качестве результата первого дня боя оценивает потери немцев в 5 убитых, то В. Новак указывает, что *«в первые минуты боя немцы понесли большие жертвы»*.²⁷ Далее же автор указывает потери немцев за всё время боя, которые составили 208 убитых и много раненных». При этом сказано, что больше всего их пало в первый день боя. Как видим, сплошная путаница. Однако, почитайте, как об этом пишет нынешний львовский историк Б. Якимович^{VIII} в недавно изданной книжке «Вооруженные силы Украины» (Львов, 1996):

«В трехдневном бою под Радовичами группа «Туров» уничтожила почти 300 немецких солдат, добыла много военных трофеев. Немцы впали в панику, говорилось о тысяче украинских повстанцев, а Ковель готовился к эвакуации».

При этом автор связывает эту «акцию УПА с широкомасштабной операцией полицейских частей генерала СС фон дем Бах-Зелевски», направленной якобы против вооруженных формирований УПА на юге Волыни. Все это – бесстыдная ложь!

Б. Якимович, конечно, фантазирует, когда пишет, что «Ковель готовился к эвакуации». Фантазии Мирчука о гибели 208 гитлеровцев он доводит до «почти 300». Да и никакой «муниции» уповцам не досталось. Ибо после случайного столкновения с немцами они панически отошли, в то самое время как их основные силы уничтожали село Засмыки.

К тому же достоверно известно, что как раз после рейда партизанского соединения дважды Героя Советского Союза генерал-майора С. А. Ковпака в Карпаты часть полицейских соединений карательных войск СС под командованием обергруппенфюрера СС фон-дем Бах-Зелевски были переведены из Белоруссии (в состав которых до Рождества 1943 г. входил шуцманшафт-батальон, управляемый Побигушим-Шухэвичем) на Волынь с целью очищения волыньских лесов от советских партизан, обеспечения охраны подступов к «столице» рейхскомиссариата «Украина» Ровно, для умиротворения тылов гитлеровских армий группы «Северная Украина», где гитлеровцы предвидели наступление советских войск осенью 1943-го и зимой 1944 г. Полицейские соединения генерала СС фон-дем Баха совместно с местными полицейскими отрядами (в составе которых были подразделения «украинской» и «польской» полиции) в сентябре-октябре 1943 г. охватили кольцом Ровно, провели ряд карательных акций против мирного населения Кременецкого района (Тернопольская область) и вблизи Луцка. Со временем эти акции продолжили карательные соединения уже под командованием генерала СС

---

²⁷ Лїтопис УПА. Торонто, 1984. Т. 5. С. 116.

Прицмана. Националистические же авторы (в том числе и Б. Якимович) пытаются представить эти операции СС как такие, которые были направлены исключительно против УПА. Всё это, конечно, не соответствует действительности, как и всё то, о чем мы писали выше.

Так перекручивается недавняя история, несмотря на то, что еще живы свидетели «боев» УПА против гитлеровцев вблизи Радовичей, свидетели тотального уничтожения села Засмыки и его жителей, многочисленные свидетели других «героических» акций УПА.

Особенно много разных глупостей писали и пишут националистические авторы о Карпатском рейде генерала С. А. Ковпака летом 1943 г. Рейд, как известно, стал славным событием в истории партизанского движения Великой Отечественной войны в частности, и Второй мировой войны в целом. Советское командование ставило перед партизанами соединения ответственное задание – вывести из строя нефтеносный район в Прикарпатье, которым пользовались гитлеровцы, и тем самым лишить вермахт поставок топлива.

Националистические авторы пишут об этом героическом рейде, подчеркивая «выдающуюся» роль националистических отрядов УНС (Украинской национальной самообороны), которая стала основой УПА в Галиции, а в то время всесторонне прислуживала гитлеровцам.

Так, П. Мирчук писал:

*«В Карпаты немедленно стянуты большие отряды УНС, и брошены они против отрядов армии, большевистские партизаны не в силах были выстоять в борьбе с украинскими повстанцами. Отряды Ковпака были быстро разбиты, а сам Ковпак с горсткой недобитых скоро убежал на восток».*²⁸

Несколько иначе пишет В. Косык:

«Формирование, которое насчитывало 1700 боевиков, хорошо вооруженных, в том числе и артиллерией... уклонялось от больших боев с УПА. Обходя территорию УПА, этот отряд спустился к Сатаневу и, вернувшись на запад, начал рейд в Галиции. Но формирование Ковпака потерпело поражение от немцев к востоку от Коломыи в начале августа 1943 г., не находя поддержки среди населения, остатки формирования, разбитые на семь групп, вынуждены были в октябре вернуться в Белоруссию...»²⁹

Еще иначе пишет О. Баган:

«Особенно опасным для украинских интересов был рейд коммунистического партизанского отряда численностью около тысячи человек под руководством С. Ковпака в Карпатах. И те, и другие понимали, какое важное стратегическое значение имеют горы, где можно было организовать, с учетом условий, надежную базу для партизанского движения. Эту опасность для себя понимали и немцы, которые летом 1943 г., когда Ковпак уже пришел в самые горы, в серии боев нанесли ему потери и вынудили уйти в глубокое подполье. Отделы УНС были еще в то время малочисленными и потому не могли так эффективно противостоять красным партизанам. Хотя со временем, когда их количество возросло, они окрепли и приступили к методическим боевым действиям с целью вытеснения противника с гор. В Черном лесу УНС окружила большие соединения противника и уничтожила их. В течение лета горы были полностью очищены от красных

---

²⁸ Мирчук П. Українська повстанська армія. С 40.

²⁹ Косик В. Україна і Німеччина у Другій світовій війні. Париж – Нью-Йорк – Львів, 1993. С 402.

партизан, которые отошли на Восток, посеяв большую неприязнь к себе среди местного населения».³⁰

Такую чушь националисты называют сегодня «историей национально-освободительного движения», полностью перечеркивая настоящую сущность исторических фактов, событий и явлений. В Центральном государственном архиве гражданских объединений Украины хранится рапорт командира партизанского соединения, дважды Героя Советского Союза, генерал-майора С. А. Ковпака И. Сталину о Карпатском рейде. Вот как об этом пишет сам Ковпак:

«РАПОРТ

Выполняя Ваше задание, наше соединение в количестве 1500 человек 12 июня выдвинулось из района Сарн, что на Западной Украине, к Карпатам. Дорогой Иосиф Виссарионович, сообщая коротко о результатах четырехмесячного боевого рейда.

Партизаны пронесли знамя Советской власти там, где в течение двух лет не ступала партизанская нога. По всей Восточной Галичине от Тернополя до Карпат нарушена нормальная работа транспорта, выведены из строя большие сельские фольварки и лигеншафты, сорван сбор немцами податей молоком, мясом и другими продуктами. Нанесен удар по нефтяным промыслам.

Всего за четыре месяца в Галиции уничтожено:

- 1. Железнодорожных мостов – 14 длиной 1166 п.м.*
- 2. Мостов на шоссейных дорогах – 38 длиной 2369 п.м.*
- 3. Пущено под откос эшелонов – 19.*
- 4. Подорвано нефтевышек – 40.*
- 5. Нефтеперегонных заводов – 4.*
- 6. Нефтехранилищ – 13 с 2500 т нефти.*
- 7. Выпущено нефти из нефтепроводов – до 50 000 тонн...*

Роздано населению:

- 1. Хлеба – 600 т.*
- 2. Соли – 30 т.*
- 3. Сахара – 150 т.*
- 4. Скотины – 150 голов.*
- 5. Обуви – 1500 пар, большое количество мануфактуры и другого имущества...*

В Карпатах враг поставил целью полностью уничтожить отряд. Он бросил сведенные из Кракова, Парижа, Норвегии специальные СС полицейские горные полки 4, 6, 13, 24 и 26, а также 274-й горнострелковый полк и пять батальонов разных национальностей – хорватов, венгров, туркмен, словаков. Боясь нашего прохода в Венгрию и далее в Югославию, только на небольшом участке границы в 20 км враг поставил заслонами три венгерских горнострелковых полка.

С 12 июня по 14 сентября наша часть, находясь далеко от Родины, вела круглосуточное единоборство с врагом.

В этой тяжелой борьбе нас вдохновляла мысль, что мы исполняем приказ Родины, что мы наиболее дальние её разведчики, за 1000 километров в тылу врага исполняем толику грандиозного плана разгрома ненавистных фашистов, плана, разработанного и продуманного Вами.

За время полуторамесячных боев уничтожено:

- 1. Убито солдат и офицеров врага – 3349.*

---

³⁰ Баган О. Націоналізм і націоналістичний рух. Дрогобич, 1994. С. 150.

2. *Взято в плен* – 89.
3. *Танков* – 3.
4. *Бронемашин* – 1.
5. *Самолетов* – 2.

В боях наше соединение понесло серьезные потери: в горах мы потеряли всё тяжелое вооружение отряда – пушки, станковые пулеметы и минометы. В боях за Родину погибло смертью храбрых 228 бойцов и командиров, ранено более 150 человек, пропали без вести 200 человек. Однако враг не разбил отряд, который забрался в самое его логово и целил в самое чувствительное место – нефть. Отряд вышел из боев еще более крепким и сильным. В Галиции распахана почва для широкого партизанского движения.

8 октября 1943 года.

С. Ковпак».

Как видим, как бы ни хотели прошлые и нынешние националистические авторы фальсифицировать действительность, партизанское соединение под руководством прославленного генерала действовало, несмотря на большие потери в боях с гитлеровцами и их пособниками. Соединение отошло в район Житомирщины, переформировалось в бригаду, которую возглавил прославленный командир разведки, Герой Советского Союза, генерал-майор П. Вершигора, после войны известный советский писатель и кинорежиссер. Бригада с боями совершила рейд в Польшу, где вместе с польскими партизанами наносила фашистам ощутимые удары.

---

^I Эвиденциально – очевидно

^{II} Schultheiss – староста (нем.)

^{III} Листовками

^{IV} «Бездельники»

^V Коврах

^{VI} Дмитрий Клячківський (1911-1945) – активист националистического движения с 1930-х гг. С 1937 в Збараже руководил националистической военно-спортивной организацией «Сокол». Второй командир УПА после Васыля Ивахива (был устранен СБ ОУН). Руководил истреблением поляков и евреев на Волыни в 1943 г. Причастен к массовым репрессиям против «бульбовцев». В 1945 году уничтожен сотрудниками НКВД.

^{VII} В абзаце пропущено предложение – ошибка первого издания оригинала

^{VIII} Богдан Якимович – профессор Львовского национального университета им. И. Франка, активист националистического движения современной Украины.

КТО ТАКИЕ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТЫ?

Кто был коллаборационистом во время войны?

Мы не будем всесторонне раскрывать эту проблему, а тем более теоретизировать по поводу поставленного вопроса. Коллаборационист, как известно, – предатель, лицо, которое сотрудничало с оккупантами. Ответим на поставленный вопрос только положениями и оценками исследователя из диаспоры С. М. Горака¹ из его статьи «Украинцы и вторая мировая война».

Здесь нужно обратить внимание читателя на то, что в заголовке статьи, как и в тексте, речь идет не об украинцах, не об украинском народе, а об украинских националистах. Такая форма «писаний» свойственна всем прошлым и нынешним националистам – представлять себя и говорить от имени Украины и ее народа.

Уже во вступлении к статье С. Горак убеждает нас, что «украинские массы перед лицом наступающей немецкой армии не считали себя защитниками советской системы и тем самым доказали искусственность советского легализма, который не выдержал первой пробы ...».

Но Советский Союз защищали все его народы, в том числе и украинцы, недаром же среди них 2070 Героев Советского Союза! Однако пана Горака трудно убедить, потому что он имеет натуру агрессивную. Мало того, что он судит обо всем украинском народе, понимая под ним украинских националистов, он еще и распространяет свои суждения на всю Украину и ее народ, имея в виду, разумеется, Галицию, которую в свое время покинул.

Поэтому он так безапелляционно заявляет:

«... Огромное большинство населения на начальной стадии войны не относилось к новому оккупанту как к врагу, с которым режим был в состоянии войны. **Поведение украинского народа в тех обстоятельствах отражало массовый плебисцит против советского режима и террора как формы владения**». (Выделено мной – В. М.).

Но, несмотря на сталинщину, подавляющее большинство украинского народа самоотверженно защищало свою родину от фашистов.

Далее автор приводит следующее: «В конечном анализе форм реакции украинцев на советский режим и отношение к войне [можно] отметить три основные группы:

1. «Коммунистическая верхушка» вместе с частью общества, число которого нельзя определить». А далее автор добавляет: «И все же знание истории и событий на Украине в 1941-1944 годах позволяет утверждать, что число украинцев, лояльных режиму в его отсутствие, не было больше 15-20 процентов всего населения ...»
2. «Часть населения, которая занимала нейтральную позицию» (Горак отмечает, что эту часть, как и первую, также нельзя определить).
3. «Национально-активная группа». Последнюю часть «украинцев» Горак называет «группой». Что это за группа?

Автор поясняет так: «Это – националистическая элита». Она усматривала в гитлеровской Германии «естественного и определенного союзника и силу, способную уничтожить СССР».

Правда, тут же Горак признает, что с ходом войны их число умаялось в пользу первой, а еще больше в пользу «нейтральных». И завершает мысль так: «Стержнем этой части были круги националистов, демократов, консерваторов и, конечно, церкви».

Горак выразительно говорит о сотрудничестве («коллаборации») третьей части населения с гитлеровцами. И в то же время всячески выгораживает, защищает,

оправдывает эту «коляборацию». Надо отдать должное: пан Горак честно говорит, не скрывая, как это порой делают другие националистические авторы, о предательстве третьей «группы» населения.

Однако вывод делает п. Горак совершенно неожиданный: за эту «коляборацию» «ответственной была только Москва».

Но, г-н Горак, коляборировали то в основном в Галиции, где Москва отнюдь ни при чем (разве что волна репрессий сталинско-бериевского режима в 1940-1941 гг., которая коснулась как раз третьей части населения).

И еще:

«Украинская «коляборация» является категорически отличной по форме и цели от ситуаций, известных в Норвегии, Франции, Голландии и у других государственных народов после оккупации их стран немецкой армией. Для украинцев национальной ориентации (то есть: для украинских воинствующих националистов – В. М.) Германия невзирая на режим должна была стать союзником, потому что врагов для них хватало в Москве, Варшаве и Будапеште».

Вполне понятно, что под «украинцами национальной ориентации» автор понимает украинских интегральных националистов, и отнюдь не зачисляет их в квислинговцы. И так, все они, как и национал-демократы, и национал-клерикалы в Галиции, активно «коляборировали». И с них пан Горак снимает всякую ответственность и ценит тот «опыт», который они приобрели своим предательством:

«Не является ни виной украинцев (то есть украинских националистов – В. М.), ни доказательством их политической незрелости, что Берлин отказался от естественного партнерства, потому что они, а не Берлин, верно поняли классическое применение союзов к дипломатам во время мира и войны».

Горак жалеет, что «моральная, политическая и военная помощь была для Сталина, а не для тех, которые считали его смертельным врагом» (имеется в виду помощь Советскому Союзу со стороны стран антигитлеровской коалиции – В. М.). Однако, тут же успокаивается, когда говорит, что **«все украинские круги – от националистов... до клерикалов»** были едины **«в одном убеждении – в необходимости ставки на гитлеровскую карту»**. (Выделено мной – В. М.)

Далее пан Горак утверждает, что эта ориентация на гитлеровскую Германию часто создавала условия сотрудничества, которые сегодня можно назвать «несвятым союзом». Этот «несвятой союз», как известно, хорошо известен галичанам, как и всему украинскому народу.

Горак акцентирует свое внимание на так называемом «демократическом лагере» (который также активно и угодливо коляборировал): «С приходом немецких войск партии были запрещены, а демократические – в частности (здесь и далее автор пишет, конечно, о Галиции, но это не мешало ведущим членам предвоенных партий активно включиться в политическую и общественную жизнь и занимать руководящие посты в новообразованных институтах, учреждениях и организациях). Таким образом, украинская демократия стала также действующим фактором, хотя в отличной форме и в других обстоятельствах. Немецкая оккупационная власть их не только терпела, но и с удовольствием видела на различных руководящих постах, оценивая их знания, опыт и доверие населения к таким известным кадрам».

«Вот это демократия!» – скажет читатель. Сколько спекуляций вокруг этой несчастной демократии в прошлом и сегодня!

Далее пан Горак режет правду-матку, ту правду, которую так хотели бы скрыть бывшие и нынешние националисты:

«... Симпатии ОУН к нацистской Германии можно объяснить сходствами формы и содержания, которые создавали логические основания для сотрудничества ...». (Выделено мной – В. М.)

Кого же причисляет пан Горак к этому «демократическому лагерю», функционеры которого так открыто *коляборировали* с гитлеровцами? Это – львовская Рада сеньоров во главе с митрополитом А. Шэптыцькым, превращенная затем в Украинский национальный совет в том же Львове, киевская Украинская национальная рада, управляемая профессором Вэлычкivськым, Украинский краевой комитет (УКК) во Львове во главе с К. Панькivськым, который впоследствии заменили львовским отделом Украинского центрального комитета (УЦК), управляемого В. Кубийовычэм.

В конце господин Горак отмечает, что в послевоенное время «много украинцев» (читай: украинских националистов – В. М.) заболели амнезией (т.е. потерей памяти – В. М.). Один только К. Панькivськый «воссоздал правдивый фон». Автор имеет в виду, конечно, книги воспоминаний К. Панькivського «От государства к комитету», «Годы немецкой оккупации» и «От комитета к государственному центру», где автор достаточно рельефно описал всех «украинцев», а также ту «коляборацию», которой они так угодливо занимались. Мы приведем ниже отрывки из этих незаурядных «произведений».

Что же касается «коляборации» ОУН-мельниковцев и ОУН-бандэровцев, то Горак однозначно отмечает, что первая неизменно стояла на позиции «пронемецкой ориентации», вторая, то есть ОУН-б, несколько маневрировала, хоть и не меняла существенно своей внешне- политической ориентации на гитлеровскую Германию. Провозглашая «Акт 30 июня 1941-го», бандэровцы прославляли «героическую немецкую армию» и ее «Фюрера», «приветствовали победоносную немецкую армию, как освободительницу от врага». Такая откровенная оценка представлена в статье:

«...В нашем акте признания (имеется в виду, конечно, «Акт 30-го июня 1941-го» – В. М.) ОУН-б в то время не усматривала принципиальных противоречий, поскольку к тому времени ее деятельность немецкое правительство терпело, способствовало поддержанию связей на низшем уровне, симпатизировало ее целям, а военные круги надеялись на полезное сотрудничество во время войны. В Генеральной Губернии ОУН, а после раскола– обе фракции, действовали полулегально в системе Украинского центрального комитета в Кракове.

Также и создание «походных групп» было хорошо известно немцам. Разрешение армии и ее поддержка при создании двух легионов («Нахтигаль» и «Роланд») убеждали провод ОУН-б в необходимости ставки на Германию и поэтому попытки создать противонемецкий миф положения ОУН-б перед 1942 годом является ненужным и непочтительным переписыванием истории ... » (выделено мной – В. М.)

Как вели себя коллаборационисты во время немецко-фашистской оккупации?

Для начала ответим коротко и однозначно: коварно, подло и преступно, как всякие оборотни, ренегаты и предатели. Примеров такого поведения можно приводить множество. Однако, не будем выяснять весь спектр этой мерзости. Для надлежащего «примера» представим «вполне пристойный» «Календарь «За народ». Год 1943» (Львов, 1942). Сколько здесь лицемерия, коварства, пресмыкательства, никчемности, наглости, цинизма и подлости, читатель поймет сам.

Представим этот довольно объемистый календарь полностью, материал за материалом. Открывается он статьей М. Добрянського «Украинский центральный комитет». Того самого М. Дэмковича-Добрянського, который сегодня называется «украинским историком и политологом» и пишет для «национально сознательных» на

Украине и вне её историю украинско-российских недоразумений и конфликтов (недавно появилось во Львове его исследование «Украина и Россия».¹) Автор представляет в «календаре» Украинский центральный комитет (УЦК) как «национальное» и бесконечно благотворительное учреждение, созданное «национальными силами». Этот третьестепенный привесок немецко-фашистской оккупационной власти гестапо рекламирует так: «В основном УЦК имеет двойные задачи:

1. Быть посредником между немецкими властями и украинским обществом, а также быть его защитником вовне.

2. Быть организацией для всей национальной жизни и управлять ею»². Все это, конечно, неправда, потому что УЦК был, собственно, сборищем тех самых «коляборантов», которые верой и правдой служили гитлеровцам. УЦК не был ни «посредником» между немецкими властями и украинским обществом, ни тем более руководителем «национальной жизни», как об этом высокопарно писал Добрянський, а обычной организацией по сбору оккупационных продовольственных налогов (как их называли, контингентов) с сельского населения генерал-губернаторства и дистрикта «Галиция». Туда, где он не справлялся, гитлеровцы посылали полицию и карательные отряды. К этому следует добавить, что УЦК безоговорочно выполнял волю гестапо по надзору за украинским и польским населением, а это уже значило немало.

Далее же автор патетически замечает: «Мы являемся свидетелями того, как в самый разгар войны государства решают важнейшие проблемы, а немецкие государственные мужи твердо подчеркивают, что они среди войны, несмотря на все трудности, формируют новую Европу»³. Здесь, как видим, достаточно цинично звучит фраза о том, что «государства решают важнейшие проблемы», в то время, когда та же Европа, а тем более Украина, истекали кровью растоптанного и замученного населения.

Вслед за этим «коляборантским» писанием Добрянського представлена небольшая статья И. Крыпьякэвича с довольно претенциозным названием для времен войны – «Процесс создания общественной организации в украинской истории». На что намекал здесь пан профессор, хорошо известно. Ему хотелось создавать на Украине времен ужасающей войны какие-то эфемерные общественные организации, которых никогда не было создано в прошлом.

Далее известный галицкий расист (в «мундире антрополога») Ростыслав Ендък, так много писавший в межвоенный период об избранности украинцев среди народов мира, выступает со статьей «Расовость», где, кроме общих и безграмотных фраз о расах и нации, призывает «жениться на женщине, принадлежащей к динарской или нордийской расе».⁴

Зато И. Кэр (Иван Кэрньцький)^{II} в панегирике «Доблестное безголовье (сценка)» вволю насмехается над красноармейцами, которых представляет стаей или недочеловеков, или тварей в человеческом обличье.

Потом Л. Шанковський (известный «наставник» и историограф ОУН-УПА) мудрит над «профессиональными организациями» и «профессиональным образованием» (статья «Украинские профессиональные школы») в то время, когда галицкое общество не могло и подумать о таком «образовании».

---

¹Добрянський-Демкович М. Україна і Росія. Львів – Краків – Париж, 1993.

² Там же. С. 35.

³ Там же С. 38.

⁴ Там же. С. 56.

Здесь представлена огромная инструкция некоего доктора Д. Бренса «Уголовно-административное производство». В ней есть такие разделы: «Какие органы власти и в каком размере могут применять административные наказания?», «В каких случаях и где можно обжаловать уголовное решение?», «Об ограничении пребывания в генерал-губернаторстве», «Что такое опознавательная карта?..». Затем представлены разъяснения-распоряжения этих и других инструкций: «Платежи за землепользование в Галицкой области», «Кто и в каком размере обязан платить дань?» И т. п.

В частности, в распоряжении «Как следует классифицировать на торгах предназначенный для убоя скот?» Указано: «Тюремным наказанием и гривной до неограниченного размера (так в тексте, хотя гривны, как таковой, тогда не было – В. М.) или одним из этих наказаний будет наказан тот, кто зарежет скотину, не имея карты убоя».

Этим и заканчивается этот календарь галицких коляборантов. Как видите, «файный» был «календарь»!

Пожалуй, наиболее разоблачительными в отношении коллаборационизма «украинцев» в Галиции в годы прошлой войны являются довольно откровенные воспоминания Костя Паньківського «От государства к комитету» (Нью-Йорк – Торонто, 1957), «Годы немецкой оккупации» (Нью-Йорк – Торонто, 1965) и «От комитета к государственному центру» (Нью-Йорк – Торонто, 1968).

Кость Паньківський – незаурядная личность среди галицких «коляборантов». Родился он в 1897 году во Львове в семье известного в Галиции народнического деятеля К. Паньківського. Адвокат. Адвокатскую деятельность проводил во Львове. Принимал участие в националистическом движении в 20-30-х годах. Во время «первых советов» (1939-1941 гг.) работал во Львовском областном аптекоуправлении. В «правительстве» Я. Стэцько занимал пост заместителя министра внутренних дел. Одновременно был назначен генеральным секретарем Украинской национальной рады (УНР), управляемой митрополитом А. Шэптыцькым и «прэзыдэнт» К. Лэвыцькым. Затем стал председателем Украинского краевого комитета (УКК), который в 1942 был подчинен Украинскому центральному комитету (УЦК), где совмещал должность заместителя его председателя – В. Кубийовича.

В начале книги «От государства к комитету» есть довольно интересные размышления К. Паньківського о позиции, которую он занял в своих воспоминаниях:

«Мои воспоминания – без сомнения – зацепят некоторые дела, которые являются досадными. И самым досадным из них является, прежде всего, неправда, которой поклонялись некоторые передовые личности тех времен...»⁵

Паньківський искренне признает, что для многих он является «оппортунистом» и «коляборантом», однако он следует документам, которые в «этом нашем неблагодарном мире» имеют «ненавистную привычку выказывать досадную неприязнь к наиболее священным легендам».

Еще откровеннее К. Паньківський высказывается во вступлении к книге воспоминаний «В годы немецкой оккупации»: «Мои воспоминания о временах немецкой оккупации Галиции – это часть, так бы сказать, нереволюционной страницы жизни галицкой ветви украинского народа. Это не история Галицкой земли во времена оккупации, и не история краевого или центрального комитета. О революции пишут революционеры, историю когда-нибудь будут писать историки».⁶

---

⁵ *Панківський К. Віддержавидокомітету. Нью-Йорк – Торонто, 1957. С. 7.*

⁶ Там же. С. 5.

Автор, по праву, жалуется, что получает частые угрозы со стороны так называемых «врагов» из «революционного лагеря». Эти «противники» злословят и угрожают, в частности, «поставить на эшафот», как об этом заявил Я. Стэцко в произнесенном докладе в Детройте летом 1958 по поводу 30 июня 1941 г. Как раз о подобных инцидентах Паньківський категорически замечает: «Живем во времена, когда во всем мире, не только у украинцев, каждый желает показать, каким де он всегда был противником немцев и врагом Гитлера, как де он никогда не имел никаких связей с немцами, а наоборот, какова была его роль в сопротивлении против немцев, как де его преследовали и сажали и как де он чудом пережил годы немецкой оккупации ... »⁷

Паньківський при этом отмечает, что многие из тех, кто сотрудничал с немцами, «потеряли память». Но он пишет о таком сотрудничестве «положительно и положительно оценивает различные страницы этого сотрудничества». И тут же добавляет: «Если речь идет о мемуаристах и историках, а также критиках, то меня поражали и поражают сознательная и обдуманная ложь, или в лучшем случае полуправда, которыми они воюют...». Здесь, без сомнения, чувствуется откровенность.

Притом автор отмечает, что многие тайны теперь похоронены в архивах, к которым трудно добраться. «Многое, – продолжает он, – осталось темным по сей день только для нас, и я уверен, что освещение вопросов: почему, когда, как и с кем сотрудничали различные наши политические группы, в том числе и прежде всего ОУН как целое, а позже расколотые ее части, привело бы наше общество к осознанию, к углублению политической мысли среди широких кругов этого общества, а также к лучшему пониманию наших проблем благосклонной к нам частью чужого мира»⁸.

Далее излагаются следующие «рассуждения» Паньківського:

«Если же речь идет о нашем обществе в целом, то меня поражает чрезмерная односторонность взгляда на проблемы нашей национальной жизни. Ибо не только члены ОУН, но и значительная часть нашего общества, даже того, что стоит вне групп ОУН всех оттенков и не засчитывается в число их, так называемых прислужников, видит только «революционную» сторону жизни, переоценивает ее значение, а это приносит вред нам как национальной общности. Я смотрю на наши государственные стремления и на проблемы государственного строительства глазами Вячеслава Лыпынского^{III}. Если бы я писал историю, то так же, как и он, писал бы ее по схеме, несколько отличной от принятой нашей историографией, и с большим вниманием не к sentimentально-оппозиционным и безумно-деструктивным, а к мужественным и организационным проявлениям жизни нашей нации».

Таковы признания «искреннего» коляборанта К. Паньківського.

В книге «От государства до комитета (лето 1941 года во Львове)» Паньківський отмечает то, что в межвоенный период «весь националистический лагерь стоял на антисоветской и антипольской позиции. Но особых, конкретных планов не имел».⁹ Но тем не менее: «Только нелегальная ОУН, имевшая свой провод за рубежом, была убеждена, что этот провод такие планы имеет. Глаза националистов были обращены на Запад. Там, в Германии, пребывал ПУН – Провод украинских националистов. Несмотря на разочарование в Карпатской Украине (речь идет о том, что после захвата в 1938 Чехословацкой Республики гитлеровцами, украинские националисты создали на Закарпатье марионеточное «государство» под названием «Подкарпатская Русь», которую

---

⁷ Там же. С 6.

⁸ Там же. С 7–8.

⁹ Там же. С. 30–32.

вскоре Гитлер передал хортистской Венгрии – В. М.), царило убеждение, и не только среди членов организации, но и среди граждан, в том, что в связке с Гитлером эта организация имеет выработанную концепцию сотрудничества на случай войны и развала Польши».¹⁰

Будучи идейным националистом, но не разделяя идеологические и политические действия ОУН-бандэровцев, Паньківський интригующе рассказывает об «Акте 30-го июня 1941-го года»:

«Я узнал о том, что уже ранёхонько 30/6 (т.е. 30 июня 1941 – В. М.) под собор св. Юра пришел с первыми немецкими частями отдел украинских добровольцев-националистов под руководством Романа Шухэвчыча и о. д-ра Ивана Грыньоха так называемый легион Нахтигаль. Только маленькая голубовато-желтая ленточка на ремне отличала их от немецких солдат. Митрополит Шэптыцькый, которого они посетили, выслушав о. Грыньоха, которого знал как своего питомца и кандидата на должность профессора теологии, благословил воинов, а также дал благословение и для будущего украинского правительства ...

...В палате митрополита поселился известный во Львове профессор истории восточной Европы университета в Кенигсберге, галицкий немец быв. сотник Галицкой армии – в то время гауптман (т.е. капитан – В.М.) в отделе военной контрразведки – д-р Ганс Кох. Вместе с Кохом гостем митрополичьей палаты был его сотрудник д-р Р. Фель, знаток польских и украинских дел, которого мы тогда не знали ...

...Около полудня прибыли во Львов уже и первые представители ОУН в гражданском наряде: Ярослав Стэцько, Евгэн Врэцьона, Ярослав Старух и другие. Они приехали на автомобилях вермахта и, связавшись со своими людьми в городе, созвали на вечер общественные собрания в доме товарищества «Просвита» на Рынке ...

...Те лагеря, которые позже назвали «Национальным собранием», вызывали различные комментарии. Участники критиковали их несоответствующую обстановку – небольшие, темные комнаты, в которых мелькали свечи; неподготовленность собрания – приглашенные не знали, что будет предметом совещания; непонятная тогда всеобщая спешка, нервное настроение. Участие общества было невелико, потому что людей созвали поздно, да и вечерняя пора не способствовала, так как разрешено было ходить только до девяти часов. Всё же было около сотни присутствующих...

...Большое опоздание инициаторов люди использовали для обмена информацией и впечатлениями о длинной, богатой событиями прошлой неделе. Но это опоздание портило настроение. Появление Ярослава Стэцько в теплый, летний вечер в военном дождевом плаще с поднятым – согласно моде – воротником производило невыгодное впечатление. Говорил тихим голосом, так чтобы во второй комнате его не слышали и не знали, о чем идет речь. У тех, что были ближе, настороженность вызвали слишком самоуверенная форма «акта» ОУН о «создании государства» и «декрета проводника Степана Бандэры» о «созыве правления» ...

...Но прежде всего у всех участников собрания, с которыми я встречался, те собрания вызывали разочарование и беспокойство. От передового представителя ОУН, который пришел во Львов вместе с немецкими войсками, провозгласил «государственность» и довел до сведения об именовании себя «председателем правления», общество ждало своего рода общественного отчета о том, что сделала организация для дела за время долгих двух лет, когда край должен был молчать, и как она понимает свою задачу. Люди хотели хоть приблизительно знать, что несут Украине и

---

¹⁰ Там же. С 113–114.

организация, и немцы – какую конструктивную программу и какой план конструктивного договора имеет с немцами руководство организации. Об этих делах на собрании не было речи. Дешевая революционная агитка была содержанием речи главы всех остальных прибывших во Львов выступающих из провода ОУН ...

...В заключение выступил присутствующий все время на собраниях гавитман д-р Ганс Кох. Его речь прозвучала диссонансом. По форме – в частности по сравнению с бледной речью Стэцько – она была хороша, но по содержанию своему – хоть в ней и имелись моменты украинско-патриотические и даже нотки вроде: «Теперь у вас есть Украина» – произвела очень досадное впечатление. Кох поздравил присутствующих с освобождением и воззвал «к труду и сотрудничеству с немецкой армией». Более неприятно поражала своим поучительным тоном та часть речи, которая особенно не гармонизировала с выступлением Стэцько. Кох говорил о том, «что война не закончена и со всякими политическими плясами надо ждать решения фюрера!»¹¹

По поводу «Акта 30 июня 1941-го» Паньківський еще в «Предисловии» к книге отмечал: «... ни один из создателей акта 30 июня 1941г., хотя почти все они в живых и еще сейчас политически активны, не хочет предоставить аутентичный (действительный – В.М.) текст этого акта. Члены правительства Стэцько излагают его содержание иначе, всегда не полностью, в соответствии со своим сегодняшним отношением к действующим лицам. Таких примеров очень много. Перед глазами читателей предстает фальшивый образ событий ... ». Мы еще обратимся к этому вопросу в следующих материалах, подтверждая эти «замечания» Паньківського.

В конце же книги Паньківський дает «Приложения», куда помещает и сам «Акт провозглашения Украинского государства», провозглашенный бандэровцами 30 июня 1941 г. во Львове на так называемых «взлыках», «народных» и «национальных» собраниях. При этом отмечает, что данный вариант «акта» был распространен во Львове в начале июля 1941 г. в виде «лэточки» (листочка), что соответствует действительности (мы уже писали об этом в разделах 12 и 17 данной книги). Здесь, в частности, фигурирует слово «провозглашение» Украинского государства, а не его «восстановление». Присутствует в этом тексте пункт 3, который позже так старались скрыть его создатели и нынешние апологеты бандэровщины: «Вновь возникающее Украинское государство будет тесно сотрудничать с национал-социалистической Великой Германией, которая под проводом вождя Адольфа Гитлера создаст новый порядок в Европе и мире и помогает украинскому народу освободиться от московской оккупации. Украинская национальная революционная армия, которая будет бороться на украинской земле, будет бороться дальше совместно с союзной немецкой армией против московской оккупации за суверенное соборное Украинское государство и новый порядок во всем мире».

Здесь же рядом Паньківський приводит еще один вариант «акта», опубликованный в 1946 г. в украинском журнале «Америка», где третий пункт уже отсутствует. Автор при этом замечает, что документы, связанные с «Актом 30 июня 1941-го», постоянно фальсифицируются. Фальсифицируются эти документы и сегодня, потому что последователи и почитатели бандэровщины хотят скрыть тесные отношения своих предшественников с гитлеровцами.

В первые дни оккупации Львова, – пишет К. Паньківський в книге «От государства к комитету», – «ситуация была благосклонна к ОУН. Организация не имела никаких трудностей... Конечно деконспирация проводников ОУН и их самоуверенные публичные выступления, а также появление добровольцев в рядах немецкой армии

---

¹¹ Там же. С 34.

(имеются в виду специаль-батальоны Абвера «Нахтигаль» и «Роланд» – В. М.) подтверждали убеждение о договоренности ОУН с немцами...»¹². ОУН заняла под свою главную квартиру трехэтажный дом бывшего кооперативного товарищества «Днестр» по улице Русской, где осели Я. Стэцько, Л. Рэбэт, Я. Старух и другие руководители бандэровцев. Рядом размещались службы пропаганды и полиции ОУН-б. Уже в первый день оккупации на улицах города появились службы безопасности и так называемой «народной милиции», подчиненные ОУН-бандэровцев во главе с М. Лэбэдем и Е. Врэцоной. Их сформировала еще накануне вступления гитлеровцев во Львов краевая исполнительная (краевое управление) организация.

Тем временем создавалась городская управа, службы гестапо и СД гитлеровцев. «Быстро,– пишет Панкивський – на первое место выбилось СД, а ОУН сходила на задний план».

Вот как описывает Паньківський два совещания, проведенные ОУН-бандэровцев в начале июля 1941 года:

«... Первое из них было поуже, подготовительного характера, и состоялось днём 4 июля в бывшей дирекционной комнате товарищества «Днестр», хорошо известной мне со времен моей адвокатуры. Открыл его, проводил и докладывал, в неизменном своем плаще, Стэцько. Он кратко информировал о договоренности всех украинских «политических факторов» в Кракове, за исключением «группы полковника Мэльняка» (имеется в виду собрание всех представителей националистических группировок, которые 22 июня 1941 в Кракове заявили о своей консолидации и о создании Украинского национального комитета), (УНК, который гитлеровцы не признали – В. М.).

При этом, Паньківський отмечал, что Стэцько часто подчеркивал «революционность» Бандэры и «оппортунизм» Мэльняка. «В конце, – продолжил автор, – Стэцько заявил, что немцев надо ставить перед свершившимися фактами, не дожидаясь их разрешения или согласия...» Но когда он заговорил о расколе в ОУН, «в зале появился д-р Ганс Кох. Он, вежливо извиняясь, что, мол, мешает, попросил Стэцько в соседнюю комнату на разговор. Через некоторое время Кох отошел, и Стэцько закрыл сходку, оправдываясь недостатчей и договариваясь о созыве более широкого общественного совещания в воскресенье, 6 июля ... »

Паньківський продолжал:

«Второе, расширенное совещание состоялось в этом же доме на верхнем этаже в присутствии около ста человек в воскресенье 6 июля. На этот раз мы выбрали председателем собрания през. д-ра Костя Лэвцького, и он руководил совещанием. Собрание выслушало длинный доклад Стэцько. В первой его части он говорил о мерах Бандэры по консолидации общества».

Революционная ОУН выступила с инициативой создания единого украинского политического центра в эмиграции. Поставила своей задачей создать из всех политических кругов один координирующий центр. Это шло тяжело, переговоры сталкивались с трудностями со стороны амбициозных деятелей. Все же объединение было достигнуто в Украинском национальном комитете, который был создан в Кракове 22 июня, и в состав его вошли уполномоченные представители всех политических кругов и направлений, за исключением группы полковника Мэльняка.. Вторую часть своего доклада Стэцько посвятил Мэльнику и его последователям. О Мэльнике говорил хорошо, остро высказываясь против его ближайших сотрудников (Я. Барановського,

---

¹² Там же. С. 39.

Н. Сциборського и А. Сэныка, которых назвал польскими конфидентами (т.е. шпионами – В. М.).

Далее Панькивський отметил, что в прениях по этому вопросу выступали Я. Старух и Г. Костэльных. «Митрат. о. Слипый, который вечером 30 июня представил митрополита, присутствовал на совещании все время, но слова не брал, что вызвало у участников удивление и обеспокоенность.

Собрание приняло решение о созыве Рады сеньоров из 16 человек. Почетным председателем этой рады избрали митрополита А. Шэптыцького, «прэзыдентом» – К. Лэвыцького. Казалось, всё бы осталось так, как задумывалось, если бы не то обращение, которое хранится в Центральном государственном архиве высших органов Украины. Здесь, как раз, хранится документ, который участники этого сборища 6 июля 1941 приняли как решение: «Творческие силы украинского народа объединяются в одном общем фронте построения собственной государственной жизни» – так называется этот документ. Приведем его полностью:

«6.VII.1941 г. во Львове состоялось совещание видных представителей украинского общества в деле консолидации всех сил вокруг идеи восстановления украинской государственности.

Присутствующие выслушали отчеты о консолидации, проведенной по инициативе ООН под руководством Стэпана Бандэры среди украинской эмиграции, и ее большом успехе среди всех слоев украинской общественности за исключением обособленной группы инж. Андрия Мэльныка.

Дискуссия выявила полное единогласие всего украинского общества, которое стремится всей душой к соединению всех сил для общей для нас, единой великой и святой державы.

В ходе дискуссии приняты единогласно следующие резолюции:

Представители украинского львовского общества, собравшиеся днем 6.VII.1941, приветствуют победоносные немецкие войска под проводом великого вождя Адольфа Гитлера, несущие украинскому народу освобождение от большевистского ига и дают ему возможность восстановить самостоятельное Украинское государство.

Собравшиеся радуются акту консолидации украинского общества в эмиграции, совершенному в Кракове днем 22.VI.1941, и горячо призывают всех украинцев-патриотов объединить в великую историческую минуту все творческие силы для построения украинского самостоятельного государства, подчиняться Государственному проводу, провозглашенному в день 30 июня 1941 во Львове».

А затем этот документ подписали все присутствующие на совещании:

«Д-р Кость Лэвыцький, о. рект. Слипый, д-р Олександр Надрага, инж. Андрий Пяэсьцький, инж. Юрий Пяэсьцький, Кошык Тома, Курчаба Зэнон, Роман Заячківський, А. Богачевський, Ярослав Отэльскийкий, Дмытро Тыхый, Д. Прыступа, д-р Роман Осинчук, Василь Кудрык, д-р Дмоховський, Я. Марэнин, Д. Марушак, П. Андращук, Б. Гаврылюк, В. Салэвыч, д-р А. Барвинський, Володымыр Радзькэвыч, Стэфановыч, д-р Михайло Рояляк, Кость Панькивський, Василь Головка, Олэкса Мусий, Михайло Чернодольський, Виктор Супинський, Евстахий Савчук, инж. Евгэн Пындус, Иван Мартюк, д-р Вэровыч Богдан, д-р Антин Заплитный, Василь Сынський, Стэпан Вольшановський, проф. д-р Володымыр Кучэр, Захар Рудык, Михайло Ковальчук, Антин Ивановыч, Михайло Кульчыцький, Мария Ярэмова, Иван Бондар, Михайло Яновыч, Жыгмонт (Янович) Олэксын, д-р Олександр Барыляк, о. Дзэровыч Юлиан, д-р Олэксандр Маритчак, Василь Кавуля, о. Антон Каштанюк, д-р Лэв Дубас, Юлиан Федусэвыч, Лука Турчын, Лидия Горбачэва, Пэтро Мэчнык, Ярослав Билэцький, д-р Стэпан Бияляк, мгр. Марьян Дзэоба,

мгр. Пётро Пындус, Л. Кобылянський, о. д-р Гаврийил Костельный, Иван Грабар, Теофиль Кульчыцький, д-р Зенон Пётрив, Дмитро Яцив»¹⁴ (и две нечеткие подписи).¹³

Вот такая представительная галицкая «дефилянда».

Интересно представляет Кость Паньківський финал «правительства» Стэцько-«Карбовыча», при котором был заместителем министра внутренних дел:

«Немедленно на следующий день после общественного совещания 6 июля состав правительства доукомплектован львовянами. Назначены львовские члены без договорённости с ними и не спрашивая их согласия... 3-го, а может 9 июля, мне поручен пост заместителя руководителя ведомства внутренних дел...»¹⁴

«Все события, – продолжал Паньківський, – связанные с правлением, не имели тогда такого значения, какое им придавала позднейшая партийная публицистика. Они не дошли до широкого сведения, а остались делом узкого круга людей из провода ОУН и вовлеченных в эти дела львовских внепартийных граждан. У последних от этих дней осталось – мягко говоря – послекусие. Ибо правящие господа из ОУН, а в частности центральное лицо в правлении, его председатель (т. е. Я. Стэцько – В. М.), не сумели соединить для себя во всей своей деятельности и во всех своих начинаниях ни личной симпатии, ни нужного уважения...». Паньківський по этому поводу отмечал: «...Ведущие лица ОУН... принесли с собой такие же методы: ложь, устрашение, а к тому же раздор и ненависть, от которых львовяне за время большевистской оккупации отвыкли...». Паньківський пишет и о том, что о. Грынёх, Стэцько и Шухэвич «обманули и самого митрополита, представив дело так, что, мол, силы консолидированы в УНК, есть понимание с немцами. Уговорили его издать 1 июля пастырское письмо («Победоносную немецкую армию приветствуем как освободительницу от врага...»). Да и само, мол, послание перекрутили подпольные комментаторы. Паньківський попрекает бандзоровцев:

«Люди, которые претендовали на национальный и государственный провод, должны были бы иметь чувство ответственности за то, что делают ...». Однако эти люди, продолжал он, «упоённые успехами Гитлера, были убеждены, что постановка перед свершившимися фактами и немецких властей, и собственного общества в их исполнении во Львове пройдет с успехом. Они не поставили дело государственности как общее дело, но поставили его как узко партийное...».

И далее:

«Провозглашения Украинской государственности и организации войска не были оформлены как излияние воли и акт сознательной организованной национальной общности, но как навязанный сторонний диктат. Поэтому украинское общество не чувствовало себя сопричастным к созданию актов и не чувствовало себя ответственным за них. **Акты были «их» актами, а правительство было «их» правительством.** Общество было бездушным зрителем и участником, так же, как на митингах в большевистские времена...».¹⁵ (Выделено мной – В.М.)

Дальше Паньківський пишет о том, что «...проводники ОУН были в первые дни после занятия Львова под опекой Абвера, они ходили, так бы сказать, в тени д-ра Коха. А после выполнения заданий, нужных армии, их опекало СД». Что же касается «построения государственности в тогдашней военной ситуации», то, по мнению «львовян» и самого Паньківського, оно было возможно «только в согласии с немцами». «Когда же показалось, что понимания не было, или договоренность немцы нарушили,

---

¹³ ЦДАВО України, ф. 4620, оп. 3, спр. 378, арк. 33.

¹⁴ *Панківський К.* Віддержавидокомітету. С 43–44.

¹⁵ Там же. С 53.

революционная организация (то есть ОУН-бандэровцев – В.М.) должна была быть готовой как минимум демонстрировать свой протест и перед немцами, и даже перед собственным гражданством ... ». ¹⁶

Однако этого не произошло, а произошло наоборот:

«Проводные господа из ОУН, такие самоуверенные на встречах и выступлениях перед обществом, выглядели в наших глазах в разговорах с доктором Кохом или Кольфом (офицер службы безопасности во Львове – В.М.) нашкодившими хлопцами, которые отбрехиваются от упреков за детские выבריки».

При этом Паньківський отмечал, что ОУН-бандэровцев опомнилась только после событий первой половины июля, когда гестапо и служба безопасности, выполняя распоряжения Берлина, прекратили «деятельность» так называемого «правительства» Стэцько. «Она (то есть ОУН-б – В. М.) перешла снова в подполье к террористической деятельности, к которой привыкла».

В центрах, то есть во Львове и других крупных городах Галиции, ОУН-бандэровцев успеха не имела, отмечал Паньківський, зато решила наверстать в провинции. «Проводники ОУН выступили с инициативой массовых акций, которые и им самим больше соответствовали: 1) приветствие немцев как освободителей с построением триумфальных ворот; 2) похороны-манифестации замученных большевиками; 3) насыпи «могил славы». Увлечение некритических людей, в частности молодежи, такими акциями, в первую очередь насыпями могил, было чрезвычайным. Кажется, не было в Галиции села, в котором бы не насыпали такой могилы».

Как серьезный аргумент Паньківський приводит отрывок из редакционного сообщения газеты «Жблковские вести» от 10 июля 1941 г.: «В момент, когда строим самостоятельное соборное Украинское государство, организовываем свои правительства, с энтузиазмом приветствуем союзную нам немецкую армию, как проявление нашей национальной сознательности, зрелости и радости, вывешиваем национальные флаги и гербы. Доводим до сведения всех граждан, что нашим государственным гербом является владимирский трезубец в форме, введенной Центральной Радой, без меча и всяких других украшений. Национальным флагом является сине-желтый флаг (вверху синяя краска, а внизу желтая) согласно форме, употребляемой на Восточной Украине. Одновременно приказываем придерживаться этих указаний». Такие распоряжения распространяла ОУН-бандэровцев в первые дни немецко-фашистской оккупации.

Здесь же Паньківський приводит распоряжение противоположного направления:

«Управа же города Львова снова издала следующий наказ об украшении домов: «Дома и учреждения украшать желто-голубыми флагами – сверху должна быть желтая, внизу – голубая краска». ¹⁷

Так манипулировали с цветами флагов во время войны, приветствуя гитлеровцев. Так продолжают манипулировать и сегодня, хотя независимое Украинское государство так до сих пор окончательно и не решило, какой флаг должен стать национальным. Правда, принятая Конституция Украины утвердила этот герб и флаг, забыв вынести решение об этом на всеукраинский референдум.

Читателям, наверное, небезразлично узнать о том, как рассуждал «коляборант» Паньківський о трехлетней немецко-фашистской оккупации Галиции.

---

¹⁶ Там же. С 54.

¹⁷ Там же. С 60.

«... Годы немецкой оккупации были богаты на многочисленные парадоксы. Прежде всего, это немецкий подход и отношение к Галиции и галицким украинцам. Безоглядность и брутальность, с которой немцы обращались с населением не только всех оккупированных земель, но даже своих союзников, не имела никаких ограничений или пределов. Но если присмотримся к положению украинцев в Галиции и сравним его с положением в других странах, то увидим, что, несмотря на присоединение к ГГ (к «генерал губернаторству» с центром в Кракове – В.М.) и на частые заявления, что Галиция не только пятый дистрикт (область), во всем равный прежде четырем польским дистриктам, – **на долю Галиции выпал отдельный статус, более ласкового обращения.** При всем горе ужасных времен войны и оккупации, а также связанных с этим чрезвычайных тягостей, **наше положение было всё-таки привилегированным, в частности по сравнению с Восточной Украиной** или польским населением ГГ...»¹⁸

Далее Паньківський пытается объяснить этот «парадокс» следующим образом: «Гитлер, как бывший австриец, знал галицких или скорее «австрийских русинов». Он ненавидел их до глубины души и имел для них, как, в конце концов, и для всех славян, только слова презрения. Чем объяснить такое, действительно исключительное, благосклонное обращение? Даже в переписке Розенберга с Гиммлером в 1944 г., которая хранится в актах нюрнбергского процесса, находим упоминание о *«политически специально трактуемой территории»*. Кажется, что факт, что Галиция была когда-то частью австрийского государства, сыграл полезную роль в отношении немцев к Галиции и галицким украинцам. Участие большого числа галицких немцев в рядах галицкой армии в 1918-1920 годы также имело свое значение. Упоминание об этом было положительно подчеркнуто разными немецкими начальниками, начиная с губернатора. Оно во многих ежедневных ситуациях помогало и облегчало бремя не одному из наших людей ...»¹⁹ (Выделено мной – В. М.)

Таким образом, как видим, Паньківський трактует годы немецкой оккупации в Галиции достаточно определено: оккупационный режим здесь был «мягче», «наше положение было всё-таки привилегированным». Галиция даже в переписке между Розенбергом и Гиммлером характеризовалась «политически специально трактуемой территорией». Эту «лояльность» гитлеровцев Паньківський объясняет тем, что Галиция «была когда-то частью австрийского государства». Но к кому были лояльными гитлеровцы в Галиции? Паньківський сам же отвечает: в уязвимых ситуациях военного времени это отношение «помогало и облегчало бремя не одному из наших людей». Значит, многим «нашим людям».

Здесь он, конечно, прав, так как многочисленная масса «коляборантов» чувствовала себя на вершинах. «Судьбой мне суждено было стать во главе краевого комитета, – писал Паньківський о себе. – Почти целых три года сотрудничества с немцами – с сентября 1941 года на посту председателя УКК, а с 1 марта 1942 года в роли заместителя руководителя и председателя Львовского (Галицкого) отдела УЦК, и в конце весны 1944 года – председателя станицы Львовской УЦК – не были легкими... Мы привыкли уже к немецкому режиму, и – может еще важнее – приспособлялись к руководящим лицам немецких властей, – откровенно замечал он».²⁰ Плохие новости с Восточного фронта, – добавлял автор, – воспринимали те «коляборанты» достаточно спокойно, ибо фронт был, мол, еще очень далеко.

---

¹⁸ Паньківський К. Роки німецької окупації. Нью-Йорк – Торонто, 1965. С. 12.

¹⁹ Там же. С. 12–13.

²⁰ Там же. С. 14.

Мало того, они радовались тому, что гитлеровцы меняют к ним отношение. Весной 1943 г. немецкие оккупанты после поражений на Восточном фронте круто меняют отношение к своим «подручным». По инициативе гитлеровцев даже постепенно предоставляется «самостоятельность» УКК (Украинского краевого комитета), которым руководил Паньківський, то есть «независимость» от УЦК (Украинский центрального комитета) в Кракове. Однако, жалуется Паньківський, этим намерениям помешали: «приход партизанского соединения Ковпака в Карпаты, падение Муссолини и капитуляция Италии. В то время заметен был рост нашего значения и авторитета. Мы тогда стали даже нужными, а то и необходимыми, советниками в решении различных близких нам проблем...». И тут же искренне отмечает: **«Мы не руководили своей судьбой и своими делами, мы не были «мастерами». Мастером был Гитлер... В его тени, под постоянным наблюдением его доверенных и под их давлением шла наша работа ...»**²¹ (выделено мной – В. М.). Эта «работа» хорошо известна украинскому народу.

Чем же заслужили эти «коляборанты» лояльность гитлеровцев? Прямым прислуживанием оккупантам в угодливом собирании сельскохозяйственных налогов (контингентов), в вербовке рабочих на рабский труд в гитлеровскую Германию, в сборе теплой одежды для немецкой армии, а то и прямых «порадах» (доносах) местным оккупационным властям и гестапо. Так УЦК, как и УКК, считал своей «основной функцией» проблему «формировать новый порядок в дистрикте» по гитлеровским, конечно, образцам, да осуществлять «опеку» над крестьянством. На деле же и «опека» выражалась в следующем:

- 1) разъяснение: «контингент – один кирпичик к победе над врагом»;
- 2) предупреждение: «в сборе контингента немецкая власть не миндальничает»;
- 3) страх: «генерал-губернатор издал распоряжение, предусматривающее наказание смертью за злостное невыполнение контингента». (Газ. «Львовские вести». 1942. 14 августа, 30-31 августа; газ. Станиславское слово». 1942. 6 сентября). Там, где не справлялись службы УЦК – УКК, туда посылались карательные отряды «охранной» полиции, немедленно и жестоко расправлялись с теми, кто не оплатил контингенты или нарушил другие распоряжения оккупантов.

Одним словом, хорошо чувствовали себя в оккупированной гитлеровцами Галиции только те, кто сотрудничал с оккупантами. А что же с теми, кто не сотрудничал? В специальном документе «Замечания и предложения» к генеральному плану «Ост» от 24 апреля 1942 г., хорошо знакомом общественности из материалов Нюрнбергского судебного процесса над главными военными преступниками гитлеровской Германии, было специально указано:

«К вопросу об украинцах.

По плану главного управления имперской безопасности, на территорию Сибири должны быть переселены также западные украинцы. При этом предполагается переселение 65 процентов населения... »

Такую, как видим, судьбу готовили гитлеровцы для основного населения этого многострадального края. Кроме, конечно, «коляборантов», которые заслужили «лояльность» оккупантов.

И еще. В той Галичине, где оккупационный режим, по свидетельству Паньківського, был «мягче» и где «коляборанты» из националистической среды были защищены австрийским прошлым этого края, а главное – сотрудничеством с гитлеровцами, за три года оккупации погибло более одного миллиона 200 тысяч граждан

---

²¹ Там же. С. 18.

(из них во Львовской области вместе с Дрогобычской было ликвидировано около 700 000 мирных жителей и более 200 000 советских военнопленных, в Станиславской области – более 300 000 человек, в Тернопольской – более 260 000 мирных жителей и около 30000 военнопленных). Были ликвидированы более 500 000 евреев, проживавших в Галиции до войны. Около 450 000 галичан были угнаны в гитлеровскую Германию на рабский труд, многие из них погибли от непосильного труда, голода и болезней: только во Львове от рук гитлеровцев и их пособников погибло полмиллиона человек (в Яновском концлагере – более 200 000, в «Цитадели» («Шталаг-328») – 142 000 военнопленных, в еврейском гетто («Юденлаг») – 136 000 человек. Львов был единственным в мире городом, где находились три концлагеря смерти и, по сути, первым в смертоносном списке городов Европы (кроме блокадного Ленинграда, где люди гибли, в основном, от голода), население которого погибло насильственной смертью. Если на Украине во время минувшей войны погиб каждый шестой гражданин, то в Галиции – каждый четвертый.

Такая ужасающая статистика гитлеровской оккупации Галиции. Одни ли только гитлеровцы виновны в этом?

Ответ на этот вопрос еще дадут историки.

Как характеризует деятельность ОУН-б «коляборант» К. Паньківський?

Дело здесь не так-то просто, если учесть то, что между националистами было и есть немало недоразумений. Одни считали себя «патриотами», другие – «сверхпатриотами», третьи – «патриотами от Бога». О народе, о трудовом люде Украины никто из них, конечно, не думал. Все такие «патриоты» считали себя «националистической элитой» над этим «народом». Однако, вся эта «элита» во время прошлой войны преимущественно служила немцам. А потом оказалась за рубежом, разумеется, не по своей воле. Кто выгнал их из «родной земли»? Сталин и Берия? В этом еще надо досконально разобраться.

Однако, предоставим слово Паньківському.

«Не меньшим парадоксом были и взаимоотношения ОУН с немцами и наоборот. Люди, годами состоявшие в связях с немцами, идеологически связанные с фашизмом и нацизмом, те, которые устным и печатным словом и делом годами проповедовали идеи тоталитаризма и ориентации на Берлин и Рим, а в конечном итоге после развала Польши пользовались в старом ГГ (генерал-губернаторстве – В. М.) привилегированными позициями, не стали во главе организованного украинского общества. Те, на которых наше общество смотрело как на партнеров немцев и потенциальных руководителей национальной жизни, и те, которые сами готовились стать такими партнерами, отошли в сторону. Люди, которые 30 июня 1941 года приехали во Львов с немцами, полные иллюзий и мечтаний, бездумно провозглашая в своих публичных и личных выступлениях, в публикациях и призывах «союз», стали в один момент так же бездумно заклятыми врагами немцев. Они подняли против немцев борьбу без ясной цели, которую можно было бы понять, а только ради самой борьбы, без понимания того, что борьба против немцев делает их волей-неволей союзниками большевиков, потому что каждый успех в борьбе против немцев заодно ускорял победу большевиков».²²

Здесь Паньківський, конечно, грубо ошибался. Потому что после «недоразумений» с гитлеровцами 30 июня 1941 г. ОУН-бандеровцев не собиралась активно бороться против гитлеровской Германии. Они до самой весны 1943 г. не вступали хотя бы в сколь бы то ни было ничтожный конфликт с оккупантами, а занимали строго

---

²² Там же. С. 13.

нейтральную позицию и ждали благоприятных условий для своих тактических и стратегических действий. Отдельные же примитивные инциденты, имевшие место после весны 1943 г. до весны 1944 г., возникали на уровне низовых подразделений УПА в силу каких-то недоразумений или с целью получить оружие, которого не хватало, или помешать мародерству полицейских подразделений оккупационных властей. Парадокс в том, что бывшие диверсионные батальоны Абвера «Нахтигаль» и «Роланд» стали «охранными» карательными подразделениями войск СС в борьбе против белорусских партизан, и что Бандэра, Стэцько и другие руководители ОУН-бандэровцев отсиживались в целости и сытости в Заксенхаузене, что все оуновцы (бандэровцы и мэльныковцы) продолжали верноподданно служить в органах оккупационной администрации. Да и в формировании дивизии СС «Галиция» участвовали не только мэльныковцы, но и бандэровцы, стремясь одновременно переманить на свою сторону часть эсэсовцев-дивизионников.

Судя по характеристикам, данным в книге «Годы немецкой оккупации», Паньківський хорошо знал интегральных националистов Галиции в довоенный период, хотя лично к ним не принадлежал. Он, в частности, писал: «В течение пятнадцати лет (1924-1939) я имел возможность наблюдать раздраженный... истерический национализм... сначала УВО, а затем ОУН. Положительной программы помимо общей фразы «освободительная борьба» и «духовное перерождение нации» организация не имела...». Однако, замечает Паньківський, «вынуждены утверждать, что... национализм сыграл большую, положительную роль в борьбе с советофильством и упадком духа после неудач освободительных времен...» Впоследствии пришла молодая генерация воинствующих националистов, и уже в 1932 г. краевая исполнительная ОУН приняла решение о том, чтобы на «всё украинское общество навлечь репрессии...» польских властей. Эта молодая генерация действовала под идеологическим влиянием Донцова, «отравленная злобной партийщиной». «На спокойной галицкой земле родился в рядах ОУН новый тип фанатичного профессионального революционера со слепым послушанием проводу, с посвящением до самой смерти, с единственной верой в нацию и революцию, кличем которого стало: «Нация превыше всего!».²³

«После прихода Гитлера к власти в Германии, – продолжал Паньківський, – его успехи захватывали и опьяняли и польских, и наших националистов, его методы стали примером для подражания. Политический ум уже совсем в то время не имел никакой ценности. Первую и единственную роль играли только страсти и эмоции. Организация присвоила себе право безапелляционного судьи всех, чья деятельность им не соответствовала. Неугомонная демагогия стала еще очень мягким оружием против тех, которые не подчинялись. Террор против собственных земляков... широко применяемый... исполняемый от имени организации, становился актом веры, доказательством благородности, патриотизма, и был морально оправдан... Чужих и своих, – добавлял Паньківський, – действительных и мнимых врагов надо безоглядно уничтожить...»

«...Чрезвычайно важную и чреватую последствиями роль, – продолжал указанную характеристику Паньківський, – играл массовый набор членов в организацию без всякой селекции. Наоборот, как показывали судебные расправы (польских властей над оуновцами – В. М.), в рамках школьного класса или сельской общины действовало принуждение быть членом ОУН. Из юношеских школ выходили в большинстве своем исполнители актов террора, большая часть снова по принуждению. Вслед за этим должны были идти нечестность, как метод, гипокризия^V, явления конфиденциализма,

---

²³ Там же. С. 138.

бесцеремонные провалы в полиции и суде. Отбор без селекции проходил даже при выборе членов краевой экзекутивы. Люди ниже среднего уровня становились под моральным принуждением «революционерами», не выдерживая первого легкого испытания при встрече с полицией...»²⁴

Остановить этот фанатизм было невозможно, отмечал Паньківський, ибо умеренные силы были слишком слабыми. Поэтому в ОУН царил жестокий положение: «Руководство в организации, которая считала себя тоталитарной и пропагандировала тоталитаризм, существовало только на словах, фактически внутри царил хаос, странно сплетенный со слепой дисциплиной идейных, но наименее подготовленных единиц...»²⁵.

Подобных характеристик не найдешь у других националистических авторов. Паньківський видел эти справедливые оценки как бы изнутри.

Паньківський дальше отмечал, что с приходом гитлеровцев осенью 1939 г. в Польшу, «всюду обрели голос крайние националисты. На украинском отрезке (то есть в Западный Галиции и Холмщине – В. М.) ОУН вышла из подполья на поверхность жизни. Большинство руководящих, но также большое количество рядовых членов ОУН, перешли Буг и Сян в генеральное губернаторство (то есть из западных областей Украины под защиту гитлеровцев – В. М.). Первую группу составили узники польских тюрем... Новая власть взяла их под свою опеку и разместила на свой счет не только в домах отдыха и санаториях. Перед ОУН открылись перспективы руководства, не только почести, но и ответственность... Вместо ожидаемого руководства, организация принесла нашему обществу раздор, раздвоение и братоубийство ...».²⁶

А дальше Паньківський дал еще одну немаловажную информацию:

«Самоуверенные, твердые члены группы Бандэры еще и сегодня не отдают себе отчета в том, что раздвоение ОУН (имеется в виду раскол ОУН на ОУН-мельниковцев и ОУН-бандэровцев в начале 1940 г. – В. М.), было в лице событий не только организационным, но даже национальным преступлением...».²⁷

Однако, несмотря на все эти недоразумения, разногласия и братоубийство, Паньківський называет деятельность всех оуновцев в 1939-1941 годах в «генерал-губернаторстве» «медовыми месяцами сотрудничества с немцами».

---

¹ Стэпан Горак (1922-1986) – украинский диаспорный историк. Родился и вырос в Польше, на территории современной Галиции. В годы войны жил на территории Германии, где и остался после войны. В 1957 году переехал в США. Написал большое количество работ с целью дискредитации Советского Союза и пропаганды национализма.

^{II} Иван Кэрньцький (1913-1984) – бандэровский литератор и публицист, работал в журнале «Наш прапор» крупного националистического издателя Ивана Тыктора. В годы оккупации Украины гитлеровцами работал на оккупационные власти. После войны жил в ФРГ, а со временем уехал в США, где длительное время писал и распространял антисоветскую литературу.

---

²⁴ Там же. С. 141–142, 144.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 145–146.

²⁷ Там же. С. 146.

III Вячеслав Лыпыньський (1882-1931) – украинский националист-монархист, историк, политический деятель государства гетмана Скоропадского в 1918 году. Публиковал свои работы на польском и украинском языках, был противником интегрального национализма Д. Донцова, в своих работах провозглашал необходимость построения монархии на Украине.

IV Олександр Надрага был теологом, в период немецкой оккупации работал в Львовском университете им. И. Франка. В 1947 году вместе с семьей был сослан в Сибирь, затем поселен в Самборе. Жена – Теодозия Туна была медсестрой в УГА в годы гражданской войны. Сын Богдан стал медиком, после 1991 г. возглавил несколько общественных медицинских организаций во Львове, в последние годы руководил львовской детской клиникой «Охмадет», его сын – Олександр – декан медицинского факультета №2 Львовского национального университета. Семье присвоено звание «Львовская шляхетская семья».

Андрій П'яєцький (1909-1942) – министр лесного хозяйства в правительстве Стэцька, националисты считают его автором нескольких бандэровских песен. Был лесником во время немецкой оккупации. При неизвестных обстоятельствах был убит вместе с группой своих сообщников, вероятно был расстрелян немцами за акты неповиновения. Отличается колоритом его жена – партийная бандэровка Мария Федусэвич. Она сожительствовала одновременно с Андрием и его братом Пэтром. В 1943 году сошлась с другим националистом Пэтром Тэрнюком, который после отбывания срока в советских тюрьмах в послевоенные годы социализировался в УССР как искусствовед и переводчик.

V Гипокризия – лицемерие, притворство (греч. – υλοκρισία)

ДИВИЗИЯ СС «ГАЛИЦИЯ»

Создание дивизии

Будучи председателем Львовского (Галицкого) краевого комитета и одновременно заместителем председателя Украинского центрального комитета, К. Паньківський был не только участником создания дивизии СС «Галиция», но и одним из её главных основателей: «Мы хотели дать миру знать, что существуем и хотим жить», – патетически заявлял он, пытаясь объяснить причину создания этого эсэсовского формирования.

Далее он уверял, что *«в целом отношение нашего общества к созданию дивизии было позитивным, в её строительстве общество принимало активное участие»*. Но Паньківський не называет тех, кто принадлежал к этому «обществу».

Паньківський дает краткую предысторию создания этой дивизии: участие «украинского легиона» под командованием бывшего петлюровского полковника Р. Сушко¹ «в походе немцев на Польшу» в сентябре 1939 г., и о попытках ОУН-мельниковцев накануне и в первые дни войны создать на стороне гитлеровцев подобные формирования. Но эта затея потерпела неудачу. Зато ОУН-бандэровцев создала в составе Абвера диверсионно-карательные батальоны «Нахтигаль» и «Роланд», о которых мы уже довольно часто упоминали.

Паньківський: «В конце октября 1941 года информировал меня Кольф (офицер гестапо и СД во Львове – В. М.) доверительно, что из Берлина пришел приказ провести среди украинцев (то есть украинских воинствующих националистов – В. М.) набор добровольцев в войска СС (Waffen-SS). Он показывал мне письмо, в котором было много о расовых особенностях разных частей Галиции. При наборе добровольцев должна была быть проведена суровая селекция. Должны были принимать только таких, которые соответствовали расовым предписаниям, а такие были, как писалось, только на Подолье (восточные районы Тернопольщины – В. М.), Покутье и Гуцульщине»¹.

Здесь же Паньківський добавлял: «Этот набор должен был быть пробным и его должны были провести без огласки», то есть тайно.

И далее: «Кольф говорил мне, что акция имела хорошие последствия. Из большого числа заявившихся хлопцев принято около двух тысяч. Их распределили по нескольку среди разных немецких отделов. И в числе принятых тогда в войска СС был мой племянник, который был позже под Сталинградом и тяжело раненный чудом добрался с последним транспортом в госпиталь в тылу... На этом дело наших войсковых частей в 1941г. притихло...»

«Только в феврале 1943 года, – продолжал Паньківський, – вновь всплыл на поверхность вопрос о войске. На этот раз инициатива исходила, **без всякого нашего влияния**, от галицкого губернатора Вехтера... ». (Выделено мной – В. М.) Ниже мы увидим, какие противоречивые оговорки по поводу инициативы и создания дивизии СС «Галиция» дают разные националистические авторы и сам бригаденфюрер СС Вехтер.

«Мы жили, – писал далее Паньківський, – в то время в атмосфере всё учащающихся разговоров немецких деятелей в Галиции о необходимости отделения Галиции от генерал-губернаторства, с учетом особых национальных и хозяйственных условий. Еще год назад рейхсминистр по делам восточных территорий Розенберг ввел краевое самоуправление в бывших балтийских государствах (Эстония, Латвия и Литва). К концу 1942 года, после успешной заготовки контингентов и удовлетворительного набора

---

¹ Панківський К. Роки німецької окупації.

работников, Вехтер и сам начал добиваться таких прав для Галиции, явно стремясь продвинуть личную карьеру, с дальним прицелом на всё украинское пространство. Галиция должна была стать для него трамплином. В рамках таких планов Вехтера должно было быть войско как неотъемлемая и конечная их часть».²

И далее: «Зима 1941-1942 гг. была переломной в истории успехов Гитлера. Большие потери требовали искать новые силы. Надо было отступить от «расовых» предписаний. Шаг за шагом стандарт «чистоты расы» отпадал. Пришла очередь эстонцев, латышей и нас...

...Однажды адъютант губернатора Стясны тайно пригласил меня по телефону на разговор за чаем, не называя, как он это обычно делал, предмета разговора. Губернатор, после короткого выступления об отдельности галицкой земли от остального ГГ (к чему я было привык в последнее время), начал говорить о военных делах, намекая на возможности создания галицкой дивизии в рамках плана создания новых немецких дивизий войск СС. Он сказал, что имеет на это принципиальное согласие решающих чиновников Берлина, а теперь необходимо уверение в успехе с нашей стороны, в частности УЦК, сотрудничества с которым он просит. Этот разговор был приукрашен утверждениями о том, что галицкая земля снискала себе благосклонность фюрера тем, что хорошо выполнила в 1942 году свои обязанности на хозяйственном участке...

... **Губернатор**, имея в ответ на свои предложения согласие Берлина на создание галицкой дивизии, **должен был выполнить план. Потому уже не стоял вопрос, хотим ли мы дивизию, или нет, только в вежливой форме было поставлено требование о сотрудничестве в её создании... Мы понимали, что это дело большого национального значения и большой ответственности, которые перерастают границы не только Галиции...** (выделено мной – В. М.) ... Руководящие круги общества нашего в Варшаве, Праге и Берлине приняли факт создания украинской войсковой формации все без исключения позитивно... Не было в нашей национальной жизни ответственного деятеля, который был бы против создания дивизии... Все наши владыки с митрополитом Шептыцькым во главе оценивали (эту акцию)... как важный и ценный политический козырь...».³

И в конце этих «единогласно-одобрительных» замечаний Паньківський отмечает: «Верхушки обеих ОУН отнеслись официально негативно. Причиной этого было то, что не они, а УЦК должен был стать соавтором создания дивизии. Внутри обеих организаций мнения резко разошлись. Низовые члены и сторонники не разделяли взглядов на дело своих руководителей. Это проявилось в многочисленном наплыве добровольцев из числа членов обеих групп...».⁴

Здесь Паньківський фальсифицирует начисто ситуацию, ибо ОУН-мельниковцев, по сути, была соисполнителем создания дивизии, а ОУН-бандэровцев только изображала свою позицию. Паньківський указывает на «национальное значение» их антинародной затеи.

Таковы воспоминания К. Паньківського по поводу создания эсэсовской дивизии в Галиции.

Довольно патетически описывает в своих воспоминаниях К. Паньківський дефилянду (парад – прим. перев.) «освящения дивизии СС», которая состоялась 28 апреля 1943 г. во Львове:

---

² Там же. С. 402.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 29–30.

«28 апреля 1943 года состоялся торжественный акт провозглашения создания дивизии. В большой приветственной палате бывших цесарских наместников Галиции напротив ул. Чарнецкого, 14 собрались с одной стороны все немецкие и окружные старосты и уездные комиссары, а с другой – духовенство, управа города, государственные учреждения, кооперация, пресса, начальство и сотрудники УЦК и УВК (Украинского вспомогательного комитета – В. М.) и делегатур, члены и уполномоченные военной управы, а также отдельные видные граждане. Среди почетных гостей губернатора был ген. Виктор Курманович, который специально приехал из Вены, и президент внутренних дел ГГ д-р Людвик Льозакер, который репрезентовал генерал-губернатора Франка».⁵

«Торжественную дефилянду» открыл шеф правления губернатора дистрикта Бауэр. Первым выступал Вехтер:

«Сплошь да рядом из всех слоев галицко-украинского населения (читай: галицких воинствующих националистов и «коляборантов» – В. М.) **высказывается желание** – не только сотрудничеством на широких полях Галиции, не только как крестьяне в поле, как рабочие в промышленности, как управленцы, как сотрудники полиции, а также не только как работники сельского хозяйства и военной промышленности в Германии, но и **как воины с оружием в руке противостоят большевизму** и таким образом принять непосредственное участие в борьбе за безопасность своей родины, в борьбе за безопасность и будущее Европы...»

(Газ. «Наши дни». 1943. Май).

Далее Панькивский пишет о том, что Льозакер «зачитал манифест генерал-губернатора» к «галицкому населению»:

«Благодаря вашей активной борьбе против большевиков в одном ряду с немецким воином будете иметь возможность быть не только соучастниками бессмертной славы европейских народов, но также благодаря вашей жертве, обретете и обеспечите на вечные времена для себя и своих детей возможность воспользоваться благами европейской культуры»

(Газ. «Краковские вести». 1943. 30 апреля).

Далее говорил В. Кубийович, глава УЦК:

«Сегодня для украинцев Галиции по-настоящему исторический день, ибо нынешним государственным актом осуществляется одно из самых искренних желаний украинского народа – с оружием в руках принять участие в борьбе с большевизмом. Это желание, выраженное при разных случаях с 22 июня 1941 года, было следствием убеждений не только ведущих кругов, но и всего народа в том, что большевизм является нашим наибольшим врагом, который несет нам не только материальное и духовное разрушение, но также и национальную смерть»

(Газ. «Краковские вести». 1943. 1 мая).

Далее выступили: «М. Хроновъят, один из руководителей военной управы дивизии, и о. митрат Василь Лаба, руководитель капелланов дивизии. Панькивский не фиксирует их выступления в своих воспоминаниях. Потому мы приводим отрывок из выступления последнего из другого источника. Это выступление отца Лабы звучало как проповедь:

«Этот день, его же сотвори Господь, возрождаемся и возвеселимся в онь. Почему должны мы радоваться в это столь важное военное время? Ибо с согласия фюрера Великогермании получаем возможность создать стрелковую дивизию. А это воскресение Украинской галицкой армии... К этому призывает нас Бог так, как когда-то призывал

---

⁵ Там же. С. 24.

крестоносцев, которые шли на борьбу с лозунгом «Так хочет Бог!» И сегодня Бог так хочет!...»

(Газ. «Львовские вести». 1943. 29 апреля).

«Полудни, – продолжал Паньківський, – Вехтер принял в присутствии высших немецких чиновников членов ВУ (военной управы дивизии СС «Галиция» – В. М.) и её уполномоченных в крае. Он объяснил задание ВУ, а также подтвердил и подчеркнул, что она является «органом губернатора». Бауэр зачитал список членов ВУ и уполномоченных. Все они получили номинационные (подтверждающие личность – В. М.) грамоты. В состав ВУ входили: Альфред Бизанц – председатель, Осып Навроцький – начальник канцелярии (фактически управлял делами), Евгэний Пиндус – первый, а Стэпан Волянэць – второй заместители начальника канцелярии, митрат о. д-р Васыль Лаба – референт душпастьера, Мыхайло Хроновъят – референт пополнений (организация и вербовка), д-р Володымыр Билозир – референт здоровья, Иван Рудныцький – референт права, Мыхайло Кушнир – референт пропаганды, Зэнон Зэлэный – референт молодежи, Володымыр Макарушка – референт старшин, Андрий Палий – референт помощи семьям, Юрий Крохмалюк – референт историко-архивный, позже названный историко-военным отделом ВУ».⁶

И еще: «Губернатор предложил назначить почетным председателем военной управы ген. Виктора Курмановыча».

Далее Паньківський отмечает:

«В соборе Святого Юра отслужена служба Божья, на которой присутствовали также немцы. Тот факт, что СС-бригаденфюрер, а позже СС-группенфюрер, руководитель партии (нацисткой, конечно – В. М.) в Галиции, Вехтер, а вместе с ним през. Льозакер и другие, были при богослужении в католическом храме – был предметом разных комментариев...»

После 28 апреля 1943 г. мобилизационная машина лихорадочно закрутилась. Мобилизационные эмиссары вели обработку молодежи в поселках и селах Галиции, напряженно работали в пользу вербовки в дивизию все учреждения УЦК и УКК, националистические ячейки и организации, школы, греко-католические церкви. Призывы губернатора, военной управы перемешивались с призывами УЦК-УКК, подобно этому:

«Украинские граждане! Пришла долгожданная минута, когда украинский народ снова получит возможность с оружием в руках вступить в борьбу... Я верю, – призывал председатель УЦК Кубийович, – что наши усилия и жертвы, это твердый, но уверенный путь к нашему светлому будущему».

(Газ. «Краковские вести». 1943. 6 мая.)

Какое «светлое будущее» готовили народу Украины эти националистические творцы эсэсовской дивизии в тени нацистской свастики?

Мобилизационная машина вербовки в дивизию СС стремительно закрутилась во всей Галиции. К. Паньківський по этому поводу патетически отмечал: «Не было романтики 1941, но зато была романтика 1943 года».⁷

И далее:

«Дивизия построена была по принципу добровольности, и этого нужно было придерживаться». Тем не менее: «И во Львове, и в крае верх взяли люди с наилучшими интенциями (намерениями – В. М.), но без политического чувства, без понимания положения, люди, которые руководствовались чистым сантиментом. Для кое-кого из них

---

⁶ Там же. С. 431.

⁷ Там же. С. 425.

факт создания дивизии был равнозначен с общей мобилизацией украинской вооруженной силы.

Энтузиазм, для которого не было никаких оснований, переходил в истерию. Бросили клич: «Все в дивизию!», хотя было понятно, что это было невыполнимо и не имело смысла с общенациональной точки зрения...»⁸

Но при этом Паньківський отмечает:

«Попытки принудительного набора в дивизию со стороны немцев начались во время эвакуации восточных частей Галиции, весной 1944 года, а действительный принудительный набор – лишь на территории райха осенью 1944 года, когда Галиция была уже в руках большевиков... На протяжении мая и июня (1943 г. – В. М.), – писал Паньківський, – добровольцев приписалось более 90 тысяч. Из этого числа врачебные комиссии признали годными к службе более 20 тысяч».⁹

В. Кубийович давал несколько другие цифры:

«В дивизию явилось около 80 тыс. добровольцев, призвано к военной службе ок. 15 000...»¹⁰

Другую статистику мы увидим в книгах других авторов. Здесь нужно только заметить, что дивизия на протяжении своего существования дважды существенно (почти заново) формировалась, а тем временем во Львове действовал стационарный мобилизационный центр, который постоянно проводил набор в дивизию. Однако, для большей ясности, здесь же приведем воспоминания известного церковного деятеля в Галиции, члена митрополитской капитулы о. Гаврыи́ла Костельны́ка:

«Организацию дивизии СС «Галиция» официально взял на себя УЦК Кубийовича, но принять участие в этом позорище приказано было всем без исключения – и учреждениям, и отдельным гражданско-политическим и церковным деятелям дистрикта. Желающих взять оружие, чтобы пойти на теперь страшный Восточный фронт, не было. Хотя немцы и принимали суровые меры для того, чтобы никто ничего не знал... но в воздухе уже носилось неведомо кем пущенное «Гитлер - капут»... Несмотря на это, началась кампания вербовки «добровольцев» в «украинское войско». Говорю в «украинское войско», ибо мы по понятным причинам старательно избегали употреблять название «дивизия эсэс», а частенько на вопрос, что означают буквы «СС», вербовщики отвечали, что это традиционное название – сечевые стрельцы. Выдвинуты были лицемерные лозунги: «За Украину!», «На Москву!», «Теперь или никогда!», «В бой на извечного врага!» Мы так погрязли в своих преступных связях с оккупантами – ведь мы звали их, мы ждали их, мы приветствовали их и молились за них, за их фюрера, – что совершенно закономерным было и это очередное, возможно самое страшное за всю фашистскую инвазию, наше преступление перед своим народом – требовать от него самого дорогого: отдать свою молодежь в жертву кроваждному фашизму, бросив её в бой против кого? Против своих кровных братьев – украинцев, россиян, белорусов. Митрополит благословил и приказал церкви принять самое активное участие в наборе «добровольцев».

Митрополит действовал не только по собственной инициативе, но и по приказу апостольской столицы, которая посредством католической церкви всеми силами способствовала созданию «добровольческих» легионов для помощи гитлеровцам против россиян. Такие «добровольческие» легионы усилием католической церкви были созданы в

---

⁸ Там же. С. 436, 439, 441.

⁹ Там же. С. 45.

¹⁰ Там же. С. 52

католических странах, как например, в Испании, Франции, Бельгии, Португалии, и сразу же брошены на Восточный фронт. Пример католической церкви был всегда обязательным и для нас, а тем более теперь, когда гитлеровцы, на которых Ватикан возлагал все надежды на уничтожение Советского государства, терпели поражение за поражением.

И должен сказать, что если бы не помощь наших священников, епископов, всей церкви, УЦК не смог бы набрать ни единого взвода этих «добровольцев». Молодежь пряталась от набора или убежала в леса. Тех, кого оккупационная власть задерживала, мигом запирали в казарме, охраняли, чтобы они сразу же не дезертировали. Тех, кто убежал, принудительно направляли на работу в Германию. Возникла угроза: дело создания дивизии может скандально провалиться. Директора средних школ отчасти по собственной инициативе, отчасти по приказу сверху, позаписывали в «добровольцы» всех учеников старших классов. Но и это не помогало. Пришлось каждому из нас, одному перед другим, а всем вместе перед народом показывать «жертвенный пример» – отдавать своих собственных детей на убой... Тяжело об этом говорить, но и я сам вынужден был отдать своих двоих сыновей... Хорошо, что народ понял это по-своему: мол, сами накликали гитлеровских убийц, сами и помогайте им...»

Такова исповедь священника Гаврыїла Костельника. Она, как видим, полярно противоположна воспоминаниям «щырого коляборанта» (истого коллаборациониста – прим. перев.) Паньківського.

Служба галичан в «украинской полиции»

Довольно откровенно пишет тот же К. Паньківський в своей книге «Годы немецкой оккупации» о службе украинцев-галичан в так называемой «украинской» полиции. И не только в ней.

Во всей разветвленной системе гитлеровского полицейского режима в Галиции – криминальной, полиции порядка, политической, полиции безопасности и многих других – нашлось место и для «украинцев», которые пошли верноподданно служить «новому порядку» Гитлера. «Все полицейские формирования, – отмечал Паньківський, – принимали на работу на низших уровнях местных людей – украинцев и поляков». ¹¹ Немало их «работало» и в гестапо. Там занимались костоломством и убийством, и такой «труд» подходил для немалого количества «людей». Со временем эти опытные убийцы оказались в УПА, став опорой её подразделений.

Труднее было с крипо (криминальной полицией), – отмечал Паньківський. «Здесь националисты опыта не имели, ибо поляки не брали украинцев в полицию. Потому гитлеровцы в основном брали туда поляков, тех, которые знали «уголовный розыск». То же самое было и с железнодорожной (Bahnschutz) полицией, где засели фольксдойче и поляки, так как здесь можно было пожить и вещами, и харчами».

«В середине августа, – фиксирует Паньківський, – вышло распоряжение губернатора о роспуске милиции и о создании «украинской вспомогательной полиции (Ukrainische Hilfspolizei). Одновременно появился призыв коменданта полиции порядка (орпо) заявляться на службу...». Планом предусматривалось принять в дистрикте «Галиция» 6 тысяч «украинских» полицеев. «Но на службу пришло снова много, и в основном молодых хлопцев». ¹²

Здесь информация Паньківського довольно противоречива, так как параллельно было отмечено, что уже 2 июля 1941 года «милиция» (то есть те подразделения, которые

---

¹¹ Там же. С. 58–61.

¹² ЦДАВО України, ф 4620, о. 3, с. 378.

были сформированы ОУН-бандэровцев в первые дни войны и в начале оккупации) была подчинена СС, то есть гестапо и службе безопасности. При этом, он как бы сожалеет, что «затрудняло дело» то, что «немцы сразу начали употреблять» эту «милицию» для своих целей, «прежде всего на противожидовском участке». Мы уже писали раньше об участии такой полиции в уничтожении евреев и в проведении карательных акций против «своего» населения.

Комендантом полиции порядка в генерал-губернаторстве был генерал-майор Винклер, комендантом такой же полиции в дистрикте «Галиция» – полковник Стах. При команде орпо во Львове был референтом «украинской» полиции майор Вальтер. Сводного руководства орпо в дистрикте не было. Каждый окружной комендант полиции порядка подчинялся только своему немецкому окружному коменданту и, конечно, гестапо и СД. Потому-то так часто такая полиция в основном использовалась не для обычного наведения гражданского порядка, а для карательных акций, которые проводились непрерывно, днем и ночью. В полиции, признавал Паньківський, «тяготел дух нацизма». Этой фразой сказано ВСЕ, без специальных пояснений и комментариев.

«Зарплаты были низкие» (еще одно существенное признание Паньківського), а потому вся полиция занималась мародерством. «Еще хуже, – продолжал Паньківський, – было с вооружением. Оно было престарелое, при этом один крис (винтовка) приходился на двух полицейских, а на один крис выделено всего 10 патронов». Но и этого хватало, чтобы в упор застрелить десять беззащитных евреев или всяких других «врагов». О потраченных патронах каждой смены полиция лично отчитывались коменданту полиции и составляли письменный рапорт.

В то время, как на Волыни в марте-апреле 1943 г. «украинская» полиция, выманная человеческой (в основном еврейской) кровью, по команде перешла в УПА вместе с оружием, здесь, в Галиции, полиция поодиночке или группами, уходила в ту же УПА, зато другие приходили на освободившееся место.

Паньківський пишет и о таком:

«Мы еще перед созданием дивизии (СС «Галиция» – В. М.) говорили о необходимости создания полицейских отделов краевой охраны, которые могли бы быть обучены противопартизанской борьбе».

Потому и не удивительно, что немало подразделений УНС (Украинской национальной самообороны) – творения бандэровцев в Галиции, в борьбе против советских партизан генерала С. А. Ковпака были сформированы из таких «опытных» полицейских.

И еще одна довольно интересная деталь, о которой иронически замечает Паньківський:

«В 1943 году команды (полицейских – В. М.) разработали проект замены униформы и знаков отличия. На место украинских должны были придти немецкие, но как? Вместо золотых нашивок для офицеров должны были придти серебрянные, совсем такие же, как отличия немецких унтер-офицеров».¹³

Таким образом, здесь, в Галиции, об «украинской» полиции гитлеровцы заботились, ибо ей доверяли.

Со временем, указывает Паньківський, в «украинскую» полицию пришло немало опытных людей. Одним из них был Володымыр Питулэй, бывший майор польской полиции. Его заместителем стал поручик Любомыр Огоновський. В ноябре 1941 г. во

---

¹³ Там же. С. 56.

Львове была открыта полицейская школа. Однако, как ни старались выслужиться эти полицаи, эсэсманы смотрели на них как на исполнителей самой черной «работы».

В начале книги Паньківський приводит интересный факт, который по вполне известным причинам замалчивают все другие националистические авторы: «В феврале 1942 г. Национальная рада (которой управлял митрополит А. Шептыцький – В. М.) прекратила свою формальную деятельность. Поводом для этого стало письмо, написанное митрополитом райхсминистру Гайнриху Гиммлеру по делу об убийстве жидов и в частности по делу о привлечении украинской вспомогательной полиции к участию в акциях против жидов. Канцелярия Гиммлера переслала это письмо в СД во Львов. Кольф (уже упомянутый офицер гестапо и СД – В. М.) пригласил меня и раздраженным голосом разъяснял досадное положение своего правительства...» Паньківський при этом добавил: «Кольф дал прочитать письмо митрополита к Гиммлеру... Митрополит просил, чтобы украинскую полицию, которая вся без исключения состоит из его единоверцев, не привлекали к акции против жидов».

То есть, «украинская» полиция в дистрикте «Галиция» уже на протяжении полугода отлавливала и убивала евреев (об этом мы уже писали в предыдущих разделах), а все слои «общественности» – от националистов до клерикалов – об этом молчали. Нет ни единого свидетельства о том, чтобы кто-нибудь выразил протест, устно или письменно, в защиту еврейского населения, которое ужасающе уничтожали тысячами. Наконец, как видим, глас Божий прорезался в устах «миротворящего» митрополита!

Оправдывает ли К. Паньківський коллаборационизм?

Конечно, оправдывает. Притом, оправдывает в своеобразной форме. В «Итогах и выводах» к книге «Годы немецкой оккупации» он, прикрываясь словесным камуфляжем, всячески доказывает, что сотрудничество с гитлеровцами в годы Второй мировой войны было неминуемо. Но чьё это сотрудничество – украинского народа или украинских националистов?

Как известно, гитлеровских оккупантов не удовлетворяло «государственное правление» («правительство» Стэцька – «Карбовыча»), провозглашенное бандэровцами 30 июня 1941 г. во Львове, и они его немедленно разогнали. Во-первых, гитлеровцам не нравились игрища карманных политиканов за их спиной, их политическая возня. Хозяева положения («Мастером был Гитлер» – писал Паньківський) не могли допустить самоуправных взбрыкиваний самозванцев, которых никто на такие акции не уполномочивал. Во-вторых, гитлеровцы никоим образом не хотели делить (пускай даже полностью зависимую от них) политическую власть с инородцами, которых планировали уничтожить как славянское племя, или поставить на колени по своему усмотрению. В-третьих, оккупантам нужны были послушные пособники в беспощадной эксплуатации края, лакеи и исполнители, которых они сами назначили для такой цели и которые должны были безоговорочно исполнять их «барскую» волю.

После инцидента с «Актом 30-го июня 1941-го» гитлеровцы, не желая терять поддержку со стороны украинских воинствующих националистов, временно сманеврировали. Поэтому уже 6 июля 1941 г. и была создана во Львове Рада сеньйоров, которая вскоре стала называться Национальной радой, почетным протектором которой стал митрополит Андрий Шептыцький, а президентом Кость Левыцький, заискивающе послушный немцам. «Украинская национальная рада во Львове, – писал Паньківський, – была для всех нас «символом власти».¹⁴ Конечно, им так казалось.

---

¹⁴ ЦДАВО України, ф. КМФ-8. Т. 454, рол. 92, к. 715–717.

В феврале 1942-го г. гитлеровцы прекратили деятельность Национальной рады, хотя эта «деятельность» сводилась к обычной болтовне. Письмо митрополита к рейхсминистру Гимmlеру с просьбой не использовать «украинских» полицаяв в карательных акциях против еврейского населения Галиции был только примитивным поводом для роспуска. Просто гестапо и службе безопасности надоели, хотя и скромные, но всё же игрища в «национальную» политику этой «национальной» рады. «С прекращением деятельности Рады все функции президиума... перешли полностью к нам (то есть к УКК – В. М.)», – писал Паньківський. УКК, в то время подчиненный УЦК, как известно, был создан гитлеровцами как вспомогательная организация из «аборигенов» для сбора военных поставок для вермахта и безоговорочно исполнял все приказы оккупационных властей. Здесь уже было не до «национальной» политики. Гитлеровцам нужны были просто пособники во всех черных делах. И они нашлись.

В «Итогах и выводах» Паньківський писал:

«Действовала ли Национальная рада согласно взглядам общества как спикер этого о-ва («спикером этого общества», как известно, Национальная рада никогда не была, ибо была создана на сборище националистов Львова без санкции гестапо и служб безопасности – В.М.), или эта группка безответственных политиканов и самозванцев пошла на сотрудничество себе на руку? Нужно ли было сотрудничество галицких украинцев с немцами в данной ситуации? Была ли деятельность национальной рады, а затем комитета на галицкой земле службой действительно народу, или выслуживанием перед оккупантом? Действительно ли наше общество резко делилось на самостийников и оппортунистов? До какого времени коллаборация является патриотизмом, а в какой момент она перестает быть согласной с национальным интересом и становится предательством национального дела? Что это такое украинское «германофильство», о котором столько говорится?»¹⁵

Такие вопросы (и довольно резонно!) ставит Паньківський, оправдываясь, и не понимая, что тем самым уже разоблачает свою «философию» коллаборационизма. Но как он отвечает на них? Прежде всего, «широкий коляборант» отмечает то, что тогда, в 1941 г., «этих вопросов не ставили». Всё, мол, было ясно – «украинцы», то есть украинские националисты, стоят на стороне Гитлера. Другие соображения просто не допускались. Эти вопросы, – продолжает Паньківський, – возникли «под влиянием послевоенных настроений», из желания сбросить с себя ответственность за всё то, что творилось ими до войны и во время войны.

Думается, что это целиком справедливая оговорка, ибо все те, кто скомпрометировал себя до войны и во время войны, начали старательно «отмываться» после войны. Но зря, ибо история злопамятна к преступлениям и преступникам.

Однако, здесь же, Паньківський упрямо отстаивает свой «коляборантский» тезис о том, что во время войны народ «должен состоять в связях с оккупационной властью» и «кто-то должен возглавлять его репрезентацию...». Вот такая логика!

Дальше Паньківський сам же обвиняет всех и вся в сотрудничестве с гитлеровцами:

«Перед второй мировой войной все мы слишком смотрели в сторону немцев, кое-кто в сторону Гитлера. Мы ждали от них, хоть для этого не было реальных оснований, содействия восстановлению нашей государственности не потому, что они были нацистами, а потому что они были врагами наших врагов...».¹⁶

---

¹⁵ Цит за.: Гунчак Т. У мундирах ворога. К., 1993. С 165.

¹⁶ Гайке В. – Д. Українська дивізія «Галичина». Історія формування і бойових дій у 1943–

В том же «коляборнатском» ключе Паньківський и завершает свою книгу воспоминаний: ведущие деятели ОУН «в большинстве находились тогда в Германии и состояли в связях с немецкими деятелями... её (ОУН-бандэровцев – В.М.) передовые члены, которые пришли во Львов вместе с немецкой армией, своими публичными выступлениями и провозглашениями создавали у своих членов и не критической части нашего общества убеждение в том, что они – союзники немцев...». И в завершение Паньківський дает такое «оправдание» своей «коляборации»: «Сотрудничество украинцев (то есть украинских воинствующих националистов – В. М.), а значит и галицких украинцев (то есть и галицких интегральных и неинтегральных националистов, что значит фашистов – В. М.) с немцами было в 1941-1944 годах неминуемым».¹⁷

Мы подтвердим эти предупреждающие «замечания» пана Паньківського. Руководитель Украинского центрального комитета Володымыр Кубийович в своей книжке воспоминаний «Мне 70» и в других «писаниях», как менее откровенный «коляборант», чем Паньківський, причины сотрудничества с гитлеровцами объясняет четче:

«Для немцев речь шла о том, чтобы склонить на свою сторону украинское население, на территории которого должна была происходить война, и потому они проявили готовность идти навстречу нашим желаниям».¹⁸

Итак, этот «коляборант», как видим, довольно исчерпывающе объясняет свою и других «коляборацию»: немцам хотелось того-то, а мы им прислуживали.

Предоставим краткую справку о Кубийовиче.

Родился Володымыр (Влодзьо) Кубийович в 1900 г. в небогатой семье крестьянина в Западной Лемковщине. Сам Кубийович писал о себе, что он довольно рано проявил «готовность» стать на тот путь, который торил позже. Молодой географ Краковского университета настойчиво занимался «географией Украины и сопредельных стран», но только для того, чтобы противопоставить «что-то» против «чего-то». Его «география», как он сам отмечал, «нравилась немцам». Он готовил карты и описания местностей для военного ведомства Германии. С начала 30-х годов «географ» Кубийович стал довольно ценным агентом военной разведки Германии. Потому и не удивительно, что в оккупированной гитлеровцами Польше (в так называемом «генерал-губернаторстве») его назначают председателем Ukrainische Hauptausschuss (Украинского центрального комитета), хотя он не находился в списке лидеров националистических формирований за границей. Правда, некоторые авторы утверждают, что Кубийович был заметной личностью в среде ОУН-мельниковцев.

Чем же приглянулся он гитлеровцам во время, когда нацистам угодливо прислуживали тысячи маститых националистов из Галиции? Думаем, тем, что Кубийович не был националистом-экстремистом, как известные функционеры ОУН-бандэровцев, а считался «умеренным».

В своих целых трех книгах воспоминаний («Мне 70», «Украинцы в генеральной губернии. 1939-1941: История Украинского центрального комитета» и «Мне 80») В. Кубийович (в сравнении со своим сообщником по «коляборации» К. Паньківськым) довольно сдержан в рассказах о «коляборации» – своей и прочих. Однако и он вспомнил немало «перлов» из её истории.

1945 pp. Торонто– Париж – Мюнхен, 1970. С 150.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 17.

«Функционерами УЦК были преимущественно мельниковцы из ОУН-м. – И далее. – Вехтер (группенфюрер СС, губернатор дистрикта «Галициен») пытался создать немецко-украинский симбиоз, и даже выделить Галицию из генерал-губернаторства. С его амбициозными планами было связано создание украинской дивизии».¹⁹

Здесь же Кубийович фальшивит, когда отмечает, что создание дивизии СС «Галиция» «частично связано» с личностью Вехтера:

«8 марта 1943-го года я написал письмо генерал-губернатору Франку с просьбой принять меры в деле создания добровольной украинской вооруженной формации... В марте губернатор Вехтер выхлопотал у Гиммлера принципиальное согласие на создание такой дивизии... Это был немалый политический акт. Создание большого украинского военного соединения укрепило роль украинцев в Галиции... Только в составе немецких вооруженных сил могло появиться регулярное, хорошо обученное и вооруженное большое украинское соединение, которое при благоприятной для нас ситуации могло стать зародышем украинской национальной армии, без которой не могло бы существовать украинское государство... Я советовался с Шептыцькым, который сказал: «Почти нет цены, которую не нужно было бы заплатить за создание украинской дивизии».²⁰

После длительных разговоров и переговоров с «национальными кругами» Кубийович в письме губернатору дистрикта «Галиция» Вехтеру от 8 апреля 1943 г. сообщил «окончательно» о том, что «наша общественность относится позитивно к формированию дивизии». Вот так авантюра «национальных патриотов»! Стремление создать украинскую национальную армию из эзсовского формирования! Совершенно ясно, что эти «национальные круги», о которых вспоминает Кубийович, – это галицкие воинствующие националисты, которые всецело ориентировались на Гитлера, ибо сами были фашистами. Но хотел ли такую армию народ Галиции, а тем более всей Украины? Его, конечно, не спрашивали. О нем даже не идет речь в воспоминаниях Кубийовича, так как «украинцами» он называет только галицких националистов.

28 апреля 1943 г., как указано выше, В. Кубийович от имени управляемого им УЦК обратился с призывом к населению Галиции, в котором, в частности, отмечалось: «Наивысшее дозволение на выставление стрелковой дивизии СС, которая будет состоять из галицких украинцев, – это для нас отличие и одновременно специальная честь. Мы осознаем то, какое великое значение будет иметь это наивысшее постановление. Потому мы хотим сделать все, чтобы оно как можно лучше исполнялось. Формирование галицко-украинской дивизии по образцу СС – это для нас не только отличие, но и обязательство продолжать активное постановление о сотрудничестве с немецкими государственными органами до самого победного конца войны». (Газ. «Львовские вести». 1943.28 апреля.)

Такому заявлению Кубийовича не стоит удивляться. Он активно пропагандировал и действовал. В Центральном государственном архиве высших органов власти Украины в Киеве хранится заявление (Erklärung) за номером «1», заполненное собственноручно руководителем УЦК Кубийовичем: «Я, подписавший Кубийович Володымыр, заверяю, что я готов, как военный охотник (то есть доброволец – В. М.), вступить в СС – стрелковой дивизии «Галиция» и быть на военной службе. Я знаю, что на основе этого заявления обязуюсь исполнить в любую минуту немедленно приказ призвания в СС стрелковой дивизии «Галиция». Львов, день 2 мая 1943 г. Подпись: В. Кубийович».²¹

---

¹⁹ Там же. С. 19.

²⁰ Там же. С. 20.

²¹ Там же. С. 20–22.

Понятно, что этот «еркерлунг» был написан только для формальности и пропагандистского фарса, ибо Кубийович не собирался служить в действующей армии. Вслед за первым номером поступили еще подобные заявления от «шырых украинцив» (теперь «национально сознательных»), разных «отцов народа» и «проводников нации». На этот раз они были действительно искренними патриотами Великогермании и Гитлера. Исполненный «национальной» гордостью за осуществление «немалого политического акта», Кубийович уже в довоенное время, как один из руководителей Научного товарищества им. Т. Шевченко за границей и издатель «Энциклопедии украинства», писал в своих воспоминаниях: **«Наш и мой труд имели наилучшие успехи с лета 1943 года. Его вершиной было создание дивизии «Галиция».**²² (Выделено мной – В. М.). «Труд» этот как видим, был в угоду фашизму и Германии, а не Украине.

По чьей инициативе возникла дивизия СС «Галиция»?

Здесь нужно сказать довольно определенно: лицемерят многочисленные националистические авторы по поводу ответа на этот непростой вопрос. Для этого, понятно, есть у них свои всем известные причины – обелить украинский национализм в Галиции. Но это же абсурдно, ибо антинародно!

Мы уже знаем, как вопрос об инициативе создания дивизии интерпретировали её творцы – руководитель УКК К. Паньківський и руководитель УЦК В. Кубийович. Хорошо известный в диаспоре, историк О. Субтэльный в книге «Украина: история» (К., 1991) явно лицемерит, когда указывает, что «губернатор Галиции Отто Вехтер обратился к УЦК с предложением сформировать в немецкой армии украинскую дивизию».

Всё, как раз, наоборот. Об этом О. Субтэльному как опытному историку должно быть хорошо известно. Правда, он тут же отмечает, что «кроме бесплодной интерлюдии между ОУН и немцами в первые дни войны (имеются в виду несприятности с «Актом 30 июня 1941-го» – В. М.), самым важным случаем сотрудничества украинцев (читай: украинских воинствующих националистов – В. М.) с гитлеровским режимом на организационном уровне стало создание добровольческой дивизии СС «Галиция». Что правда, то правда!

Мы уже знаем о создании в диверсионной службе гитлеровского Абвера специальных батальонов «Нахтигаль» и «Роланд», сформированных в основном из бандэровцев. Мельниковцы также не дремали. Уже в первые дни войны руководитель ПУНа^{II} А. Мэльный начинает атаковать Берлин, посылая А. Розенбергу, тогдашнему рейхсминистру оккупированных восточных территорий, а затем также Г. Франку, руководителю генерал-губернаторства, их многочисленным помощникам и другим нацистским бонзам «послания», «меморандумы», «письма» и «заявления» с предложениями создать военные силы «украинцев», то есть украинских националистов, на стороне гитлеровцев «для преодоления большевизма». Гитлеровцы же в то эйфорически-победное время просто не обратили на них никакого внимания. Увлеченные успехами на Восточном фронте, они откровенно пренебрегали примитивными политическими моськами – танки Гудериана уже были на подступах к Москве!

Одно из таких «писаний» националистов из Галиции хорошо известно многим историкам, которые исследовали историю Второй мировой войны. Думаю, что оно хорошо известно и Оресту Субтэльному. 12 января 1942 г. было подано «послание его превосходительству фюреру и рейхсканцлеру Немецкого рейха Адольфу Гитлеру». В нем, в частности, недвусмысленно указывалось: «Украинская нация связывала большие

---

²² Там же. С. 30.

надежды с развитием обстановки в Восточной Европе, которая привела в середине прошлого года к войне между Германией и Советским Союзом. Ведущие круги украинского народа были уверены в том, что столкновение между национал-социалистической Германией и большевистской Москвой неминуемо, и что только Немецкий рейх под руководством Вашего Превосходительства будет способен нанести большевизму смертельный удар. Поражение России должно было дать возможность Украине присоединиться к политической системе Европы... Мы уверяем Вас, Ваше Превосходительство, что ведущие круги на Украине готовы к более тесному сотрудничеству с Германией с тем, чтобы вести борьбу с общим врагом общими усилиями немецкого и украинского народов и установить действительно новый порядок на Украине и во всей Восточной Европе».

Это «послание» подписали: граф А. Шептыцкий, митрополит, президент Украинской национальной рады во Львове, М. Вэльчиквский, президент Украинской национальной рады в Киеве, А. Ливыцкий, заместитель С. Петлюры – главного атамана УНР в Варшаве, Омэлянович-Павленко, председатель Генеральной рады комбатантов в Праге, А. Мэльнык, вождь украинских националистов в Берлине».²³ Оно раскрывает всю суть тех политических игр, которые вели националисты.

Однако вскоре обстоятельства молниеносно изменились. Гитлеровский вермахт потерпел военное поражение под Сталинградом. Уже через четыре дня после него, 6 февраля 1943 года, с благословения того же митрополита А. Шептыцкого проводник ПУНа А. Мэльнык снова пишет «послание» начальнику штаба верховного командования вермахта, генерал-фельдмаршалу В. Кейтелю:

«...Кажется, пришло время включить Украину (читай: украинских воинствующих националистов – В. М.) в противобольшевистский фронт... Нужно сформировать боеспособное украинское войско... К сожалению, в течение последних двух лет было упущено много возможностей...Нужно этот вопрос перевести в сферу практического действия без проволочек и промедления. Надеюсь, что проблемы формирования украинской вооруженной силы в том виде, в каком мы здесь изложили, найдут у Вас, господин генерал-фельдмаршал, соответствующее понимание и внимание... Украинские верноподданные, а самое главное военные круги готовы к решению этого вопроса, которому мы во имя победного конца борьбы с Москвой придаем наибольшее значение, стремимся принять в нем участие и отдать себя в распоряжение главного командования вооруженных сил».

Это «послание» А. Мэльныка, проводника ОУН-м, довольно известно многим исследователям истории Второй мировой войны и даже широкой публике. Как видим, многочисленные свидетельства о том, что националистические проводники довольно часто требовали (вернее, просили) у нацистов создания «весомой» украинской военной формации в составе гитлеровского вермахта, имеют неоспоримое и серьезное основание.

Однако, был ли губернатор дистрикта «Галициен», группенфюрер (генерал-лейтенант) войск СС Отто Вехтер инициатором создания эсэсовской дивизии «Галиция»? На этот вопрос Вехтер ответил сам:

В начале марта 1943 года губернатор Вехтер в «Манифесте к боеспособной молодежи Галиции» высказал, в частности, такое: **«Неоднократно галицкое украинское население (читай: галицкие воинствующие националисты – В. М.) выражало желание с оружием в руках принять участие в вооруженной борьбе немецкого государства. Фюрер, признавая чаяния Галиции, внял этому желанию включить себя в борьбу и**

---

²³ Там же. 44.

дал разрешение на формирование «СС-стрелковой дивизии Галиция». ²⁴ (Выделено мной – В. М.)

Оккупационная газета «Львовские вести» (1943, № 93), информируя о «торжественной дефилянде» по поводу освящения декрета губернатора о создании этой дивизии, привела отрывки из речи губернатора дистрикта Вехтера, в которой тот, в частности, отметил:

«Неоднократные обращения галицко-украинского населения в управу Галиции к господину генерал-губернатору (то есть Г. Франку – В. М.), по поводу рейха наконец-то увенчались успехом. Фюрер дал соизволение сформировать дивизию из галицких украинцев...» (выделено мной – В. М.)

Здесь, как видим, все яснее ясно, ибо точку над «і» поставил сам Вехтер.

Дивизию захотели создать в составе гитлеровского вермахта сами националисты в Галиции, прежде чем возникли инициаторы.

Анализируя литературу, посвященную 14-й стрелковой дивизии СС «Галиция», необходимо отметить, что среди многих авторов самое заметное место занимает книга воспоминаний немецкого автора В.-Д. Гайке «Украинская дивизия «Галиция». История формирования и боевых действий в 1943-1945 годах» (Торонто – Париж – Мюнхен, 1970).

Гайке Вольф-Дитрих (1913 г.р.) – майор вермахта, уроженец Пруссии. Родился и вырос в офицерской семье. В январе 1944 г. был командирован в 14-ю гренадерскую дивизию СС «Галиция», которая тогда находилась в Нойгаммере, где завершала свое формирование. Сначала был назначен начальником оперативного отдела её штаба в звании капитана, а затем начальником штаба в чине майора. Книгу воспоминаний о дивизии СС «Галиция», в которой он служил до конца войны, Гайке начал писать сразу же после войны, находясь в английском лагере для немецких военнопленных, и называл её сначала «Sie wollen Freiheit» («Они хотели воли»). Понятно, что интерпретация вопроса, заложенная в заглавии книги, очень понравилась украинским создателям дивизии, которые оказались на Западе, прежде всего В. Кубийовичу, и они приложили немало усилий, чтобы помочь Гайке написать и издать эту книгу. Первое название не отобразило сути этой дивизии и воинов в ней, потому было изменено.

Служба в дивизии с начала 1944 года и до конца войны (до этого Гайке учился в военной академии в Берлине) была необычайно памятной частью жизни автора, поэтому он писал о своей фронтовой жизни с немалой теплотой. Да и неоднократно Гайке уверяет читателя в том, что был искренним патриотом дивизии. Однако искренность во многих местах книги переходит в фарс, или абсолютно отсутствует, когда речь идет о выполнении важных боевых заданий. Здесь, вероятно, хорошенько поработали его наставники и «консультанты» вроде создателя дивизии В. Кубийовича.

Винить же здесь автора в такой неискренности можно только частично. Так как дивизия, одним из руководителей которой был майор В.-Д. Гайке, была эсэсовской и выполняла в основном полицейские (карательные) функции и акции, что, конечно, не нравилось и не нравится демократической общественности послевоенной Германии и всей Европы. Несмотря на всё это, многие страницы книги проливают яркий свет на реальную и на неотретушированную историю дивизии СС «Галиция».

В «Предисловии» к книге В. Кубийович, бывший председатель УЦК, один из деятельных и руководящих создателей дивизии, «искренне» подчеркнул, что для немецких старшин (офицеров) дивизии, как и для начальника её штаба майора Гайке, эта военная формация «была обычной немецкой дивизией, сформированной из украинцев».

---

²⁴ Там же. С. 47.

Это – сущая правда. Но к ней нужно, безусловно, добавить, что для тех же немецких офицеров она была и обычной эсэсовской дивизией (Waffen-SS).

В начале книги Гайке отмечает, что через дивизию прошло около 32 000 солдат. Здесь нет ничего удивительного, ибо после катастрофы пол Бродами на Львовщине в июле 1944 г., когда дивизия потеряла почти весь свой личный состав, она еще дважды перестроивалась и постоянно пополнялась резервными и новыми бойцами.

Хотя Гайке прибыл в дивизию только в начале 1944 года, однако раздел первый он начинает с небольшой ретроспекции, кратко излагая причины рождения этого формирования: «В начале 1943 года, после неудач немецких армий на Восточном фронте, немцы, забыв свою установку, что «восточная проблема может быть и будет решена только исключительно пролитием немецкой крови», начали привлекать к вооруженной борьбе с большевизмом народы Восточной Европы...» Были созданы две латышские, одна эстонская дивизии... Пришла очередь украинцев в Галиции». ²⁵

«Инициатором этой дивизии, – как, понятно, был информирован Гайке, – был губернатор Галиции д-р Отто Вехтер, который с помощью создания украинской дивизии хотел активизировать украинский вопрос и присоединить украинцев к более тесному сотрудничеству с немцами». ²⁶

В то время как националистические вербовщики обманывали политически несознательных юношей Галиции, расшифровывая «SS», как «сечевое стрелцтво» или «сечевые стрельцы», Гайке четко указывал:

«Официальное название дивизии от 30 июля 1943 года: SS-Freiwilligen-Division «Galizien» (СС – добровольческая дивизия «Галиция») и от 27 июня 1944 года: 14.SS – Freiwillig-Grenadier-Division (galizische № 1) (14. СС – добровольческая гренадерская дивизия (галицкая № 1).» ²⁷

Гайке здесь же добавляет:

«Однако Гиммлер ясно предостерег, что в дивизии ни под каким видом нельзя даже думать о независимости Украины. Слова «Украина», «украинец», «украинский» запрещалось употреблять под угрозой наказания. Воины дивизии должны называться не «украинцами», а «галичанами».

Сначала, согласно распоряжению начальника главного управления СС обергруппенфюрера СС Ганса Ютнера ответственность за формирование дивизии возлагалась на бригаденфюрера СС Шимана. Шиман был на этом посту до 19 ноября 1943г. С 20 октября того же года до конца существования дивизии её командиром был оберфюрер СС Фриц Фрайтаг, который 20 апреля 1944 г. был повышен до ранга бригаденфюрера (генерал-майора) войск СС.

Поначалу основной костяк дивизии обучался в «Гайделягере», что неподалеку от г. Дембицы (Польша), а с конца февраля 1944 г. – в стационарном военном лагере в Нойгаммере (Силезия, Германия). И хотя 28 апреля 1943 г., во время провозглашения декрета губернатора дистрикта «Галиция» Вехтера, дивизия представлялась как стрелковая дивизия войск СС, гитлеровское командование, а вернее управление войск СС, первый набор «добровольцев» послало в полицейские части («охранные» войска СС). Именно это старательно скрывают все националистические, и даже иностранные авторы и исследователи истории дивизии.

Гайке свидетельствует:

---

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 130–131.

²⁷ Там же.

«Только что, 18 июля 1943 г. состоялся выезд первой группы добровольцев из Львова на обучение. Сначала их разместили в лагере «Гайделягер» (в Пусткове рядом с Дембицами). Их расформировали в 4-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й полицейские полки».²⁸

Поэтому с самых истоков существования печально известной дивизии началась продолжительная и упорная борьба УЦК (и самого губернатора Вехтера) с высшими военачальниками вермахта и чиновниками управления войск СС за то, чтобы переделать дивизию из полицейской формации в полевую (фронтовую) дивизию СС с новым комплектом тогдашнего вооружения. Эта борьба продолжалась до самой весны 1944 г., причем без каких-либо результатов. Дивизия в то время продолжала обучение как полицейская. Однако вопрос об изменении предназначения по-прежнему не был решен. Руководство СС маневрировало и хитрило, так как пять (хотя и малокомплектных, но всё-таки) полицейских полков, предназначенных для службы в «охранных» войсках СС, продолжали формироваться отдельно, а основной костяк дивизии (назначение которой еще не было определено) находился сначала в «Гайделягере», а затем был переведен в стационарный лагерь Нойгаммера. В дивизию, отмечает Гайке, 20 октября 1943 г. прибыл её командир, оберфюрер СС Фриц Фрайтаг, также полицейский чин.

Интересно представляет Гайке своего командира. Ф. Фрайтаг – бывший офицер немецкой охранной полиции (Schutzpolizei). Перед назначением в дивизию был командиром полка в единственной в немецких вооруженных силах полицейской дивизии (Polizei-Panzergründler Division). «Его профессиональное знание, дополненное фронтовым опытом, было немного выше среднего уровня немецких офицеров...»

И далее:

«У Фрайтага было почти болезненное честолюбие, которое в отношении его подчиненных временами приобретало формы жестокости. Фрайтаг хотел выбиться в верхушку, он желал признания и заслуг; питал к людям подозрение, которое портило жизнь не только его сотрудникам, но и ему самому. Духовные свойства Фрайтага, особенно психологический подход к людям, не отличались особой гибкостью для того, чтобы побороть трудности в командовании именно немецкой дивизией. Он был теоретиком, который хотел командовать боевой единицей, сидя за своим канцелярским столом...».²⁹

Такая характеристика, понятное дело, было откровенной и определяла суть командира дивизии, одним из руководителей которой был и сам автор.

И еще:

«В общем Фрайтаг был собранным и последовательным человеком, который владел знанием военной тактики и умел применять его на практике... Фрайтаг издавал приказы и распоряжения со спокойствием... Все делал безоглядно. Часто, с присущей ему ослепленностью, он пытался привить всем национал-социалистические идеи... тупо следуя теории... За мелкое нарушение он отдавал под военный суд каждого, даже своего ближайшего сотрудника... Он не мог понять украинской психики, а хотел втиснуть её в рамки прусского духа... Фрайтага уважали за его военное знание, его особенную собранность, его добрую волю. Тем не менее, как человека, его не воспринимало ни украинское, ни немецкое воинство дивизии. Это была на самом деле большая трагедия для дивизии...»³⁰

---

²⁸ Цит. за: Українська дивізія «Галичина». К., 1994. С. 80–81.

²⁹ Там же. С. 84.

³⁰ Там же. С. 84–85.

Эти характеристики личности генерала СС Фрайтага, так непосредственно изложенные Гайке, довольно противоречивы как логически, так и психологически. На следующих страницах своей книги автор редко останавливается на личности своего командира. Однако, два момента, приведенные далее, довольно впечатляющи для понимания той атмосферы, в какой находилась дивизия СС «Галиция».

Когда же в июле 1944 г. дивизия была разгромлена под Бродами на Львовщине, а её остатки окружены советскими войсками, генерал Фрайтаг впал в проstration. «Генерал Фрайтаг сообщил, – пишет Гайке, – ...что он не в состоянии командовать дивизией, так как не имеет над ней никакого контроля...» Генерал Линдемманн, командир соседней дивизии, которая тоже была в окружении, принял под свое командование остатки 14-й гренадерской дивизии СС «Галиция», но оставил Фрайтага в распоряжении своего штаба.

В конце книги Гайке рассказал о еще одном курьезном факте. В последние дни войны дивизия спешно бросила боевые позиции против советских войск и бросилась навстречу английским войскам, чтобы сдаться им в плен. В городке Тамсвег, где проходила колонна дивизии, англичане устроили пропускной пункт, в котором задерживали «иностранные части и все части войск СС». Узнав о таком пункте, Фрайтаг окончательно сдрейфил и застрелился, – повествует Гайке о конце дивизии и её командира.

Такой финал. Но мы еще дадим немало материала о дивизии галицких эсэсовцев.

Переговоры между губернатором дистрикта «Галиция» группенфюрером СС Вехтером и УЦК, с одной стороны, и руководством войск СС, – с другой, о том, какой быть будущей дивизии – полевой войск СС или полицейской («охранной») войск СС – затягивались. А тем временем маховик формирования был запущен и действовал с немецкой пунктуальностью: оружие, разная амуниция, а главное, офицерские и унтер-офицерские кадры (а это были преимущественно немцы), поступали со всех концов Германии.

Гайке: «Немецкий персонал дивизии происходил из полиции; его командировали из единственной в немецких вооруженных силах полицейской дивизии», той самой дивизии, в которой будущий командир 14-й дивизии СС «Галиция» Ф. Фрайтаг служил командиром полка. Гайке довольно негативно характеризует немецких офицеров и унтер-офицеров, которые прибывали в дивизию:

«За небольшими исключениями немецкие офицеры и унтер-офицеры ни по возрасту, ни по опыту не подходили для иностранной дивизии. Из-за очень молодого возраста, недостатка жизненного опыта и незнания человеческого характера они не могли справиться с трудным заданием управления людьми и заботы о них. Лучшие из них еще могли проводить профессиональное обучение, но не умели установить человеческих отношений и из-за этого не заслужили доверия украинцев. Некоторые из них, и то, к сожалению, в основном старшие, прибыли в дивизию с заранее выработанным негативным отношением, как к украинцам, так и к дивизии, которая, к несчастью, еще и называлась галицкой».³¹

Да и не было новостью, что все эти полицейские кадры офицеров – самый обычный человеческий сброд, способный только на проведение экзекуций.

Характеризуя процесс формирования дивизии, Гайке отмечал, что уже в начале её существования ряд подразделений, особенно полицейские полки, использовались «в борьбе с большевистскими партизанами».

---

³¹ Там же.

В начале февраля 1944 г. в дивизию приходит срочное распоряжение из управления войск СС генерал-губернаторства о формировании на базе дивизии «боевой группы» для борьбы с советскими и польскими партизанами. «Боевая группа» в составе одного батальона и батареи легких орудий в течение суток была отправлена в Районы Чесанова, Любачева, Тарнограда, Белоградя и Замостя (Польша). Спустя несколько дней была откомандирована другая «боевая группа» «для борьбы с большевистскими партизанами» в северо-западном направлении от Львова. Гайке отмечал, что обе группы «действовали достаточно успешно». Однако об этих «успехах» Гайке не рассказывает. Вторая группа, как хорошо известно, действовала в Гуте-Пеняцкой, рядом с Золочевым на Львовщине, против польского населения и группы советских и польских партизан.

Гайке отмечает здесь и такое:

«Вскоре в дивизию начали поступать разные сообщения о плохом поведении бойцов боевой группы. Этого следовало ожидать. Ведь солдаты еще не закончили своего боевого обучения, а их немецкие офицеры и унтер-офицеры были молодыми и неопытными. Не нужно еще забывать, что боевую группу послали в околицы, в которых жило немало польского населения, а то и в чисто польские околицы. Старая вражда между поляками и украинцами должна была проявиться. Но нужно принимать во внимание, что боевой группе дивизии, как немецкой части, другие немецкие части приписывали много незаслуженного, или такого, что сами натворили...»³²

Так наивно объяснял Гайке причины «плохого поведения» молодых галицких эсэсовцев.

Что «натворили» эсэсовцы из картельных «боевых групп», хорошо известно. Мы еще вернемся ниже к этому вопросу.

Итак, по сути, дивизия СС «Галиция» с июля 1943 г. была абсолютно полицейской: с полицейским генералом во главе, с пятью полицейскими полками, с командным составом недавних полицейских формирований. Да и исполняли подразделения дивизии, которая еще не успела окончательно сформироваться, чисто полицейские (карательные) функции и задания. Всё это бесспорно.

А что же дальше?

Гайке:

«Весной 1944 года в состав дивизии, в конце концов, были включены полицейские полки №-№^{III} 4, 5 а затем 6, 7, 8. Чтобы добиться перенесения этих полков, нужны были долгие и твердые настояния УЦК, губернатора Вехтера и самих солдат этих полков... Полицейские полки были сформированы из добровольцев, призванных в дивизию первым набором. Они проходили боевое обучение возле Гдыни, Белостока, в Меце, По, Тарбе и Солье-де-Борн во Франции. Здесь они имели такой состав: 4-й полк – Gal. SS-Freiw. Regiment, Галицкий СС – добровольческий полк... Офицерами и унтер-офицерами полицейских полков были исключительно немцы».³³

И дальше:

«В начале февраля 1944 года 4-й полк был переброшен в Галицию на борьбу с большевистскими партизанами, где он затем принимал участие в боях с Красной Армией под Тернополем. Во Франции бойцы закончили обучение, и весной 1944 года их в большинстве отправили в дивизию в Нойгеммер. Во время обучения их использовали также для борьбы с французскими партизанами. При ликвидации полицейских полков во

---

³² Панківський К. Від комітету до державного центру. Нью-Йорк – Торонто, 1986, С. 134.

³³ Збірник «Броди». С. 45.

Франции некоторые бойцы перешли в ряды французских партизан, напр. группа Осипа Круковского, которая составила отдельное подразделение в группе майора Легранда».³⁴

Таким образом, выходит, что 14-я гренадерская дивизия СС «Галиция» лишь несколько месяцев (март-июль 1944 г.) была действительно полевой и стрелковой. После же разгрома под Бродами в июле того же года, остатки её уже осенью снова переформируют в том же Нойгаммере на базе запасного полка, который оставался здесь на обучение, в обычную полицейскую («охранную») дивизию СС и используют не во фронтовых, а в карательных целях.

Интересную деталь по этому же поводу приводит Гайке: «Чота полевой жандармерии... преобразована в сотню более 100 полевых жандармов...», а также «придано около 50 собак, натасканных для охраны и погони...». Для чего, думаете? Да, для преследования отдельных групп противника (партизан) во время карательных акций.

А уже в начале октября 1944 года дивизию в полном составе (уже заново переформированную) переместили в Словакию, где вспыхнуло восстание против фашистов, своих и немецких. Здесь дивизии была подчинена печально известная «бригада Дирливангера». Та самая бригада эсэсовцев-головорезов, что уже известна своими ужасающими зверствами против партизан и мирного населения Белоруссии. Мы уже рассказывали об этой бригаде, когда писали о шццманштафт-батальоне Побигущего-Шухэвича (бывшие специаль-батальоны «Нахтигаль» и «Роланд»), который действовал в тесном взаимодействии с «дирливангеровцами».

Здесь, в Словакии, рядом с галицкими эсэсовцами и головорезами Дирливангера против словацких партизан действовали еще и башибузуки из дивизии СС «Хорст Вессель», боевая группа карателей «Шиль», мусульманский полк из армии РОА генерала Власова, другие части гитлеровцев-садистов. Как видим, хорошая компания собралась! И всё это, понятно, не случайно.

Гайке же, по известным и неизвестным причинам, здесь часто камуфлирует, прибегает к «оправданиям», подобных этому:

«Понимая, что в борьбе с партизанами можно легко дойти до излишних жестокостей или переусердствовать в отношении гражданского населения, командование дивизии все время обращало внимание на корректное ведение боев (можно подумать, что эсэсовцы когда-нибудь вели «корректные» бои! – В. М.). Сурово запрещались расстрелы заложников или пленных. Запрещено было уничтожать дома, хотя часто партизанские позиции вынуждали к таким мерам. Очевидно, что в действиях, когда гражданское население содействовало партизанам, временами было очень трудно избежать прискорбных инцидентов.

За все проступки всегда строго наказывали. Но и здесь **украинцам также начали приписывать поступки, которые дивизия никогда не делала...**³⁵ (Выделано мной – В.М.)

Но здесь же Гайке описывает «доблести» «бригады Дирливангера» (которая как раз в то время по приказу высшего командования СС была введена в состав дивизии и подчинялась её командованию, а значит, и начальнику штаба дивизии майору Гайке):

«В подавлении восстания принимала участие также так называемая «Бригада Дирливангера» (SS-Dirlwanger Brigade), специальная карательная формация войск СС, где бойцы, наказанные за проступки против военных законов, должны были себя оправдать. В этой бригаде было много офицеров и солдат из разных частей вермахта. Все

---

³⁴ Там же. С. 45–46.

³⁵ Там же.

офицеры, унтер-офицеры и стрелки были разжалованы до самого нижнего ранга гренадера... Командиром этой бригады был бригаденфюрер (генерал-майор – В. М.) войск СС О. Дирливангер, протеже начальника главного управления СС обергруппенфюрера (генерал-полковника – В. М.) Г. Бергера. Дирливангер не был лихим боевым офицером. Он отличался брутальностью и безмозглым руководством бригадой. Во время боевых действий он часто пил по ночам, а спал днем...».³⁶

Здесь, конечно, следует понимать «оправдание» Гайке почти так: мол, соседство бандита Дирливангера и его бригады бросало черную тень на галицких эсэсовцев и на дивизию СС «Галиция» в целом, которая, дескать, вела себя «корректно» и благородно. Фантазия герра Гайке! Если стая волков напала на табун домашнего скота, напрасно искать в этой стае благородные поступки! После многих и довольно продолжительных карательных акций в Словакии во время великого народного восстания дивизия СС «Галиция» была послана не на фронт, который молниеносно приближался, а перемещена в Штирию и Каринтию для борьбы против югославских партизан под руководством маршала Тито. Здесь галицкие эсэсовцы провели последние месяцы войны. Гайке снова замечал: «Здесь так же, как и в Словакии, некоторые немецкие части хотели приписать свои поступки дивизии только потому, что это было украинское, а не немецкое соединение».

Можно подумать, что эсэсовская дивизия, которая выполняла «охранные» (карательные) акции, прибыла сюда, в Югославию, на прогулку. Хотя здесь же Гайке сам уточняет, что «главным заданием дивизии была борьба с партизанами».

Завершая группу материалов о свидетельствах В.-Д. Гайке, бывшего шефа штаба 14-й гренадерской дивизии СС «Галиция», мы не можем не привести достаточно яркие места из предисловия к одному из изданий его книги, написанного известным американским исследователем украинского интегрального национализма Джоном Армстронгом, таким авторитетным среди националистов разных оттенков в прошлом и сегодня. В этом предисловии, которое претенциозно называется «Так ли безнадежна «политика легионов?» («Чи «легіонова політика» така безнадійна?»), Д. Армстронг, в частности, ярко объясняет весомые нюансы инициативы создания дивизии:

«Инициатива создания дивизии возникла как в немецких, так и в украинских кругах. Альфред Розенберг (рейхсминистр оккупированных восточных территорий – В. М.), которому Гитлер поручил заведование оккупированными восточными территориями, обратился в марте 1943 г. к СС за помощью. Розенберг хотел привлечь Украинский центральный комитет (УЦК) к поддержке немецких военных усилий, этим окончательно ослабить намерения некоторых нацистов, которые хотели опереться исключительно на российского генерала Андрея Власова. Почти в то же самое время д-р Кубийович обратился к генерал-губернатору Гансу Франку с предложением создать большую украинскую боевую силу. На деле не Франк, а его подчиненный Отто Вехтер имел близкие контакты с Гиммлером, и как раз он выступил с этим планом в пределах своего округа Галиция. Этим территориальным ограничением перехитрили Гиммлеровскую фанатичную установку, что славяне вообще, а в данном случае украинцы, не способны носить оружие. В результате новая формация получила название «СС дивизия «Галиция», что должно было указывать на ограниченные территориальные рамки, хотя все понимали, что рекрутами будут, если не исключительно, то в подавляющем большинстве, украинцы со всех земель...»³⁷

---

³⁶ Гайке В. – Д. Українська дивізія «Галичина». С. 52–53.

³⁷ Там же. С. 52.

Далее Армстронг «уточняет»:

«...Инициатива с украинской стороны исходила от д-ра Кубийовыча, руководителя Украинского центрального комитета. Для такого задания Кубийовыч был полностью квалифицированным: полное знание немецкого языка, выдающийся географ с международной репутацией, трехлетний опыт контактов со служащими Генеральной Губернии. Хотя он не репрезентировал никакой украинской партии, но среди всех всё-таки пользовался общим уважением за свои значительные достижения. Но прежде всего (здесь я сошлюсь на свои личные контакты с д-ром Кубийовычем в поздние времена) он всегда был хладнокровным и имел здравый рассудок. В результате, его соображения о необходимости украинской военной силы, хотя в основном сделанные независимо ни от кого, требовали поддержки почти всех других украинских лидеров».³⁸

Армстронг при этом добавляет:

«Однако главнейшая помощь пришла от Украинской греко-католической церкви. Епископ Йосьп Слипый (позже кардинал Слипый) публично одобрил создание дивизии. Похоже, что и митрополит Андрий Шептыцький, наиболее уважаемый украинец, сделал это приватно. По их предложению о. д-р Василь Лаба стал ответственным за священников дивизии. Основным требованием Украинской греко-католической церкви для поддержки дел дивизии было то, что украинские священники, работая в дивизии, могли обеспечить молодым солдатам-новобранцам духовную и моральную опеку и нейтрализовать все попытки нацистской индоктринации... Церковь согласилась с мыслью, что национальная военная формация является необходимостью для украинских интересов для дальнейшей цели, и потому поощряла добровольцев вступать в дивизию. Эта поддержка церкви способствовала также тому, что в дивизию начали записываться старшие офицеры, которые принадлежали к довоенным галицким партиям, например УНДО (Украинское национально-демократическое объединение – В. М.)... Получение поддержки группы Мэльныка (ОУН-м) было несложным. Когда Кубийовыч вышел с этим предложением, повстанцы ОУН-м на Волыни еще продолжали выступать против немецких оккупационных властей (автор здесь, как видим, серьёзно путает, ибо нет ни единого факта, чтобы ОУН-мельниковцев выступала против немецких оккупационных властей, а наоборот, существует слишком много фактов, что мельниковцы тесно сотрудничали с ними – В. М.). Под давлением советских партизан и конкурирующих националистических повстанцев группы Бандэры, последователи Мэльныка быстро теряли почву под ногами. Во время набора в дивизию их уцелевшие партизанские силы (отдел «Хрина», позже «Волынский легион самообороны») согласились поступить на немецкую службу. Позднее, как пишет майор Гайке, Волынский легион сопротивлялся включению его в дивизию. Однако, в середине 1943 года ОУН-м полностью была согласна с набором в дивизию. Действительно, фракция Мэльныка сама пришла к выводу, что регулярная военная формация является необходимой. Мэльнык стоял близко к католической церкви, а его сторонники сотрудничали с Кубийовычем; как старший офицер Украинской галицкой армии в 1918-1920 гг., Мэльнык понимал и ценил вес регулярной военной формации, и он действительно желал руководить своей политической организацией на военный лад...».³⁹

И, наконец, такое:

«Позиция ОУН-б является более неопределенной. Безусловно, последователи Бандэры вначале отбрасывали какое-либо сотрудничество при наборе в дивизию.

---

³⁸ ЦДАВО України, фю 4620, оп. 3, спр. 378.

³⁹ Гунчак Т. У мундирах ворога. К., 1993. С 4.

Подпольная пропаганда ОУН-б в Галиции и на Волыни (включая листовки УПА, которую в середине 1943 г. перехватили бандэровцы) осуждала организованную немцами военную формацию. Вместо этого «новая» УПА продолжала призывать к вооруженной борьбе против нацистов (только на словах, а не на деле – В. М.) и СССР. Некоторые подпольные публикации повторяли эти призывы еще в середине 1944 г. **Всё-таки как-то трудно понять, как мог набор в дивизию в Восточной Галиции проходить так успешно, если ОУН-б, наиболее важная сила среди украинской молодежи, так сильно противостоит такому набору, как на это намекала подпольная пропаганда.** Майор Гайке проливает некоторый свет на это дело, когда говорит о солдатах дивизии, которые посещали отделы УПА и потом по их разрешению возвращались в свои отделы... В личных свидетельствах и опубликованных воспоминаниях некоторых представителей дивизии, которые имели близкие контакты с ОУН-б, утверждается, что бандэровский командир УПА Роман Шухэвич секретно поручал своим людям добровольно записываться в дивизию. Шухевич надеялся позже использовать этих добровольцев в партизанской борьбе. Потому до самого лета 1944 г., когда дивизия вступила в катастрофическую битву под Бродами, а КА (Красная Армия – В. М.) оккупировала Галицию, ОУН-б не выступала так сильно против дивизии. В последствии сторонники Бандэры активно поддерживали новое формирование 1-й украинской дивизии. В конце ОУН-б вместе с Кубийовычем, церковью и ОУН-м признавали, что регулярная военная формация важна для будущей Украины». (Выделено мной – В. М.)

Эти замечания Д. Армстронга абсолютно объективны, хотя отдельные места четко не определены.

Несколько иначе трактует взаимоотношения ОУН-УПА и дивизии СС «Галиция» о. Иван Грынёх в статье «Дивизия «Галиция» и украинское подполье», опубликованной в сборнике статей и материалов «Броды» (Мюнхен, 1951). Иван Грынёх в 1941 г. по рекомендации митрополита и его коадьютора Йосыпа Слипого служил капелланом специаль-батальона Абвера «Нахтигаль». Награжден нацистским «Железным крестом». В годы войны исполнял частые и ответственные поручения провода ОУН-бандэровцев. От имени провода в апреле-июле 1944 года вел переговоры с гитлеровцами. Становится вице-президентом УГВР (Украинской главной освободительной рады) и председателем её заграничного представительства. Наверное, наивысшую характеристику о. Грынёху дал К. Паньківський, представляя его как «одного из самых выдающихся и активнейших членов провода ОУН-б и УГВР»: «Он никогда не был ни арестован, ни преследуем немцами, а наоборот, во время пребывания Бандэры в концлагере, – в легальном контакте с немцами».⁴⁰

Прежде всего И. Грынёх в своей статье отстаивает мысль о том, что созданием дивизии СС «Галиция» гитлеровцы стремились ослабить деятельность бандэровцев, привлекая к своим целям часть активной молодежи. «...Немецкий маневр, – указывает автор, –... в украинском организме не удался, и уже за короткое время **борьба** (между ОУН-бандэровцами и организаторами дивизии – В. М.) **была прекращена.**»⁴¹ Поэтому напрасно почитатели бандэровщины упрямо отстаивают бесосновательную позицию, что ОУН-бандэровцев, мол, всё время боролись против создания дивизии СС «Галиция». Грынёх продолжает: «Прежде всего, украинское подполье поняло истину, что не получится помешать организации дивизии, несмотря на принципиальное отрицание самой

---

⁴⁰ Там же. С 154–155.

⁴¹ Там же.

концепции участия украинцев в немецких частях».⁴² Здесь отец Грындох явно лукавит, ибо бандэровцы формировали ещё накануне войны диверсионные батальоны Абвера «Нахтигаль» и «Роланд», где Грындох сам был капелланом в форме офицера вермахта и благословлял действия нахтигальцев на «геройские» подвиги. Хотя здесь же он добавляет: **«Начальное различное отношение позже изменилось, и, считаясь с реальными возможностями и фактическим состоянием, отправлено даже определенное количество людей, которые организационно или по своим симпатиям стояли на стороне украинского национально-освободительного подполья, ибо дивизии, принимая во внимание моменты практического характера, связанные с обучением, добыванием оружия и заботой о том, чтобы не допустить до разворачивания вражды между дивизией и украинским подпольем»**⁴³ (выделено мной – В. М.). Далее Грындох утверждает, что «на основании официальных подтверждений немецкого командования уже в первые месяцы отбыли из дивизии и перешли на сторону УПА около 600 человек».

Во время пребывания дивизии СС «Галиция» под Бродами, указывает Грындох, «создались наиболее дружеские отношения». УПА получала «значительную материальную помощь» со стороны дивизии, и «два сильных куреня УПА» были снаряжены оружием и амуницией, переданными солдатами дивизии. Однако, указывает автор, уже «после катастрофы на фронте» в УПА перешла та часть эсэсовцев, которая сохранилась. «В каком количестве, об этом, на основании существующих за границей материалов, нельзя сказать ничего определенного». И здесь же добавляет: «... Не располагаем сейчас большим количеством данных о бывших солдатах дивизии в рядах УПА». К этому добавим, что действительно свидетельств об этом довольно мало, за исключением данных о тех, которые перешли в УПА, еще тренируясь в «Гайделегере».

Далее о. Грындох пишет о том, что после катастрофы под Бродами остатки дивизии, которые оказались в Старосамборском районе, передавали оружие подразделениям УПА. Это абсолютно не соответствует действительности, так как немало беглецов просто потеряли во время бегства даже легкое оружие.

В завершение заметим, что каким бы противоречивым ни был этот рассказ о. Грындох об отношениях «украинского подполья» с солдатами дивизии СС «Галиция», он всё же, вопреки националистическим авторам, утверждает однозначно, что ОУН-бандэровцев не возражала против создания такой эсэсовской дивизии.

Когда же 14-я гренадерская дивизия СС «Галиция» почти сформировалась, её посетил рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. К сожалению, В.-Д. Гайке довольно примитивно изложил информацию об этом незаурядном «событии»:

«16 мая 1944 года дивизию посетил рейхсфюрер СС Гиммлер. В визите принимал участие также губернатор Вехтер. Свой визит Гиммлер начал речью. На второй день состоялись боевые учения с участием почти всех видов войск. Потом состоялся торжественный марш избранных отделов дивизии».

Гайке отмечал, что Гиммлер выступил только перед офицерами, но существо этой речи не излагает. Зато читаем такое:

«Речь Гиммлера хорошо характеризует профессор Колумбийского университета Джордж Г. Стайн в книге «Элитарная гвардия Гиммлера»: «В речи к офицерскому составу, который состоял преимущественно из немцев, Гиммлер всё-таки признал, что галичане – это действительно украинцы, а при этом призывал к «братству» между

---

⁴² Там же. С. 5–8.

⁴³ Там же. С. 8–10.

немцами и украинцами. На упрек тех, которые считали, что СС-цы заинтересованы только в «пушечном мясе» для немецкой военной машины, Гиммлер с сомнительной логикой возразил, что если бы это была правда, то дивизия не тренировалась бы целый год. Он еще подчеркнул, что примерно 250 галичан отправлено на офицерские курсы и они теперь в дивизии офицеры...»

И далее:

«В той речи Гиммлер подчеркнул, что губернатор Вехтер предложил ему создать дивизию из «украинских сынов Галиции», вспомнил, что украинцы ожидали от немцев больше свободы, но Гитлер «в своей мудрости решил иначе», выступил против «политиканства в дивизии» и тех, «которые стреляют из-за куста», так как их нельзя считать «патриотами». Он пытался еще оправдать генерала Фрайтага за то, что он не пропагандирует немцев, а подбирает на руководящие посты офицеров только по их способностям. В итоге Гиммлер заявил, что он не обещает, так как это практикуют англичане, «прав и свобод» для украинцев, ибо только «поведение, достоинство и важность отдельных народов в будущей Европе посредством усилий каждого народа в этой войне решит их судьбу».⁴⁴

Гайке под конец замечает, что Гиммлер выразил удовлетворение подготовкой дивизии и пообещал всестороннюю поддержку.

Такая информация о прибытии рейхсминистра и рейхсфюрера СС Гиммлера в дивизию нас напрочь не удовлетворяет, ибо в ней нет основного – сути отношения этого нацистского бонзы к затее создания «украинской военной формации». Думается, что Гиммлер относился к этой формации привычно, ибо в системе СС уже было немало немецких войсковых формирований. Нацисты были явно в этом заинтересованы.

В Центральном государственном архиве высших органов власти (ЦГАВО) Украины есть документ под названием «Речь рейхсминистра Генриха Гиммлера к офицерам дивизии СС «Галициен». Судя по тексту, это – примитивно застенографированный материал, при том в сокращенном, как бы протокольном, виде, который также не может претендовать на точный текст речи Гиммлера. Однако, приведем несколько отрывков из него:

«...Фирер^{IV} решил в последние годы, руководствуясь своим здравым смыслом...что эта часть украинского народа, что заселяет Галицию, и что 150 лет принадлежала к рейху, должна принадлежать к генерал-губернаторству... С моей точки зрения, для нас является наилучшим дожидаться его (то есть Гитлера – В. М.) решения относительно порядка народов в Европе в самом конце войны...Вскоре на фронте против своего врага москаля и большевизма сдадите экзамен на свою ценность, свое умение, свою храбрость, свое послушание, свою верность и святость своей присяге, которую вы приняли перед Богом. Я знаю, что вы не подведете СС-ев и меня, который вас позвал, и что фирер может сказать в конце этой войны: «Дивизия, каковую выставил честный народ Галиции, исполняла своё обязательство и что этот народ заслуживает занять в Европе и соответствующее положение...»

Таким образом, из всего этого абсолютно ясно, что рейхсфюрер СС одобрил создание такой дивизии в составе СС и остался доволен таким «творением». Остается только понять: чьи интересы будет удовлетворять это «пушечное мясо» – немецких нацистов или «независимого украинского государства», ради которого так старались кубийовычи и панькивьские?

---

⁴⁴ Там же. С. 13–14.

Недавно появилась перед читателями книга Тараса Гунчака «В мундирах врага». Труд этот довольно типичен для рядового националистического читва. Книга появилась на волне «национального» (то есть националистического!) «возрождения», когда потомок эсэсовца из 14-й «гренадирен дивизион» «Галициен» Мирослав Глобуш^V, депутат Львовского областного и Дрогобычского городского Совета народных депутатов, на митинге 26 мая 1991 г., посвященном открытию памятника эсэсовцам этой дивизии в селе Ясенов Бродского района на Львовщине, заявил: «Не будет оружия – не будет демократии! Недалеко ушли те времена, когда повстанческая пуля косила большевистскую мразь. Если надо будет, она снова будет косить!» Мы уже обращались к работам Т. Гунчака, когда шла речь о «Летописи УПА», составителем которой он был. Как идейный националист из когорты «твердолобых и толстокожих», Т. Гунчак искренне считает, что на основании фальшивых документов можно творить не только «летописи УПА», но и историю украинского народа!

Однако, как бы то ни было, вернемся к «писаниям» этого Т. Гунчака в его книжке «В мундирах врага». В предисловии автор резонно замечает: «Дивизия Галиция, несмотря на её не очень значительную роль в общей расстановке сил, гигантской борьбе, известной как вторая мировая война, остается довольно противоречивым явлением, предметом жарких дискуссий в США, Канаде и даже в Великобритании. Основанием для этих дебатов является **приписываемое этой дивизии участие в карательных операциях против гражданских жителей**. Одновременно не слышно никаких спекуляций относительно многих других чужеземных (ненемецких) подразделений Ваффен-СС, **лишь украинская дивизия всё еще вызывает интерес**, несмотря на то, что последний выстрел второй мировой войны отзвучал 48 лет назад...» (выделено мной – В. М.)

Как видите, позиция пана Гунчака странная! Жалуясь на то, что вокруг дивизии СС «Галиция» еще и до сих пор много разговоров на Западе, он забыл поинтересоваться, как же думают о ней в Польше, в Галиции, Словакии, Штирии и Каринтии, где она действовала. Во-вторых, он просто забыл о решениях Нюрнбергского судебного процесса по делу главных военных преступников гитлеровской Германии, где СС осуждена также за «преступления против человечества», а дивизия «Галиция» была отнюдь не «национальной», как он пишет в книге, а эсэсовской. В-третьих, замалчивается, что подразделения дивизии (бесспорно!) осуществляли карательные акции и против мирного населения Польши («боевая группа Баерсдорфа»), и на Львовщине и Тернопольщине (4-й и 5-й полицейские полки в карательных акциях против жителей Гуты-Пеняцкой, в Прикарпатье и под Тернополем), и в Словакии (вместе с печально известной «бригадой Дирливангера»), и в Югославии. Наконец, такому опытному исследователю, как Гунчак, должно быть хорошо известно, что дивизия только несколько недель действовала под Бродами как полевая (фронтовая) войсковая часть. Все остальное время она выполняла, по сути, карательные функции. Однако, оказывается, что пан Гунчак всё это не забыл и хорошо знает. В послесловии он, в частности, пишет:

«...Украинцы оказались тогда в очень сложном, почти безвыходном положении. В тех условиях обвинять их за то, что они надевали немецкую форму и служили в дивизии, которая структурно подчинялась войскам СС, означало бы поддерживать позорный принцип «вины за связь». Более уместным было бы спросить: была ли дивизия в целом или некоторые её подразделения причастны к преступлениям, которые можно отнести к категории преступлений против человечества? Действительно, такое обвинение выдвинули в свое время против членов этой дивизии некоторые члены канадского общества, когда первые стремились получить право на иммиграцию в Канаду. Однако,

когда Украинский канадский комитет пожелал, чтобы те, кто обвинил дивизионников, предоставили в подтверждение своей позиции документальные доказательства, таковых не нашлось».⁴⁵

И еще добавляет Гунчак:

«Вопрос невинности или вины членов дивизии четко поставила торонтская газета «Toronto Star» 17 августа 1980 года после того, как были тщательно изучены обвинения, выдвинутые в той же газете Соль Литтманом. Под заголовком «Документов о военном преступлении нет» редактор писал: «... с тех пор, как эта украинская дивизия была включена в состав немецких вооруженных сил 1943 года, нет документальных данных о её причастности к жестокостям или другим военным преступлениям. Её членов в индивидуальном порядке проверили Организация Объединенных Наций и канадские власти перед допуском их в Канаду...».⁴⁶

В книжке «В мундирах врага» Т. Гунчак, по сути, идет следом за шефом штаба дивизии СС «Галиция» В.-Д. Гайке и его книгой воспоминаний. Поэтому предоставим читателям только те места, которые наиболее рельефно отвечают на вопрос: какой была дивизия СС «Галиция»?

Во вступлении автор излагает материал, который безоговорочно говорит о том, что украинские националисты буквально бомбардировали гитлеровское руководство требованиями создания «украинских военных формирований» в составе гитлеровского вермахта.

Зачитываем соответствующие места: «Идея изменения статуса Украины путем войны принадлежала милитаристской организации украинских националистов (ОУН), которая была создана в Вене в 1929 году. Эта организация, которой предстояло сыграть решающую роль во второй мировой войне, одобрила политическую программу, целью которой было создание независимого украинского государства, и эта цель оставила в тени все другие положения. Достигнуть своей цели ОУН планировала с помощью немецкой армии, которую её руководство считало своим союзником... Руководство ОУН, в частности офицеры, которые боролись с большевиками 1917-1921 годов, было убеждено в том, что единственный путь к достижению политической независимости пролегает через военную силу, хотя одновременно приветствовало становление плотных рабочих отношений с немцами. Еще 23 мая 1935 года отдельные из них предложили свои кандидатуры для военной службы нацистам. Это, например, самозванный атаман украинских казаков, Иван Полтавэць-Остряньця. Второй самозванец, подполковник Михайло Шуляев, в самом начале войны в июне 1941 года предложил свои услуги в организации украинского военного подразделения... Полковник Шуляев (здесь, неожиданно, автор повысил этого авантюриста в звании – В. М.) повторял свое предложение дважды: 4 марта 1943 года и 29 сентября 1944 года, но безуспешно. Немцы осознавали, что Шуляев не имеет достаточного влияния для того, чтобы осуществить всё, что пообещал, и даже не удосужились ответить на его эпистолярные усилия... 28 апреля 1942 года генерал Андрей Вовк, лидер национального движения украинских казаков (этот «генерал без армии», как называл его Гунчак – В. М.), выступил с гораздо более серьезным предложением относительно немецко-украинского сотрудничества. Кроме вопросов военного сотрудничества его меморандум касается и политической цели, такой, как создание украинского государства в границах европейской системы...

---

⁴⁵ Там же. С. 15.

⁴⁶ Там же. С. 169.

Обе фракции ОУН, особенно фракция Степана Бандэры, у которой появилось много последователей среди молодежи Галиции, были способны найти рекрутов для будущей борьбы против СССР. Для выполнения своей программной цели – создания независимого украинского государства – в апреле 1944 года фракция Бандэры организовала с помощью немецкой разведки (Абвера) свое военное формирование из 650 человек под кодовым названием «Нахтигаль». Этой группе предстояло сыграть роль двигателя в будущей политической игре. Почти одновременно ОУН-б организовала вторую военную группу, которой было дано кодовое название «Ролянд»⁴⁷. Обе группы действовали в пределах немецкой армии под командованием немецкой военной разведки Брандербургского полка (то есть полка специального назначения «Бранденбург-800», о котором уже говорилось в данной книге – В. М.)

...ОУН-б особенно усердно работала над налаживанием контактов с немецкой армией, считая её более склонной к политическим стремлениям Украины, нежели нацистский политический аппарат. Образование «Ролянда» и «Нахтигалья» в рамках вермахта добавляло украинцам куража. Руководство бандэровской фракции ОУН, оснащенное своими контактами с военными кругами Германии, решило проверить позицию немецкого руководства. 30 июня 1941 г. во Львове Ярослав Стэцько, первый заместитель Бандэры, провозглашает восстановление украинского государства. Германия ответила на этот односторонний акт немедленными репрессиями...

Эти шаги со стороны Германии доказали последователям Бандэры нереальность их надежд на достижение политических целей. Протестуя против арестов руководства бандэровской фракции, оба военных формирования, «Нахтигаль» и «Ролянд», отказались от исполнения службы до тех пор, пока арестованных не освободят. Вскоре после этого оба формирования расформировали, и это положило конец надеждам ОУН-б на использование их как ядра будущей украинской армии...»⁴⁷

Это уже сущая неправда пана Гунчака! Ему хорошо известно, что «Нахтигаль» и «Ролянд» были отозваны с фронта, переформированы в штурманшафт-батальоны «охранной» полиции СС и посланы в карательный корпус обергруппенфюрера СС фон-дем Бах-Зелевски для борьбы с белорусскими партизанами и населением. В начале 1943 г. штурманшафт-батальон был (по непонятным причинам) отпущен «домой», но почти весь состав батальона оказался в нарождающейся УПА во главе с капитаном Р. Шухэвичем (который немедленно стал генерал-хорунжим!). Часть же офицеров батальона оказалась в дивизии СС «Галиция». Всё это, конечно, хорошо известно пану Гунчаку.

Гунчак продолжает: «...Несмотря на печальный опыт сотрудничества с Германией и развеянные надежды, бандэровская фракция ОУН обратилась 14 августа 1941 года к немецкому руководству с длинным меморандумом, в котором шла речь о том, что украинский народ (то есть, украинские интегральные националисты-бандэровцы – В. М.) обеспокоен тем фактом, что на восточном фронте ни одно независимое украинское войсковое формирование не борется против Красной Армии. Меморандум, который, по сути, был воплощением взглядов Степана Бандэры и его последователей остался без ответа, так же, как и второй, отправленный Гитлеру 8 сентября 1941 года другой группой последователей Бандэры...

... Фракция Мэльныка придерживалась другой политики относительно немцев, и вследствие этого не дошла до такой конфронтации, какая сложилась между Германией и ОУН-б в самом начале нацистско-советской войны. Потому они считали, что всё еще существует надежда на достижение Украиной цели с помощью немцев. Руководство этой

---

⁴⁷ Там же. С. 169.

организации придерживалось избранной линии даже после того, как в Киеве нацисты казнили некоторых самых талантливых её людей. Более того, кажется, группа Мэльняка считала, что фракция Бандэры сама спровоцировала репрессии против себя своим неосторожным поведением...

... 6 июля 1941 года Андрий Мэльник прислал Гитлеру личное письмо с просьбой предоставить его фракции полномочия создать отдельное украинское военное формирование, которое, по его предположению, боролось бы за освобождение Украины... Одновременно Альфред Бизанц, бывший офицер Украинской галицкой армии, который возглавлял подотдел по делам населения и общественной опеки в дистрикте Галиция (на самом деле – полковник немецкой разведки), информирует Берлин, что генерал Михайло Омэлянович-Павленко, генерал Мыкола Капустянский, полковник Роман Сушко, полковник Гнат Стэфанив, полковник Пэтро Дяченко и капитан Михайло Хроновьят, которые были членам ОУН или симпатизировали ОУН(м), проявили определенный интерес к организации украинского войскового подразделения, которое входило бы в состав немецкой армии...

...После войны стало известно от профессора В. Кубийовича о том, что он обращался к генерал-губернатору Гансу Франку 7 июля 1941 г., предлагая создать в вермахте украинскую армию или украинские войсковые соединения и набрать рекрутов с территории Западной Украины. Письмо осталось без ответа...⁴⁸

И, наконец, только после поражения под Сталинградом гитлеровцы начали позитивно реагировать на просьбу украинских воинствующих националистов. Эти факты многочисленных просьб, которые последовательно приводит Т. Гунчак, мы специально приводим полностью (одно за другим), чтобы рельефно показать, что на самом деле инициатива создания военных формирований националистов в составе гитлеровской армии исходила не от губернатора дистрикта «Галиция» группенфюрера СС О. Вехтера, а от самих украинских националистов разных оттенков. Думаем при этом, что эти просьбы не были одиночными. Их было гораздо больше, чем указывает пан Гунчак. И все они настаивали на одном – создать украинские войсковые формирования для помощи гитлеровской армии «освободить» Украину и создать «независимое» Украинское государство в тени нацистской свастики.

Описывая процесс создания 14-й гренадерской дивизии СС «Галиция», Т. Гунчак раскрывает ряд моментов, которые, собственно, опровергают то, что так хотят припрятать вчерашние и нынешние поклонники дивизии – она формировалась и действовала как полицейская часть, подчиненная непосредственно СС.

Гунчак:

«...Поскольку Вехтер был бригаденфюрером СС, то для него было привычным обращаться именно к Генриху Гимmlеру с просьбой о разрешении украинского соединения СС.

Возможно, что идею они впервые обсуждали с Гимmlером 1 марта 1943 года. Во время беседы 4 марта 1943 года Вехтер передал Гимmlеру письмо с предложением, если Гимmlер это одобрит, обсудить с украинскими лидерами создание добровольческой дивизии СС «Галиция». Вехтер также приложил проект обращения к молодежи Галиции...

28 марта 1943 года Вехтер получил ответ Гимmlера, что создание дивизии он в целом поддерживает. Чтобы заручиться поддержкой влиятельных чинов из СС, Вехтер переговорил с Крюгером, генералом СС, а через два дня – с шефом штаба СС

---

⁴⁸ Там же. С. 18.

группенфюрером СС Бергером. «Вдохновленный успехами этих переговоров, – пишет дальше Гунчак, – 12 апреля 1943 года Вехтер собрал совещание, на котором должны были изложить свое мнение о формировании дивизии руководители партии, высшие функционеры из полиции и СС».

Далее Гунчак кратко информирует об этом совещании:

«Совещание, на котором присутствовали 10 нацистских лидеров, оказалось довольно продуктивным. Сразу же одобрили решение о начале создания дивизии, которая должна была называться так: «СС – добровольческая дивизия Галиция», или «Добровольческая дивизия Галиция». **Участники совещания договорились, что, исходя из психологических и политических соображений, следует избегать слова «полиция» в названии формирования...**» (выделено мной – В. М.).

Итак, речь шла о формировании полицейской («охранной», то есть карательной) дивизии в системе войск СС, и это нужно было припрятать «из психологических и политических соображений». Напрасно пан Гунчак так упрямо защищает «невиновность» такого формирования перед своими читателями и тут же раскрывает их настоящую сущность. Что это – простодушная наивность, или такое же простодушное упрямство в защите «своих»?

В «Приложениях» Гунчак излагает и текст протокола этого совещания:

«Присутствующие: губернатор СС – бригаденфюрер д-р Вехтер, генерал-лейтенант полиции Пфедфер-Вильденбрух, шеф правления Бауэр, представитель СС и полицейского фюрера СС бригаденфюрер и генерал-майор полиции Штрооп, подполковник Вернер, майор Дегенер, СС-штурмбанфюрер Зиляфф, полковник Бизанц, заместитель руководителя отдела пропаганды Тешлер, руководитель президиума правления д-р Нойман...

Губернатор Вехтер предлагает для дивизии такие названия: СС-добровольческая дивизия «Галиция» или Добровольческая дивизия «Галиция»... **По политико-психологическим причинам нужно избегать в названии слова полицейская...**⁴⁹ (здесь и ниже выделено мной – В. М.).

«Предлагаются униформы **полицейских дивизий**, пока что для них ввели отличия СС-цев (полевые серые, с гвардейским окаймлением).

Эти униформы красивы на вид, и их имеется вдоволь. Можно бы принять **полицейское отличие** (Polizei-Hoheitszeichen). Дивизионным отличием, как в других европейских добровольческих соединениях, будет на правом рукаве повязка со специальным галицким знаком, который является частью традиции этого края, но не знаменем великоукраинских стремлений...

Фонды и средства относительно персонала и материала будет покрывать полиция порядка (Ordnungspolizei), – только те, которые связаны с военной службой. Зато подготовка, вербовка, призыв, транспорт будут оплачиваться из бюджета дистрикта ...

Кадры:

...для **запланированного полицейского полка «Галиция»** в диспозиции будет кадровый батальон, который теперь находится на марше в Люблин...»

Вербовку следует проводить великодушно. С учетом в среднем низкого качества человеческого материала, особенно под расовым углом зрения, приниматься будут также люди из расовых групп III и IV...

Немецкая национал-социалистическая рабочая партия признавала пять расовых групп: 1) чисто нордическая, 2) доминантная норданская или фалийская, 3) гармоничные

---

⁴⁹ Там же. С. 31–34.

метисы из двух первых групп с малыми примесями альпийской, динарской или средиземноморской групп, 4) метисы преобладающего восточного или альпийского типа, 5) метисы внеевропейского происхождения».⁵⁰

«Присяга: **присяга такая же, как для других добровольческих соединений**» (то есть, как и для других формирований СС – выделено мной – В. М.)

В своей книге «В мундирах врага» Т. Гунчак уделяет много внимания вопросам формирования дивизии. «Наконец-то, – пишет он, – настал исторический день 28 апреля (1943 года – В. М.), которого так ждали Вехтер и украинцы из Военной управы. Немецкие власти не жалели ни времени, ни денег на то, чтобы это событие стало торжественным и праздничным».⁵¹

«В тот же день, – продолжает Гунчак, – Вехтер разослал секретную директиву с инструкциями относительно проведения призыва, во время которого ни в коем случае не должно было создаваться впечатление, будто немцы рассчитывают на помощь украинцев и что украинцы являются немецкими союзниками. Призывные комиссии должны делать упор на то, что украинцы активно привлекаются к борьбе против большевизма». Лозунг «борьба против большевизма» стал лейтмотивом всех, кто занимался вербовкой: организацией УЦК, священников, учителей школ, воспитательных националистических организаций, военной управы, всех почитателей гитлеризма».

«За пропаганду вербовки отвечало пресс-бюро Центрального комитета, подчиненное отделу по культурным делам, возглавляемое Мыхайлом Кушниром. Пресс-бюро имело в своем штате писателей и журналистов, которые писали газетные статьи и репортажи, где неприкрыто выражалось то, что в других статьях и мемуарах предлагалось только путем приведения аналогий. Среди авторов таких эссе, статей и отчетов были: С. Барышко, Л. Шанковський, В. Балагура, О. Шаркавський, Б. Ольхивський, Ю. Косач, И. Крыпьякэвыч, М. (Микола Спырьдонович) Колянківський и М. Карпынэць^{VII}. Материалы, которые получало пресс-бюро, посылались в разные газеты Галиции и Польши, наиболее распространенными среди них были «Краковские вести» и «Львовские вести»...»

Чтобы положить конец антинемецким спекуляциям и распространить идею создания дивизии, Военная управа откомандировала своих представителей в разные регионы Галиции выступать с докладами для публики на темы: 1. «С какой целью ведется война»; 2. «Большевизм – наибольший враг Украины»; 3. «Каждый, кто борется против большевизма, является другом Украины»; 4. «Необходимость сотрудничества с немцами...»⁵²

Далее Гунчак пытается передать атмосферу того «настоящего или искусственного энтузиазма», которая создалась в то время:

«От завышенной дозы энтузиазма пострадали не только украинские ветераны. Подобный результат зафиксирован... на публичных сборах, где призыв «Все в дивизию!» приводил к массовой добровольной записи...»

Поминая сантимамент, общественные деятели, в основном те, что были связаны с УЦК, получили от Кубийовича инструкции записаться в дивизию, чтобы этим показать пример остальным...

Среди тех, кто помогал в вербовке, были учителя средних школ (гимназий). Благодаря их усилиям много учеников влилось в дивизию, даже не закончив обучения...»

---

⁵⁰ Там же. С. 47.

⁵¹ Там же. С. 39.

⁵² Там же. С. 43–44.

Вербовка в дивизию, несмотря на некоторые препоны, оказалась значительно более легкой и успешной, чем ожидали. Кроме политически совестливых индивидуалистов, которые руководствовались чувством патриотизма и верой в то, что дивизия – это начало украинской армии, были и такие, которые записывались ради того, чтобы избежать службы в стройбатах, или принудительных работ в Германии. Таким образом, в дивизию пришли люди, назвать которых «добровольцами» было бы не совсем правильно. Даже в разных инструкциях по вербовке шла речь о категориях рекрутов, вынужденных вступать «добровольцами»...

Практически набор новобранцев проводился спецкомиссиями, обычно, под председательством крайсгауптмана (немецкого окружного головы) или ляндркомиссара (районного комиссара). В комиссию входили также местный офицер полиции, делегат из Военной управы, священники, учителя, администраторы и общественные деятели.⁵³

Дальше Гунчак приводит таблицу, судя по которой, на начало июня 1943 г. в дивизию СС «Галиция» записалось 81 999 человек, принято 52 875, отказано в мобилизации 29 124 лицам.

Однако на этом призыв в дивизию не прекратился. Призывная организация, возглавляемая гауптштурмфюрером СС К. Шульце, которая превратила действующую Военную управу в свой вспомогательный орган, продолжала мобилизацию в дивизию до конца оккупационного периода Галиции, то есть до августа 1944 г., а определенные пополнения делала и дальше, до самого начала весны 1945 г., за счет беглецов из Галиции.

Скрыть правду об этой дивизии невозможно, и потому Гунчак вынужден предоставить материал о том, что гитлеровцы, воспользовавшись тем, что мобилизация проходит успешно, сформировали не одно, а несколько формирований. Гунчак замечает, что Шульце в своем отчете кроме 11 578 рекрутов, которые находились в тренировочных лагерях, не указал, что *«немцы сформировали также пять полков и один батальон из излишков, призванных в дивизию в конце июля и в августе 1943 года»*. Как раз эти пять полков и батальон сразу же предназначались для муштры как полицейские («охранные») войска СС.

Описывая эйфорию вступления галицкой молодежи в дивизию СС «Галиция», Т. Гунчак здесь же приводит несколько противоречивых фактов, которыми оспаривает свою же позицию. Реальная же ситуация с формированием дивизии и полицейских полков, которые сформировались параллельно, так до сих пор и не выяснена до конца. Автор делает такое примечание: «В этой инструкции пишется: 1. Сообщаем, что те, кто родился с 1920 по 1925 год включительно, должны пройти предварительную войсковую регистрацию. 2. Сообщаем, что те, кто родился в 1918-1919 годах, должны пройти предварительную войсковую регистрацию и придти на добровольную службу в дивизию. 3. Все без исключения унтер-офицеры, которые служили в каких-либо армиях, в возрасте до 40 лет обязаны явиться на регистрацию».⁵⁴

Второй факт:

«По мере приближения фронта к Галиции положение в обществе становилось напряженнее, что сдерживало процесс призыва. Много и тех, кто просто боялся возвращения большевиков и того, что они могут учинить с их семьями. В отчете от 24 сентября 1943 года идет речь о ворожбе, пропаганде и общем негативном состоянии призывного процесса. Возможно, особый статус полков (то есть, то, что они были

---

⁵³ Там же. С. 52.

⁵⁴ Там же. С. 53.

полицейскими в системе войск СС – В. М.) и слухи, что 4–8-й полки боролись против партизан во Франции и Югославии (о Галиции, Польше и Словакии автор даже не вспоминает – В. М.), также привело к тому, что много молодых людей избегали призыва в дивизию».

Еще один немаловажный факт приводит Гунчак:

«Чтобы удовлетворить потребности в людской силе, немцы применяли традиционные методы рекрутирования, а также ввели насильственный набор украинской молодежи на разной формы службы. 13 июня 1944 года Хроновъят (член Военной управы, который отвечал за вербовку в дивизию, бывший сотник УГА – В. М.) доложил, что это происходит в разных местах Галиции. В районе Бережан, например, молодых людей хватали и отправляли служить в 9-ю и 10-ю дивизии СС (9-я танковая дивизия СС «Хоенштауфен» и 10-я танковая дивизия СС «Фрундсберг» находились летом 1944 г., как раз, на подступах ко Львову по соседству с 14-й гренадерской дивизией СС «Галиция» – В. М.). Уполномоченный Военной управы в Сборовском районе Грыгорий Лучанко сообщил также, что из села Хоростец немецкая дивизия, отъезжая во Францию, забрала 40 человек. В Винниках, возле Львова, немцы власти без согласования с Военной управой регистрировали всех мужчин, которые родились между 1900 и 1930 годами. Казалось, что не будет конца этой практике, когда могли забрать людей просто на улице, в театре, в школе и в других общественных местах. Разные немецкие комиссии проходили по Галиции и забирали людей в Галицкую дивизию и вермахт. Другие забирали мужчин и женщин в организацию Тодта (названа в честь Фрица Тодта, основателя батальонов принудительного труда) для работы в Германии и для рытья траншей перед наступающим фронтом. Хлопцев в возрасте от 15 до 18 лет забирали на службу в «юноши-СС». Их готовили для противовоздушной обороны. Позже и девчат начали забирать с этой же целью. Некоторых их них после исполнения 18-летнего возраста переводили в дивизию».⁵⁵

В завершение приведем свидетельство Мыколы. С. Чарторыйського из его книги воспоминаний «Между молотом и наковальней» (Нью-Йорк, 1970).

«Мобилизация в СС-дивизию проходила вроде как на базе «добровольности», а когда и «добровольность» показалась недостаточной, тогда началось насильничание: лапание, доносы, аресты, вывозы, так что уже не было безопасности ни дома, ни вне дома, ни в школе, так как даже из церквей начали немцы вылавливать молодежь в «прекрасную Германию».

Т. Гунчак в книге «В мундирах врага» повествует о том, как основная масса новобранцев в дивизии СС «Галиция» проходила подготовку в «охранных» войсках СС:

«Одну группу украинских новобранцев, о наличии которой Военная управа узнала случайно осенью 1943 года, отправили без их ведома в полицейские отряды, где они должны были пройти рекрутскую подготовку. Набор новобранцев для этой программы происходил тайно, ведь это нарушало суть украинско-немецкого соглашения о том, что украинцев будут готовить только для фронтовой службы. То, что случилось, не было ни наваждением, ни результатом недоразумения. Оно стало результатом прямой инструкции Гиммлера от 24 июня 1943 года о том, что их числа галицких добровольцев 12 000 предназначались для формирования так называемых «полицейских полков». К тому же он отдал распоряжение шефу полиции порядка обеспечить для этих полков 500 немецких офицеров и унтер-офицеров. Полицейские

---

⁵⁵ Там же. С. 73–74.

власти и центральное бюро СС должны были обеспечить оружие и обмундирование».⁵⁶ (Выделено мной – В. М.)

Гунчак добавляет:

«Гиммлер знал о нежелании украинцев служить в полицейских отрядах, поэтому распорядился, чтобы они, по политическим и психологическим мотивам, назывались «Галицкими добровольческими полками СС» и обозначались соответствующими номерами с 4-го по 8-й. В своей инструкции от 5 июля 1943 года Гиммлер затем проинформировал офицеров СС, которые занимались вопросом украинских добровольцев, что на протяжении июля необходимо набрать 12 тысяч новобранцев для создания полков под номерами с 4-го по 8-й...»

Конечно, случались и такие, которых набирали в дивизию, но вместо этого отправляли в «полицейские полки».⁵⁷

Гунчак далее информирует, что четыре полка были полностью сформированы и проходили подготовку как отдельные подразделения на нескольких полигонах «под присмотром полиции». Четвертый полк проходил подготовку поблизости Трира в Германии. «15 января 1944 года, – уточняет автор, – подразделения полка, который насчитывал 1264 человека, выступили в Голландию на три недели, а потом, в середине февраля 1944 года, отбыли в Збараж, в Галиции. Во время нахождения в районе Збаража 4-й полк получил свое первое крещение огнем в операции против партизан». Автор, конечно, очень хорошо знает, что полицейский полк прибыл в Збараж не для прогулки, а «получил свое первое крещение огнем в операции против партизан». Но об этом «крещении» не пишут ни Гунчак, ни другие националистические авторы.

После того, как УЦК и губернатор Вехтер потребовали передать полицейские полки в состав дивизии СС «Галиция», Гиммлер, указывает Гунчак, издал специальную инструкцию, чтобы 4-й и 5-й полицейские («галицкие добровольческие полки СС») были переданы дивизии. Однако, «пока исполнялся приказ Гиммлера, дивизия выступила на Броды». Итак, это происходило в конце июня 1944 года. Значит, 4-й и 5-й полицейские полки СС так и не попали в состав 14-й гренадерской дивизии СС «Галиция» до битвы под Бродами, а влились в неё позже. Правда, это также замалчивают все авторы, которые писали о дивизии.

6-й полицейский полк (1800 человек) был сформирован из новобранцев из предместий Перемышля, Ярослава и Львова и проходил обучения во Франции. Здесь же тренировался и 7-й полк (1671 человек). Правда, в конце декабря 1943 г. оба полка получили приказ передать 1995 бойцов в состав дивизии. 6-й полк передал 1200, 7-й полк – 745 бойцов. Остальные продолжали исполнять полицейские функции во Франции против местных партизан – маки и франтиреров. Из этих остатков был создан полицейский батальон (900 бойцов), который также не в полном составе, но передан дивизии лишь в июне 1944 года.

8-й «галицкий полицейский добровольческий полк СС» выпадет из внимания и Гайке, и Гунчака, и других авторов.

Гунчак отмечает:

«Таким образом, до конца июня 1944 года все, кроме нескольких бывших членов полицейских полков, которых обманым путем подчинили немецким полицейским властям (были и такие, сколько их – неизвестно! – В. М.), были переданы дивизии».

---

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. С. 75.

Итак ясно: пять полков и один батальон находились непосредственно в карательных органах нацистов на протяжении года! Это же больше, чем полнокомплектная дивизия! Даром ли их кормили гитлеровцы? Конечно, недаром.

Здесь, как видим, выходит самый обыкновенный камуфляж Гунчака: существовали пять полицейских полков и один батальон карательных войск СС, которые так и назывались «галицкими добровольческими полками СС», все они были предназначены для исполнения карательных акций против партизан и мирного населения, которое этих партизан поддерживало. Эти подразделения постоянно использовали гитлеровцами во Франции, Югославии, Словакии, Польше и в самой Галиции, и автор, в частности, пишет об этом использовании и тут же одновременно отстаивает положение, что эти формирования не проводили никаких карательных акций.

И еще одно, немаловажное, замечание. Пан Гунчак отмечает, что в лагере «Гайделягере», где сначала тренировался основной костяк дивизии, «персонал (то есть офицеры и унтер-фицеры, которые были преимущественно немцами – В. М.) прибыл из разных полицейских подразделений», а это, продолжает Гунчак, «изуродовало их взгляды и поведение». А разве не уродовало это взгляды и поведение юношей из Галиции, которыми командовали такие командиры? Безусловно, что да.

Если до сих пор речь шла о полицейских полках «галицких добровольцев СС», которые существовали отдельно, самостоятельно, и только потом влились в основной состав 14-й гренадерской дивизии СС «Галиция», то в разделе книги под названием «Боевая группа Баерсдорфа» Т. Гунчак (как и В.-Д. Гайке) повествует о том, что в начале февраля 1944 г. в дивизию прибыл приказ руководства СС «срочно сформировать боевую группу с целью борьбы с советскими партизанами, которыми командовал украинский советский командир генерал Сидор Ковпак». Тут автор, как и Гайке, грубо ошибается, ибо речь здесь идет не о партизанском соединении дважды Героя Советского Союза генерал-майора С. А. Ковпака, а о других партизанских соединениях, которые успешно действовали тогда на территории Западной Украины и Польши. Вероятнее, здесь идет речь о 1-й украинской партизанской дивизии под командованием Героя Советского Союза генерал-майора П. П. Вершигоры, которая в то время осуществляла рейд на Сан и Вислу, выйдя с баз Западной Украины.

«Боевая группа Баерсдорфа», которую немедленно сформировали в дивизии, состояла из двух батальонов пехоты, подразделения разведки (120 солдат). Каждый батальон имел взвод саперов. Кроме этого группе был придан дивизион полевой артиллерии. Тремя эшелонами группу немедленно перебросили в район Любачев – Белограй – Томашув – Замосць – Тарногород – Цешанув.

«Ситуация, – продолжает Гунчак, – усложнялась украинско-польским соперничеством (речь идет о так называемой «украино-польской войне», которая в то время достигла вершины – В. М.) относительно территории со смешанным населением, в результате чего с обеих сторон случались кровопролитные акции. В этой польско-украинской конфронтации советские партизаны, которые представляли собой многонациональный конгломерат СССР, становились на сторону поляков, еще больше обостряя тем самым ситуацию. Это к тому же в какой-то мере было на руку партизанам, которые пользовались поддержкой местного населения, в основном получая информацию разведывательного характера, очень важную для их операции».⁵⁸

Дальше Гунчак довольно скромно описывает «поход» группы галицких эсэсовцев против партизан и польского населения: «Операции группы преимущественно

---

⁵⁸ Там же. С. 75–76.

выглядели как бесконечные марши по территориям, наводненным партизанами. За исключением нескольких незначительных стычек, группа в основном шла по следам партизан. Только один раз она вступила в бой возле села Хмелик, расположенного между Белограем и Тарногородом. Партизаны, понеся значительные потери в живой силе, отступили, хотя, очевидно, эти потери были не настолько тяжелыми, чтобы отряды не могли действовать дальше. Отступив из Хмелика примерно на 40 километров, на следующий день они атаковали Белограй».⁵⁹

Вот и весь рассказ пана Гунчака о полуторамесячной операции «Боевой группы Баерсдорфа» против советских партизан. Зато он здесь же отметил, что «неопытные рекруты впервые приняли боевое крещение». Пан Гунчак, видимо, не читал воспоминания командира дивизии П. П. Вершигоры и исследования польских историков, где черным по белому написано, что партизаны имели большие успехи и гоняли по лесам «боевую группу» галицких эсэсовцев, как стаю псов.

В подразделе же «Операции 4-го и 5-го полков» Гунчак описывает акции двух полицейских полков галицких эсэсовцев против советских партизан в Галиции. Автор, словно стыдясь, отмечает, что «5-й добровольческий галицкий полк СС» исполнял задания, подобное «боевой группе Баерсдорфа». Однако про эти «подобные деяния» также не рассказывает. Гунчак ограничивается только такой информацией: «В ожидании весеннего советского наступления, задание полка заключалось в установлении обороны вдоль реки Буг (и эта вся «оборона», пока что, в глубоком тылу! – В. М.). С военной точки зрения позиция полка в северо-западном районе Украины была довольно неожиданной. В конце июня полк получил приказ вернуться в Нойгаммер, где его включили в состав дивизии. Однако полк вернулся в Нойгаммер после того, как дивизия отправилась под Броды».⁶⁰

Что же делал тогда этот полк галицких эсэсовцев, посланный на борьбу с советскими партизанами, так и неизвестно. Ведь он, пан Гунчак, прошатался в прифронтовых условиях в тылах гитлеровских войск почти пять месяцев.

Немного больше внимания уделил Гунчак таким же «акциям» 4-го галицкого добровольческого полицейского полка СС. Полк действовал в районе Золочева – Бродов – Радехова – Зборова. В частности, автор скромно, но все же приводит краткое упоминание об акции полка против защитников польского села Гута-Пеняцка на Бродовщине, в которой было начисто ликвидировано село и всё живое в нем (правда, автор даже не вспомнил, что здесь было уничтожено более 800 польских крестьян и партизан – В. М.): «Это случилось, – пишет он, – когда командование дивизии послало 4-й полк на штурм Гуты-Пеняцкой 23 февраля 1944 года. **Атака укрепленного села не удалась. Украинцы потеряли двух человек – Олексу Бобака и Романа Андрийчука, которые погибли в бою. 28 февраля полк начал атаку во второй раз. В этот раз атака была успешной...**» Автор не вспоминает, что двоим погибшим солдатам были устроены пышные похороны, на которых присутствовал губернатор дистрикта Галиция, группенфюрер СС Вехтер.

Здесь же Гунчак добавляет:

«Согласно с рапортом Хроновьята, члена Военной управы дивизии, который занимался вербовкой, полк захватил село и после короткого отдыха двинулся дальше. После отхода дивизионников в поселение вошло немецкое подразделение и

---

⁵⁹ Там же. С. 129.

⁶⁰ Там же. С. 114.

«полностью уничтожило село», результатом чего было полное разрушение Гуты-Пеняцкой, за исключением церкви».⁶¹(Здесь и выше выделено мной – В. М.).

Представьте себе, читатель, такое: полицейский полк эсэсовцев атаковал село, но штурм не удался. Пять дней спустя, торжественно похоронив двух своих солдат, полк вооруженных до зубов эсэсовцев второй раз штурмует едва укрепленное село, которое защищает группа партизан, и захватывает его. Затем идилично отдыхает после благородных трудов, собирает свои манатки и отходит. Следом вступает в то же село новое, уже немецкое, войско, полностью уничтожает село, расстреливает в костеле его жителей... И все это описывается автором так, словно ничего не случилось, вроде и не уничтожено более 800 поляков.

Как и шеф штаба 14-й гренадерской дивизии СС «Галиция» майор В.-Д. Гайке, Т. Гунчак в книжке «В мундирах врага» отмечает, что во время развертывания своих позиций под Бродами дивизия имела «полную боевую готовность», состояла из 29-го, 30-го и 31-го полков полного укомплектования и разнообразных специализированных войсковых подразделений. В ней находилось: 346 офицеров, 1131 унтер-офицер и 13822 гренадеров, всего – 15 299 бойцов. «С организационной стороны, – отмечает Гунчак, – она была типичной немецкой пехотной дивизией».

Среди тех, кто вышел из «Бродского котла», было 1000 человек из трех полков и 1200 бойцов полевого резервного батальона, расположенного вне кольца окружения. Еще несколько сот уцелевших солдат пробивались из окружения небольшими группами. «В целом около 3000 человек, которые когда-то отправились на Восточный фронт, вернулись в Нойгаммер», – отмечает Гунчак.

Уже 7 августа пришло распоряжение рейхсфюрера СС Гимmlера о том, чтобы 14-я гренадерская дивизия СС «Галиция» была восстановлена. Основой для восстановления стал по сути, новый учебно-резервный полк (8000 человек), который находился в лагерях Нойгаммера. О 4-м и 5-м полицейских полках и других полицейских подразделениях, оставшихся после катастрофы под Бродами, ни Гайке, ни Гунчак, ни другие авторы больше не вспоминают. Они, как видим, «исчезли» в гигантской массе карательных войск гитлеровской полицейско-военной машины.

Теперь дивизия пополнялась новобранцами из Галиции, которые бежали на запад вместе с гитлеровцами. Источником пополнения стали также подразделения «юношей-СС» при противоздушной обороне вермахта, которых Гунчак насчитывает около 10 тысяч.

Еще не успели в Нойгаммере восстановить все структурные части дивизии, как командование СС издало новый приказ – сформировать усиленный батальон для борьбы со словацкими партизанами. Сформированная для этого так называемая «Боевая группа Вильднера» едва только развернула боевые действия, как было приказано всей дивизии отправляться на подавление Словацкого вооруженного восстания. Теперь всей дивизии галицких эсэсовцев пришлось выполнять полицейские акции против словацких партизан и мирного населения.

Здесь, в Словакии, дивизия была подчинена команде обергруппенфюрера СС Г. Гефле. И соседство здесь было незаурядное: рядом действовали 18-я дивизия СС «Хорст Вессель», боевая группа «Шиль», мусульманский полк из «армии» генерала Власова и другие карательные формирования. Надо думать, что и галицких эсэсовцев сюда позвало командование СС не случайно, а надеясь как раз на их решительные и «эффективные» действия.

---

⁶¹ Там же. С. 115.

Мало того, в состав дивизии СС «Галиция» была введена и совместно действовала уже упомянутая «Бригада Дирливангера», сформированная из уголовных преступников: правда, пан Гунчак не повествует ни о «боевых действиях» дивизионников-галичан, ни о башибузуках из «Бригады Дирливангера». Об этом лучше всего могут рассказать еще живые словаки, участники героического Словацкого вооруженного восстания.

Здесь же Гунчак отмечает, что «после катастрофы, которая постигла дивизию под Бродами, от 1000 до 1300 человек направили для подготовки и приобретения опыта в танковой дивизии СС «Викинг». Им меньше повезло, чем тем, кто был в Словакии... Украинцы страшно заплатили за этот опыт... По словам очевидца, около 500 из них погибли в бронетанковой дивизии СС «Викинг». Однако, здесь же, в примечании, Гунчак ссылается на «наидетальнейший рапорт», в котором указано, что в дивизию вернулось только 360 бойцов. Итак, на самом деле потери составляли около тысячи бойцов.

А далее Гунчак отмечает, что те, кто остались после этого «приобретенного опыта» в танковой дивизии СС «Викинг», вернулись в свою дивизию 3 ноября 1944 г. «По этому поводу, – пишет Гунчак, – штандартенфюрер СС Ульрих, командующий дивизией «Викинг», издал специальный приказ, в котором высоко оценил вклад украинцев в оборону фронта против превосходящих сил противника».

Рассказать же о последнем, заключительном этапе «боевых действий» 14-й гренадерской дивизии СС «Галиция» – борьбе против югославских партизан, – просто у Гунчака не хватило желания (или, может быть, терпения?). Он только откровенно отмечает, что «дивизия оказалась на вражеской территории, которая находилась под контролем идейно преданных маршалу Тито партизан-коммунистов. Дополнительно усложняло ситуацию и то, что гражданское население оказывало помощь этим партизанам. Потому бойцы дивизии не могли, как в Словакии, установить с местным населением что-то наподобие дружеских отношений».⁶²

Как 14-я гренадерская дивизия СС «Галиция» стала «1-й украинской»?

Этот вопрос непосредственно связан с созданием Украинского национального комитета (УНК). Потому придется сначала хоть кратко выяснить обстоятельства создания этого одиночного формирования.

В своей книге «В мундирах врага» Т. Гунчак довольно упрощенно и легкомысленно отмечает, не давая всему этому какой-то политической оценки:

«В условиях агонии гитлеровское командование начало отчаянно воплощать в жизнь так называемую «новую восточно-европейскую политику», целью которой было мобилизовать человеческие ресурсы Восточной Европы на защиту Третьего рейха, который разваливался. Эта новая политика включала в себя незначительные политические уступки народам (вернее националистическим экстремистам и авантюристам, которые рвались к власти – В. М.), чьи территории немцы уже не контролировали. Новая политика нацистов, которые уже не составляли монолитности по своим взглядам и тактике, привела к созданию Украинского национального комитета, а в конечном результате – к реорганизации дивизии в первую дивизию Украинской национальной армии...».

Здесь надо отметить, что Украинский национальный комитет (УНК) уже однажды был провозглашен 22 июня 1941 г. в Кракове, где представители разных националистических группировок (кроме ОУН-м) пытались консолидироваться в

---

⁶² Там же. С. 115.

условиях начатой войны на стороне гитлеровской Германии, надеясь на её поддержку. Но такое объединение не понравилось нацистам. Они УНК не только не признали, но и начали преследования инициаторов его создания. Да и политическая обстановка в то время была такой, что отнюдь не благоприятствовала консолидации разных групп националистов, которые между собой смертельно враждовали.

Однако в конце войны обстановка круто изменилась. Поэтому сегодняшняя идея создания Украинского национального комитета, замечает Гунчак, «берет свои истоки из планов генерала Андрея Власова и военного разведывательного управления восточных иностранных армий, а также 4-го сектора пропаганды вермахта». Так что, спрашивается, мог ли такой комитет быть национальным?

Бывший советский генерал Власов, встав на службу нацистам, носился с идеей создания Российского национального комитета, которому должны были быть подчинены «национальные» комитеты представителей других народов СССР, которые и так служили гитлеровцам. Немецкое командование не было заинтересовано в дроблении на части своих верноподданных.

«Гитлер не воспринимал Власова до середины июля 1944 года, пока советское летнее наступление, которое немцы были не в состоянии остановить, не изменило его взгляды».⁶³

Как известно, «идею» Власова поддерживала влиятельная группа генералитета. Зато политический отдел министерства оккупированных восточных территорий поддерживал «права нероссийских народов СССР». «Архитектором развала Советского Союза» был Альфред Розенберг – глава этого министерства. Что касается образования отдельного «национального» комитета «украинцев», то инициативу его создания взял на себя штабштурмбанфюрер (полковник) войск СС Фриц Арльт, так называемый «начальник руководящей станицы восточных добровольцев» (то есть эсэсовцев вроде галицких дивизионников).

Гунчак продолжает:

«Прежде всего Арльт занялся украинским вопросом и назначил оберштумбанфюрера (подполковника) Людвиг Вольфа начальником украинской станицы. Тогда же немецкая разведка начала новую политику относительно Украинской повстанческой армии, имею надежду на поддержку украинского национального движения, как последнюю попытку мобилизовать восточноевропейские народы для борьбы с большевиками...

После того, как немцы не смогли достичь успеха в реализации своих планов, они решили выпустить из концлагерей проводников украинского национального движения Степана Бандэру, Ярослава Стэцько, полковника Андрия Мэльнька и многих их последователей. 30 сентября 1944 года гестапо прислало циркуляр, которым извещало разные инстанции, что 27 сентября 1944 года Степан Бандэра и Ярослав Стэцько освобождены из захэнгавского^{VIII} концлагеря, где они находились с июля 1941 года...»⁶⁴

Здесь, во-первых, пан Гунчак фальсифицирует действительность, так как Бандэру и его сообщников гитлеровцы освобождали, как раз, не «после того, как не смогли достичь успеха в реализации своих планов», а собственно, для того, чтобы лучше реализовывать свои планы. А, во-вторых, хорошо известно, что Бандэра, Стэцько и другие бандэровцы после разгона «правительства» Стэцько в июле 1941 г. сначала пребывали под «почетным арестом» (домашним), 15 сентября были изолированы в берлинской

---

⁶³ Там же. С. 118–119.

⁶⁴ Там же.

тюрьме, и только в начале 1942 г. переведены в блок «Целленбау» концлагеря Заксенхаузен.

Гунчак:

«Немцы надеялись, что, освободив украинских политзаключенных, они могут достичь некоторого взаимопонимания с УПА. С этой целью начали серию переговоров с такими людьми, как Бандэра, Мэльнык, гэтман Павло Скоропадський, который руководил Украиной с 18 апреля 1918 года; Володымыр Кубийовыч, представитель Галиции; Олександр Сэмэнэнко, юрист и мэр из Харькова; Андрий Ливыцький, президент украинского правительства в эзиле (УНР); Кость Паньківський и Тарас Бульба-Боровець, руководитель украинского сопротивления на Волыни. Немцы поняли, что пока среди немецкого руководства велись споры относительно украинского движения, украинские лидеры объединились в оппозицию к идее подчинения их Российскому комитету генерала Власова. Позиция украинских лидеров нашла безусловную поддержку со стороны других национальных лидеров, особенно с Кавказа, которые также находились в оппозиции к идее руководства и политической гегемонии россиян...»⁶⁵

Здесь, как видим, пан Гунчак использовал так называемый политический камуфляж. Сплошная ложь, что гитлеровцы пытались найти взаимопонимание относительно УПА с такими «фюрерами», как гетьман П. Скоропадський, А. Ливыцький или Тарас Бульба-Боровець, которых бандэровцы не только не признавали, но и старались уничтожить при первой возможности. Речь шла здесь, понятное дело, о создании украинского «национального» комитета и о подчинении его Российскому «национальному» комитету генерала Власова, к которому все украинские националистические группировки были в непримиримой оппозиции.

Гунчак добавляет:

«Неспособные достичь взаимопонимания (также и в вопросе, кто возглавит Украинский «национальный» комитет – Бандэра, Мэльнык, Скоропадський или кто-то другой – В. М.) ни с фракцией Бандэры, ни с фракцией Мэльныка, немцы обратили свои взгляды на уже почти не действующую УНР, которую возглавлял президент Андрий Ливыцький. Тот ответил позитивно на предложения немцев, рекомендуя Павла Шандрука председателем Украинского национального комитета...»⁶⁶

В начале марта 1945 года УНК издал «дэklarацию», которую подписали П. Шандрук, как председатель, В. Кубийовыч и О. Сэмэнэнко, как заместители, и где объявлялось начало деятельности Украинского «национального» комитета.

Таким образом, идея, инициатива и практическое действие в создании Украинского «национального» комитета (УНК) полностью принадлежали гитлеровцам.

Гунчак:

«После довольно длительной дискуссии президент Ливыцький, от которого Шандрук получил мандат на председательство в Украинском национальном комитете, обсудив эти вопросы с полковником Мэльныком, его сотрудниками Осыпом Бойдуныком и Дмытром Андриевськым. Шандрук также имел разговор с Бандэрой и Володымыром Стаховым из фракции Бандэры. Как вспоминает Шандрук, все согласились с его мыслями и поддержали его».⁶⁷

Однако, замечает при этом Гунчак, нужно было доконать гитлеровцев, «если не лезвим, то обухом»:

---

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. С. 120.

⁶⁷ Там же. С. 121.

«Шандрук чувствовал, что дивизия, которая хоть и называлась «Украинская дивизия», находилась под немецким командованием и не соответствовала полностью политическим и военным целям украинцев. Шандрук настаивал на том, чтобы дивизией командовали украинцы, чтобы всех украинцев, разбросанных по всей немецкой армии, перевели в украинские части для дальнейшего формирования Украинской национальной армии, чтобы они выступали под украинским национальным флагом и принимали присягу на верность Украине и служили украинским национальным интересам».⁶⁸

Но все это было обыкновенной и примитивно никчемной националистической фантазией, ибо эти «национальные интересы», о которых так часто говорили украинские «патриоты», отнюдь не соответствовали интересам украинского народа, а были только драной вывеской, за которой невозможно было спрятаться.

Гунчак:

«На все эти предложения и требования Шандрука Арльт ответил, что он делает всё возможное. Арльт настаивал, однако, чтобы Украинский национальный комитет позитивно отнесся к Комитету за освобождение народов России генерала Власова. Шандрук отказался, объясняя Арльту, что украинцы (то есть украинские националисты – В. М.), которые имеют длинный исторический опыт отношений с русскими, просто не доверяют им. Единственная вещь, на которую согласился Шандрук, это обмен офицерами связи или даже делегатами с Российским национальным комитетом в интересах эффективной борьбы с Советами...»⁶⁹

Такая постановка вопроса, конечно, представляет собой примитивно-убогую националистическую амбицию, от которой не может отойти и пан Гунчак. Всем националистическим авторам, в том числе и Гунчаку, кажется, что «независимую, соборную, самостоятельную» Украину можно добыть всякой подлостью – антинародными связями с гитлеровскими оккупантами, участием в карательных органах СС против «своего» или «чужого» населения, только бы заполучить эту «незалежну» Украину в своих собственных интересах будь то в тени гитлеризма, или же в тени продажной националистической демагогии.

Однако продолжим. Пан Гунчак, как видно, очень утешается тем, что 12 марта 1945 года (представляете, читатель, – уже за несколько недель до окончательной катастрофы гитлеровской Германии!) Альфред Розенберг, министр восточных оккупированных территорий (которые уже были окончательно потеряны) отправил Шандруку письмо, в котором, в частности, указывалось: «С целью обеспечения полного участия в решающей фазе войны против большевизма и наведения порядка в национальных отношениях в Европе от имени немецкого правительства я признаю национальное представительство Украины, сформированное вами как украинский национальный комитет. Я объявляю:

1. Украинский национальный комитет является единственным представительством украинского народа, признанным немецким правительством;
2. Украинский национальный комитет имеет право представлять интересы будущего государства Украины и выражать их в декларациях и воззваниях.

Я буду требовать, чтобы все украинцы, которые служат во всей немецкой армии, были объединены для формирования украинской освободительной армии».⁷⁰

---

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. С. 122–123.

⁷⁰ *Зелений 3. Українське юнацтво в вірі Другої світової війни.* Торонто, 1965. С. 20.

Дальше в книжке речь идет о том, что «командующим» УНА был назначен (гитлеровцами, а не «украинцами») П. Шандрук, бывший петлюровский генерал и польский полковник. Однако националистов все это удовлетворяет. Гунчак пишет:

«...Это была декларация, пронизанная духом высокой национальной ответственности...». Несложно представить себе такую ответственность!

Таким образом, пан Гунчак вводит в заблуждение об обстоятельствах создания Украинского «национального» комитета и Украинской «национальной» армии тогда, когда гитлеровский вермахт и нацистский режим уже погибали.

Что известно о службе галичан в других эсэсовских формированиях?

Мы уже отметили, что «щырый коляборант» К. Паньківський в своих воспоминаниях «Годы немецкой оккупации» сообщал, что уже в октябре 1941 года гитлеровцы провели в Галиции выборочный набор добровольцев в войска СС (Waffen-SS) при «суровой селекции». Тогда было привлечено в войска СС около двух тысяч юношей. Среди них был племянник Паньківського, которому удалось счастливо унести ноги из-под Сталинграда. Из этих «селекционных» добровольцев гитлеровцы отдельного подразделения не создавали, а распределяли галицких новобранцев по разным частям войск СС.

О «других» формированиях (теперь уже юношеских) войск СС из галичан я прочитал недавно в книжке Энона Зелэного «Украинское юношество в горниле Второй мировой войны». В предисловии к этой книге бывший председатель УЦК В. Кубийович подтверждает позицию К. Паньківського о том, что «с 1941 года немцы привлекли (в Галиции) небольшое число украинцев в разного рода военные, полицейские и парамилитарные формации». Далее тот же Кубийович указывает, что «с начала 1944 года, когда человеческие резервы были исчерпаны, немцы обратили внимание на использование нашего юношества, как хлопцев, так и девчат, для противовоздушной обороны, как помощников при обслуживании зенитной артиллерии и в авиационных мастерских». Здесь же Кубийович приписывает себе большую заслугу в том, что именно ему удалось достичь того, «чтобы немцы не использовали этих юношей против танков». Главный организатор коллаборационистов в Галиции здесь темнит, ибо хорошо известно, что небольшую часть этих юношей гитлеровцы все же использовали, как фаустников против советских танков.

Автор книги З. Зеленый описывает весь процесс вербовки и частичной тренировки юношей и девушек, однако не приводит ни одного факта их практического применения в боевых действиях. Автор при этом оговаривает, что галицких юношей возрастом 15-18 лет немцы стали брать в «противовоздушные войска» по образцу гитлеровской молодежи (гитлерюгенд), в так называемый «СС-гельфер» (помощников СС). «Хлопцы носили униформу с повязкой и знаком СС в ромбе на правом рукаве, а на шапке имели ромбовое отличие с таким самым значком».

«Во второй половине апреля 1944 года во Львов прибыли 22 немецких офицера с обербанфюрером Гавптом во главе и начали акцию «добровольного набора украинских хлопцев» в противовоздушную службу...» Центром этого набора стала военная управа (ВУ) дивизии СС «Галиция», возглавляемая полковником Бизанцем. Вербовщики уверяли, что юноши будут проходить трехмесячные курсы, а затем будут продолжать тренировку в дивизии СС «Галиция».

В помощь вербовщикам и военной управе дивизии СС «Галиция» была создана общественная коллегия, в которую вошли такие известные в Галиции деятели, как: «проф. Т. Билостоцький, ред. М. Добрянський, проф. Гайдучок, мгр. Е. Жарський, мгр.

Г. Корэнэць, о. д-р Костэльнык, мгр. М. Кушнир, проф. С. Лэвицький, д-р Б. Лончына, ред. д-р И. Нимчук, инж. Р. Олэсныцький, мгр. М. Охрымовыч, инж. И. Сэнив, д-р Ю. Старосольский, д-р О. Тысовський, д-р М. Шлэмкэвий». ⁷¹

Итак, вся эта братия должна была помогать вербовщикам привлекать во вспомогательные структуры СС юношей и девушек Галиции. И всё это в то время, когда фронтовые бои происходили уже на пороге Западной Украины.

Первый лагерь для подготовки юных эсэсовцев был организован в городке Переворске (лагерь имени Черника). Здесь находилось 300 юношей. Через несколько недель, уже в конце июня 1944 г., 210 юношей из Переворска перевезли во Львов, чтобы провести пропагандистскую дэфилянду. Их празднично приветствовали губернатор Вехтер, руководитель военной управы дивизии СС «Галиция» полковник Бизанц, председатель УКК К. Панькивський и другие вербовщики.

Второй лагерь был организован в Неполомицах недалеко от Кракова, где было 3000 юношей. Затем такие же лагеря действовали в Эгере (1750), Троппау (1000), Кремсе (1550), Гульчине (200) и Мальте (200) в районах Австрии и Каринтии. Их освящал главный капеллан дивизии СС «Галиция» Василь Лаба в чине майора войск СС. Во второй половине июля 1944 года уже было завербовано 7700 человек. Среди них девушек, «помощниц СС», было более 300.

Интересную оговорку делает З. Зэлэный:

«Следует здесь подчеркнуть, что немцы с самого начала делали разницу между молодежью из центральной Украины, Волыни, Полесья и Подляшья и молодежью Галиции и Прикарпатья. Первых называли украинками и они носили желто-синие повязки с трезубцем в ромбе, а вторых – галичанками и на их таких же самых повязках были львята в ромбе...» ⁷²

Еще одна деталь: «Юноши и девушки получили более 1500 кг печенья. Зато: около 12000 экземпляров журнала «Краковские вести»; 10 000 книжек исторического и другого содержания; 5500 календариков; 6500 молитвенников; 400 книжечек с колядками и т.д.». Как видим, «опека» над юными эсэсовцами и эсэсовками были необычайно «солидной»!

Зато под конец книги З. Зэлэный приводит данные о том, что в этих юношеско-эсэсовских формированиях служили 10 000 юношей и девушек! И, наконец, такой предостерегающий призыв из листовки того времени:

«Украинский юноша! Тебя призывает европейская молодежь сотрудничать для новой Европы. Помогай, как вспомогательный дружинник немецкой авиации в рядах юношей СС... Фюрер Адольф Гитлер призывает и Тебя!» ⁷³

Внимательно анализируя книжку «Украинское юношество в горниле Второй мировой войны», мы видим, что Зэнон Зэлэный как руководитель отдела опеки над молодежью в системе УЦК (Украинского центрального комитета) и член военной управы дивизии СС «Галиция» не достаточно хорошо знал все «секреты» того дела, которым руководил и исполнял, ибо его информация достаточно куцая и примитивная. Думаем, что здесь больше сыграла свою роль послевоенная ситуация, в которой организатор эсэсовской молодежи просто не хотел «засветиться» в «демократическом» мире. Потому, в качестве дополнения, приведем свидетельство уже известного «щырого коляборанта» К. Панькивського, который и больше знал, чем З. Зэлэный, и был откровеннее. Вот что он писал в книге воспоминаний «От комитета до государственного центра»: «Тяжелый был

---

⁷¹ Там же. С. 88.

⁷² Там же. С. 161–162.

⁷³ Там же. С. 225.

путь воинства дивизии. Но он представляется нам простым, когда сравним его с путем юношества».⁷⁴

Но этот «непростой путь» юношей из СС Паньківський не показывает, хотя отдельные сведения приводит. Так, он отмечал, что «образцовая» школа подготовки юношей-эсэсовцев из Галиции была в Крыньце, где «рядом с немецким комендантом были также и украинские воспитатели под руководством учителя А. Антоновича». Делом воспитания во всех лагерях занимались военная управа дивизии СС «Галиция» и УЦК. От УЦК подготовкой молодежи занимался Т. Билостоцький. Девушек опекала О. Кузьмович.

К. Паньківський излагает и такое:

«Официальное название юношеских формирований СС – «противовоздушная оборона юношей СС». Хлопцев, которые закончили обучение, разбросали во все уголки рейха... Когда же советские войска вытеснили гитлеровцев за пределы Украины и генерал-губернаторства, юношей-СС опекала правительственная немецкая организация – «Украинское учреждение доверия», которой управлял немец украинского происхождения М. Сушко в Берлине, «Управляющая станица восточных добровольцев (руководитель – Ф. Арльт) и ее украинский отдел (возглавлял – Л. Вольф). Центральная картотека СС показывала, что в юношеских формированиях СС было более 60 тысяч имен, среди них было 10 тысяч украинцев...»⁷⁵

«Дивизия и юноши были частями, которые подчинялись, можно сказать, были слагаемыми единицами войск-СС, то есть войсковых частей партии».

Это констатация слишком важна, ибо другие авторы о таких юношеских формированиях СС в Галиции или не упоминают, или представляют их как вспомогательные формирования полувоенного типа.

И еще несколько важных замечаний автора:

«Учителям присваивали в основном ранг «зондерфюрера» (специальное звание равное поручику), и все ходили в униформах... Что же касается юношей-СС, то отдельным, которые хорошо служили, присвоено звание унтер-офицера – ступени отделенных (ротенфюреров) или десятников (оберротенфюреров)».

Паньківський указывал также на то, что главный капеллан дивизии СС «Галиция» о. В. Лаба назначил «полевым духовником для юношества» о. Сэвэрына Сапруна, бывшего руководителя ИНТ (Института народного творчества). «Его военный ранг соответствовал рангу подполковника СС». Для православных юношей и девушек назначен о. Виталий Сагайдаківський.

А затем всех военных духовников для юношества стало четырнадцать. Все они пижонили в щегольской эсэсовской униформе.

Паньківський дальше заметил, что хлопцы были в основном зенитчиками, девушки работали «на рефлекторах» (прожекторах), часть из них были также телефонистками, задымляли «летунские майданы» (аэродромы) или выставляли «заградительные баллоны» (аэролаты).

Под конец «щырый коляборант» (вопреки своему шефу по УЦК В. Кубийовичу) отметил, что «в конце января 1945 года возникла новая угроза – подготовки юношей для борьбы против танков на фронте, то есть уже не вспомогательная, а настоящая военная служба (панцерфаустники)... Часть юношей удалось завербовать и послать на фронт...»⁷⁶

---

⁷⁴ Паньківський К. Від комітету до державного центру. Нью-Йорк – Торонто, 1968. С. 84.

⁷⁵ Там же. С. 84, 86–87, 90.

⁷⁶ Там же. С. 96–97.

Такова (конечно, неполная) история с юношеским формированием войск СС в Галиции.

---

^I Роман Сушко (1894-1939) – офицер австро-венгерской армии, командир сечевых стрелцов армии УНР в 1918 г. Сушко был одним из создателей ОУН. Во время раскола организации поддерживал сторону Мэльныка. Сушко был командиром «Украинского легиона» – небольшого военного отряда, созданного немцами на базе разгромленной «Карпатской Сечи» с целью использования его для борьбы против Польши летом-осенью 1939 г. Отряд практически не показал себя в боевых действиях. Существует версия, согласно которой немцы пытались инициировать националистическое восстание в Польше и создать альтернативное Советской Украине государство с центром в Галиции. Этим планам помешало наступление Красной Армии. Роман Сушко был убит в 1944 г. в оккупированном Львове бандэровцами либо немцами.

^{II} Провод украинских националистов – ("провід" украинских националистов-мельниковцев) руководящий орган антисоветской "Организации украинских националистов-солидаристов" (ОУН-с). Эта организация известна также под названием ОУН-мельниковцев (по имени главаря Андрея Мельника). Существует с 1940 года – с момента раскола организации украинских националистов на сторонников Стэпана Бандэры и сторонников Андрия Мэльника. Центр ПУН находится в Мюнхене. После смерти Андрия Мэльника (в 1964 году) так называемый VI "великий" съезд ОУН-с, состоявшийся в 1965 году, избрал новое руководство ПУН.

^{III} В оригинальном тексте вместо знаков №№ видимо была опечатка.

^{IV} Фирер – «фюрер», возможно результат некачественного стенографирования.

^V Мирослав Глобуш – активный участник неофашистского движения на Украине, был головой горсовета в Дрогобыче в начале 1990-х.

^{VI} Тот же «Роланд».

^{VII} некто Михайло Билый Карпынець фигурировал как руководитель Союза украинцев в Великобритании.

^{VIII} Заксенхаузен

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИТЕТА И УКРАИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ АРМИИ

Создание УНК и УНА

О создании Украинского национального комитета (УНК) и Украинской национальной армии (УНА) четче писал К. Паньківський:

«Три года тому назад, летом 1941 года, кандидатом в партнеры немцам была идеологически посвященная им ОУН. С какой стороны на это не смотреть, ОУН была, к сожалению, разбита интригами немцев и неразумными амбициями собственных ведущих деятелей».¹ (Выделено мной – В.М.)

Вы об этом, пан Гунчак, хорошо знаете. Да как не знать, когда вся националистическая пена прошлой войны сводится, как раз, к тому, что всё это националистическое отребье пыталось и пытается сегодня наперегонки, один впереди другого, как можно лучше прислужить нацистам. Хорошо известно, что гитлеровцы вмешивались в дела ОУН произвольно. Они и «разбили интригами» ОУН, чтобы стало легче управлять «амбициями ведущих деятелей», как об этом они неоднократно заявляли.

В книге воспоминаний «От комитета до государственного центра» Кость Паньківський недвусмысленно пишет: «С украинскими деятелями немцы начали говорить только в октябре 1944 года. Разговоры начал СС-обергруппенфюрер Г. Бергер, руководитель отдела восточной политики РЗГА (Главное имперское управление безопасности Германии – В.М.), одновременно руководитель главного отдела политики в Восточном министерстве (имеется в виду министерство оккупированных восточных территорий под руководством А. Розенберга – В.М.). Но Бандэра отказался возглавить украинскую репрезентацию. Тогда Бергер начал разговоры с другими украинскими деятелями...».²

Т. Гунчак в книге «Украина: первая половина XX столетия» (К., 1993), описывая встречу Бандэры и Бергера, отмечает, что речь шла здесь о навязывании отношений с УПА и что «попытки немцев договориться с УПА остались безуспешными», ибо Бандэра отказался от сотрудничества. Но не от сотрудничества с нацистами отказался тогда Бандэра, а от предложения Бергера возглавить Украинский национальный комитет! Это, конечно, не одно и то же.

Паньківський продолжает:

«Пригласили всех выше упомянутых руководителей (то есть С. Бандэру, А. Мэльныка, А. Лывыцкого, П. Скоропадського, В. Кубийовича, «Тараса Бульбу»-Боровца и других – В. М.) в Берлин. Участие в переговорах принимали со стороны немцев: Бергер, его сотрудник проф. Бергард фон Менде (руководитель кавказского отдела, который ведал и украинскими делами), а из РЗГА – СС-штурмбанфюрер д-р Фриц Рудольф Арльт (здесь Паньківський ошибается, ибо Арльт был штандартенфюрером (полковником) СС – В.М.) и СС-оберштурмбанфюрер Людвиг Вольф. Арльт в то время был начальником, «возглавившим его украинский отдел. Он был сторонником украинских национальных aspirations (лат. *дуновений*). Когда-то, в 1939-1940 годах он сыграл свою роль при организации украинской репрезентации в ГГ (генерал-губернаторстве – В. М.), которая оформилась как УЦК (Украинский центральный комитет – В. М.) в Кракове, а потом работал какое-то время чиновником ГГ в участке украинских дел. С украинской стороны выступали президент А. Лывыцкий, И Мазепа, гетман

---

¹ *Паньківський К.* Від комітету до державного центру. Нью-Йорк – Торонто, 1968. С. 38.

² Там же. С. 40.

П. Скоропадський, А. Мэльнік, С. Бандэра і І. Грынёх, В. Кубійовіч, В. Долэнко і В. Дубровський ...».³

И далее:

«Разговоры происходили с каждым в отдельности, а совместные совещания, с несколькими участниками, украинцы проводили сами между собой».

Задача этих необычных совещаний – объединить всех украинских националистов в одно целое и использовать их совместные усилия в борьбе против наступающих советских войск. Гитлеровцы одновременно давили на всех руководителей националистических группировок с тем, чтобы «украинцы» присоединились к затее генерала Власова. «Давление немцев было очень сильным», – замечал Паньківський.

Далее автор отмечает, что проблему примирения между украинскими националистическими группировками лоббировал в основном А. Мэльнік. «Украинцы», указывал Паньківський, требовали от немцев «признать украинскую государственность». И это в то время, когда гитлеровская Германия уже корчилась в предсмертных конвульсиях!

Однако игрища продолжались. «Давление» немцев, продолжал Паньківський, было довольно «демократичным». Гитлеровцы «предлагали» возглавить Украинский «национальный» комитет то Бандэре, то Мэльніку, то Скоропадському, многим другим. Но все эти националистические главари не хотели брать на себя ответственность во время, когда уже кончалась нацистская Германия.

Паньківський:

«15 марта 1945 года Шандрук заявил, что он становится главой УНК. В тот же день президент Львовський своим приказом произвел генерала штаба генерал-хорунжего П. Шандрука в генерал-поручики (чтобы наш генерал был равным с генералом Власовым). Тем же приказом – генерал-поручика М. Емельяновича-Павленко в генерал-полковники. Президент назначил ген. Шандрука одновременно командующим Украинской национальной армией (УНА)».⁴

Необходимо дать информацию об УНК и УНА атамана «Тарас Бульбы»-Борвца, которую он дал в своей книге воспоминаний «Армия без государства».

После выхода атамана «из кацета» (то есть из концлагеря Заксенхаузен) в октябре 1944 года гитлеровцы не разрешили ему сидеть без дела. Его то привлекают к созданию Украинского национального комитета (УНК), то к организации Украинской национальной армии (УНА). Как раз это и входило в планы «Тараса Бульбы»-Борвца.

В марте 1945 года украинские националисты и гитлеровцы пришли к окончательному согласию о том, что под руководством вермахта и в его составе будет создана УНА под руководством генерала П. Шандрука. УНА должна была сформироваться из разных «украинских» подразделений, которые пребывали в составе вермахта, войск СС и полиции. Определенное место здесь отводилось и непосредственно «Тарасу Бульбе».

Об Украинской национальной армии писали и до сих пор пишут сегодня разные националистические авторы, но все они скрывали и скрывают её структуру, суть и действительное предназначение. Атаман – единственный среди таких авторов, кто выкладывает все начистоту:

«Новая армия (то есть УНА – В.М.) по схеме состоит из двух основных частей:

---

³ Там же. С. 41.

⁴ Там же. С. 68.

- регулярной наземной армии, которая имела задание бороться на восточном фронте против врага Украины – СССР;

- иррегулярной части, которая имела официальное название – «Группа «Б» УНА».⁵

Что же это за группа «Б», да еще и «иррегулярная»? Атаман четко объяснял: «Группа «Б» должна была проводить на Восточном фронте «диверсионно-партизанские акции против коммунистов на Украине». Атаман, как раз, и был назначен её командиром».

И далее:

«В регулярные части УНА должны были входить:

- организованная в Галиции стараниями Украинского центрального комитета (УЦК) в 1943 году одна пехотная дивизия «Галиция», которая получает название – Первая дивизия УНА;

- все имеющиеся меньшие и большие украинские добровольческие военные части при разных немецких соединениях, которые до сих пор носят название – Украинское освободительное войско;

- все лица украинской национальности из среды военнопленных польской и советской армий, а также из числа гражданских работников в Германии, а также амнистированные и кацетники;

- все добровольцы украинской национальности, которые уже ранее были включены в ряды Российской освободительной армии (РОА) ген. Власова и изъявляют желание перейти в свою национальную армию;

- все украинские полицейские батальоны, которые по выходе из Украины были приданы к разным немецким военным соединениям».

Вот такая вот «регулярная» и «освободительная» УНА!

Атаман далее уточнял, что Группа «Б», которой ему поручено руководить, «была запланирована в 5000 бойцов, но потом штаб ограничил её численность до 1500 бойцов».

И еще:

«На основании предыдущих подсчетов, штаб УНА мог набрать до 250 тысяч боеспособных украинских кадров, из числа тех, что зимой 1944 года оказались в Германии и еще были на восточном фронте».

А дальше, оказывается, и такое бывает: «Переброска первого батальона Группы «Б», который уже в конце 1944 года был готов и с ним я имел намерение вылететь со своим штабом на Украину, не состоялась, ибо у немецкой авиации уже не хватало на такие операции горючего(!). Нам, вместо этого, предложили делать сейчас короткие десанты за фронт, на польско-чешскую территорию, на что мы не дали согласия...». Так невзрачно закончилась вся затея с УНА. Но атаман заканчивал свою книгу воспоминаний «Армия без государства» на мажорной ноте, приводя текст «Песни про Полескую Сечь УПА», где есть такие слова: «Мы еще поставим жовтоблакытний на самом Кремле!..»

Но вернемся к воспоминаниям К. Паньківського «От комитета к государственному центру», где автор довольно интригующе рассказывал о дальнейшей судьбе 14-й гренадерской дивизии СС «Галиция», точнее о её драматическом конце.

После полного разгрома дивизии СС «Галиция» под Бродами в июле 1944 г. руководство войск СС сделало все возможное, чтобы сформировать её заново. И если Гунчак довольно эйфорично преподносит процесс нового создания дивизии, то Паньківський преисполнен пессимизма и тревог:

---

⁵ *Боровець-«Бульба Т.»* Армія без держави. Вінніпег, 1981. С. 307.

«Понятное, что теперь характер дивизии стал совсем иным. Остатки первой дивизии были в состоянии глубокого духовного угнетения и обескуражены; новобранцы были в большинстве своем насильно сведенные со всех сторон запуганные люди. При нехватке униформы этих вояк гоняли на занятия в их гражданских поношенных одеждах и ботинках, без оружия. Они даже свою военную присягу принимали в таком состоянии. Выгодно отличались на фоне дивизии старшины и подстаршины, которые пришли из школ. Трагедия воинства дивизии была в том, что первое выступление на фронте закончилось огромной неудачей. Победившее войско приобретает жизненный размах, что умножает его силы; побежденный воин теряет свою самоуверенность».

И дальше:

«Нехватка воинских частей заставила немецкое командование перебросить дивизию, в состоянии незаконченной реорганизации, без одежды и без оружия, уже в сентябре в Словакию, на фронт против повстанцев. И здесь в необычайно трудных обстоятельствах пришлось дивизии одновременно доводить организацию до конца, продолжать воинскую выучку и нести фронтовую службу против партизан...»⁶

Паньківський здесь же отмечал, что помимо неподготовленности дивизии мерзким было и её окружение: «... главная беда была в качестве этих формирований. Дивизии подчинялась некоторое время так называемая бригада Дирлевангера, специальная вооруженная карательная формация СС, в состав которой входили бойцы, наказанные за всякие уголовные преступления, а также разжалованные офицеры и унтер-офицеры немецкой армии. Криминальные элементы этой бригады совершали преступления против словацкого и жидовского населения и с высокомерием преступников распускали слухи, что все это делают «чужаки» из украинской дивизии...».

Однако здесь Паньківський намекает на то, что и в дивизии СС «Галиция» было немало криминального элемента: «Жажда наживы и чувство безнаказанности за поведение по отношению к местному населению толкали немцев на грабежи. И всё это передавалось воинству дивизии...»

И еще:

«... Полевые суды работали без перебоя... Смертные приговоры, а за ними расстрелы... становились все более частыми».

Паньківський:

«Во второй половине января 1945 года пришел приказ главного немецкого командования о переезде нашей дивизии с фронта против партизан в Словакию в южную Штирию на границу Словении. Здесь был двойной фронт, против Советской Армии и против югославских партизан Тито. Сюда прибывало немало беглецов, немцев и немцев. Еще прибыли новые бойцы в черных мундирах, охранники концентрационных лагерей на территории восточной Германии...»

«Пополнение», как видимо, не абы какое.

Творцов дивизии, а затем Украинского «национального» комитета и провозглашения 14-й гренадерской дивизии СС «Галиция» «1-й украинской дивизией УНА» тешило «появление генерала (то есть П. Шандрука – В. М.) в украинском мундире с трезубцем на шапке, трезубцем на рукаве», – замечал Паньківський.

Однако радоваться не довелось: «Узнав о капитуляции, генерал Шандрук, как командир УНА, дал приказ командиру дивизии ген. Фрайтагу снять дивизию с фронта на рассвете 8 мая. Так и сделано. Таким образом, 9 мая 1945 года, в часу 00.01, когда

---

⁶ Там же. С 307–308.

капитуляция начала действовать, дивизия... перешла в район британских вооруженных сил...».⁷

Бывшие и нынешние поклонники галицких эсэсовцев рассматривают 14-ю гренадирен дивизион СС «Галициэн» только как «1-ю украинскую дивизию», или как «1-ю дивизию украинской национальной армии (УНА)». Как раз под этим лозунгом в августе 1993 г. прошла в Киеве так называемая «международная научная конференция», посвященная 50-летию 1-й украинской дивизии УНА. Почему же «международная», когда международный судебный процесс над главными военными преступниками гитлеровской Германии и Нюрнберге определил фашизм и его преступные организации (в том числе и войска СС) как «преступление против человечества»? Почему «украинская» и «национальная», когда творцы и участники этого фашистского формирования служили Гитлеру, исполняли его фашистскую волю, а не защищали интересы украинской нации и народов Украины?

Да потому, что нынешние националисты на Украине и вне её (от национал-«демократов» до национал-фашистов) не выполняли и не собираются выполнять международные обязательства, основанные на гуманизме и демократизме. Сегодня они, вопреки международным принципам, нагло заявляют, что их «родные эсэсовцы» боролись за «независимую Украину», что дивизия СС «Галиция» была «национальным войском», а её подразделения никогда не принимали участия в карательных акциях против мирного населения. Факт, конечно, беспрецедентный! Потому-то эти новоявленные «национально сознательные» и пригласили на «праздник»-сборище в качестве «гостей» всех бывших эсэсовцев. Вот и съехались во Львов и Киев со всего мира те, в отношении которых и до сих пор действует закон международного трибунала в Нюрнберге «без срока давности».

Сегодня среди почитателей галицких эсэсовцев гуляет созданный ими же миф о «шансе Украины» при создании дивизии СС «Галиция». В эпицентре мифа лежат «оправдания» В. Кубийовича в «Вестях братства бывших солдат 1-й УД УНА» (Ч.3-4 за 1954 год) своего «коляборанства» и «коляборанства» его приближенных:

«Мы за создание дивизии, ибо этого требует украинский интерес. Наши ценности такие:

- 1) Мы включены в борьбу с большевизмом не как безымянные;
- 2) Мы, хотя и в скромной форме, выходим на политическую и даже на европейскую, на мировую арену;
- 3) Мы спасаем себя физически, мы создаем связь с армией;
- 4) Это может быть исходной точкой для дальнейших планов;
- 5) Только таким способом мы можем создать под руководством украинских старшин военную школу для украинской молодежи.

Эта школа даст дисциплинированность, послушание, искренность, честность, прямолинейность, чувство ответственности и другие воинские достоинства.

Наша борьба с Москвой обретет официальные формы».⁸

Эти «оправдания» Кубийовича зачитал на конференции один из её организаторов Иван Драч от имени украинской всемирной координационной рады (есть и такая!), открывая 21 августа 1993 г. «международную научную конференцию», посвященную 50-летию со дня создания «1-й украинской дивизии УНА». И здесь же тот же Драч сформулировал суть мифа:

---

⁷ *Паньківський К.* Від комітету до державного центру. Нью-Йорк – Торонто, 1968. С. 78.

⁸ Там же. С. 99.

«Нужно ли говорить о том, что вчерашние студенты и гимназисты, которые массово записывались в дивизию, хорошо знали: Германия войну уже проиграла, что они были далеки от каких-либо намерений спасти райх (а на такого характера тезисах настаивала советская историография!); молодые патриоты верили в возможность конфликта Советского Союза и его западных альянтов и надеялись на шанс для Украины, которая будет иметь свои вооруженные силы, которые станут её весомым аргументом в дискуссии, когда разговаривает оружие».⁹ (Выделено мной – В.М.)

Какая-то «фантазмагория» выходит у пана Драча, рассчитанная на недалеких! Здесь вам не «протуберанцы солнца», которые недавно воспевал этот национальный поэт, а время, где бы «разговаривало оружие». Для Драча безразлично, что, как свидетельствуют документы, немало авторов и живых очевидцев, дивизия эсэсовцев «Галиция» формировалась как полицейская формация в системе карательных органов нацистов, с полицейскими офицерами и унтер-офицерами, с полицейским генералом во главе, со всеми полицейскими атрибутами, и действовала не как полицейская, а фронтовая. Напрасно мечтали националисты из Галиции, что дивизия карательных войск СС может стать зародышем национальных вооруженных сил. Полицейские формации еще никогда и нигде не формировали национальную армию. Дивизия, пан Драч, с начала и до конца своего существования (кроме нескольких недель пребывания под Бродами на Львовщине) выполняла карательные функции: против партизан Франции и Словакии, советских, польских и югославских партизан и мирного населения, которое всячески поддерживало партизан. 4-й полицейский (галицкий добровольческий полк СС) полк дважды штурмовал Гуту-Пеняцкую, польское село на Львовщине, в результате чего погибли мученической смертью более тысячи поляков, жителей этого села, и польских и советских партизан.

Пану Драчу нужно элементарно вникнуть в суть дела, прежде чем говорить и писать о том, что дивизии, мол, приписывают карательные акции против мирного населения. О какой же «непрерывности борьбы нашего народа за свою свободу» вы, поэт, талдычите, когда здесь нет ни крохи народного и национального?! Если пан Драч считает, что 14-я гренадерская дивизия СС «Галиция» творила «непрерывность борьбы за свою свободу», то другой пан, Михайло Косив, народный депутат Украины и известный деятель Руха, ищет в создании дивизии эсэсовцев «целесообразность выбора». В предисловии к сборнику «Порыв» (Львов, 1994) он пишет: «Давно беспокоит меня вопрос: почему в середине 1943 года, когда уже было очевидно, что Германия войну проиграет, значительная часть политиков из ОУН (мельниковское направление) прибегла к формированию дивизии «Галиция», которая действовала в системе немецких войск?».

Ответ на поставленный вопрос пан Косив немедленно находит. Дело, мол, в том, что галицкие националисты искали выход из ситуации «двух зол» (гитлеровской Германии и Советского Союза) и выбрали «меньшее зло», то есть гитлеровскую Германию. Косив замечает при этом: «Однако – действительно ли нацистская Германия была меньшим злом? Для преобладающего большинства галичан, воспитанных на почве не только украинского, но и немецкого языка и культуры и в австрийских учебных заведениях, привыкших к военному обучению на немецком языке еще со времен службы в австрийской армии, фашизм является временным явлением, болезнью, которая излечивается и проходит. Гитлер – проходящей фигурой, Германия в целом

---

⁹ *Кубійович В.* Початки української дивізії «Галичина»/ Українська дивізія «Галичина». Київ – Торонто, 1994. С. 17.

ассоциировалась с европейской цивилизацией». Пан Косив, который в последние годы нажил себе славу «проповедника элиты и элитаризма» и «обличителя русификации», наконец-то, как видим, заговорил об онемечении Галиции и о «немецкой цивилизации», правда, не вспоминая, кто же были в Галиции эти немецкие «культуртрегеры» и «штудиенраты»! Нужно честно сказать, что австро-немецкие «наставники» и «носители культуры» одурманили головы многим ушедшим и нынешним косивам. Потому сегодня они так угодливо заговорили об «элите», «немецкой цивилизации», «европейской культуре» и Галиции, которая мол, всегда уподоблялась «цивилованному Западу».

«Итак, – резюмирует пан Косив, – роль выбор пал на нацистскую Германию как на меньшее зло, то для этого были весомые политические причины».

Однако, этих «политических причин» штудиенрат Косив не может (или не хочет?) назвать, ибо они были насквозь пропитаны смрадом коморки галицкого мещанина и ориентацией его на «западные окциденты», особенно на нацистскую Германию.

Зря утешается культуртрегер Косив тем, как мастерски оправдывается «коляборант» Кубийович за свое тифозное «коляборантство». Элитарному пану из корогты галицких нардепов хорошо известно, что современная распущенность «посеяна» не коммунистами, а лжекоммунистами, которые при нынешнем случае стали немедленно и «искренними католиками», и «искренними патриотами», и «искренними националистами», и «проводниками национального элитаризма» в удушливой атмосфере моральной распущенности, духовного неверия и пустоты.

Здесь же пан Косив поднимает «кардинальный вопрос», который он так хотел бы поднять перед всем миром – это вопрос о коллаборационизме: «В общем смысле сотрудничество с нацистской Германией периода III рейха считается коллаборационизмом, вместо этого сотрудничество с коммунистической Россией периода Советского Союза коллаборационизмом не считается. **Только из-за того, что последнее не признано на международном уровне**» (выделено мной – В. М.).

Собственно, да. Против гитлеровского нацизма (как и фашизма вообще) воевали все буржуазно-демократические страны Запада (в том числе США, Франция, Англия и др.) и социалистическо-тоталитарный Советский Союз, как и прогрессивные силы Италии, Германии, Испании, Венгрии, Румынии, Болгарии и многих других стран мира. Этот демократический альянс, который принято называть «антифашистским», и определил в послевоенный период те международные нормы, какими руководствуется нынешний мир, и не вам, пан Косив, их менять. Это абсолютно справедливо. Тех же, кто сотрудничали с фашистами или прислуживали им, принято называть коллаборационистами. И это действительно справедливо.

Пана же Косива раздражает одно: «...Для нас сотрудничество с российско-коммунистическим режимом после того, когда этот режим уничтожил украинское государство (но ведь известно, что Центральную Раду, гетманат Скоропадского и Директорию Петлюры уничтожили сами украинцы – В. М.) и принес нам все то, что евреи называют холокост, а проще – геноцид и катастрофу, было бы не только преступлением, но и утратой всего святого. А потому, – продолжает он, – ... мы должны оценивать события своей истории только в таком контексте: сотрудничество с коммунo-российским режимом – коллаборационизм. Судебный процесс над коммунистическим режимом – неминуем», пророчествует «проводник элитаризма» и «обличитель русификации».

А что же тогда делать с вами, пан Косив, и с такими, как вы? Вы же учились в советской школе. В советском университете, были комсомольским активистом, даже руководили комитетом комсомола университета, просвещались в советской аспирантуре. Затем поиграли в «диссидентство». Однако, вас не наказали, как Черновола и Горыня, а

послали учительствовать в советскую школу. Там вам не понравилось, ибо нужно в поте лица трудиться, и вы пошли работать во Львовский музей истории религии и атеизма. Здесь, в музее, вы не просто заботились об экспозиции, а создавали её, учили, как бороться против католицизма, галицких иезуитов и против религии вообще, наставляли, поучали (штудиенрат же!), писали о музее немало корреспонденций, буклетов и статей. Уже в условиях «перестройки» и нарастания национал-«демократизма» на «острове свободы» вы стали работать научным сотрудником отдела научного атеизма в Институте общественных наук АН УССР во Львове. По образу (довольно точному и талантливо определенному) вашего оппонента во время последних выборов в Верховную Раду Украины А. Шкиля, руководителя областного провода УНА-УНСО, вы более 15 лет «раскачивали маятник Фуко» во Львовском музее атеизма, а теперь раскачиваете «независимость украинской державы», ибо кричите о «национальной (националистической!) элите», о русификации, тем самым разжигаете ненависть к другим народам. Как это называется, пан Косив? Коллаборационизм, ренегатство, предательство, продажность, или еще как?

И в конце вашего предисловия указано довольно мудро: «Прошагав в памяти ленту многих наших восстаний, военных срывов, взрывов отчаяния и мести, военных замыслов, почти во всех них видим уже с самого начала – обреченность».

Да, обреченность! Ибо все антинародные авантюры обречены на крах и небытие!

Трактовка деятельности ОУН-УПА националистическими авторами

Наверное, наиболее соответствующей этой теме является книга Владимира Косыка «Украина и Германия во Второй мировой войне», которую так щедро рекламировали галицкие национал-«патриоты». Впервые эта книга вышла в 1986 г. на французском языке под названием «Немецкие национал-социалисты и Украина». Название это более-менее соответствует той сути, которая заложена в материалах книги, и то в том случае, когда под «Украиной» понимали «украинских националистов». Но Украина – это не украинские националисты, а огромное общество с более 57 миллионами людей, которое преимущественно является анти-националистическим. Однако галицкие националы из Научного товарищества им. Т. Г. Шевченко во Львове издали книгу под названием «Украина и Германия во Второй мировой войне». Сам руководитель НТШ пан О. Романив, более-менее известный природовед, став (вдруг!) «обществоведом» и «историком», в предисловии обращает внимание на то, что данной книге можно было бы предложить несколько более широкое, но более точное название – «Украинское национально-освободительное движение и гитлеровская Германия: противостояние во Второй мировой войне».

Здесь нужно категорически возразить пану Романову. Во-первых, понятие «Украинское национально-освободительное движение» не является «более широким» понятием, чем понятие «Украина», а только одним из составляющих широкой и объемной проблемы; во-вторых, никакого противостояния украинских интегральных националистов и гитлеровских нацистов не было, а были, по сути, экзальтированные выпады бандэровских политиканов на основе нахлынувшей неуравновешенной обиды. За это и наказали гитлеровцы непослушных Бандэру, Стецько и их сторонников, изолировав на определенное время в бункере «Целленбау» концлагеря Заксенхаузен. Потому материалы книги В. Косыка наиболее соответствуют названию «Украинские националисты и гитлеровские нацисты во Второй мировой войне: сотрудничество и интриги».

Владимиру Косыку как апологету украинского интегрального национализма, который он так решительно защищает в книге, необходимо отдать должное в том, что он

не камуфлирует, подобно «нашим» отечественным националистам, когда идет речь о той или иной «истине», а передает её более-менее документально, то есть соответственно документу, каким бы он ни был. Потому и обратимся к отдельным местам его книги, которые хоть частично отвечают на вопрос «С кем и против кого воевали украинские воинствующие националисты во Второй мировой войне?»

В. Косык:

«Украинцы (читай: украинские агрессивные националисты – В. М.) совсем не знали намерений Германии (такое заявление довольно сомнительно, ибо многочисленные документы, наоборот, свидетельствуют о том, что основные намерения гитлеровского руководства по поводу ОУН были хорошо известны – В. М.). На протяжении нескольких месяцев до начала войны они стремились подготовиться к такой возможности, не зная, что будет на самом деле. Обе националистические организации (то есть ОУН-мельниковцев и ОУН-бандэровцев – В. М.) приняли решение принять участие в возможной войне против России, открытого врага независимого украинского народа. Но планы и тактический выбор двух украинских политических сил не были одинаковыми...

В начале 1941 года Рико Ярый (бывший австрийский офицер и офицер УГА, член провода ОУН, резидент Абвера в ОУН под кличкой «Консул-2» – В. М.) получил поручение от ОУН-Бандэры установить контакт с представителями ОКВ (Верховное командование гитлеровского вермахта – В. М.), чтобы обсудить возможность создания украинской военной части, подготовкой которой занялся бы вермахт. Предполагалось, что эта часть будет воевать на Восточном фронте против Советской России. На самом деле ОУН Бандэры пыталась подготовить определенное количество людей, которые могли бы стать в Украине основой национальных вооруженных сил, которые служили бы делу украинской революции».¹⁰

Косык продолжает эту позицию так:

«Но и ОУН Бандэры видела и другую важную причину идти на сделку с вермахтом. В условиях сурового запрета деятельности эмигрантских товариществ в Германии сделка с вермахтом обеспечивала людям Бандэры прикрытие, за которым они могли бы осуществлять политическую деятельность, не терпя слишком больших неприятностей от гестапо...

Наконец, не менее важной была и третья причина. ОУН Бандэры (как и ОУН Мельника) имела намерение как можно скорее покинуть Украину и политически овладеть территорией сразу после того, как пройдет фронт. Поскольку предполагалось, что будут предприняты меры, чтобы сделать невозможным передвижение эмигрантов, то в таком случае связи с вермахтом были нужны. ОУН Бандэры имела намерение тайно создать небольшие походные группы, которые вместе составляли бы несколько тысяч человек, для проникновения на Украину и взятия там власти. Эти группы должны были опираться на помощь людей из украинской военной части, созданной при вермахте, которые будут пользоваться свободой передвижения... Переговоры между Рико Ярём и офицерами резерва ОКВ (профессоры Г. Кох, Т. Оберлендер и Г. Герулис) завершились в апреле 1941 года (здесь автор явно фальшивит, хотя хорошо знает, что эти люди были сотрудниками Абвера-2 – В. М.). Немцы согласились подготовить около 700 боевиков, которые должны были быть поделены на два батальона: «Нахтигаль» и «Роланд»...

Когда ОУН Бандэры удалось заключить ограниченный договор с ОКВ, ОУН Мельника больше думала о возможности создания легиона или настоящей украинской

---

¹⁰ Косик В. Україна і Німеччина у Другій світовій війні. Париж – Нью-Йорк – Львів, 1993. С. 100.

национальной армии, которая состояла бы из эмигрантов. Имея это в качестве цели, ОУН Мельника создала товарищество бывших украинских военных, надеясь, что она сможет заняться организацией украинской армии. ОУН Мельника согласилась также послать определенное количество переводчиков на службу в немецкие части...».¹¹

Так подает В. Косык информацию о подготовке украинских интегральных националистов из ОУН к войне против Советского Союза на стороне гитлеровцев. Хорошо зная, что такая война интенсивно готовилась.

В разделе «Начало вооруженного сопротивления и его распространение» В. Косык отмечает: «В начале весны 1942 года центральный провод ОУН Бандэры послал на Волынь одного из своих членов, Василя Сидора, которому было поручено помочь в создании вооруженных групп самообороны, которые состояли бы из членов Движения (здесь автор, видимо, ошибается, ибо в то время Василь Сидор («Шелест») командовал 2-ой ротой шцуманшафт-батальона Побишущего-Шухевича против партизан Беларуси. Но возможно, и был действительно послан, как ротенфюрер, из шцуманшафт-батальона на Волынь по заданию ОУН-бандэровцев – В. М.). В апреле 1942 года на Волыни были организованы первые две группы «самообороны», которыми командовали Сергей Качинский – «Остап» и Иван Перегийняк – «Довбешка» (башка – прим. перев.). Легом были созданы другие группы этой же «самообороны». Тогда ОУН-Бандэры уже имела в распоряжении более 600 боевиков, которые могли стать «ядром будущей повстанческой армии».¹²

В документах, добавленных к книге, Косык предоставляет немало разных «донесений» о событиях на Украине и о силах, которые противостоят оккупационным властям. Информация этих «донесений» сфальсифицирована, складывается впечатление, что гитлеровцы на Украине имели дела только с бандэровцами. Однако сам же автор довольно определенно указывает, что «в сообщении главного правительства безопасности Райха от 4 декабря 1942г еще не различали советских партизан и националистических партизан, то есть повстанцев...». Это, как раз, дало основание как пану Косыку, так и многим другим националистическим авторам писать, что движение бандэровцев на Украине было основным.

Всё это, конечно, примитивная и глупая политическая спекуляция. И не больше.

Во-первых, гитлеровцы прекрасно ориентировались в обстановке, которая сложилась на Украине во время войны, ибо имели широко разветвленную сеть агентуры и не могли путаться в трех соснах. Эта агентура состояла из тех же «украинцев».

Во-вторых, не соответствует действительности, что движение бандэровцев на Украине было «основным». Как известно, это движение было локализовано в Галиции и частично на Волыни. В центральных, а тем более восточных и южных землях Украины оно отсутствовало, за исключением отдельных и изолированных единиц, то есть членов «походных групп», которые туда были посланы из той же Галиции и в силу обстоятельств там остались.

В-третьих, информационные службы органов имперской безопасности и разведки страдали тем, что информировать о советских партизанах и антифашистском подполье, которых трудно было выявить, было необычайно тяжело. В то же время ячейки украинских националистов разных оттенков легко выявлялись гитлеровцами благодаря разветвленной сети «коллаборационистов», которые кружили вокруг оккупационных властей, как голодные собаки. Эти «коляборанты», конечно, сотрудничали с

---

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 237.

гитлеровцами, не разрывая связей со «своими», то есть националистическими ячейками. Потому гестапо и СД знали все подробности действий националистов, а потому щедро о них информировали.

Судя по тексту, Косык берет немало информативно-документального материала из националистических «летучек»-листовок, которые аж никак не могут служить достоверными документами. «Немцы заметили, что Бандэру прославляют в листовках как мученика», – замечает автор. Что, правда, то, правда. Как раз версия «мученичества» Бандэры в тот период (на что и рассчитывали затайники акции изоляции Бандэры) превратилась в настоящий миф, легенду и имела, конечно, для гитлеровцев и бандэровцев солидное морально-психологическое основание для тогдашней тактики.

Пану Косыку так хочется передать приоритет в создании формирований ОУН-бандэровцев, а одновременно очернить, унижить её соперников, что он пишет такое:

«Весной 1942 г., одновременно с созданием групп самообороны ОУН:Бандэры, появились вооруженные группы Тараса Бульбы-Боровца. В августе 1941 г. «Тарас Бульба» организовал вооруженный отряд украинской милиции. Разрешенный и вооруженный вермахтом, его отряд, который насчитывал, наверное, с тысячу стрелков и назывался «Полесская Сечь», занимался прочисткой болотистого и лесистого района северо-западной Украины (частично Беларуси) от остатков Красной Армии и от советских партизан. Однако 15 ноября 1941 года, наверное, под давлением СД, но официально из-за недостатка снаряжения, его отряд был распущен и разоружен вермахтом. В мае и в июне 1942 года «Бульба»-Боровец собрал часть членов распущенного отряда и создал партизанское формирование».¹³ (Выделено мной – В. М.).

Косык тут же дал такое примечание:

«Т. Бульба утверждал, что его милиция имела более 10 тысяч боевиков. Немецкие источники этого не подтверждают. Кое-кто утверждает, что его милиция, которую он называл «Полесская Сечь», имела название «Украинская повстанческая армия», кроме утверждений не сочувственно относящихся к ОУН Бандэры авторов, показаний этого нет. И это не важно, ибо более важным является факт, что в 1941 г. Т. Бульба-Боровец со своим отрядом милиции восстания против немцев не делал и не организовывал».

Все эти хитрости и манипуляции, а иногда и прямые инсинуации, пан Косык использует для того, чтобы поднять, усилить тогдашнее влияние бандэровцев среди части населения. Однако, как бы там не писалось в националистических «летучках»-листовках, или в книге В. Косыка, ОУН Бандэры (отдаем должное) эффективно использовала в своих целях искреннее стремление украинского населения, особенно молодежи, к беспощадной борьбе с гитлеровцами.

Необычайно наивно и одновременно саморазоблачающе описанная паном В. Косиком «Война между украинцами и советскими партизанами».¹⁴ Автор довольно часто отмечает, что советские партизаны действовали провокационно, вызывали своими акциями карательные операции гитлеровцев против мирного населения. «Так, например, – пишет он, – 23 сентября 1942 года гитлеровцы уничтожили села Борки, Борисовку и Кортелисы. Закрытые в церкви и в других постройках, 2832 жителя Кортелисов сгорели в пламени...».

Пан Косык здесь полностью заврался, потому как жителям Волыни хороши известно, что в составе полицейского полка «охранный» полиции СС, что терроризировал

---

¹³ Там же. С. 277.

¹⁴ Там же. С. 431.

крестьян Кортелисов и многих других сел Полесья, действовали подразделения шуцманов с украинскими фамилиями и местные полицаи. Народные суды над ними происходили в 60-70-х годах (над частью из них заочно, так как подсудимые живут за границей) и доказали их участие в преступлениях. Правда, здесь же пан Косык признает, что «эти карательные операции (гитлеровцев – В.М.), в частности на Волыни, **иногда проводились с помощью украинских полицаяв, которых принуждали принимать участие в экзекуциях, или копать ямы (!). А поскольку полицаи все чаще отказывались принимать участие в таких акциях, немецкие органы власти распорядились в марте 1943 года провести полную реорганизацию украинской вспомогательной полиции...**» (Выделено мной – В. М.)

То, что «украинские» полицаи не иногда, а в подавляющем большинстве случаев принимали участие в карательных акциях гитлеровцев против советских партизан и мирных жителей, в уничтожении еврейского и польского населения, не вызывает сомнений. Об этом свидетельствуют многочисленные документы и достоверные свидетельства многих очевидцев этих ужасающих преступлений. При этом, тех полицаяв никто особо не принуждал, а они сами угодливо брались за всякую наичернейшую и наикровавейшую «работу», особенно там, где можно было пограбить и поживиться. Пан Косык смехотворно уверяет читателя, что гитлеровцы принуждали «украинских» полицаяв копать ямы для казненных. Это – ужасающая насмешка, пан Косык, над памятью погибших, так как ямы всегда копали жертвы, а не полицаи! А зарывали ямы согнанные теми же полицаями люди, которые часто и сами становились жертвами садистского произвола палачей.

Еще наивнее звучит ваше, пан Косык, заявление, что «полицаи все чаще отказывались принимать участие в (карательных) акциях», а потому немецкие органы власти распорядились в марте 1943 г. провести массовый переход «украинских» полицаяв на Волыни в леса, в УПА. В Галиции же подобная акция случилась несколько позже, в конце лета 1943 г., и то не массовая, а поодиночке или группами.

На самом же деле, здесь истина довольно простая: возрастание народной борьбы против оккупантов заставило гитлеровцев прийти к решению, что эффективнее держать этих вооруженных полицаяв в лесах для борьбы против советских партизан, чем держать их на постоях в казармах. Потому и была проведена операция «бегства украинских полицаяв в УПА». Операция проводилась тайно. Гитлеровские оккупационные власти создавали видимость «непокорности» и «бегства», а руководство ОУН-бандэровцев было довольно тем, что «украинские» полицаи создали костяк УПА, которая пополнилась «опытными» кадрами. Освобожденные полицейские места были вскоре заполнены «новыми кадровиками» в Галиции – украинскими «продай-душами».

Немало националистических авторов пишут о том, что «украинские» полицаи на Волыни пошли в леса в УПА внезапно, «по сигналу» руководителя ОУН-бандэровцев. На самом деле, этот переход полицаяв «с оружием и амуницией», как известно, проходил в марте-апреле 1943 года на протяжении нескольких недель. Как могли длительному «переходу» не помешать такие гитлеровские органы, как гестапо и СД, на которые опиралась оккупационная власть? То есть, версии о внезапности перехода («по сигналу») – обыкновенная фальшивка, рассчитанная на неосведомленных, а, главное на «оправдание». Но перед кем пытались и пытаются оправдаться проводники украинского интегрального национализма и их нынешние апологеты? Перед украинским народом? Перед теми жертвами карательных акций, перед которыми провинились эти «украинские» полицаи? Пан Косык, в частности, нигде в своей книге не пишет о том, что эта «украинская» полиция обгарила свои преступные руки невинной людской кровью и,

приобретя такой «опыт», со временем стала основой формирований УПА. Какой же «украинской» была эта «повстанческая армия»? Да и против кого она «восставала»?

Собственно, хорошо зная, что «в сообщениях главного управления безопасности райха» гитлеровцы «не различают советских партизан и националистических партизан, то есть повстанцев», пан Косык сам подбирал в архивах документы того «управления безопасности райха», чтобы приумножить, увеличить баланс действий УПА за счет советских партизан. Так, из документа № 165 получаем такую информацию полиции безопасности и СД: «... что касается деятельности банд в особенно угрожающих районах Волини – Подолья и Житомира, то в последнее время преданы такие цифры: боевые столкновения: Волинь-Подолье – 47, Житомир – 29; нападения на местности: Волинь-Подолье – 42, Житомир – 36; покушения на железные дороги: Волини-Подолье – 26, Житомир – 13». Документ датируется: «Берлин, 22 января 1943 года».

Речь здесь, совершенно понятно, идет только о действиях советских партизан, ибо в районах Подолья и Житомирской области (восточная Волинь) вооруженных формирований ОУН-УПА не было, за исключением отдельных небоеспособных отрядов. А, во-вторых, речь идет здесь о «покушениях на железные дороги», которые формирования УПА абсолютно не проводили.

Достоверно известно о целой серии переговоров между руководством ОУН-УПА и представителями немецкого командования на разных уровнях. Такие переговоры приобрели особенно интенсивный характер, начиная с весны 1944 г. Гитлеровское командование было заинтересовано в том, чтобы иметь солидные диверсионные силы, которые могли бы парализовать тылы Красной Армии. ОУН-УПА хотели всесторонней помощи, прежде всего, значительных поставок оружия, боеприпасов и медикаментов.

Националистические авторы в основном представляют такие переговоры односторонне: мол, гитлеровцы напрашивались на тесное сотрудничество в борьбе с «советами», ибо нуждались в помощи, и, якобы, инициатива проведения таких переговоров и «встреч» принадлежала исключительно немцам. Это, конечно, абсолютно не соответствует действительности, ибо инициатива чаще исходила от центров ОУН-УПА, которые требовали политической и морально-психологической поддержки, и военно-материальной помощи.

Но вот как это представляет пан Косык:

«3 июня 1944 года во Львове состоялись переговоры на высшем уровне между представителем УПА и представителем вермахта относительно возможного сотрудничества в некоторых сугубо военных сферах. Представитель УПА сформулировал много условий для такого сотрудничества. Прежде всего, УПА сохраняла за собой право свободно обучать свои отряды и осуществлять операции без малейшего немецкого вмешательства. УПА осуждала обращение вермахта и СД с украинским населением и требовала полного прекращения грубого обращения вермахта и карательных отрядов. Кроме того, УПА требовала освобождения всех украинцев (читай: украинских воинственных националистов – В. М.), заключенных в концентрационных лагерях и тюрьмах. В случае подписания соглашения все немецкие службы, а также СД и гестапо, должны были получить соответствующие инструкции. Возможное сотрудничество должно было оставаться в секрете, чтобы советские службы пропаганды не могли этим воспользоваться. Возможное сотрудничество касалось только борьбы против большевизма и Советской России...».¹⁵

И здесь же добавляет, что переговоры были прерваны.

---

¹⁵ Там же. С. 437.

Пан Косык не называет представителей ОУН-УПА, которые вели переговоры, условия, которые эти представители выставляли на них. Да и при этом выходит, что стороны ни о чем не договорились. Такая фальшь, конечно, не на пользу автору, который претендует на «объективность исследования», не на пользу она и тому делу, которое автор называет «национально-освободительным»... Да и уполномочивал ли народ Галиции, а тем более всей Украины, ОУН-УПА на такое преступное действие?

А между тем пан Косык продолжает:

«Но тем временем бои между отрядами УПА и немцами продолжались...»

О каких «боях» пишет автор? Это же сушая ложь! Ибо в 1944 году между ОУН-УПА и командованием отступающих гитлеровских войск существовала (об этом знают все, кто хоть немного знает историю Второй мировой войны!) строгая договоренность о всеяческом содействии сторон друг другу. ОУН-УПА стремилась создать ситуацию, при которой можно было бы, активно маневрируя, безболезненно пережить фронтовые условия и закрепиться в тылу Красной Армии.

При этом следует отметить, что в условиях отступления гитлеровских войск имели место отдельные эпизоды, когда формирования УПА, желая укрепить боеспособность, разоружали одиноких солдат вермахта или даже помогали им добраться к своим отступающим частям.

И сам пан Косык соглашается, что договоренность между отступающими частями немецкого вермахта и ОУН-УПА существовала. Он пишет: «Несмотря на правительственное соглашение, УПА совсем не прекратила нападения против немцев, в частности, как было указано в немецком донесении, против отдельных солдат и команд. В первой половине августа отряд УПА разоружил 180 немцев и 50 узбеков, 15 августа состоялся бой между УПА и венгерской армией недалеко от Жабье (ныне Верховина – В. М.), где было убито 11 венгров. В Ластивке отряд УПА напал на конвой с оружием, который охранял немецкий отряд. В руки УПА попало около 30 возов с оружием и боеприпасами».¹⁶

Такой «бой» с венграми абсолютно невероятен, ибо автор указывает, что он случился 15 августа 1944 г., тогда как еще в марте того же года из Жабье (Верховина) были выбиты венгерские и немецкие войска. Что же касается нападений на небольшие подразделения немцев с целью получить оружие и боеприпасы, то они имели место, но не были частыми.

Однако, еще большей ложью является такое сообщение пана Косыка:

«Последний бой между УПА и немцами состоялся 1 сентября (то есть 1944 г. – В. М.) к югу от Коломыи, в горах. Немцы потеряли двух солдат убитыми, 2 ранеными, один солдат и один капитан были захвачены в плен...».¹⁷

Такие «доблести» не одиноки в книге этого автора. Дело в том, что еще 28 марта 1944 г. советские войска освободили от немцев Коломыю, 31 марта – город Косив, который как раз находится южнее Коломыи, а 29 марта – город Надвирная, который расположен западнее Коломыи. Пан же Косык пишет о «бое» 1 сентября, когда уже все украинские земли были полностью очищены от гитлеровских войск. На таких «неточностях» построена вся фактография пана Косыка.

Если Владимир Косык в довольно объемной книге под названием «Украина и Германия во Второй мировой войне» рассматривает взаимоотношения украинских воинствующих националистов и немецких нацистов, то ранее уже часто упоминавшийся

---

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

исследователь тех же вопросов Т. Гунчак в книге «Украина: первая половина XX столетия. Очерки политической истории» довольно конспективно, но определенно освещает историю украинского националистического движения на протяжении полувека, которое называет историей Украины и её народа. Для пана Гунчака, как и для его националистических коллег по перу, не существует морали (тем более национальной!) в выборе и трактовке объекта и субъекта научного исследования. Украина и украинцы для него – это украинские воинствующие националисты, история же Украины, то есть история украинского народа (народов Украины) – это история украинского воинственного национализма.

Можно было бы пренебречь этим «писанием», а тем более теми «перлами», которые так щедро выдает пан Гунчак. Да и его книга – конспект конспекта о деятельности националистического движения на Западной Украине (а не на Украине в целом, как об этом пишет в заголовке автор). Однако, приведем несколько примеров из книги, которые характеризуют действия украинских интегральных националистов в годы Второй мировой войны.

Пан Гунчак в начале раздела «Вторая мировая война» замечает так: «Несмотря на общие утверждения, Гитлер не имел точного плана, что делать с Востоком Европы. Такой план разработал один из теоретиков фашизма Альфред Розенберг. Он предусматривал распад Советского Союза на пять частей, из которых должны были образоваться Великая Финляндия, Балтийский протекторат, Украинская держава, Кавказская федерация и Россия».¹⁸

И дальше:

«Идея раздела Советского Союза стала притягательной силой, которая привела к немецкому лагерю национально сознательных представителей нероссийских народов. Украинцы (то есть украинские воинствующие националисты – В. М.) занимали среди них одно из заметных мест. Но эти борцы национальной независимости не знали, что Гитлер не разделял мыслей Розенберга и готовил им место рабов в нацистской империи».

Такая постановка вопроса в произведении пана Гунчака – сплошная детская наивность, ибо эти «национально сознательные» хорошо знали, что будут жить в зависимости от Гитлера, где уготовано народу «место рабов в нацистской империи» и где они («национально сознательные») станут погонщиками этих несчастных рабов.

При этом п. Гунчак предостерегает:

«...В поисках поддержки своих политических устремлений ОУН прибегла к сотрудничеству с немецкой военной разведкой. Возможность такого, как оказалось позднее, мезальянса стала особенно реальной с того момента, когда Гитлер решил пойти войной против Советского Союза... Обе фракции ОУН старались информировать немцев о своих политических целях. В частности, накануне нападения Германии на Советский Союз они прислали Гитлеру два меморандума...

Конечно, планы немцев никоим образом не совпадали с политическими устремлениями ОУН, но они молчали. Именно потому ОУН, с одной стороны, сотрудничая с немцами, а с другой – самостоятельно, искала решение проблемы украинской государственности. В конце концов, 30 июня 1941 года, когда немцы заняли Львов, Ярослав Стецько, который репрезентовал ОУН, провозгласил, не уведомляя об этом немецкую власть, о восстановлении краевого правления».¹⁹

---

¹⁸ Гунчак Т. Україна: перша половина XX століття. Нариси політичної історії. К., 1993. С. 223.

¹⁹ Там же. С. 225.

Это «провозглашение» пан Гунчак называет «поворотным пунктом» в украинской политике. В чем заключался этот «поворот»? «Поворот» в отношении к нацистам»? Да никак! ОУН сотрудничала с гитлеровцами еще задолго до войны, хотя перед населением Галиции всячески изображала, что борется против гитлеровцев, хотя этой «борьбы» тоже не было видно. По крайней мере, отдельные инциденты противостояний УПА (вернее, отдельных её подразделений) начались только с весны 1943 г. и имели эпизодический характер, происходили на уровне непокорных низовых организаций и подразделений.

Здесь же Гунчак ставит довольно категоричный вопрос:

«Какие же вообще политические силы существовали на Украине во время Второй мировой войны? Их количество можно было бы свести к четырем, а именно: немецкая оккупационная власть; коммунистическое подпольное и партизанское движение; польское подпольное и партизанское движение. Характерно, что все четыре силы исключали друг друга. Только польское подполье на Волыни и коммунистическое движение время от времени сотрудничали против украинского самостоятельного подполья, но делали это без взаимного доверия».²⁰

Пан Гунчак глубоко ошибается, когда выдает Западную Украину за всю Украину. Действительно ли националистическое движение было движением национальным, движением за независимость и самостоятельность Украины? Да, оно было «независимым и самостоятельным», но независимым от украинского народа.

Наверное, наибольший политический камуфляж допускает пан Гунчак, когда пишет о переговорах руководства СС со Степаном Бандэрой. Гунчак: «Немцы... всеми способами пытались завязать действенные отношения с УПА, обещая украинцам и другим народам Восточной Европы изменить политику относительно них...».²¹

И далее:

«С этой целью шеф главного бюро СС генерал Г. Бергер имел 5 октября 1944 года разговор со Степаном Бандэрой, которого вскоре выпустили из концентрационного лагеря. «Бандэра – это неудобный, упертый и фанатичный славянин, – писал генерал в своем рапорте. – Своей идее он предан до последнего. На данном этапе необычайно ценен для нас, после – опасен. Ненавидит одинаково как русских, так и немцев».

И здесь же Гунчак добавляет, что попытки немцев достичь взаимопонимания с УПА остались безуспешными. Он как может фальсифицирует факты. Хорошо известно, что на встрече Бандэры с шефом штаба СС генералом Г. Бергером речь шла не об УПА и сотрудничестве с ней, ибо такие отношения уже были окончательно налажены. Еще летом 1944 года, как свидетельствуют многочисленные документы, вопросы сотрудничества с УПА были окончательно нормализованы гитлеровцами – вооруженные формирования ОУН-УПА систематически получали оружие, боеприпасы, медикаменты, средства связи и связистов, диверсионные средства и подразделения подготовленных диверсантов, которых постоянно готовил абвер специально для забрасывания в тыл Красной Армии. Речь шла здесь о том, кто возглавлял так называемый Украинский национальный комитет (УНК) и о подчинении его российскому комитету, который возглавлял генерал А. Власов.

Вот как об этом (также крайне противоречиво и закамуфлировано) писал сам пан Гунчак в своей книге «В мундирах врага»:

«Немцы надеялись, что освободив украинских политзаключенных (речь идет об освобождении из концлагеря «Заксенхаузен» С. Бандэры, Я. Стецько и их сторонников – В. М.), они могут достичь некоторого взаимопонимания с УПА. С этой целью начали

---

²⁰ Там же. С. 227.

²¹ Там же. С. 243.

серию переговоров с такими людьми, как Бандэра, Мельник, гетман Павел Скоропадский, который руководил Украиной с 28 апреля 1918 года; Володымыр Кубийович, представитель Галиции; Олександр Семененко, юрист и мэр из Харькова, Андрий Ливицкий, президент правительства в эзиле (УНР), Кость Паньківський и «Тарас Бульба» – Боровец, проводник украинского сопротивления на Вольни...».²²

Здесь автор явно фальсифицирует суть этих переговоров, уверяя незнающего читателя в том, что гитлеровцы хотели «достичь некоторого взаимопонимания с УПА». Такие особы, как Мельник, Скоропадский, «Тарас Бульба»-Боровец, Кубийович и Паньківський не имели никакого отношения к бандэровской УПА. Наоборот, эта бандэровская УПА, а особенно бандэровская служба безопасности ОУН ликвидировала под корень всех людей из их окружения. Это хорошо знали гитлеровцы.

Однако далее пан Гунчак несколько проясняет суть переговоров:

«Немцы поняли, что пока среди немецкого руководства шли споры относительно украинского движения, украинские лидеры (то есть лидеры украинских воинствующих националистов – В. М.) объединились в оппозицию к идее подчинения их российскому комитету генерала Власова. Позиция украинских лидеров нашла безусловную поддержку со стороны других национальных лидеров, особенно с Кавказа, которые также пребывали в оппозиции к идее руководства и политической гегемонии россиян...»

Неспособные достигнуть взаимопонимания ни с фракцией Бандэры, ни с фракцией Мельника, немцы обратили взгляды на уже почти недеятельную УНР, которую возглавлял президент Андрий Ливицкий. Тот ответил позитивно на предложения немцев, рекомендуя Павла Шандрука председателем Украинского национального комитета. Наверное, причиной рекомендации Шандрука на эту руководящую должность было то, что он стоял в стороне от политики...».²³

Эту закамуфлированную паном Гунчаком ситуацию лучше выясняет Кость Паньківський в своих воспоминаниях «От комитета к государственному центру». Речь шла здесь, конечно, не об УПА, как неоднократно пишет Гунчак, а о том, кто должен возглавить Украинский национальный комитет, и о подчинении его деятельности российскому комитету генерала Власова.

Более умеренно и рассудительно, чем другие националистические авторы, рассматривает проблему «Украина во Второй мировой войне» историк Орест Субтельный в книге «Украина: история». И хотя автор, как и другие националисты на Украине и вне её, сводит понятие «Украина» и «украинцы» к понятию «украинские националисты», все же на многих страницах его книги есть немало довольно критического и даже объективного материала в оценках фактов, событий, общественных явлений и процессов. В разделе «ОУН и нацистская Германия» О. Субтельный довольно откровенно указывает:

«Украинские интегральные националисты с энтузиазмом приветствовали нападение немцев на СССР, рассматривая его как многообещающую возможность установления независимого украинского государства. И хотя ОУН и Германия имели общего врага, их цели были далеко не общими. С точки зрения немцев основная польза ОУН заключалась в том, чтобы служить диверсионной силой для создания хаоса в советском тылу. Со своей стороны интегральные националисты, разочарованные политикой Гитлера относительно Карпатской Украины (Гитлер передал марионеточное государство «Прикарпатскую Русь» хортистской Венгрии – В. М.), не имели намерения быть орудием для Берлина; они поставили себе целью воспользоваться войной и

---

²² Гунчак Т. У мундирах ворога. С. 119.

²³ Там же.

распространить по всей Украине собственное влияние. Так каждая сторона стремилась использовать другую в своих собственных, часто противоположных, целях. В шатких отношениях между ОУН и нацистской Германией имели место и другие трудности. Среди немцев существовало расхождение взглядов на ОУН: Абвер (военная разведка) во главе с адмиралом Вильгельмом Канарисом, который имел длительные связи с ОУН, выступал за сотрудничество с ней, но нацистский партийный аппарат во главе с Мартином Борманом с презрением отказывался рассматривать её как серьезный политический фактор. К тому же немцы, которые хотели иметь дело с интегральными националистами, наталкивались на проблему: какую фракцию поддерживать – относительно умеренных, но слабых мельниковцев (ОУН-М) или деятельных, но непокорных сторонников Бандэры (ОУН-Б). Конкуренция за то, чтобы получить поддержку немцев, разожгла соперничество двух фракций, каждая из которых стремилась утвердиться как единственный представитель украинского народа».²⁴

И еще одно весьма интересное замечание автора:

«В рамках своей стратегии (ставить немцев перед фактами) обе фракции ОУН запланировали – снова без их согласия – организовать и контролировать местную администрацию во вновь завоеванных частях Украины. С этой целью они собрали около 2 тыс. своих членов, преимущественно из числа ОУН-б, и разделили их на походные группы, дав им наставление идти в глубину Украины следом за наступающими войсками. Эти группы должны были обнаруживать в каждом населенном пункте национально сознательных украинцев, создавая вокруг них местную администрацию. Хотя кампания мобилизации советских украинцев для дела интегрального национализма дала многочисленные примеры отваги и изобретательности молодых членов походных групп, она также обнаружила некоторые уродливые стороны борьбы двух фракций ОУН. Наиболее заслуживающим внимания случаем этой борьбы стало убийство двух ведущих членов ОУН-м Емельяна Сеника и Николая Сциборского в сентябре 1941 года в Житомире, осуществленное, как пересказывали, членом ОУН-б. После этого эпизода убийства и взаимные доносы немцам в жестоком конфликте двух фракций ОУН стали обычным явлением».²⁵

Если немало националистов в прошлом и сегодня отрицают начисто всякую «колябацию» с немецким оккупационным режимом, то пан Субтельный довольно смело развивает свою «философию», не выдерживающую никакой критики с точки зрения обычной человеческой морали:

«Во взаимоотношениях с немцами перед украинцами встала дилемма: подчиниться или оказывать сопротивление. Как и во всей оккупированной немцами Европе, огромное большинство решило подчиниться. И когда подчинение переходило за рамки пассивного исполнения немецких приказов, оно превращалось в коллаборационизм. В Западной Европе, где преданность своему государству была чем-то само собой разумеющимся и где единственным врагом были нацисты, сотрудничество с немцами считалось разновидностью предательства. На Украине же это являло собой куда более сложный вопрос. Непонятным было, прежде всего, то, кому украинцы должны были сохранять верность: сталинскому режиму или польскому государству, которые обижали их. Кто больший враг: сталинская система, которая принесла столько страданий в 30-х годах, или нацистский порядок, господствовавший теперь (хотя, возможно, только

---

²⁴ *Субтельный. О. Україна: історія. С. 401.*

²⁵ Там же.

временно)? И, наконец, с оглядкой на крайнюю жестокость обоих режимов на Украине, много украинцев ценой коллаборационизма спасали себе жизнь».²⁶

Здесь, как видим, пан Субтэльный под «Украиной» понимает Галицию. В восточной, южной и центральной частях Украины, где ментальность населения значительно другая, нежели в Галиции, коллаборационизм имел только эпизодическое значение и место. Это определяли и традиции исторического развития, и стойкие традиции православия, и то, что миллионы отцов и сынов пребывали в рядах Красной Армии, которые вместе с представителями других народов Советского Союза мужественно воевали против фашизма и защищали свою родную землю от завоевателя.

Субтэльный продолжает:

«На индивидуальном уровне сотрудничество с немцами, конечно, сводилось к участию в органах местной власти и контролируемой немцами вспомогательной полиции. Это делалось по разным мотивам. На Западной Украине, где до войны поляки не допускали украинцев даже к самым мелким административным должностям, основным мотивом нередко выступало стремление сосредоточить в собственных руках хоть минимальную власть и взять реванш над ненавистными соперниками. Как всегда, важной причиной была необходимость найти себе работу или удовлетворить собственные амбиции. Наиболее печально известной формой сотрудничества была служба в концентрационных лагерях. Обязанности охранников неизменно исполняли советские военнопленные, которые оказывались перед тяжелым выбором: или согласиться на такую работу, или погибнуть в лагерях... При том, – добавляет Субтэльный, – что украинские коллаборационисты занимали в нацистском аппарате самые нижние должности, и при монополии СС и проведении акций экстерминации (то есть уничтожения – В. М.) евреев, участие украинцев в этих бойнях не было ни широкомасштабным, ни решающим. Если же такое случалось, то в основном это были помощники-полицая, которые загоняли евреев в гетто...».²⁷

Субтэльный здесь же отмечает:

«Кроме бесплодной интермедии между ОУН и немцами в первые дни войны, самым важным случаем сотрудничества украинцев (то есть украинских воинственных специалистов – В. М.) с гитлеровским режимом на организационном уровне стало **создание добровольческой дивизии СС «Галиция»...**» (выделено мной – В. М.)

И еще:

«Кроме бойцов галицкой дивизии, в армии Гитлера служили и другие украинцы. Среди почти миллиона бывших советских граждан, которые носили в 1944 году немецкую форму, было около 220 тыс. украинцев (остальное составляли преимущественно россияне). Чтобы осмыслить эти цифры в широком контексте, следует принять во внимание, что почти 2 млн. украинцев воевали на советской стороне, а много находилось в польской, румынской, венгерской, чешской, американской и канадской армиях. Такова была судьба народа без государства».¹

Здесь, как и выше, пан Субтэльный оправдывает коллаборационизм. Он, как видим, не учитывает не только идейно-политические (мировоззренческие) убеждения людей, но и то, что украинцы Чехии, Канады или США и Советской Украины, по крайней мере, защищали свою землю и дома от захватчиков. Что же тогда защищали украинские воинствующие националисты в Галиции, став на сторону этого захватчика?

---

²⁶ Там же. С. 408.

²⁷ Там же. С. 409.

Вы, читатель, уже несколько познакомились с тем, как «историки» В. Косык, Т. Гунчак, О. Субтэльный и другие, которые проживают за пределами Украины, освещают участие «украинцев» во Второй мировой войне. К этим «писаниям» стоит добавить статью Феликса Кордубы «Der Generalplan Ost» (в 40-летие похода III райха против СССР). (Ж. «Украинский историк», Нью-Йорк – Торонто – Мюнхен, 1981. № 1-4.)

Исследователь довольно аргументировано анализирует нацистский «Генеральный план «Восток», его природу и суть. Раскрывая его смысл, Кордуба отмечает: «К сожалению, между нашими политическими деятелями не нашелся ни один человек, который обосновано обратил бы внимание на нарастающую угрозу для украинского народа со стороны III райха. Главное внимание в межвоенном периоде оправдано концентрировалось на борьбе с большевизмом и другими оккупантами украинских земель, и каждый раз – на всё большем «союзно-концептуальном» ориентировании на национал-социализм, как главную антибольшевистскую силу в Западной Европе...».

Здесь же автор довольно неожиданно заявляет: «...**Чтобы предотвратить консолидацию и координацию III райха заранее позаботились о том, чтобы разбить ОУН на две враждующие части** (имеется ввиду раскол ОУН на две враждующие группы – мельниковцев и бандэровцев – В. М.). **Доказательств для подтверждения такого факта существует множество** в разных немецких публикациях, а также в документации МВТ (то есть Международного военного трибунала над главными военными преступниками гитлеровской Германии – В. М.) в Нюрнберге» (выделено мной – В. М.)

Автор весьма легкомысленно отнесся к так называемым «Дружинам украинских националистов» (ДУН): «... Зимой 1940 г. немцы организовали два батальона из украинцев – «Нахтигаль» и «Ролянд», заданием которых было разве что во время марша немецких соединений ко Львову петь украинские песни... ибо к самостоятельным боевым действиям они не были ни подготовлены, ни соответственно вооружены...».

Напрасно здесь Ф. Кордуба так иронизирует, ибо «соловьи» из «Нахтигалья» были хорошо подготовлены учинять диверсии и карательные акции, а во Львове они не пели украинских песен, а беспощадно казнили «врагов» «самостийной» Украины под штандартами Гитлера.

В ходе освещения вопроса освоения гитлеровцами Украины Ф. Кордуба часто бывает откровенным и объективным, что так не свойственно многим националистическим авторам за границей. Так, в частности, он указывает, что гитлеровцы надеялись на то, что в германизации Украины и в её грабеже им помогут «райхс- и фольксдойче». «Среди них были наши патриоты», – обращал он при этом внимание.

Весьма неожиданно (и, наверное, он единственный в среде националистических «историков») Ф. Кордуба оценивает движение советских партизан. Бывший эсэсовец из 14-й гренадерской дивизии СС «Галиция», довольно объективно освещает одну из причин роста партизанского движения в Украине: «...Принудительная работа в Германии, в частности постоянная охота на трудоспособных мужчин и женщин, вынуждали беззащитных людей к противодействию. Одни скрывались в лесах, другие присоединялись к советским партизанам». Это стало причиной того, – продолжает автор, – что, по данным некоторых немецких старшин, население на 60% желало и ожидало освобождения Красной Армией. А нужно иметь в виду, что приход немцев на Украину с энтузиазмом приветствовалось около 95% населения». Неизвестно только, как подсчитывал все эти проценты автор, но понятно, что он имел ввиду, прежде всего, Галицию, а не Украину, хотя и здесь эти факты соответствовали действительности. Далее Кордуба четко определяет:

«Национальная политика III райха на оккупированных землях Восточной Европы, которую осуществлял оккупант согласно с его девизом «Beherrschen, werwalten und ausbeuten» (владеть, управлять и эксплуатировать – В. М.), очень во многом приводила к росту активности действий советского партизанского движения». Здесь же исследователь указывал, что «советские партизаны были хозяевами в селах».

Что правда, то правда! И еще:

«... Беспощадное уничтожение красноармейцев в плену – это основная причина подъема советского партизанского движения. Такого движения немецкое начальное командование в Восточной Европе не предвидело, поэтому к противопартизанской борьбе не было подготовлено...Терроризируемое и ограбленное население на Украине и в Белоруссии всё больше склонялось в сторону партизанского движения. Вследствие этого дошло до того, что в тылах немецких дивизий организованы партизанские районы с советской администрацией. Летом 1942 г. партизаны связали большие немецкие военные соединения и полицейские силы. К осени 1942 г. они уничтожили около 3000 немецких поездов. Не будем оперировать разными статистическими данными, которые свидетельствуют о больших успехах советских партизан на Украине и в Белоруссии, что, между прочим, подтверждают немецкие источники. В конце 1943 г. в Белоруссии оперировало 360 000 партизан, а на Украине 220 000».

Как известно, националистические историки всячески фальсифицируют и «позорят» Карпатский рейд дважды Героя Советского Союза, генерал-майора С. А. Ковпака. Ф. Кордуба же отмечает: «Весной 1943 г. большие соединения советских партизан под командование Ковпака пробились в Карпаты, вызвав большую панику среди населения. Во время акций партизаны уничтожили много немецкой администрации и разнациональных коляборантов».

При этом же Кордуба откровенно указывает, что органы безопасности (гестапо и СД гитлеровцев – В. М.) считали «террористами» как раз членов ОУН, а УПА они трактовали как обычную «банду»... **Некоторые органы III райха сотрудничали одновременно с обеими частями ОУН** (здесь и ниже выделено мной – В. М.)

Тут же исследователь ссылается на западногерманского историка Райтлингера (Gerald Reitlinger. Ein Haus auf Sand gebaut. Hitlers Gewaltpolitik in Russland 1941–1944), который указывал, что ОУН-бандэровцев пользовалась у гитлеровцев, в частности у адмирала Канариса, бóльшим уважением, чем ОУН-мельниковцев, ибо она, как и личность Бандэры, была «более динамичной», чем ОУН-м и её руководитель А. Мельник.

И еще, самое существенное:

«В упомянутой книге Райтлингер вспоминает, что С. Бандэра создал соперничающую партию, в сокращении ОУН(б), которая была оппозиционной к ОУН полк. А. Мельника, **тесно сотрудничая с немцами. Во время оккупации сов. Украины ОУН(б) долгое время побивала ОУН полк. А. Мельника. Она пользовалась немецким оружием против немецких чиновников, русских партизан и против собственных граждан...**»

Выходит, что и бывший эсэсовец Ф. Кордуба может писать искреннею правду!

Довольно характерным для деятелей с Запада является работа американского «советолога» и «украиноведа» Джона А. Армстронга под названием «Украинский национализм. 1939-1949».²⁸ Мы уже отметили то, как Д. Армстронг довольно объективно определил, что ОУН возникла из «террористических полуфашистских организаций» –

---

²⁸ *Armstrong J. A. Ukrainian Nationalism. 1939–1949. New York. Columbia University.*

УВО (Украинской военной организации) и Союза украинской националистической молодежи под руководством Д. Донцова, которые со временем стали фашистскими.

Книга эта вышла двумя изданиями в 1955 и в 1963 гг. Первые семь разделов показывают картину развития украинского интегрального национализма во время Второй мировой войны. Следующие разделы анализируют становление разных представителей (в основном ОУН-бандэровцев) «Национально-освободительного движения».

Можно представить, что это за книга, коль Д. Армстронг смотрел на исследуемые процессы и события не только с помощью консультаций бандэровцев, но и их глазами.

Мы не будем анализировать эту книгу Д. Армстронга, а постараемся посмотреть на неё сквозь очки двух авторов из «украинской диаспоры» на Западе. Это мы делаем для того, чтобы увидеть, какой разоблачительный материал таится в этих и других писаниях.

Сначала о статье Игоря Каменецкого «Состояние исследований и публикаций в области истории немецкой оккупации Украины в годы второй мировой войны». ²⁹ Судя по тексту, автор принадлежит к националистическому лагерю. Статья же, по сути, является рецензией – обзором литературы.

Приведем наиболее «яркие» места из статьи. Автор пишет, что книга Д. Армстронга «опирается на документальные источники». Но какие? Оказывается, что эти «документы» – это и «интервью с представителями бывшей нацистской администрации и эмигрантами из украинских земель», что дало возможность Армстронгу «выяснить много неизвестных фактов (!)»

Однако, далее И. Каменецкий несколько «трезвеет»:

«(Армстронг) признает, что на центральных и восточных украинских землях долгий опыт под большевистским режимом и новая политика репрессий нацистов не благоприятствовала в большинстве случаев проявлению национальных чувств... Армстронг считает, что в общем политико-пропагандистская кампания ОУН на Наднепрянской Украине была неэффективной с учетом её абстрактного характера и узко-националистического и нереалистического подхода к проблемам, актуальным в то время и в той действительности...»

...Хотя Армстронг и критикует ОУН за неэффективность методов и за изначальный догматизм, он всё же считает, что как подпольная, так и легальная работа ОУН во время немецкой оккупации оказали определенное влияние на дальнейший рост национализма на Украине. С другой стороны, он целиком негативно оценивает целесообразность широко распространенного партизанского движения УПА. Анализируя разные политические калькуляции проводников этого движения в связи с международной ситуацией в 1943-1945 годах, автор не видит смысла действий УПА. Он осуждает УПА с реалистической точки зрения как безосновательную деконспирацию подполья, а это затем повлияло на уничтожение наиболее активных кадров ОУН и на тяжелые потери для украинского населения». ³⁰

И еще одно довольно характерное признание:

«Армстронг слишком поверхностно сравнивает обе фракции ОУН с фашизмом и нацизмом и подчеркивает, вопреки всем данным, что ОУН ставило чистоту крови даже выше, чем нацисты. Не отрицая определенных тоталитарных влияний, в том числе фашистской и националистической идеологий, можно заметить, что автор не всегда

---

²⁹ Український історик. №№ 1, 2, 5, 6. Нью-Йорк – Мюнхен, 1965.

³⁰ *Armstrong J. A. Ukrainian Nationalism. 1939–1949. С. 41–42.*

ориентировался в роли идеологий и идеологических различий между упомянутыми группами».

И дальше И. Каменецкий продолжает мысль:

«Преувеличивает автор и значение расизма в ОУН. Утверждение, что ОУН больше делала упор на принадлежность крови, чем немецкие нацисты, не обосновано доказательствами».

Но Армстронг здесь абсолютно прав, ибо украинские расисты писали значительно больше о расовости, исключительности, чем немецкие нацисты. Почитайте, что писали об «украинской расе» С. Рудницкий в работах «Украина – наш родной край» и «К основам украинского национализма», Д. Донцов во многих своих человеконенавистнических трактатах, Ю. Липа в «Украинской расе», И. Мирчук в «Мировоззрении украинского народа», Д. Ткачук в «Украинском национализме», Д. Штыкало «Над миром сияет крест меча» и другие расисты, и вы ужаснетесь!

Несколько иначе пишет о книге Д. Армстронга «Украинский национализм» уже упомянутый Иван Лысяк-Рудницкий.

И. Лысяк-Рудницкий (1919-1984) – известный украинский историософ, автор многих работ по истории украинской общественно-политической мысли. Он считал себя близким к классическому либерализму «в европейском понимании», который «имеет в себе сильную дозу консерватизма».³¹

Ученый был увлечен Вячеславом Липинским и считал его своим духовным наставником. Стремление объективного освещения исторических процессов и явлений приобрело авторитет научной общественности. Однако, ему были свойственны и явно националистические настроения и оценки, хотя и с точки зрения того же либерал-консерватизма.

И. Лысяк-Рудницкому принадлежит довольно точная и (в основном справедливая характеристика) украинского интегрального национализма. Мы уже приводили выше его определение этого явления, данное в статье «Национализм».³²

В статье «Украинское освободительное движение во время Второй мировой войны»³³ автор предоставляет не анализ этого «движения», а по сути, рецензию на книгу Джона Армстронга «Украинский национализм». Будучи противником украинского интегрального национализма, он то вступает в спор с Армстронгом, то одобряет его характеристики.

И. Лысяк-Рудницкий соглашается с Армстронгом в том, что причиной украинского интегрального национализма была реакция на действия «ультранационалистических правительств Польши и Румынии, а со временем и Венгрии, которые отказывались удовлетворить даже скромные украинские национальные стремления, вызывали этим экстремистскую реакцию».³⁴

Автор соглашается с Армстронгом и в том, что ОУН «свойственно притупление морального чувства». Оба они, конечно, очень хорошо понимали, что кровавые преступления оуновцев во время войны и в послевоенные годы невозможно скрывать, к чему так стремятся нынешние борцы за бандэровщину.

Что же касается вопроса о «коляборации» с немецко-фашистскими оккупантами, то здесь у Ивана Лысяка-Рудницкого с Джоном Армстронгом весьма серьезные

---

³¹ Лысяк-Рудницкий И. Историчні есе. Київ, 1994. Т. 2. С. 504.

³² Энциклопедія українознавства. Париж – Нью-Йорк, 1966. № 5.

³³ Лысяк-Рудницкий И. Историчні есе. Т. 2.

³⁴ Там же. С. 262.

расхождения. «Было время, – пишет Лысяк-Рудницкий, – когда западные обозреватели были склонны осуждать всех «коляборантов» как предателей-«квислингов». Несомненная заслуга книги Армстронга в том, что она убедительно доказывает, что многие из тех, кто ангажировались в легальной общественной и культурной работе и занимали административные должности во время немецкой оккупации, – то есть люди, которых формально можно определить как «квислингов», – на самом деле стремились служить своему народу и защищать его интересы, насколько это позволяли обстоятельства».³⁵

Как видим, И. Лысяк-Рудницкий защищает этих «коляборантов». Если Джон Армстронг в своей книге констатирует наличие тех, кто верноподданно служил оккупантам, то Лысяк-Рудницкий пытается мотивировать поведение этих предателей народа и прислужников.

Вот как об этом он пишет дальше:

«Говоря в общем, украинские национальные силы (националистические, ибо они никогда не были национальными – В. М.) действовали во времена немецкой оккупации в двух разных плоскостях. Одной из них была подпольная организационная сеть и движение вооруженного сопротивления, носителем которого стала Украинская повстанческая армия (УПА). Второй была легальная общественная работа, которую допускала немецкая власть. Нацистская оккупационная система ставила такую деятельность в необычайно шаткую ситуацию. Для неё существовали кое-какие возможности только на тех землях, которые не подлежали юрисдикции «Рейскомиссариата Украина» (то есть Галиции, которая входила в состав генерал-губернаторства – В. М.). Но даже там преобладающим характером этой работы должен быть неполитический, – хотя в действительности за ней всегда скрывались политические мотивы. Достойные уважения достижения, которыми могли отличаться такие учреждения, как Украинский Центральный комитет (УЦК) в Галиции, или Харьковское городское управление, служат доказательством того, что украинское национальное движение, когда бы только ему были даны минимальные возможности, было в состоянии стать созидательной и упорядочивающей силой».³⁶

Здесь И. Лысяк-Рудницкий явно лицемерит, ибо в одних трудах называет это «национальное» движение близким к фашистскому или фашистским, а здесь, вдруг, УПА именует «движением вооруженного сопротивления» (но против кого?), а УЦК и другие оккупационные вспомогательные учреждения «созидательными и упорядочивающими силами». Да и можно ли эти «силы в двух плоскостях» называть «национальными»? Представляли ли они интересы трудящихся Украины, а тем более тех, кто с оружием в руках на фронтах большой войны мужественно боролся против фашистов? Правда, в своих трудах Д. Армстронг и И. Лысяк-Рудницкий единодушно соглашаются с тем, что ООН «свойственно притупление морального чувства». Так может ли этот аморальный дух быть действительно национальным?

И еще одна немаловажная деталь этого вопроса. И. Лысяк-Рудницкий соглашается с Д. Армстронгом в том, что «национально-освободительное движение» никоим образом не проникало глубоко в массы и не представляло весь народ. «Основные массы оставались незаангажированными», – констатировал, в частности, Д. Армстронг. Так что, можно ли такое «движение» назвать национальным?

---

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 262–263.

Была ли ОУН демократической организацией?

Сегодня почитатели воинствующего национализма часто говорят и пишут о том, что с осени 1943 г. ОУН-бандэровцев отказалась от тоталитаризма и донцовского интегрального национализма как разновидности фашизма и стала искренней поборницей так называемого «демократического национализма». Другие говорят еще круче, заявляя, что ОУН-бандэровцев приняла даже в своей социальной «платформе» принципы демократического социализма. При этом безоговорочно ссылаются на постановления 3-го сбора ОУН-бандэровцев и 1-го сбора УГВР (Украинской главной освободительной рады).

Потому сначала скажем о решениях 3-го «великого» сбора ОУН-бандэровцев, который состоялся в августе 1943 года. В «Летописи УПА» есть «Политическая декларация УПА», которую многочисленные националистические авторы называют «постановлением» этого сбора. Возможно, потому, что ОУН-бандэровцев, как партийно-тоталитарная организация (орден!), прикрывалась тогда ширмой «УПА». Здесь есть довольно неожиданные заявления о том, за что борются украинские (воинствующие и интегральные, и всякие другие) националисты. Вот целый ряд таких перечислений:

« - За уничтожение большевистских колхозов и немецких общхозов. За землю для крестьян без выкупа, за свободное хозяйство и свободное пользование продуктами труда.

- За то, чтобы крупная промышленность была национально-государственной собственностью, а мелкая – кооперативно-общественной.

- За участие работника в руководстве заводами...

- За восьмичасовой рабочий день...

- За свободный труд...

- За полное равенство женщины с мужчиной во всех гражданских и государственных правах и обязанностях...

- За повышение образования и культуры широких народных масс путем строительства школ...

- За свободный доступ молодежи ко всем школам, за бесплатное обучение...

- За полное обеспечение всех работающих на старость и в случае болезни или инвалидности.

- За широкое развитие охраны народного здоровья...

- За свободу печати, слова, мысли, веры и мировоззрения...»³⁷

Все эти «заявления» были действительно «неожиданными», ибо, как показала практика, ОУН-бандэровцев раньше не декларировала таких социальных требований и тем более не собиралась все это исполнять. Можно только домысливать следующее. В руководстве этой организации нашлись люди, которые стремились приспособиться к общественным условиям. И, прежде всего, на их решения повлияли политические, социальные и морально-психологические обстоятельства, в которых пребывали украинцы в Советской Украине. Такие «заявления» были «неожиданными» и потому, что они были провозглашены во время, когда на Западной Украине уже было уничтожено полностью еврейское население, на Волыни и в Галиции осуществлялась кровавая акция массового уничтожения польского населения, бандэровские отряды очищали поселки и села от тех, кто имел связи с советскими партизанами и антифашистским подпольем. «Декларация» же заявляла о том, что украинские воинствующие националисты борются «за полное право национальных меньшинств лелеять свою собственную по форме и содержанию национальную культуру; за равенство всех граждан Украины, без оглядки на

---

³⁷ Літопис УПА. Т. 1. С 122–124.

национальность в государственных и общественных правах и обязанностях, за равное право на труд, заработок и отдых». ³⁸

Все это было самой обычной лицемерной демагогией, ибо «украинско-польская резня» как раз в то время переносилась с Волыни в Галицию, обретала еще более ужасающие формы, и провод ОУН-бандэровцев ставил задание «полностью очистить территории от ляхов».

Эта лицемерная демагогия ярко проявлялась во время проведения так называемой 1-й конференции поработанных народов Востока Европы и Азии, проведенной ОУН в ноябре 1943 г. таким же демагогическим и лицемерным был и лозунг, провозглашенный здесь, – «Свобода народам и человеку!» На «конференцию» была стянута группа представителей народов СССР (в основном кавказских народов, которые сотрудничали с гитлеровцами), которые в силу обстоятельств оказались в рядах УПА, а с приближением фронта немедленно её покинули. Фарс этой затеи ОУН-бандэровцев очевиден.

Продолжая эту довольно важную тему, следует отметить, что, начиная с III-го «необычайно большого» сбора ОУН-бандэровцев (на котором присутствовало несколько десятков членов организации) в августе 1943 г., состоялись (в силу объективных и субъективных причин) «протрезвление», «переоценка ценностей», даже «полевание» в стане ОУН-бандэровцев. Возникло «ревизионистское течение» в руководстве организации. Его, как видно, возглавили персоны, которые вели политико-пропагандистскую и воспитательную работу в УПА: Волошин Ростислав («Павленко»), Позычанюк Йосип («Шугай»), Дякив Осип («Горновий»), Полтава Петро («Волянский») и ряд других. Об этом, в частности, пишут в предисловии к восьмому тому «Летописи УПА» так:

«... в 1943-1944 гг. в кругах подпольных деятелей велась широкая дискуссия о переоценке политических, социальных, экономических, религиозных и других вопросов в программе украинского освободительного движения. Об этой дискуссии, собственно, нет в эмиграции никакой документации, если не брать во внимание её наследие – более поздние писания подпольных публицистов и постановления или решения подпольных конференций». ³⁹

Какие причины способствовали возникновению такого «ревизионистского течения»? Здесь решающее значение имели три причины:

1. После военной катастрофы гитлеровцев под Сталинградом фронт быстро откатывался на запад и приближался к Западной Украине. ОУН-УПА нужно было немедленно менять тактику в условиях усложнившейся ситуации и с учетом возможности действий в тылу советских войск.

2. Опыт деятельности ОУН в 1941-1943 годах в восточных и центральных областях Украины показал полное неприятие украинским населением политических и социальных позиций националистов из ОУН Бандэры, потому и возникла потребность приспособления к реальной жизни.

3. В силу катастроф гитлеровцев на Восточном фронте и малоэффективности и бесперспективности действий УПА в условиях всевозрастающей антифашисткой всенародной борьбы внутри националистических организаций и особенно в рядах УПА уже летом 1943 года созрела и все возрастала деморализация и организационное разложение, что вынуждало ОУН-бандэровцев пойти на существенные уступки и

---

³⁸ Там же. С. 125.

³⁹ Літопис УПА. Т. 8. С. 14.

обещания в политической и социальной сферах (в чисто пропагандистских целях) и таким образом стремиться удержать в своей орбите членов ОУН-УПА.

Потому-то летом 1944 года ОУН-б пытается объединить все националистические силы, которые противостояли одна другой, под своим верховенством в едином центре под названием «Украинская главная освободительная рада» (УГВР). Первый «большой» сбор УГВР, который состоялся 11-15 июля 1944 года, принял «универсал» и «платформу». В «Платформе УГВР» указано:

«4. УГВР принимает для объединения национально-освободительных украинских сил в борьбе за УССД (Украинскую самостоятельную соборную державу) такую политическую социальную платформу:

- а) обеспечение народно-демократического способа признания политического устройства в украинском государстве путем общего народного представительства;
- б) обеспечение свободы мысли, мировоззрения и веры;
- в) обеспечение развития украинской национальной культуры;
- г) обеспечение справедливого социального порядка в украинском государстве без классовой эксплуатации и угнетения;
- д) обеспечение настоящей законности в украинском государстве и равенства всех граждан перед законом;
- е) обеспечение гражданских прав всем национальным меньшинствам на Украине;
- е) обеспечение права равных возможностей на образование для всех граждан;
- ж) обеспечение в трудовой хозяйственной деятельности для всех граждан вольной инициативы, регулируемой требованиями и потребностями целости нации;
- з) обеспечение свободной формы трудового землепользования с определением минимальных и максимальных размеров для индивидуального землепользования;
- и) обобществление основных природных богатств страны: земли, леса, вод и подземных сокровищ с передачей пахотных земель в постоянное пользование хлеборобским хозяйствам;
- и) огосударствление тяжелой индустрии и тяжелого транспорта, передача кооперативным объединениям легкой и пищевой промышленности права широкого свободного кооперирования мелких производителей;
- ї) обеспечение свободной торговли в нормированных законодательством пределах;
- й) обеспечение свободного развития ремесла и права на создание индивидуальных ремесленных мастерских и предприятий;
- к) обеспечение права на свободный труд для физических и умственных работников и обеспечение охраны интересов рабочих социальным законодательством...»⁴⁰

Как показала практика, никакого объединения «националистических сил» (то есть разных партийных группировок) с созданием УГВР не состоялось. Тем более, бандэровцы и не собирались исполнять эту «платформу УГВР».

На поставленный выше вопрос «Стала ли ОУН-бандэровцев в годы войны демократической?» прямой ответ дает уже упомянутый историософ Иван Лысяк-Рудницкий в нескольких своих работах. Так, в частности, в довольно авторитетном эссе «Направления украинской политической мысли» И. Лысяк-Рудницкий, рассматривая доктрину украинского интегрального национализма и её пересмотр на III-м сборе ОУН-бандэровцев, отмечает:

---

⁴⁰ Там же. С. 37.

«Тем не менее, эти изменения, хотя и были значительными, не сделали националистическое движение демократическим. Фашистский авторитаризм глубоко укоренился в националистическом сознании, и ортодоксальные сторонники обеих фракций (то есть ОУН-бандэровцев и ОУН-мельниковцев – В. М.) сдерживали ревизионистские тенденции».⁴¹ И тут же он объяснял атмосферу, в которой всё это происходило: «Годы Второй мировой войны стали периодом наибольшего подъема и кризиса интегрального национализма».

В другой статье («Национализм и тоталитаризм (Ответ М. Прокопу)») И. Лысяк-Рудницкий давал прямой ответ на этот же вопрос.

Прокоп Мирослав («Выровый») – известный деятель ОУН. Родился в Перемышле в 1913 г. Учился во Львовском, Берлинском и Мюнхенском университетах. Был редактором «Студенческого вестника». Затем солдатом специаль-батальона Абвера «Нахтигаль», потом редактором органа ОУН-бандэровцев «Идея и действие», одним из руководителей пропаганды провода ОУН-б. После войны – в Германии. Один из редакторов бандэровского журнала «Современность» и издательства «Пролог». Автор публикаций «Украина и украинская политика Москвы» (1956, 1981 гг.), «Накануне независимой Украины» (1993 г.) и многих других.

М. Прокоп отстаивал позицию, что ОУН-бандэровцев после 1941 года превратилась «из тоталитарной в демократическую». И. Лысяк-Рудницкий выступил против него с серьёзной критикой, суть которой определена в данной статье.

В начале статьи-ответа М. Прокопу И. Лысяк-Рудницкий предостерегал своего оппонента о том, что «интегральный национализм – это фашизм», а природа ОУН «отчетливо тоталитарна и созвучна с фашистскими течениями».

Дальше автор опровергает тезис М. Прокопа категорически, ибо нельзя, указывает он, при таких ответственных оценках ограничиваться «официальными документами декларативного характера» (так он называет программные документы ОУН-бандэровцев, изданные III-м сбором ОУН-б – В. М.), которые «не дают полного образа действительности». Сказано здесь, конечно, слишком мягко.

Назвав постановления III-го сбора ОУН-бандэровцев «докумэнтамы декларативного характеру», которые «не дают полного образа действительности», И. Лысяк-Рудницкий то же самое написал и о документах созданной летом 1944 года УГВР, ибо её внепартийность, «*провозглашенная пропагандистки, ... была фикцией*».

Судя по оценкам, автор считает, что творцы документов, изданных III сбором ОУН-б и I сбором УГВР, были «ревизионистами», которых со временем та же ОУН (т.е. сторонники Бандэры) категорически не признавала. Как известно, в эмиграции «ревизионисты» создали свою фракцию в ОУН под названием ОУН-б или «двойкари» или «угаверовцы».

«Новая волна сопротивления, – продолжал И. Лысяк-Рудницкий, – которая возникла на Украине в шестидесятых-семидесятых годах под названием диссидентского или правозащитного движения, не была прямым продолжением бывшего оуновского национализма, от которого она отличается своими человеческими кадрами, методами деятельности и идейным направлением. Не зря бандэровская среда в эмиграции отнеслась враждебно к тем представителям диссидентского движения, которым повезло оказаться на Западе».⁴²

---

⁴¹ Див.: Лысяк-Рудницкий И. Историчні есе. Київ, 1994. Т. 2. С. 81.

⁴² Там же. С. 490–491.

Изменилось ли что-то с начала 40-х годов? – резонно возникает вопрос. И И. Лысяк-Рудницкий отвечает:

«Отношение ОУН к другим украинским течениям, партиям и центрам и всем инакомыслящим землякам было крайне нетерпимым, а к политическим противникам националисты применяли моральный, иногда также физический террор. К этому можно добавить немало примеров еще с довоенного времени. Разлом в ОУН 1940 года ничего не изменил в этом отношении. Обе националистические фракции, мельниковская и бандэровская, и дальше стремились к безраздельной власти, причем бандэровская фракция, как более многочисленная и динамичная, показывала большую безоглядность и агрессивность».⁴³

То же самое, продолжал автор, проявилось и несколько позже. «Эта тенденция к монопартийной диктатуре ярко проявилась в «Акте провозглашения Украинского государства от 30-го июня 1941 года», а в 1943 году «ОУН подчинила себе УПА, насильно устранив её первоначальное руководство».

«Прокоп считает, – продолжал автор, – что я не прав, приписывая ОУН ксенофобию. Методологическое расхождение здесь между нами точно такое же, что и прежде. Я характеризовал националистическое движение в целом, тогда как д-р Прокоп выделяет из этой целостности определенные изолированные и, по моему мнению, нетипичные аспекты. Известно, что во время немецкой оккупации пропаганда ОУН (р)^{II} ни с того ни с сего заговорила про «свободу народам, свободу человеку» (имеется ввиду лозунг так называемой «конференции поработенных народов Востока Европы и Азии» в ноябре 1943 года – В. М.). **Но этот благородный лозунг находился в противоречии с традиционным националистическим мировоззрением** и можно сомневаться, отвечала ли ему тогдашняя практика бандэровской организации».⁴⁴ (Здесь и ниже выделено мной – В.М.)

Далее автор продолжал:

«... Нет сомнения, что именно Донцов был идеологическим ментором националистического поколения тридцатых-сороковых годов на Западной Украине и что националистическое движение вошло в историю «с печатью его духа». **Донцов** всем своим авторитетом **направлял украинский национализм в фашистское русло**. Он систематически насаждал ксенофобию и шовинизм, в частности в отношении России, – не только российского империализма, но именно русского народа и культуры. При этом он принципиально отбрасывал универсальные моральные и интеллектуальные ценности, общие для всего человечества. Воспитанники Донцова поверили, что «интерес нации» – это единственный критерий, который решает все и что им можно все оправдать; в практике национальный интерес также отождествлялся с интересом партии, как единственного репрезентанта нации. Последствием такой школы было угрожающее понижение уровня политической культуры западноукраинского общества, так как его наиболее активной политической силой в то время было националистическое движение. Не говоря даже об этической стороне дела, слепое ненавистничество затрудняло рациональное политическое планирование и ответственные решения. Духом донцовского шовинизма до сих пор грешит часть украинской эмиграции...».

И здесь И. Лысяк-Рудницкий предостерегал:

«Следует понимать, что ОУН-УПА, которая действовала на западноукраинских землях, с русским народом практически почти не сталкивалась»

---

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 494–495.

Далее автор привел еще один весомый аргумент:

«Как все мы знаем, на Украине случилась во время немецкой оккупации беспрецедентная трагедия и поголовный геноцид еврейского населения. Ответственность за это ужасающее преступление ложится на немецкий нацистский режим, хотя нельзя опровергнуть, что вспомогательную роль сыграли также некоторые украинцы (органы местной администрации, «украинская» полиция).

Кто же был призван выступить с протестом от имени украинского народа против гитлеровского злодейства? В тогдашних условиях это могло сделать только националистическое подполье, которое действовало независимо от оккупационной власти. Или же ОУН, особенно бандэровская, проводила нелегальные конференции, провозглашала разные декларации, издавала безцензурную прессу и т.д. Таким образом, не было никакого объективного препятствия, чтобы ОУН(б) не могла осудить геноцид евреев и предостеречь украинцев от соучастия в нацистских зверствах. Есть ситуации, когда нельзя молчать, ибо тот, кто имеет возможность протестовать и этого не делает, этим показывает, что он соглашается. Молчание оуновского лагеря в отношении трагедии украинского еврейства очень красноречиво. Оуновцы, очевидно, не считали евреев согражданами украинской земли, судьба которых не может быть безразлична этническим украинцам. Но по какому праву можно тогда утверждать, что националистическая среда была свободна от духа ксенофобии и шовинизма?

... Вторая неистовая трагедия, которая случилась на Западной Украине в годы Второй мировой войны – это тогдашняя польско-украинская резня... Вина падала на обе стороны: террор и озверение были обоюдными, а по прошествии времени нелегко установить, кто «первый начал». Польское политическое руководство, наверное, привело к провоцированию катастрофы своим пренебрежением прав украинского народа на свободную жизнь на его исконной этнической территории своей твердолобой постановкой вопроса в отношении государственной принадлежности галицко-волыньских земель. Но в данном случае речь идет об ответственности украинской стороны. **Есть основания думать, что с украинской стороны имели место не локальные, стихийные эксцессы, но что проводилась сознательная кампания по «очищению территории» от польского населения.** Если эта гипотеза правильная, то подобные решения могли исходить только от провода ОУН(б).

... Своим поведением против польского и еврейского меньшинства оуновцы не принесли доброй славы имени украинского народа. Память об этих унижительных событиях затрудняет сотрудничество украинских самостоятельных деятелей с поляками и евреями...»⁴⁵

Мало того, замечает автор, националистические авторы пытаются это скрыть, или фальсифицировать:

«... В писаниях об этих вещах эмиграционных мемуаристов и публицистов часто находим больше патриотического мифотворчества и партийной апологетики, чем объективной, неприкрашенной исторической правды».

Как видим, все эти писания самого И. Лысяка-Рудницкого имеют один существенный недостаток – автору не хватает смелости сказать прямо и определенно: бандэровцы принимали активное участие в уничтожении еврейского населения, а «украинско-польская резня» была, собственно, их непосредственным делом!

---

⁴⁵ Там же.

В конце концов, в вопросе так называемой «демократизации» ОУН-бандэровцев И. Лысяк-Рудницкий принимал твердую позицию. В письме к В. Кубийвичу от 8 августа 1968 г. он писал:

«Между Прокопом и мной есть одно расхождение фактического порядка. Речь идет о том, насколько «революционная» (бандэровская) фракция ОУН перешла в военное время на демократические позиции. Д-р Прокоп утверждает, что бандэровцы демократизировались в 1943-1944 гг. Я же, как Вы наверное припоминаете, говорил в своей статье («Национализм» в «Энциклопедии украиноведения»), что в националистической среде происходила идейная ферментация, но еще нет достаточных оснований для того, чтобы считать, что ОУН(б) в то время приняла концепцию политической демократии».⁴⁶

Совершенно иначе смотрят на «демократизацию» ОУН-бандэровцев современные националистические авторы на Украине. Интересную позицию по этому поводу занимает Василь Иванишин^{III} в книге «Нація. Государственность. Национализм». Здесь он и осуждает, и оправдывает тех «оппозиционеров» и «ревизионистов», которые задавали тон на III съезде ОУН-бандэровцев в августе 1943 г.

Автор считает, что все эти ревизионистские ферменты появились не случайно, а как следствие «формирования в среде ОУН **трех типов мышления**: орденского, партийного и государственнического». С. Бандэра был лидером орденского типа мышления, А. Мельник – партийного. «Первый раскол» (имеется в виду и раскол в ОУН в начале 1940 г. на ОУН-м и ОУН-б – В. М.) – замечает В. Иванишин, – не решил проблемы «орден – партия», ибо с выходом мельниковцев ОУН и дальше оставалась полифункциональной организацией: ей и далее нужно было заниматься одновременно и орденскими, и партийными, и делами построения государства. К тому же каждое из них предельно усложнила небывалая в истории человечества война. Потому и в среде бандэровцев снова началось оппозиционное движение».⁴⁷

Автор полагает, что то «оппозиционное движение» случилось на III съезде ОУН-бандэровцев потому, что «проводник и ведущие представители среды были в концлагерях», а потому «явно взял верх партийно-государственнический подход к формированию идеологии и практики ОУН». И кто виноват в том, продолжает автор, что «наэлектризованная интегральным национализмом идеология ОУН, которая была так понятна и близка галичанам и которую во время войны походные группы понесли на восток, больше отпугивала, нежели стимулировала людей, затерроризированных большевистской системой и отравленных коммунистической пропагандой? Означало ли это, что идейный комплекс ОУН был неправильным, вредным, неэффективным? Неэффективной оказалась система его пропаганды. И здесь снова были два пути: изменить пропаганду, адаптировать её соответственно уровню сознания населения, или изменять идеологию ОУН, снова таки отказываясь от сущностно-инвариантных (орденских) её идей, принципов, лозунгов, – всё ради более широкого влияния ОУН на разворачивание борьбы украинского народа с оккупантами и за украинскую державу».⁴⁸

Защищая «орденские» (в духе Донцова) принципы ОУН-бандэровцев и, одновременно, слегка порицая поведение «оппозиционеров», которые начинали играть в «демократию», В. Иванишин продолжает:

---

⁴⁶ Там же. С. 540.

⁴⁷ *Иванишин В.* Нація. Державність. Націоналізм. Дрогобич, 1992. С. 149.

⁴⁸ Там же.

«ОУН во время войны вынуждена была заняться и чисто государственными делами: создание армии, местной самообороны и самоуправления в регионах своего влияния, создание сельских станиц, районных и высших структур управления, хозяйственная деятельность... Оказалось, что государственный подход тоже требует собственной идеологии. Так как одно дело – идеал, государство, каким оно должно быть на Украине (орденская идеология), и совсем другое – государство, которое возможно пока что, в данный момент, созданное из того жизненного материала, который есть, а не из того, который будет потом, в частности, когда идеология ОУН станет мировоззренческой базой каждого украинца...».⁴⁹

Автор, защищая бандэровщину от прошлых и нынешних «оппозиционеров», здесь заявляет: **«Бандэра боролся за сохранение ОУН как национального ордена, оппозиция – за превращение Организации в модерную националистическую партию демократического типа».** Такая апологетика свойственна сегодня не только Василию Иванишину.

Еще более поражает понимание автором лозунга «Украина для украинцев!»:

«До сегодняшнего дня чрезвычайно радикальным являлся сформулированный еще Михновским лозунг ОУН «Украина для украинцев!» Он очень существенен в идеологической системе национализма и одновременно служит для противников национализма прекрасным примером его реакционности, национальной ограниченности, ксенофобии – враждебности к представителям других народов, которые проживают в Украине...».⁵⁰

Автор здесь, конечно, лицемерит, ибо, собственно, все националисты (кроме В. Иванишина) понимают лозунг «Украина для украинцев!» как ненависть к представителям других народов, которые живут на Украине. Однако, он упрямо твердит, что лозунг «Украина для украинцев!» со времени своего возникновения означал и означает одно: «Украина без оккупантов!» И, по мнению автора, и сам национализм – это что-то блаженненькое и милостивое, даже благотворное для других народов: «... **Сущностным в национализме, – декларирует он, – всегда было и есть то, что он несет свободу не только своей нации, каждому её представителю, но и другим народам: национализм – не шовинизм, не империализм.**»⁵¹

Угомонитесь, пан Иванишин! Вы всё ставите с ног на голову!

И что же в результате? На основе этой декларации о благодеянии национализма (как эгоизма нации) автор делает бесстыдный вывод: **«Лозунг «Украина для украинцев!» имеет не реакционный и не ксенофобский, а национально-защитный характер!»** (Здесь и выше выделено мной – В. М.)

Несколько иначе трактует «демократизацию» ОУН-бандэровцев О. Баган в брошюре «Национализм и националистическое движение (история и идеи)». Во всяком «ревизионизме» и «оппортунизме» он обвиняет ОУН-Мельниковцев в целом. А прежде всего, он ставит в вину то, что «окружение А. Мельника отказалось тогда от сочинений главного идеолога национализма Д. Донцова, на протяжении всего времени пыталось опротестовать его идеи и даже сегодня продолжает этим заниматься».⁵² (Автор^{IV} имеет в виду выступление заместителя председателя провода ОУН-м П. Дорожковского против Донцова на сборе ОУН в мае 1993 г. в Киеве – В. М.).

---

⁴⁹ Там же. С. С. 149–150.

⁵⁰ Там же. С. 150.

⁵¹ Там же. С. 151.

⁵² Баган О. *Националізм і націоналістичний рух (історія та ідеї)*. Дрогобич, 1994. С 131.

На основании своей «орденской» концепции бандэровцы и провели в апреле 1941 г. II «чрезвычайный» и «большой» сбор ОУН. «На сборе, – пишет О. Баган, – решительно была осуждена оппортунистическая политическая линия А. Мельника и его сторонников, раскрыты их порочные и преступные действия (преступные против кого? – В. М.)». Дальше автор замечает: «Большой сбор 1941 г. утвердил новый герб ОУН, отдельный организационный красно-черный флаг ОУН». Такая снобистская информация с некоторым затенением нам хорошо известна: нынешние националистические авторы как почитатели бандэровщины пытаются показать, что ОУН-б в 1941 году, мол, определила курс «на собственные силы» и в то же время брала на вооружение, как символ и миф, чисто нацистскую символику – красно-черный флаг!

И что необычайно странно (вопреки памяти миллионов людей Украины!), автор пишет о том, что не укладывалось и не укладывается в голову: «В это время на Украине появились и целые партизанские красные отряды, возглавленные коммунистами. Они с удивительной скоростью договорились с фашистами относительно общих действий против украинских сил». ⁵³ Но это же, пан Баган, чистойшей паранойей в вашем воображении! Вы пишете и о том, что, мол, сегодня мельниковцы эволюционировали и перешли на «демократично-либеральную платформу». «Ныне ОУН-м окончательно эволюционировала к либеральной идеологии и официально определяет это, называя её «демократическим национализмом». ⁵⁴

Именно это сегодня заявляют и необандэровцы. Но вы же, пан Баган, просто по-человечески должны осознать, что никакого объединения между национализмом и демократизмом не может быть, ибо национализм – это эгоизм нации, а демократия – это сожителство, коллективное правление народа, который осуждает всякий национальный эгоизм!

Вопреки тому (еще живы люди, что хорошо знают настроения того времени!), что вся «национально сознательная» Галиция ориентировалась (в том числе и ОУН-бандэровцев) на гитлеровскую Германию, вы, пан Баган, заявляете такое: «Ведущим принципом революционной ОУН оставался принцип постоянной ориентации только на собственные силы», тогда как вся историческая действительность отстает от противоположное.

Вы, автор, сами себе противоречите:

«Готовясь к войне между Германией и СССР, то есть к возможности начать борьбу за национальные интересы на собственных землях (не спрашивая, конечно, хотя ли украинцы такого «освобождения» – В. М.) провод ОУН-б ставит себе целью создание всеукраинского представительного органа, куда вошли бы все украинские политические партии и слои. Этим ОУН еще раз подтвердила, что она стоит на платформе широких, общеукраинских интересов...». ⁵⁵

Итак, бандэровцы надеялись, безусловно, на поддержку гитлеровцев в создании своей власти над украинским народом, потому и (компромиссно, конечно!) создают Украинский национальный комитет 22 июня 1941 г. (и это не случайно!), надеясь найти определенную поддержку со стороны своих прислужников. Но таких, как известно, не особенно много нашлось даже в среде заклятых националистов, ибо каждая фракция в своих надеждах ставила на гитлеровскую карту разгром Советского Союза, и на этом основании надеялась на реализацию своих националистических амбиций! Вы лицемерите,

---

⁵³ Там же. С. 141.

⁵⁴ Там же. С. 133.

⁵⁵ Там же. С. 136.

пан Баган, когда пишете, что повстанческим отрядам на Волыни противостояли «четыре враждебные силы»: УПА, немецкий оккупант, красные партизаны и отряды вооруженных поляков. «Нестойкость в позициях каждой из сторон рождала усиленную жестокость и ненависть». Это так. Но УПА воевала не против немецких захватчиков, а только против красных и польских партизан. Это было их обязательством перед гитлеровцами, на которых они так надеялись.

И дальше вы пишете такое:

«Организация (то есть ОУН-бандэровцев – В.М.) не только подготовила и организовала украинскую освободительную армию (освободительную от чего и от кого? – В.М.), но и вдохновила её чувством самоотверженности и боевитости, возбудила во всем украинском народе рыцарский дух воинов Святослава и казаков Хмельницкого. Завещание великих идеологов национализма – от Шевченко до Донцова – нашло свое воплощение в безграничном героизме тысяч борцов за свободу».⁵⁶

Как же вы всё это могли написать, пан Баган, хорошо зная, что преобладающее большинство украинцев воевало (на советской стороне) против фашизма и беззаветно исполняло эту благородную миссию. Да и вы хорошо знаете и то, что чувства «большой самоотверженности и боевитости» абсолютно не было в стане УПА и что «рыцарский дух воинов Святослава и казаков Хмельницкого» никоим образом не удовлетворял антифашистский дух преобладающего большинства украинцев. Да и не объединяйте, пан Баган, такие противоположные в человеческом измерении личности – Т. Шевченко и Д. Донцова!

Совсем иначе, чем В. Иванишин, интерпретирует О. Баган проблему «демократизации» ОУН-бандэровцев в 1943 году. Он отмечает: «Стремясь адаптировать националистическую пропаганду, приспособить её к «социалистическим» убеждениям и психологии надднепрянских украинцев», ОУН-бандэровцев на III «большом» сборе сманеврировала на такие «ревизионистские» пути.

О. Баган пишет:

«В целом большой сбор широко очертил положение на Украине, задание националистического движения на данном этапе. Стремясь как-то изменить, приспособить главные положения ОУН к новым условиям, к необходимости «войти» в сознание окоммунизированного украинского общества за Збручем, его руководители и участники допустили внесение в программу ОУН ряда демократических и даже социалистических положений. Это был сознательный оппортунизм, это скорее было искреннее стремление, сделав «более гибкой» идеологию национализма, посодействовать общему развитию и консолидации украинского общества, как можно быстрее включить в национальные процессы население Центральной и Восточной Украины. Однако, как показали уже ближайшие события, такие «поступки» в сфере идеологии, даже психологии националистического движения очень скоро нанесли ему вред, повели на окольные пути. Еще и сегодня шёлкопёры из разных лагерей обращаются к постановлениям III большого сбора ОУН 1943 г., находя в них «свое». Те, кто хочет обвинить ОУН в «тоталитаризме» и «казарменном социализме», находят там соответствующие моменты. Те, кто хочет перетянуть ОУН на рельсы демократизма и либерализма, находят там и такие моменты».⁵⁷

Напрасно автор так драматизирует ситуацию. Всё это делают не какие-то «другие», а сами националисты. И всё это закономерно. Ибо всем так хочется

---

⁵⁶ Там же. С. 143–144.

⁵⁷ Там же. С. 152.

реабилитировать себя перед украинским государством нынешнего издания, что верх берут разные выдумки, фантазии, мифы и легенды, а не историческая правда.

О. Баган же видит во всем этом (даже в возражениях В. Иванишина, приведенных выше) только проявление «слабости», «непоследовательности» в отстаивании националистической идеи. Ему, конечно, не нравятся «ревизионистские» решения III «большого» сбора ОУН-бандэровцев. Потому он и пытается объяснить, почему так нескладно получилось. Прежде всего, объясняет он, потому, что на решениях «сказалось отсутствие целого ряда ведущих кадров», которые были в тюрьмах (С. Бандэра, Я. Стецько, С. Ленкавский и др.), или погибли (И. Клымив, Д. Мирон); во-вторых, «чрезмерным желанием приспособить идеологию национализма к новым условиям». Автор не учитывает того, что когда проходил III сбор ОУН-б, где шла речь о «приспособлении к условиям», об учете настроений населения Центральной и Восточной Украины, Советская Армия уже освободила от гитлеровцев Чернигов, Харьков, вела бои на подступах к Сумам и Донецку.

Между тем остается непонятной и такая позиция автора. Те «ведущие кадры», которые не сидели в комфортабельных апартаментах «Целленбау», а руководили всеми акциями в крае, разные волошины, полтавы, позычайнюки, горновы, которые создавали постановления III сбора ОУН-бандэровцев, гибли в круговороте войны. Да и пану Багану хорошо известно, что никто из рядовых оуновцев (а тем более боевиков УПА) абсолютно не знал об этих «демократических» решениях. Да и никто не собирался те постановления выполнять.

Правда, О. Баган здесь же чистосердечно утверждает: **«Потом, когда вернулись ведущие деятели и идеологи ОУН (имеется в виду возвращение С. Бандэры, Я. Стецько, С. Ленкавского и других из-под «ареста» гестапо – В. М.), когда опыт выявил ошибки постановлений III большого сбора и его «твердых» последователей, всё стало на свои места. Идеология ОУН вернулась в чистом виде, приостановлен процесс морального оппортунизма.** Организация снова в бескомпромиссном боевом порыве продолжала борьбу. Постановления же III большого сбора оставались как поучительный пример для истории и еще как «материал» для всяких «демократизаторов» и «социализаторов» идеологии и практики ОУН» (выделено мной – В. М.).

Как видим, искренние поборники бандэровщины осуждают тех, кто заколебался (об этом мы напишем несколько позже). Они беспощадно наказаны, как говорит Баган, «историей». Но интересно для кого всё-таки этот пример поучителен?

Галицкие средства массовой информации, которые сегодня целиком принадлежат национал-демократам и национал-фашистам, всё громче и истеричнее кричат о «борцах за свободу», о «национальных героях» из «Нахтигалья», добровольческой дивизии СС «Галиция», формирований ОУН-УПА и о том, что «национально-освободительные стремления» охватывали «всё население края», были «всенародными». О сотнях тысяч живых солдат УПА и миллионах их потомков говорится в обращениях небандэровцев к Президенту Украины. Действительно ли это так?

Вопрос этот необычайно сложен, ибо, во-первых, нет солидных документальных фактов, а во-вторых, разные авторы дают разные данные о количественном составе УПА – советские, в основном, замалчивали эти данные, а националистические (за границей) давали информацию о количестве, которое достигало от нескольких десятков тысяч до полутора миллионов боевиков.

Как свидетельствует «Энциклопедия украиноведения», «на рубеже 1943-1944 годов УПА была наиболее многочисленной и охватывала не менее 40 тысяч человек, в том числе и подпольные кадры ОУН».⁵⁸

«Историограф» ОУН-УПА Петро Мирчук в книге «Украинская повстанческая армия» утверждает, что в начале 1944 года (здесь и выше речь идет об одном и том же периоде) УПА составляла 50 куреней (80 тысяч) «собственных» сил и 15 куреней (около 20 тысяч) «дружественных народов». Кроме того, указывал Мирчук, УПА содействовало оуновское подполье численностью 100 тысяч человек. Цифры здесь значительно преувеличены, особенно в отношении «дружественных народов», то есть разных пособников оккупантов-неукраинцев (в том числе украинцев – «схидняков»), которые в силу обстоятельств оказались в стане УПА (известно также, что летом и осенью 1944 года в УПА пребывало также более 300 немцев, которые были посланы для связи и инструктажа, или отстали от своих отступающих частей). Анализ, однако, безоговорочно показывает, что в УПА в то время пребывало не 15 (20 тысяч), а около двух тысяч неукраинцев. Когда же фронт приблизился, они в большинстве своем покинули ряды УПА.

О. Субтельный в книге «Украина: история» излагает такое суждение: «Хотя многие украинские эмигрантские источники утверждают, что в апогее своей силы (конец 1943 – начало 1944 г.) численность УПА достигала около 100 тысяч, более обоснованные расчеты устанавливают цифру 30-40 тыс. бойцов».⁵⁹ Эти «обоснованные расчеты», с нашей точки зрения, совершенно не соответствуют действительности.

В. Косык в уже упомянутой книге «Украина и Германия во Второй мировой войне» в дополнении «Документы» приводит немецкий документ «Немецкая память о движении сопротивления на территории Советской Украины», датированный 1 ноября 1944 года, где указывается, что УПА делится на УПА-Запад, УПА-Север и УПА-Восток и что «**организация войск и обучение преимущественно осуществляются по немецкой модели**» (подчеркнуто мной – В. М.). Эти же формирования готовили и воспитывали немецкие инструкторы – офицеры Абвера, полиции и СС вроде Шухевича, Сидора, Гасына и других, которые прошли подготовку в диверсионных школах гитлеровской Германии!

Далее в том же документе отмечается такое:

«Численный состав УПА можно оценить приблизительно в 80-100 тысяч бойцов регулярной армии... Цифры возможной общей силы повстанческой армии установить невозможно. Украинские данные колеблются между 400 тыс. и 2 миллионами бойцов».

И здесь же: «Деятельность УПА подчинена политической линии ОУН», в то время как националистические авторы в поте лица доказывают, что УПА не подчинялась ОУН, а существовала самостоятельно, как внепартийное формирование.

В своем же тексте книги В. Косык не только использует, а по сути, повторяет информацию из приведенного выше документа: «Необходимо признать, что численность УПА не была установлена и /сделать это/ не легко. По архивам УПА, только группа УПА-Запад, имевшая на 31 декабря 1943 г. 4460 бойцов, в конце 1944 г. имела около 40 тысяч. Общая численность бойцов УПА, в итоге, могла быть от 80 тысяч до 100 тысяч...».⁶⁰

---

⁵⁸ Энциклопедія українознавства. Париж – Нью-Йорк, 1980. Ч. 9. Словникова частина. С. 3378.

⁵⁹ Субтельний О. Україна: історія. К., 1991. С. 411.

⁶⁰ Косик В. Україна і Німеччина у Другій світовій війні. С. 445.

Здесь нет ничего удивительного, ибо если под конец 1943 года формирования УПА концентрировались на всех территориях Западной Украины, то в конце 1944 года они вместе с гитлеровскими войсками были вытеснены в западные районы.

Т. Гунчак в книге «Украина: первая половина XX века» отмечает: «По немецким данным, до 1943 г. УПА имела под ружьем 80-100 тысяч солдат». Эти данные довольно сомнительные и преувеличенные, ибо «до 1943 г.» значит, что это был 1942 год, когда в УПА были только несколько сотен боевиков бандэровского направления.

Анализируя подобную информацию националистических авторов, многочисленные данные архивных документов, где сконцентрированы сводки советских специальных отделов по борьбе с ОУН-УПА, следует отметить, что **накануне летнего (1944 г.) наступления советских войск по освобождению Западной Украины от немецко-фашистских захватчиков формирования УПА вместе с кустовыми отрядами ОУН и вооруженным активом оуновских организаций составляли 90 тысяч боевиков.** Осенью 1944 г. рейдирующие формирования УПА были разгромлены в столкновениях с войсками НКВД, пограничниками и специальными отрядами службы государственной безопасности. Остатки их, по приказу провода ОУН-бандэровцев, перешли в вооруженное подполье, которое продолжало действия небольшими диверсионно-террористическими группами. Однако об УПА, как таковой, в последующее время уже не могло быть и речи. То, что УПА существовала до конца 40-х годов – обычная байка вчерашних и нынешних апологетов бандэровщины.

Такой же закамуфлированной байкой является недавно изданный справочник П. Содоль «Украинская повстанческая армия. 1943-1949». Автор начинает историю УПА с возникновения формирования под руководством Сергея Качинского – «Остапа» осенью 1942 г., хотя здесь же делает акцент на важность III конференции ОУН-бандэровцев, произошедшей 17-21 февраля 1943 года, в создании такой формации. «Весной и летом 1943 г., – отмечает он, – делается попытка объединить все повстанческие отделы в одну армию под единым командованием...».⁶¹ То есть, УПА удалось создать только после того, как ОУН-бандэровцев удалось провести такие мероприятия:

- 1) перевести из Белоруссии штурманшафт-батальон (созданный из расформированных батальонов Абвера «Нахтигаль» и «Роланд») в конце января 1943 г.;
- 2) перевести в леса значительную часть «украинской» полиции вместе с оружием (март-апрель 1943 г.);
- 3) создать прецедент конкретной борьбы, начав истребление польского населения на Волыни (март 1943 г.).

Таким образом, история УПА начинается в марте-апреле 1943 г., а не с создания сотни С. Качинского – «Остапа» в октябре 1942 г., как заявляют националистические «историки».

По сути, автор всеми материалами двух частей справочника доказывает, что хотя первые вооруженные формирования националистов из ОУН-б возникли на Волыни, но создателями их были галичане. Из 254 имен руководителей ОУН, УПА, УГВР, приведенных в двух частях справочника, только 63 лица были уроженцами Волыни и при этом занимали в них низшие или незначительные должности.⁶² Во-вторых, в 1943-1944 годах из 10-12 всех членов провода ОУН-бандэровцев только 1-2 были волынянами и занимали в нем трехстепенные должности. Всё это, безусловно, свидетельствует о том,

---

⁶¹ Содоль П. Українська повстанча армія. Нью-Йорк, 1994. Ч. 1. С. 12, 14.

⁶² См. там же: Ч. 1С. 63–136, ч. 2. С 9–118.

что создателями УПА, как и всей ОУН, были галичане на территории непокорной Волыни. Суть этого создания одна – борьба с советскими партизанами. А что же Галиция?

П. Содоль отмечает, что «западные украинские земли (ЗУЗ), то есть Галиция, территорией действия повстанческой активности немедленно не стали, так как местный нацистский режим с начала оккупации не применял против всего населения методов тотального террора... В середине 1943 г. ОУН-б начала организовывать военные отдели также и в Галиции. На это оказали влияние два события: во-первых, провозглашение 28 апреля 1943 г. создания нацистами «Стрелковой дивизии СС «Галиция»; во-вторых, по территориям Галиции с 7 июля 1943 года шло рейдом соединением под командованием Ковпака... Эти два события ускорили организацию на галицкой территории регулярный военных отделов под командованием поручика Александра Луцкого – «Андриенко». Для маскировки и дезориентации немецкого режима эти новые отдели выступали сначала под названием УНС».⁶³ (Украинской народной самообороны – В. М.).

Далее автор указывает, что в декабре 1943 г. УНС приняла название «УПА-Запад». Войсковая структура УПА в ноябре 1943 года превратилась в главную команду – главный военный штаб (ГВШ). Командиром УПА стал подполковник Р. Шухевич, шефом ГВШ майор Д. Грицай-«Перебийнис». Это реорганизация была закреплена в январе 1944 года, когда Д. Клячківський был формально назначенный краевым командиром УПА-Север в ранге майора. Тогда же УПА-Запад стал управлять майор В. Сидор («Шелест»), а УПА-Юг – В. Кук («Лемиш»).

Автор даже не вспоминает о Мыколе Лэбиде («Максима Рубане»), по сути, организаторе и вооруженного националистического подполья, и службы безопасности ОУН, и первых вооруженных формирований УПА. Зато «организатором и многолетним (1941-1947) главным руководителем СБ» называет Мыколу Арсэничора.

Что же касается численного состава УПА, то автор справочника П. Содоль манипулирует цифрами без единой ссылки на источники:

«Один из наименее выясненных аспектов истории УПА и, наверное, наиболее спорный – это точное число бойцов в рядах армии, командование которой, однако, держало правдивые цифры о нем в глубокой тайне, и не оспаривало их, когда о нем появлялись преувеличенные оценки. Архивные документы в Германии дают в этом деле разные цифры, фиксируя, преимущественно, число 100-200 тыс. бойцов в 1944 году. Один такой источник утверждает, что летом 1944 г. УПА-Север насчитывала 90 тыс., а УПА-Запад – 40 тыс., то есть 130 тыс. вместе; другой документ оценивает силу армии в конце 1944 года почти до 250 тыс. Но следует помнить, что авторы таких источников, отчитывавшиеся перед разными полицейскими службами и разведывательными группами третьего рейха, не имели никакого доступа к правдивой информации, и в последний год войны были очень склонны факты преувеличивать. Все-таки некоторые историки на западе почему-то подхватили цифру о якобы 200 тыс. бойцов в рядах УПА и популяризовали её... С другой стороны, большевистские источники десятилетиями говорили только об «остатках банд», но точной, установленной ими численности УПА никогда не оглашали. И только в 1988 г. Академия наук УРСР авторитетно утверждает, что на момент отхода нацистов с украинских земель (осенью 1944 г.) в УПА было около 100 тыс. войска; другой партийный источник констатирует, что на осень 1945 г. (это уже на год позже) в армии якобы имелось еще почти 90 тыс. бойцов. А какой-то партийный историк утверждает еще и то, что УПА в 1944-1945 гг. действительно имелось 90 тыс. бойцов, при том, что из этого числа 72 тыс. тогда погибли или попали в плен или

---

⁶³ Там же. Ч. 1. С. 19–20.

добровольно сдались режиму с оружием в руках. Из чего следует, что под конец 1945 г. на активной службе должны были быть еще как минимум 18 тыс. бойцов УПА. Все упомянутые здесь цифры до сих пор еще не подтверждены достоверными документами...

На деле, оценки численности бойцов УПА, установленные нацистами и большевиками, сильно преувеличены, если сопоставить их с тем, о чем говорят архивные документы УПА и ОУН, которые хранятся на Западе. Наиболее авторитетный из них – это документ Провода ОУН от ноября 1949 г., в котором отчетливо указано, что в конце нацистской оккупации (уже в первых месяцах 1944 г.) УПА-Север (наверное, вместе с УПА-Юг) имела 15 тыс., а УПА-Запад (уже под конец лета 1944 г.) – 10 тыс. бойцов. Дополнительно, бывший начальник оперативного отдела КВШ УПА-Север категорически опроверг приведенные выше преувеличенные оценки об армии и заявил, что под конец 1943 г. на Волыни и в Полесье было около 20 тыс. вооруженных людей, отметив, что это число включает не только отделы УПА, но и сельские группы самообороны...

В общем анализ доступных материалов источников указывает на то, что силы УПА-Север и УПА-Юг достигли своей вершины весной 1944 г., а затем начали в быстром темпе драматически уменьшаться из-за потерь в бесконечных боях, что осенью того года на Волыни и в Полесье при оружии стояли неполных 14 куреней-бригад. Показателем этого состояния служит группа «Туры», которая на 1 января 1944 г. насчитывала 3048 бойцов и в которой на 15 августа 1944 г. осталось всего 1270 бойцов. Зато УПА-Запад была в первой половине 1944 г. еще в стадии кадрового расширения и достигла своей вершины только зимой 1944-1945 гг. В частности, только в самих карпатских ВО в начале 1944г. было не более 10 боевых и подготовленных сотен, а в начале 1945 г. на этой территории действовали уже 14 куреней. А с лета 1945 г. численность УПА-Запад постоянно падала год за годом».

Для чего вся эта затея с цифрами, которые не имеют никаких оснований? На это сам П. Содоль указывает четко:

«Можно с уверенностью утверждать, что своей наивысшей численности УПА достигла в 1944 году, и что этот уровень никогда не превышал цифру 25-30 тыс. бойцов. Однако, сумма всех тех, кто воевал в рядах армии (несколько ли недель или несколько лет) в разные периоды (с 1943 по 1949 гг.), такая сумма – всех вместе взятых скопом – дала бы, само собой разумеется, в несколько раз большую цифру. Но точную сумму бойцов армии невозможно установить из-за недостатка фактов и документации. **А те историки, которые численность УПА преувеличивают, причиняют этой формации большую обиду, ибо этим приуменьшают и обесценивают великие заслуги и успехи, которые себе эта армия, пускай и только 30-тысячная, но всё-таки добыла.**»⁶⁴ (Выделено мной – В. М.).

Но постоит, пан Содоль, 25-30 тысяч хорошо подготовленных солдат – это всего полторы - две дивизии среднего комплекта?! Почему же вы называете свои малоопытные, плохо организованные и схроновые подразделения «армией»?

Одно здесь справедливо отметил П. Содоль – это то, что он категорически возразил «историографу» ОУН-УПА Петру Мирчуку, который в своей книге «Украинская повстанческая армия. 1942-1952» указывал, что в УПА пребывало «около 20 000 чуженационального элемента», или «15 куреней дружественных народов», то есть узбеков, татар, кавказцев, которые сбежали из плена и в силу обстоятельств попали в УПА.

Содоль:

---

⁶⁴ Там же. С 41, 47–48.

«Число неукраинских бойцов УПА быстро возрастало и достигло своей вершины (правдоподобно от одной до двух тысяч бойцов максимум) осенью 1943 г.». Но уже дальше он же добавляет: «Все отделы УПА, сформированные из других национальностей, были либо разбиты, либо перешли на сторону большевиков».

И еще несколько серьезных замечаний о количественном составе УПА. Недавно вышла из печати во Львове книга Б. Якимовича «Вооруженные силы Украины: очерк истории». Автор пишет и о количественном составе «героической» УПА так:

«Глупо утверждать, что националистическое движение было случайностью, или делом горстки лиц. Данные о массовости этого движения, приведенные в советских источниках, позволяют определить количество людей, которые прошли через ОУН-УПА за время её существования, цифрой в несколько сот тысяч человек, потому и называть это движение антинародным, мягко говоря, нелогично... Одновременно, приводя здесь суммарное количество лиц, которое прошли через УПА и сеть патриотического подполья, должны сделать определенные оговорки относительно численного состава армии... С большой уверенностью можно утверждать, что своей наибольшей численности УПА достигла в 1944 г., что составляло 25-30 тыс. бойцов. С тех пор из-за потерь, а позже демобилизации, эта численность упала...».⁶⁵

Как видим, пан Якимович полностью повторяет П. Содоля. Далее автор подает такое:

«Из-за нехватки документов точную численность повстанцев посчитать просто невозможно, а враги УПА в своих отчетах эти данные завышали, бывало, что и в несколько раз. Нужно учитывать и такой факт: **те, кто сознательно преувеличивает фактическую численность бойцов УПА, тем самым приуменьшает их большие успехи в борьбе с многочисленным врагом**». (Подчеркнуто мной – В. М.).

Как свидетельствуют многочисленные документы, и среди них официальные заявления бывшего Комитета государственной безопасности (КГБ) Украинской ССР, в военные и послевоенные годы через ОУН-УПА прошло свыше 300 тысяч человек. Значительная часть из них пришла с повинной в органы советской власти, часть была взята в плен и интернирована в тюрьмы и лагеря за совершенные преступления, которые никоим образом не могли служить во имя свободы Украины. Довольно большая часть членов УПА перед приходом советских войск бросила формирование, а затем через полевые военкоматы была мобилизована в ряды Красной Армии. Эти люди воевали на фронтах Великой Отечественной войны (на ее завершающем этапе), многие из них заслужили ордена и медали Советского Союза. То есть, суммарно (300 тысяч) всё это составляло небольшую часть населения Западной Украины (из более 8 миллионов человек.)

При этом следует иметь в виду то, каким образом эти люди оказались в орбите УПА. Как свидетельствуют документы, сама ОУН накануне и во время войны объединяла более 20 тысяч функционеров. Правда, М. Прокоп отмечает, что «на рубеже 1941-1942 года... подпольная сеть ОУН-бандэровцев охватывала 12 тысяч членов и 7 тысяч юношества».⁶⁶ Трудно назвать мотивы такого значительного приуменьшения членства ОУН-б. Тем не менее, все те лица, которые были членами Организации, преимущественно были сознательными функционерами. В годы войны и в послевоенные годы ОУН, как организация, возматерала довольно медленно, в силу её тоталитарности и замкнутости. То

---

⁶⁵ Якимович Б. Збройні сили України: нарис історії. Львів, 1996. С. 198.

⁶⁶ Прокоп М. Україна і українська політика Москви / Сучасність. 1981. Ч. 1. С 137.

есть, организация (ОУН как партия-орден) в 20 тысяч членов в гигантском море людей – тоже довольно небольшая часть.

Что же касается УПА, то здесь ситуация была крайне сложной. Начиная с лета 1943 г., ОУН-бандэровцев провела несколько волн насильственной мобилизации. Тех, кто не хотел служить в УПА, местные отряды службы безопасности ОУН уничтожали немедленно, «на сухо» или «на мокро». У нас после мобилизаций, которые проводили военкоматы Красной Армии, в лесах и разных убежищах (не без помощи, конечно, агитации и запугиваний оуновцев) оказалось немало юношей призывного возраста, которых (в силу ситуации) также использовала ОУН. Потому-то значительная часть людей оказалась в националистических вооруженных формированиях под страхом смерти. Политреферент провода ОУН-Запад «Архип» в своем отчете летом 1944 г. сообщал: «Положение... не утешительное. Если разобраться в обстоятельствах, при которых наши стрелцы попали в ряды УПА, мы вынуждены сказать, что только незначительная часть явилась идейно, остальные явились под принуждением...». ⁶⁷ Вот такой была эта «всенародность»!

Зато в Красную Армию на протяжении весны 1944 г. – осени 1945 г. на Западной Украине было мобилизовано 750 тысяч человек, из них 350 тысяч принимали непосредственное участие в боях с гитлеровцами. Половина участников войны были отмечены орденами, преобладающее большинство – боевыми медалями. Двадцати двум западноукраинцам было присвоено высокое звание Героев Советского Союза. Завершая этот короткий ответ на вопрос о количественном составе УПА, нужно сказать тем, кто сегодня кричит о «всенародности» и «героизме» участников ОУН-УПА: миф о «всенародности» УПА создан нынешними почитателями бандэровщины только для того, чтобы отмыть окровавленные руки и души, добиться реабилитации своих злодеяний в глазах украинского народа! Лучше всего, господа, прочитайте эпиграф к книге П. Мирчука «Украинская повстанческая армия»:

«... В землянках, в тени ветвистых деревьев чистили повстанцы крысы (ружья – прим. перев.) и точили сабли. А когда ночь-мать пеленала тьмой села и города, выходили они из своих кривок (схронов – прим. перев.). И спокойствие ночи прорезали свисты пуль. Кто-то всхлипывал в последний раз и, умывшись своей кровью, прощался с миром...»

Вот и вся правда о тех «борцах за волю» и «национальных героях», что вылезали по ночам из кривок, чтобы «кто-то всхлипывал в последний раз» и «умывался своей кровью»! Вот она и вся правда о «всенародности»!

Как распространились действия ОУН-УПА в разных районах Западной Украины?

Этот вопрос необычайно существенен. Мы уже отмечали, что тезис экс-президента Л. Кравчука «УПА родилась на Волыни!», как заявление политического деятеля такого уровня, абсолютно не имеет оснований. Ибо центром организации и действий ОУН и националистических вооруженных формирований была Галиция, а не Волынь и тем более не Волыньское Полесье. УПА создавали галичане, как идейно, так и организационно.

Начиная с весны 1943 г. до весны 1944 г. на Волыни все националистические формирования концентрировались вблизи Луцка и Ровно, вокруг Ковельского железнодорожного узла, в районе Костополь – Ровно, Здолбунов – Дубно – Кременец. Что они защищали? Достоверно известно, что такая дислокация не была случайной. Все

---

⁶⁷ ЦДАГО України, ф. 1, оп. 13, спр. 699, арк. 197.

отряды УПА сосредотачивались вблизи важных стратегических путей и центров, охраняя их. Не было ли это как-то непосредственно спланировано и определено? Конечно, было. Есть все основания (а об этом свидетельствуют многочисленные документы) судить о том, что между проводом ОУН-бандэровцев и руководством тыловых обеспечений гитлеровцев были довольно серьезные договоренности.

Конечно, вся концентрация действий ОУН-УПА имела целевую направленность, зависела от обстоятельств и места.

В Черновицкой области, в частности, распространение националистического влияния на население было незначительным. На момент освобождения области от немецко-румынских захватчиков вооруженные националистические формирования здесь практически отсутствовали. Созданная осенью 1943 г. так называемая БУСА (Буковинско-украинская самооборонная армия) осталась фикцией, где насчитывалась несколько сотен боевиков. Отдельные небольшие вооруженные подразделения были созданы здесь по образцу галицкой «самообороны». Только в части сел Вашкивского, Выжицкого, Застаниславского, Кицманского и Путильского районов, граничивших с Ивано-Франковской и Тернопольской областями, и частично в Сторожинецком, Садгирском и Глибоцком районах существовали небольшие отряды УПА. В других районах они отсутствовали.

Несколько иная ситуация создалась в Закарпатской области. Здесь, в основном, противоборство происходило между провенгерскими («Мадяроны») и прочешскими интересами. Украинская проблема возникла только в 1938 г., а затем в 1939 г. в связи с провозглашением «самостоятельной» державы Августина Волошина. Органы хортистской службы безопасности остро подавляли «сепаратистские» настроения украинцев, не желая иметь политических конкурентов. В начале 1945 года проводом ОУН-б были посланы эмиссары, а затем отряды «Довбуша», «Грозного» и «Змеюки» для распространения влияния ОУН-УПА в крае, но они «никаких результатов не дали», ибо «население Закарпатья относится к ОУН враждебно».⁶⁸

Особая ситуация сложилась в Волынской и Ровенской областях. Здесь, прежде всего, чувствовались традиции «красной Волини», а затем возрастание антифашистской борьбы красных и польских партизан. В течение 1943 и первой половины 1944 годов здесь действовали партизанские соединения дважды Героя Советского Союза генерал-майора О. Ф. Федорова, соединения Героя Советского Союза полковника А. П. Брынского, Ровенское соединение Героя Советского Союза генерал-майора В. А. Бегмы, отряды специального назначения «Победители» Героя Советского Союза полковника Д. М. Медведева, две бригады польских партизан, рейдировали соединения прославленных партизанских командиров С. А. Ковпака, А. Н. Сабурова, П. П. Вершигоры, С. Ф. Маликова и другие отряды.

Как видим, ситуация сложилась здесь не в пользу ОУН-УПА. Их вооруженные формирования могли активизировать свои действия только на юге Волынской и Ровенской областей, в районах Владимира-Вольнского, Горохова, Дубно, Ровно и Костополя. Особенно значительной концентрация бандэровских отрядов была в районах Костополя и Ровно, центра «рейхскомиссариата Украины», разведывательных служб, служб СС, служб «Р» («Россия»). В начале 1944 г. здесь действовало 50 мобильных отрядов ОУН-УПА, которые работали в тесном взаимодействии с гитлеровцами.

Что же касается Галиции (Дрогобычская, Львовская, Станиславская ныне Ивано-Франковская и Тернопольская области), то её территория имела наибольшую

---

⁶⁸ ЦДАГО України, ф. 1, оп. 76, спр. 1476, арк. 29.

концентрацию националистических вооруженных формирований. Здесь размещались главные базы, центры подготовки кадров и пункты поставок («Черный лес» в Прикарпатье, район в четырехугольнике Рогатин – Бережаны – Бубач – Калуш). Из донесений служб МВД-МГБ начала 1945 г. известно, что только в районе Станислава было 35 «зараженных бандитизмом» сел.

После катастрофы «непобедимых» армий Гитлера под Сталинградом фронт быстро откатывался на запад и приближался к Западной Украине. В стане ОУН-УПА началась деморализация. А затем и организационное разложение. Сначала все проявилось в виде «ревизионистских» решений III «большого» сбора ОУН-б летом 1943 г., а затем приобрело массовый характер.

Летом и осенью 1943 г. бандэровская ОУН силой организованных формирований своей УПА ликвидирует УПА-«Полесскую Сечь» «Гараса Бульбы»-Боровца, несколько отрядов мельниковцев в южных районах Волини. Предвидя закономерный процесс демократизации и разложения, руководители ОУН-бандэровцев стали на путь кровавой ликвидации многих участников своих формирований.

18 февраля 1944 г. старшины формирований УПА на юге Ровенщины провели в селе Козин Красноармейского района специальное совещание, на котором было решено: «Всех, кто колеблется, или подается агитации советов – расстреливать на месте».⁶⁹

Эта преступная акция самоликвидации достигла кульминации с возникновением НВРО. После освобождения Советской Армией ряда районов западных областей Украины отдельные националистические руководители Ровенской, Волинской и северных районов Тернопольской областей (то есть этнических территорий Волини) хорошо понимали, что кровавая пособница гитлеровцев бандэровская ОУН заслужила ненависть трудящихся, решили приспособиться к новым условиям. Они отрекались от названия «ОУН», стремясь сделать её более «моральной». Созданная ими, так называемая НВРО – Народно-освободительная революционная организация, несмотря на громкое название, была такой же чуждой трудящимся, как и ОУН. «Народно-освободительная революционная организация, – указывалось в «Статуте НВРО», – дружно сотрудничает с существующими империалистическими организациями других народов в целях конденсации борьбы...».⁷⁰

К сожалению, об этой организации довольно мало сведений. Неизвестны и её организаторы. Националистические авторы всячески замалчивают её существование и дальнейшую судьбу.

И хотя организаторы НВРО никоим образом не отказывались от антисоветской борьбы, бандэровская ОУН расправилась с «раскольниками» быстро и жестоко. С целью проведения акции ликвидации «ненадежных» руководители ОУН-(б) в ноябре 1944 г. издали такое распоряжение:

«Секретно, секретно, секретно!

При новой ситуации складываются новые способы борьбы с большевиками

...Массовое нашего движения неминуемо ускорит его полную ликвидацию...

Под влиянием большевистской действительности менее стойкие элементы, безусловно, в абсолютном большинстве перейдут на сторону большевиков... Они вдвойне опасны для нашей дальнейшей борьбы с большевизмом. Их массовый переход на сторону большевиков подорвет престиж ОУН-УПА, а их активная борьба, в которую они, безусловно, включатся вместе с большевиками против ОУН-УПА, исключит какую-либо возможность нашей подпольной работы даже на западноукраинских землях... А потому

⁶⁹ ЦДАГО України, ф. 1, оп. 18, спр. 295, арк. 27.

⁷⁰ Рівенський обласний державний архів, ф. Р-30, оп. 2, спр. 43, арк. 81.

необходимо немедленно и как можно более секретно во имя великого национального дела выше упомянутые элементы ОУН-УПА ликвидировать двояким способом:

а) высылать большие и малые отряды УПА на бой с большевиками и создавать ситуации, чтобы их уничтожали большевики на постоях и в засадах;

б) территориальные отряды и других лиц станичного и подрайонного масштаба, надрайонная и районная СБ должны уничтожить под видом большевистских агентов...».⁷¹

Руководители националистических формирований службы безопасности уничтожили много своих участников. Так, вблизи села Тыннэ на Ровенщине бандэровцы задушили 37 человек, заподозренных в желании покинуть схроны.

В Торчинском районе на Волыни был найден приговор суда ОУН о расстреле районного коменданта Локачевского района Кулиша («Белого»), кустового руководителя ОУН Бойка («Рога»). Руководитель СБ краевого провода «Смок», заподозрив, что его отряд утратил веру и склонен сложить оружие, перестрелял всех его участников. Особенно свирепствовала во время подобных акций служба безопасности.

В начале 1944 г. взбунтовался один из куреней УПА в районе Кременца Тернопольской области. Насильно мобилизованные крестьяне, осознавая никчемность борьбы, требовали отпустить их домой. Руководители прибегли к угрозам. Но они ничего не могли сделать – курень разбежался. Только за период с февраля 1944 года в советские органы с повинной явилось около 13 тысяч участников ОУН-УПА...⁷²

Атмосферу тревоги и растерянности, которая охватила как рядовых участников националистических формирований, так и их проводников, кровавая авантюра которых потерпела зловещий крах, передает письмо политического референта «Тараса» из Тернопольской области: «Большая часть членов не стоит на высоте своих заданий. К организационной работе относятся очень пассивно и критически. Свои обязательства исполняют халатно или же совсем не исполняют. Так поступает большинство членов. К этому большинству нужно причислить всех тех, кто насильно втянут в организацию».⁷³ Таков, как видим, финал этой преступной затеи.

---

^I В РККА воевало более 6 млн. украинцев. Около 3 млн. погибло в боях с фашизмом

^{II} ОУН(р) – ОУН-рэволюційна (революционная) – другое название ОУН-Бандэры

^{III} Иванишин Василь Петрович (1944-2007) – потомственный бандэровец (отец – боевик СБ ОУН, мать – связанная организации). Родился и вырос в Дрогобыче. Один из создателей и первый официальный руководитель организации «Трыzub имени Стэпана Бандэры», из которой в 2014 году вырос «Правый сектор». Потомство националиста занимается неонацистской деятельностью в современной Украине.

^{IV} Олэг Баган – ныне действующий активист нескольких националистических организаций. (Одна из наиболее известных – Центр исследований им. Д. Донцова, имеет представительство во многих городах Украины и свои издательства). Баган был сподвижником Иванишина и идейным наставником Дмитра Яроша, одного из лидеров «Правого сектора».

---

⁷¹ Цит за: *Омельчук Ю.* Змова. Львів, 1967. С. 116–117.

⁷² ЦДАГО України, ф. 1, оп. 13, спр. 669, арк. 196.

⁷³ ЦДАГО України, ф. 1, оп. 13, спр. 669, арк. 198.

ЖЕРТВЫ ОУН-УПА

Какова численность жертв ОУН-УПА?

Отвечать на этот вопрос необычайно тяжело. И по многим причинам.

Во-первых, потому, что националистические центры и отдельные подразделения ОУН-УПА хоть и вели определенный учет своих диверсионно-террористических акций, но публично о них не заявляли ни тогда, ни тем более сегодня, ни в специальных документах (отчетах), ни в прессе и в своих многочисленных «исследованиях» так называемой «национально-освободительной борьбы». Многотомное издание «Летописи УПА» содержит, в основном, «воспоминания» участников «национально-освободительной борьбы» и разнообразные пропагандистские материалы, изредка «хронику» акций, а уже упомянутое выше «исследование» «Украинская повстанческая армия» П. Мирчука, «УПА» М. Лэбэдя, «История украинского войска» Л. Шанковського и другие националистические издания предоставляют только отдельные факты «героики» ОУН-УПА, где гибли только красные партизаны и «энкаведисты». Ликвидация же «на сухо» или «на мокро» сельских активистов («сексотов») или крестьян и представителей сельской интеллигенции, которые отказывались им служить, ими абсолютно не фиксировалась, а если и фиксировалась, то тщательно скрывалась и скрывается.

Во-вторых, советские (государственные и общественные) учреждения, в том числе органы НКВД и НКГБ, вели только эпизодический учет террористическо-диверсионных акций ОУН-УПА и их последствий в отдельных районах и в отдельные периоды. Да и велась такая работа сумбурно, непоследовательно, неграмотно, а то и фальшиво. Идеологи от КПСС и Компартии Украины считали такие факты «эпизодами» и всячески делали вид, будто ничего не случилось. Поэтому сведения по районам, областям и в целом по Украине отсутствуют, как и отсутствует учет тех убытков и жертв, которые понесли Советский Союз и Советская Украина в годы прошлой войны. Правда, отдельные попытки таких подсчетов велись, в частности органами МВД, но довольно примитивно и приблизительно. В последнее время, формируя соответственно памятные выпуски «Книга Памяти» (к 50-летию Победы над фашизмом), собраны довольно большие материалы во всех областях Украины. Однако эти материалы, в основном, аккумулируют факты военного периода. Послевоенные же события затронуты лишь частично. Выборочные же сведения о жертвах бандэровщины во Львовской области, в частности, публиковались в газете «Вільна Україна» под рубрикой «Кровавые следы оуновцев». К сожалению, такие публикации не получили продолжения. Аналогичные публикации имели место и в газетах других областей Западной Украины. Что же касается «Книг Памяти», то с ними еще сложнее, ибо нынешние национал-демократы, придя к власти в западном регионе Украины, не только не содействуют их изданию, но как могут вредят процессу их составления и публикации.

В-третьих, ответить по поставленный вопрос необычайно тяжело с точки зрения этико-психологической, ибо воспоминания (а тем более реальный учет жертв бандэровщины, с реальными фамилиями и реальными ситуациями) о том не таком далеком кровавом месиве травмирует нынешнее поколение, самих страдальцев, их детей и внуков.

В-четвертых, такой учет жертв националистического разбоя на Западной Украине (а тем более в Галиции) сегодня просто невозможен, ибо возрожденные организации неондонцовцев и необандэровцев не только чинят такому процессу разные препятствия, но и угрожают тем, кто пострадал от националистического бандитизма. Им

содействуют местные органы власти, которые теперь сплошь и рядом в руках тех же националов – от национал-«демократов» до национал-фашистов.

Однако ответить на этот вопрос придется, и начнем ответ со времен начала войны и временной немецко-фашистской оккупации Западной Украины.

Первые дни войны стали для многих националистов временем огромного политического подъема и эйфории. «Наконец-то, – кричали они, – настал наш час. Наши сны, наши мечты стали действительностью. Это наше воскресение!.. На штыках немецких вооруженных сил несется воля долгожданная... Пришла минута, в которую должны себе сказать: теперь, или никогда!» (Газ. «Краковские вести». 1941. 23 июня. 9 июля.)

Теперь хорошо известно, что националистические формирования в крае и за границей по приказу гитлеровского Абвера готовили в начале войны вооруженное восстание националистов всех оттенков на Западной Украине. Но организовать его не удалось. Тем не менее, во многих местах, особенно в Галиции, отдельные подразделения вооруженного подполья ОУН-бандэровцев постреливали в спины отступающим красноармейцам, среди которых было много украинцев. И падали убитые и раненные.

Однако «триумфальные арки» с надписями «Слава Украине! Великой Германии!» и «достоинная» встреча гитлеровцам была устроена во многих городках и селах. Одновременно началась дикая расправа над активистами Советской власти и теми «советами», которые не успели мобилизоваться в ряды Красной Армии или эвакуироваться на восток. «Приход немецких орд, – вспоминал бывший активный член ОУН-б Стецишин, – встретили мы, как было приказано. Местные куркули поднесли на вышитом рушнике хлеб и соль, немецкий капитан сказал «гут, гут» – и организованная националистическая машина сработала. Буквально с первой минуты началась охота на людей, которые были в «черном списке»... Уже на второй день начал функционировать уездный провод ОУН... Подвалы бандэровской полиции были заполнены крестьянами. Арестованных жестоко истязали...»¹ Вот как «встречали» солдат Гитлера оуновцы в ряде сел Львовщины. В первые дни войны они зверски замучили 23 крестьян в селе Сельське Винниківского района, 23 крестьян села Семьривка Краковецкого района. В селе Суходол Бобркского района они замучили председателя сельского Совета Репета, отрезали ему уши, нос, выкололи глаза и в таком виде водили по селу. Убили также секретаря сельского исполкома Лабаса. В селе Чехи Пониковецкого района они замучили 20 активистов, устроили «торжества» после завершения кровавой акции. В селах Гаи и Глуховичи Красненского района бандэровцы расстреляли 50 красноармейцев и топорами порубали сельских активистов. Председателя местного колхоза Г. А. Кметя водили по селу с красным флагом, затем выкололи глаза и порубали тело на куски.² И так в каждом селе, городе и поселке Западной Украины.

По неполным данным в первые дни немецко-фашистской оккупации оуновцами (или с их непосредственной помощью) было уничтожено в западных областях Украины более 40 тысяч человек.

Об ужасающей обстановке террора первых дней оккупации писали мельниковцы, избобличая своих политических противников из той же ОУН:

«С началом немецко-советской войны... отделы диверсантов в немецких мундирах, с немецкими автоматами и на немецких танках приезжают в эвакуированный советами Львов. Спесивые и самоуверенные диверсанты, добравшись до Львова, устраивают на протяжении нескольких дней садистские оргии (авторы намекают на

¹ Ті, що канули у п'ятьму. Львів, 1964. С 253–254.

² Державний архів Львівської області, ф. П – 1, оп. 3, спр. 34, арк. 87–89.

боевиков специаль-батальона Абвера «Нахтигаль» – В. М.)... Аналогичные комедии с манифестациями, телеграммами к Гитлеру и приветствия имели место во всех городах и даже селах Галиции. В таких манифестациях, или «революционных» провозглашениях правительства украинских гитлеровцев во главе с Бандэрой и Стэцьком, принимали, конечно, участие отделы немецких СС, словацкие и венгерские военные части и «революционеры» в черной форме, с немецкими автоматами и выписками гестапо в кармане, которые позволяли владельцам ездить всеми военными средствами передвижения. Наибольшие оргии устраивались во Львове, где диверсанты начали при молчании немцев грабить магазины и терроризировать население для того, чтобы понравиться кормителям из вермахта».³

Трудно постичь огромное количество жертв времен минувшей войны, так как дело здесь не только в тотальной жестокости гитлеровского оккупационного режима. Немало поляков и украинцев Галиции и Волыни погибли и во время так называемой «украино-польской войны», которая бурно началась ранней весной 1943 г. Польский исследователь Ришард Тожецки в книге «Kwestia Ukrainiska w polityce III Rzeszy (1933–1945)» считает, что кровавую акцию против польского населения на Волыни начали украинские националисты группировки «Тараса Бульбы»-Боровца. Первые, хотя и эпизодичные, акции имели место еще в 1942 г. Однако весной 1943 г. те кровавые побоища приобрели массовый характер и неслыханную жестокость.⁴

Украинские же националисты или абсолютно замалчивают эти трагические события, или же единодушно считают, что «украино-польскую войну» начали польские шовинисты (специально созданные «пляцуфки»), инспирированные и вдохновленные лондонским эмиграционным правительством Польши, еще в 1942 г. в украинских и смешанных селах на Холмщине (Западная Волынь). В то же время добавляют, что война со стороны «украинцев» была обычной местью полякам за их продолжительное порабощение украинских земель и издевательство над украинским населением.

Ришард Тожецки указывает, что результатами войны стало уничтожение на Волыни около 40 тысяч поляков. Если кровавую резню начали бульбовцы, то продолжили и завершили её бандэровцы. Не обошлось здесь и без провокаций. «К услугам националистической партизанки (то есть УПА бандэровцев – В. М.), – отмечает Ришард Тожецки, – находилось на территории более 200 ячеек украинской полиции, то есть 12 тысяч человек... В марте 1943 г. на сторону ОУН-б перешло более 5 тысяч украинских полицейских».⁵ Автор указывает и на лозунг националистических боевиков: «Покончили с жидами, теперь то же самое сделаем с поляками!». В то же время гитлеровцы заменили опустевшие ячейки украинских полицаяв поляками. Это, мол, и послужило поводом для украинских националистов для массового истребления польского населения.

Одновременно, подчеркивает автор, уповцы замордовали и украинцев, которые симпатизировали коммунистам и полякам.

Я лично помню начало лета 1943 года, когда в нашем довольно мирном селе, расположенном в нескольких километрах от Ковеля, бандэровская стая за одну только ночь замордовала 18 жителей. Юлию Божук оставили живой, чтобы видела смерть своей дочери и мужа. Еще и теперь мать хранит сорочку замученной дочери с шестнадцатью дырками (перед пытками садисты спросили, сколько девочке лет) от бандитских ножей. Подобные акции не единичны.

³ ЦДАГО України, ф. 57, оп. 4, спр. 338, арк. 506–507.

⁴ Тожецкі Р. Kwestia Ukrainiska w Polityce III Rzeszy (1933–1945). Warszawa, 1971 S. 294.

⁵ Там же. С. 295–296.

Ришард Тожецки замечает, что число жертв было бы значительно большим, если бы не организация самообороны и не помощь советских и польских партизан на Волыни. Другое дело в Восточной Галиции, где украинские националисты во второй половине 1943 г. начали массовую (и совершенно беспрепятственную) акцию по уничтожению польского населения. Потому-то к середине 1944 года только в нескольких районах Львовщины националисты уничтожили 70 тысяч поляков. Известный пронемецки настроенный польский политик Владислав Студницкий, в частности, во время аудиенции у губернатора дистрикта Галиция группенфюрера СС Вехтера поставил вопрос о том, что украинские националисты замордовали в Галиции около 200 тысяч поляков.

Здесь же Ришард Тожецки указывает на причины братоубийственной войны: 1) инспирации гитлеровцев, что удовлетворяло их антиславянскую и антиеврейскую политику; 2) шовинистическая программа интегральных националистов, способных только убийствами достигать своих политических целей; 3) антагонизм украинско-польский межвоенного периода, разогретый до сумасшествия.

Почему, собственно, на Волыни началась эта братоубийственная война? Автор справедливо объясняет, что размещение здесь значительных советских и польских партизанских отрядов и соединений давали основание украинским националистам для сведения счетов с польским населением. И не только с польским.

С этим можно в основном согласиться.

В Центральном государственном архиве высших органов власти Украины хранится «выдержка» (отрывок) из бандровского приказа «г. п.». Что значит это «г. п.» – неизвестно. Приведем эту «выдержку» полностью:

«С учетом официальной позиции польского правительства в деле сотрудничества с советами, нужно поляков с наших земель устранять. **Прошу это понимать так: давать сельскому населению поручение за несколько дней убраться на коренные польские земли. Если оно не выполнит этого, то слать отряды, которые мужчин будут ликвидировать, а хаты и имущество сжигать** (разбирать). Еще раз обращаю при этом внимание на то, чтобы поляков призывать покидать земли, а лишь потом ликвидировать, а не наоборот (прошу на это обратить особое внимание). В частности, прогонять из смешанных сел поляков, которые не имеют тенденции ассимилироваться. Зато не двигать тех, что имеют украинские семьи и особенно не тяготеют к полякам, а держатся только религией. Эмиссионные поручения можно дать листовками (локальными) без нашей официальной подписи. В них подчеркнуть позицию польского правительства и населения на территориях, занятых большевиками...»⁶ (Выделено мной – В. М.)

А вот как этот «приказ» выглядел на практике:

«Из отчетов УПА (протоколы антипольских акций).

Станиславщина:

..марта 1944 г. группа «Л» и группа «Гаркуша» в количестве 30 лиц уничтожили 25 поляков и сожгли один дом в Солотвине;

..марта 1944 г. группа «Л» и уездный отряд провели акцию в с. Надороже вблизи Товмача. Дома не жгли, только опустошили;

19 марта 1944 г. группа «Л» и уездный отряд в количестве 23 лиц провели акцию в с. Зеленовка (Товмаччина). Сожжено 13 хозяйств, убито 16 поляков;

28 марта 1944 г. группа «Сулымы» в количестве 30 лиц уничтожила 18 поляков и сожгла четыре дома вблизи с. Жебрач (Волосив);

---

⁶ ЦДАВО України, ф. 4620, оп. 3, спр. 38, арк. 38.

29 марта 1944 г. группа «Л» осуществила акцию в с. Бабы (Отыниша). Сожжено 24 хозяйства, никто не был убит, так как все спрятались в лесу. Причиной акции послужило то, что местные жители угрожали, будто с приходом большевиков будут бить вместе с ними всех националистов;

29 марта 1944 г. группа «Сэмэна» ликвидировала в Переросле 12 поляков и сожгла 18 хозяйств. В тот же вечер сожгли еще шесть хозяйств;

29 марта 1944 г. районный отряд сжег в с. Грабовец (Богородчаны) 12 хозяйств и убил трех поляков. Другие заблаговременно вышли из села;

30 марта 1944 г. группа «Зализняка» сожгла 30 хозяйств и убила 11 поляков у с. Тарновцы Лисни.

5 апреля 1944 г. районная группа «Зализняка» провела акцию в Порогах и Ябливке. Сожжено 6 домов, уничтожено 16 поляков.

6 апреля 1944 г. группа «Зализняка» ликвидировала в с. Росильне 14 поляков и шесть хозяйств.

7 апреля 1944 г. группа «Зализняка» ликвидировала в с. Звыныче 5 поляков и сожгла два барака.

8 апреля 1944 г. группа «Искры» уничтожила у с. Майдан возле с. Росильне 15 поляков и сожгла один барак.

9 апреля 1944 г. группа «Нечая» ликвидировала в с. Пасична 25 поляков. Другие сбежали в Бытквив и Надвирну.

9 апреля 1944 г. группа «Зализняка» сожгла 5 хозяйств и уничтожили 5 поляков у с. Жураки и с. Монастырыще.

11 апреля 1944 г. группа «Довбуша» ликвидировала в с. Рафайлове 81 поляка.

16 апреля 1944 г. группа «Довбуша» ликвидировала в с. Зелене 20 поляков.

23 апреля 1944 г. группы «Искры» и «Комара» сожгли в с. Викляны вблизи Товмача 16 хозяйств и убили 14 поляков».

Как видим, такие убийства и опустошения проводились лишь несколькими группами оуновских бандитов на протяжении нескольких недель в довольно узкой зоне их запланированных действий. Аналогичные кровавые акции проводились во всех районах Восточной Галиции. Так воплощался в жизнь выше указанный приказ провода ОУН-бандэровцев.

Какой была «украинско-польская война»?

Это была не война. Войной её называют вчерашние и нынешние бандэровцы, а особенно националистические авторы, что пишут об этом ужасающем явлении. Это было жестокое и подлое братоубийство. О нем еще могут сегодня рассказать люди старшего возраста на Волыни и в Галиции. Однако, обратимся еще к нескольким документам.

В предыдущих разделах мы отмечали, что уничтожение польского населения происходило организованно, по специальному плану. Если на Волыни такой план выполнялся низовыми формированиями ОУН-УПА преимущественно неудачно, так как этому препятствовали советские и польские партизаны, а польские села постоянно держали состояние самообороны, или покидали дома и переселялись в города, то в Восточной Галиции бандэровцы действовали безоглядно, систематически и безнаказанно, терроризировали село за селом и тотально истребляли польское население. В Галиции разгар массового убийства пришелся на весну 1944 года, когда Красная Армия уже стояла на подступах к Западной Украине. Характерно здесь и то, что антипольскими акциями здесь в основном занимались уже натренированные на убийствах местные отряды, усиленные карательными группами службы безопасности ОУН и специальными

подразделениями УПА. Бандэровцы в этом деле безукоризненно перенимали опыт гитлеровских карательных служб.

Приведем несколько примеров:

«Стрыйщина:

В ночь с 8 на 9 мая 1944 г. группа «Явора» совместно с местным уездным отрядом окружила с. Держев, в котором проживало много поляков, чтобы начать чистку польского элемента. Поляки начали бежать в костел и там закрылись. Другие сидели в домах, закрывшись в них. Поэтому начали поджигать хаты, сожжен костел. Ляхов-беглецов расстреливали. В этой суматохе стали жертвами и несколько украинцев, которые бежали вместе с поляками. Во время этой акции убито 60 поляков.

Дня 10 мая 1944 года отряд группы «Искры» ликвидировал во время засады 16 поляков, которые сбежали в лес из сожженного Держева».

Вот еще один довольно характерный документ (из донесений УПА):

«Гернопольщина:

Уезд Перемышляны.

Дня 1 апреля 1944 г. убиты в с. Билэ 19 поляков, сожжено 11 хозяйств.

Дня 2 апреля 1944г. убиты 9 поляков, две еврейки, которые были на службе у поляков.

Дня 5 апреля 1944 г. в с. Пнятын убиты 5 поляков.

Дня 14 апреля 1944 г. убиты 38 поляков в с. Жидовичи. В том числе 4 женщины, которые оказали сопротивление. Сожжено 14 хозяйств.

Дня 15 апреля 1944 г. в с. Тучне убито 66 поляков, сожжено 23 хозяйства.

Дня 29 апреля 1944г. в с. Утиховичи убиты 9 поляков.

Дня 30 апреля 1944 г. в с. Тучне убиты 4 поляка.

Дня 29 апреля 1944 г. в с. Прыбын убита одна польская шовинистка и 11 хозяйств сожжено.

Дня 30 апреля 1944 г. в с. Глибовичи убиты 42 поляка; вблизи сел: Мивсева – 22, Мистечко – 36, Зарубина – 27, Бечас – 18, Нэдилыска – 19, Грабнык – 19. Гальна – 80, Жабокруг – 40 поляков.

Все эти акции осуществил уездный отряд с помощью УПА «Орлы».

Донесение от 12 мая 1944 г.

Подобных «донесений» не счесть. И таких отрядов было немало.

В 1990 г. в г. Вроцлаве (Польша) усилиями местной общественности создано товарищество жертв украинских националистов – «Миссия примирения и покаяния». В сентябре того же года товарищество обратилось с открытым письмом к депутатам сейма и сенаторам Польши. Авторы письма, как сообщала газета «Курьер варшавски» от 24 августа, в спокойном, но решительном тоне выразили протест против принятого в августе 1990 г. постановления сената Польской Республики, осуждающего акцию «Висла», которую в 1947 г. провело Войско Польское в юго-восточной Польше. Напомним, что тогда за три месяца с этой территории было выселено около 150 тысяч украинцев. В ходе операции «Висла», как отмечается в постановлении сената, был применен обычный для тоталитарных систем принцип коллективной ответственности. Авторы письма предостерегали сейм о недопустимости повторения ошибки, которую сделал сенат. Почему?

«Курьер варшавски» пишет по этому поводу, что новые польско-немецкие отношения строились путем признания и осуждения гитлеровских преступлений, попыток возместить убытки жертвам. Всё громче говорят о сталинских преступлениях. А о человеконенавистнических преступлениях украинских националистов в годы Второй

мировой войны и непосредственно после её завершения – ни слова. «Сговор молчания» продолжается.

Глава «Миссии примирения и покаяния» Тадеуш Свобода в интервью газете «Курьер варшавски» сказал, что дружественное соседство можно построить только на правде и справедливости. Ведь всё еще жива память о сотнях тысяч людей, по-звериному замученных украинскими националистами при пассивной, а часто активной поддержке греко-католической церкви. В годы войны руководство подпольной Польши много раз обращалось к исповедуемым этой церковью принципам веры, но безрезультатно. Это вызывало применение оборонных, антитеррористических мероприятий со стороны Армии Крайовой и других формирований, что конечно, увеличило страдания населения Волыни и Восточной Галиции.

В своем открытом письме к парламенту Польши Товарищество напомнило, что в бывших восточных воеводствах было убито около 500 тысяч поляков, а также евреев и украинцев, которые отказывались сотрудничать с преступниками. «Ждем заявления на парламентском и правительственном уровнях, – говорится в письме, – которое ясно и недвусмысленно определило бы преступления, содеянные украинскими националистами, как геноцид, а их формирования фашистского пошиба – как преступные организации, особенно ОУН, УПА, батальон «Нахтигаль», украинское ЭСЭС вахманшафт, украинское хильфполицай, шуцман ландестдинст. К преступлениям геноцида не применим срок давности. Мы ссылаемся здесь на закон, который приказывает преследовать и судить этих преступников».

И далее:

«Свидетельств этих ужасных времен осталось немало. Всё еще живы очевидцы. Члены вроцлавского Товарищества готовы немедленно предоставить всем «неинформированным» властям и организациям множество материалов для разработки темы: «Преступления украинских националистов против польского, украинского и еврейского населения в 1939-45 и последующие годы на территории Речи Посполитой».

Знает ли Верховная Рада Украины о таком заявлении поляков? Ведают ли об этом те почитатели бандэровщины и Донцова в Галиции, которые во все цвета раскрывают прошлую деятельность ОУН-УПА, скрывая их кровавую сущность?

По-разному трактуют эту так называемую «украино-польскую войну» многочисленные националистические авторы. Так, О. Субтельный называет её «украино-польской резней».⁷ Он, в частности, отмечает, что «безотносительно к тому, как должна была закончиться война, украинские интегральные националисты были исполнены решимости изгнать поляков (многие из которых были поселенцами межвоенного периода) с территорий, где украинцы составляли большинство. В свою очередь польская подпольная националистическая армия – Армия Крайова (АК) не менее решительно стремилась сохранить контроль над землями, которые раньше входили в состав Польского государства...»⁸ Автор при этом замечает, что «особенно трагичным было то, что больше всего от этого страдало гражданское население. По польским источникам, на Волыни за 1943-1944 гг. украинцы (читай: украинские интегральные националисты – В. М.), и прежде всего отряды СБ, вырезали 60-80 тыс. польских мужчин, женщин и детей. Украинцы же утверждают, что резня их народа началась раньше, в 1942 г., когда поляки уничтожили несколько тысяч украинских крестьян в преимущественно польских районах Холмщины... Так или иначе очевидно, что как украинские, так и польские вооруженные

---

⁷ *Субтельный О.* Україна: історія. С. 412.

⁸ Там же.

отряды принимали участие в поголовной бойне, ставшей кровавым апогеем ненависти между двумя народами, которая усугублялась от поколения к поколению».⁹

Субтэльный, к сожалению, не указывает, что кроме Волыни такие людские и материальные жертвы были значительно большими в Восточной Галиции, где эта резня приобрела особенно кровавый и безнаказанный характер. Другой националистический автор, В. Косык, бесстыдно защищает украинских мясников, пытаясь доказать их «правоту». «Уничтожение украинцев, – отмечает он, – началось с 1942 года на территориях, граничивших с этнической польской территорией (Грубешив, Холм, Володава и другие районы на запад от рек Буг и Сян). С 1942 по 1943 годы было убито более 2 тысяч украинцев. С августа – сентября 1943 года польские акции распространились на восток в районы Галиции и Волыни».¹⁰

Далее же автор пытается «объяснить» ситуацию украинно-польской резни на Волыни: «На Волыни ситуация была усложнена из-за многочисленных факторов, усиливших антагонизм между украинцами и поляками. Среди этих факторов нужно назвать, с одной стороны, присутствие пророссийских польских партизан и коммунистов, а с другой стороны – использование немцами в репрессиях против украинцев польской полиции». Всё это Косик сводит к следующему: «Украинские села часто терпели нападения от советских и польских партизан, которые действовали вместе, грабили и оставляли много жертв. Именно в этой ситуации украинские отряды самообороны и отряды УПА пришли на защиту украинских сел и в ответ атаковали базы, с которых осуществлялись нападения поляков».¹¹ Такое «оправдание» совершенно не соответствует действительности. Косык, как видим, во всем этом кровавом конфликте обвиняет лишь поляков.

Дело же в том, что «украино-польскую войну» инспирировали и организовали гитлеровцы, что, безусловно, отвечало их политике в так называемом «славянском вопросе». Её главная цель: используя вековые антагонизмы между украинцами и поляками (конечно же, их господствующими классами), довести дело до их самоуничтожения. 5 августа 1942 года генерал-губернатор оккупированной нацистами Польши Ганс Франк, со временем приговоренный к казни по решению Международного военного трибунала в Нюрнберге как один из главных преступников гитлеровской Германии, записал в своем дневнике: «Должен отметить, что в интересах немецкой политики следует поддерживать напряженные отношения между поляками и украинцами. Те 4 или 5 миллионов украинцев, которые живут здесь, очень важны как противовес полякам. Поэтому я всегда стараюсь поддерживать среди них любыми способами политически удовлетворительное настроение, чтобы предотвратить их объединение с поляками».

Это, как раз, и начали осуществлять украинские и польские националисты несколькими неделями позже после этой записи Франка в дневнике. Со временем инспирированные эпизодические убийства приобрели массовый характер, особенно со стороны украинских националистов на Волыни и в Галиции. Эту четко определенную политическую режиссуру замалчивали и замалчивают авторы-националисты.

О том, что эта резня приобрела организованный и плановый характер, свидетельствует тот факт, что курень «Рудого» (Стульмашува, абверовская кличка «IV-Норд») только 29 и 30 августа 1943 г. вырезал в Голобском, Ковельском,

---

⁹ Там же.

¹⁰ Косик В. Україна і Німеччина у Другій світовій війні. С. 395.

¹¹ Там же.

Старовыживском, Любомыльском, Луцком районах Волынской области 15 тысяч поляков. Почти полностью были уничтожены села Ривне, Лисняк, Ставинские Смоляры, Остривки, Остривецька Воля, Велика Гута, Нудыже, Засмыки и другие. Бандэровские формирования, которые действовали в Ровенской области, уничтожили, таким образом, на протяжении нескольких дней 25 населенных пунктов. Такая же участь постигла села Стара Гута, Мосты, Куты, Забара, Залужье Шумского, Барыш Бучацкого районов Тернопольской области; Троица Заболотовского, Ляцько-Шляхетське (ныне Лыпивка) Тысменицкого районов Станиславской области; Гута-Пеняцка Львовской области и много-много других сел Галиции. При этом, здесь население уничтожено «под корень», то есть всех до единого, от мала до велика.

Вышеуказанные данные о количестве жертв «украино-польской резни», по нашему мнению, не соответствуют действительности. Здесь еще нужно серьезно поработать многим исследователям. Без «патриотического» пристрастия и «национальной» предвзятости. Мне довелось такими исследованиями заниматься не один год. В результате скажу следующее: в 1943-1944 гг. на Волыни от рук украинских террористов погибли 60-70 тысяч поляков; в Галиции значительно больше – 140-150 тысяч. Суммарно это составляет 200-220 тысяч человеческих жизней! А сколько погибло украинцев, мирных сельских жителей? Это еще и до сих пор до конца не подсчитано.

Террористически-диверсионные действия бандэровцев в послевоенные годы

Жертвы националистического разбоя во времена ушедшей войны бессчетны. Они не подсчитаны и их слишком тяжело подсчитать. Мы уже указывали, что только в первые дни и недели войны и немецко-фашистской оккупации западных областей Украины погибло от кровавых рук украинских воинствующих националистов приблизительно 40 тысяч человек – советских активистов, представителей советской власти, комсомольцев и коммунистов. За почти три года ужасающе-жестокой оккупации эти жертвы в несколько раз бóльшие.

Сразу же после изгнания немецко-фашистских захватчиков из Западной Украины и в первые послевоенные годы здесь разыгралась драма, которую с полной уверенностью нужно назвать гражданской войной. Об этом довольно определено писал известный советский публицист Юрий Мельничук: «Национализм натравливал брата на брата, разрушал человечность, дружбу, любовь. Национализм творил на нашей земле адские преступления... Национализм подло калечил людские души и извивался, словно гадина».¹²

Основную часть террористическо-диверсионных действий бандэровцы в послевоенные годы направили не против «энкаведистов» (как они часто пишут в своих «хрониках» и «исследованиях»), а против местного сельского населения, используя лесные массивы и удаленные от больших населенных пунктов местности для своей защиты. Используя тактику быстрых наскоков (которую сами называют «партизанской»), они грабили и сжигали помещения сельских Советов, школ, клубов, библиотек, хат-читален, магазинов, дома активистов советской власти, а то и целые села. Так, банда надрайонного проводника СБ Д. Купьяка – «Клея»¹, на счету которой многочисленные кровавые злодейства в Каменка-Бугском и соседних районах Львовщины, уничтожила сотни граждан, полностью сожгла село Адамы. В начале июля 1944 года бандиты разгромили, ограбили и сожгли более 100 крестьянских дворов в Новомылятинском районе Львовской области. В Тернопольской области они полностью сожгли село

---

¹² Мельничук Ю. Супостати. Львів, 1964. С 9.

Гнильче Бережанского района. В селе Высокое Монастырщенского района в ночь на 22 сентября 1944 года бандиты сожгли школу, 106 крестьянских дворов, во время пожара погибли 52 жителя. 6 февраля 1945 года в селе Барыш Бучацкого района бандэровцы сожгли 212 крестьянских дворов, убили и сожгли 98 жителей. Таких фактов ужасающего бандэровского разбоя было много.

О размерах подобных злодеяний можно судить по событиям, которые произошли в Тернопольской области в октябре-декабре 1944 года: бандэровцы за три месяца убили 707 граждан, среди них 436 крестьян, 53 военнослужащих, 169 представителей партийно-советского актива, 48 председателей сельских Советов. Бандиты насильно вывели в лес еще 159 человек, судьба которых до сих пор неизвестна, сожгли 214 крестьянских хозяйств, разгромили 58 помещений сельских Советов, 6 маслозаводов, 5 спиртовых заводов, ограбили 345 крестьянских хозяйств, сожгли 21 мост, разбили 22 автомашины, 12 молотилок, 18 тракторов, награбили 216 голов скота и много продовольствия и всякого крестьянского имущества.¹³

Зарева пожаров и крики истязаемых людей, замученные старики и дети – таковы кровавые следы националистических бандитов. Бандэровцы с неслыханной жестокостью расправлялись со всеми, кто не подчинялся их приказам, не исполнял их волю. В марте 1944 года в селе Хорлупы Олыкского района на Волыни они замучили 12 крестьянских семей из 58 человек. В Держнивском^{II} районе на Ровенщине бандэровские бандиты только в мае 1944 года вырезали 57 семей. В августе того же года в Демидовском районе банда под руководством бывшего полицейского «Ломоноса» устроила обычную «Варфоломеевскую ночь»: бандиты задушили, резали и расстреляли 60 жителей. Банда «Дубового» в селе Мульчицах Рафаловского района за одну ночь убила и ограбила 50 крестьян. В селах Куличкове, Ваневе, Низах и Сельцах Бродовского района на Львовщине оуновские бандиты уничтожили около ста человек, среди них 25 детей, 29 женщин, 33 стариков. В селе Ямельном Яновского района бандиты из местных отрядов замучили 53 крестьян. В селе Испас Вижницкого района Черновицкой области оуновские бандиты только за одну ночь убили 47 жителей. Подобных фактов бандитизма было много.

Только с февраля 1944 г. по январь 1945 г. остатки формирований УПА и оуновское вооруженное подполье провели в западных областях Украины 3287 террористически-диверсионных акций, на протяжении 1945 г. – 3424 акции. Все они были направлены в основном на воспрепятствование процессу восстановления Советской власти. Почти все эти акции заканчивались убийствами и грабежами.¹⁴

С июля и до конца 1944 года националистические формирования уничтожили только в Станиславской области 2725 граждан.¹⁵ Аналогичные убийства происходили в других западных областях Украины.

О характере этих убийств можно судить по таким довольно определенным данным: с лета 1944 года по май 1946 года (то есть за неполных два года) во Львовской области (в границах того времени, то есть без Дрогобычской области, которая вошла в состав значительно позже) бандэровцы убили и замучили 5088 граждан, в том числе: 44 учителя, 218 председателей сельских Советов и их заместителей, 406 бойцов истребительных отрядов и групп самообороны (в основном местной молодежи), 3105 крестьян (среди них 497 детей).¹⁶ То есть, из 5088 погибших на «энкавдистов» и

---

¹³ ПАТО, ф. I, оп. 4, спр. 1, арк. 99.

¹⁴ ЦДАГО України, ф. 1, оп. 20, спр. 220, арк. 86 – 87.

¹⁵ ПАШФО, ф. 1, оп. 1, спр. 317, арк. 24.

¹⁶ ЛОДА, ф. П – 3, оп. 6, спр. 283, арк. 32.

«большевиков» приходится только 1315 человек. Это, как видим, категорически опровергает так часто распространяемые националистами их выдумки о том, что, мол, ОУН-УПА «воевала» только против «энкаведистов» и представителей партийно-советских органов.

Сегодня многих волнует та безответственность, которой отличаются отдельные выступления официальных государственных учреждений, личностей и представителей прессы в расхристанное время так называемого «демократизма» и политической неопределенности общественной жизни. Так, «Рабочая газета» от 3 декабря 1988 года однозначно указала, что в послевоенное время от рук украинских националистов погибло более 30 тысяч граждан. В феврале 1990 года Комитет государственной безопасности Украинской ССР сделал в прессе заявление, где, в частности, также однозначно указал, что от рук бандэровцев в послевоенное время погибло более 30 тысяч мирных советских граждан и около 25 тысяч военнослужащих, работников органов государственной безопасности и пограничников. Эти цифры, к сожалению, стали гулять во многих изданиях, особенно в прессе, как на Украине, так и за границей.

Такие безответственные заявления являются обычным кощунством и непростительны для памяти десятков тысяч убитых, задушенных, зарезанных, замученных, замордованных! О каких 30 тысячах человек может идти речь, если (как указано выше) за неполных два года в половине нынешней Львовской области погибло от рук националистических убийц около четырех тысяч человек! А это ужасающее кровопролитие, как известно, продолжалось до начала 50-х годов и охватывало семь (!) западных областей (за исключением Закарпатской области, где такие инциденты и акции были эпизодическими).

Абсолютно ясно, что в числе 30 тысяч не нашлось подсчета тем, кого бандэровцы насильно отвели в лес и там жестоко замучили, равно как и тем, кого тайно бросили в колодцы или закопали в лесу, а также тем, кого кинули с камнем на шею в озера и реки. В официальных донесениях не значатся до сих пор и те, кто «пропал без вести», среди них и жители отдаленных хуторов, о которых в то драматическое время забыли не только секретари сельских Советов (чтобы зафиксировать исчезновение человека), но и Бог! Органы же КГБ считали, что эти люди сами подались в лес.

По моим подсчетам (а они также грешат неполнотой, ибо я не имел исчерпывающих сведений по селам, районам и областям), только в послевоенные (1944-1952) годы от рук вооруженных формирований УПА и службы безопасности ОУН и вооруженного подполья ОУН погибло около 90 тысяч мирных граждан. Что же касается военнослужащих, представителей органов власти и пограничников (25 тысяч), то эти данные приблизительно отвечают действительности.

Почему так случилось? Почему такая беспомощность тех, кто об этих преступлениях говорит и пишет? Во-первых, у местных органов власти отсутствует элементарный учет тех, кто погиб в годы войны и в послевоенный период. Во-вторых, отсутствует такой учет и на районном, областном и самом высоком уровнях. В-третьих, и до сих пор существуют огромные трудности доступа в спецхраны.

Характеризуя в целом противоборство политических сил в 40-е годы в западных областях Украины, следует отметить, что это было преступное братоубийство, которые на языке политической истории называется гражданской войной. Обреченные на уничтожение оуно-бандэровские формирования прибегли к политическому бандитизму, который, по существу, тесно соединялся с уголовным.

Страх перед заслуженным наказанием, обреченность, ненависть и гнев ко всем, кто не разделял их злодеяний, низводили к аморальному поведению и поступкам, к

маниакальной жестокости и садизму. Осенью 1944 года в селе Бенькове Великом Каменка-Бугского района на Львовщине оуновцы повесили секретаря сельского совета Иванчука, а жену с ребенком сожгли живьем. Они сожгли еще четыре крестьянские семьи, которые состояли из 26 человек: одну за то, что четыре сына пошли служить в Красную Армию и били на фронте фашистов, других – за то, что всячески помогали советскому государству в окончательном разгроме гитлеровской Германии.

Вот что рассказал на страницах газеты Петро Угера, бывший участник формирования УПА, действовавшего в Стрыйском и соседних районах на Львовщине: «В селе Яблоновке молодежь организовала самооборону и с оружием в руках охраняла от нас приобретения советской жизни, покой своего села. Это разозлило верховодов банды. Они решили учинить над селом кровавую расправу. Ночью большая группа «эсбистов» под руководством «Ромки» напала на село. Что творилось в эту ужасную ночь! Бандиты жгли людей живьем, закрыв их в хатах, разбивали об стены головы детей, насильовали несовершеннолетних, издевались над седыми. Однако село им так и не удалось захватить в свои руки...»

Известно, что одна из зловещих особенностей фашизма и фашистов заключалась в том, что под свои зверства они подводили базу «исторической целесообразности» и пытались «логически» обосновать пытки, агрессию и массовые убийства невинных людей. Воспитанные в духе гитлеровского варианта человекоубийства, гитлеровцы смотрели на свои жертвы как на «недолюдей», с чванливым пренебрежением «арийцев». Руководствуясь этой зловещей «исторической целесообразностью», они поставили массовые убийства на «культурную» основу – пунктуально и педантично ликвидировали «недолюдей» в специально оборудованных концентрационных лагерях, сжигали в крематориях, душили газом в душегубках (газвагонах), заготовляя для нужд рейха волосы, кожу, пепел замученных и сожженных людей. Исполняя, в частности, акцию ликвидации, гитлеровцы не суетились, старательно целились, спокойно нажимая на курок, сентиментально думая о своих «фройляйнах» и «киндерах».

Перенимая богатый опыт и методы гитлеровских «юберменшей», бандэровские душегубы действовали наоборот. Они нервничали и суетились, стреляли, не целясь, вымазывались кровью своих жертв, пытались себя подбодрить самогоном, брутальными словами и руганью. Особенно свирепствовали «специалисты» («паны мастера») из СБ ОУН – специальных карательных подразделений. «Как вы понимаете эту службу безопасности? В чем вы видите опасность?» – спрашивал председательствующий на судебном процессе по делу оуновских бандитов, проходившем в городе Красноармейске Ровенской области. Подсудимый Бондаренко ответил: «Больше всего мы боялись восстановления советской власти. Мы понимали, что тогда нам конец. Мы знали, что украинский народ нас ненавидит и уничтожит при первой возможности. Он никогда не простит нам содеянных преступлений. Потому опасность мы видели в народном гневе».

Бандэровский разбой с его ужасами породил много «рыцарей» преступления. Потому оуновские документы просто пестрят многочисленными сведениями о том, сколько уничтожено людей «на сухо», а сколько «на мокро». «Сколько вы замучили и расстреляли людей?» – спросили бандита З. Биляка на судебном процессе над оуновскими убийцами в городе Дрогобыче в сентябре 1944 года. Биляк молчит... А потом заговорил... «Сначала шесть... позже пять... два... три... не помню...» Убийца потерял счет.

Подобной жестокостью среди бандэровских душегубов выделялся О. Коваль, совершивший много преступлений в селах Сокальского, Бусского, Каменка-Бугского районов Львовской области. На вопрос председательствующего народного суда, почему бандэровцы уничтожают младенцев, подсудимый, не раздумывая, ответил: «Такие

директивы дал нам провод ОУН. Нам приказано во время налетов на село никого не мигать. Это делали мы для того, чтобы нас боялись и уважали, как грозную силу». «Что же плохого сделал вам трехмесячный ребенок?» «На детей падает кровь родителей», – цинично ответил бандит.

17 января 1945 г. тернопольская областная газета «Вільне життя» («Вольная жизнь» – прим. пер) рассказала о зверской расправе бандэровцев над жителями села Лозовая Великоборковского района, в которое вторглась банда. За четыре часа бандиты убили 100 жителей села, среди них много стариков и детей. Кровь стынет в жилах, когда читаешь об издевательствах бандитов над людьми. «Нельзя найти краски, – писала газета, – чтобы нарисовать ужасную картину убийства семьи Кузь. На кровати, на полу и на печи лежат окровавленные мертвые тела. На стенах и потолке застыли брызги человеческого мозга и крови... Звери-бандэровцы в Лозовой ломом по голове убили семимесячного Петрусика и восьмимесячную Аленку Лачас, а потом оторвали им ручки... Посмотрела бы та украинская мать на своего выродка, того хладнокровного ирода, который отсек топором ручку и ножку трехлетней Марийки Загребельной, а потом отрубил ей курчавую головку...»

Воспитанные на культах «свирепого сумасшествия» и «творческого насилия» (по Донцову, конечно), на организационных традициях УВО – ОУН-УПА (на принципе: «Чтобы сплотить товарищество, нужно кого-то сообща убить»), бандэровцы предавались зверскому террору.

Националистические мясники выискивали ужасные способы пыток: рубили руки и головы топорами, отрезали уши, выкалывали глаза, резали тело на куски, пробивали его гвоздями, сжигали живьем, вешали, бросали в колодцы, насиловали женщин, отрезали им груди. Известный еще инквизиторам средневековья способ убийства «гаррота» (способ пыток с помощью железного кольца, которое затягивалось на шею истязаемого до тех пор, пока не ломались шейные хрящи) широко использовался убийцами. Они только «рационализировали» этот способ и назвали его «кренпульцы». Железное кольцо заменяла обычная веревка, которую палачи затягивали на шею с помощью короткой палки. Человек погибал в страшных муках. Так были задушены В. Лещинин в селе Мурованом, Ю. Тиха в селе Школовичах Пустомытовского района на Львовщине, В. Гладкий из села Стронятин и А. Муць из села Сытихов Жолковского района той же области и многие-многие другие.

«Ребенок кричал, – уточнял детали своего метода пыток бандэровец В. Головачук на судебном процессе, – но я заткнул ему рукавицей рот и потом закрутил чуркой петлю, наброшенную на шею. Он и замолчал...» Этот оборотень не мог жить без крови, без стога замученной жертвы. А руководитель отряда СБ, творившего злодеяния в Здолбуновском районе Ровенской области, «Вороний» (Андрийчук), бывший начальник так называемой «украинской» полиции в городе Мизоче на Ровенщине, специализировался на пытках собственного «изобретения» – вырывал у своих жертв коленные чашечки.

Высокорослый, коренастый, с тупым взглядом палач Олейник из банды Купьяка – «Клея», творившей ужасные злодеяния в Каменка-Бугском, Бусском и других районах на Львовщине, не только собственноручно убивал детей, женщин и стариков, но и исполнял в банде еще и обязанности ходячей виселицы. Кроме автомата и пистолета, он всегда носил при себе ременную удавку, которую внезапно набрасывал сзади на шею жертвы, а потом, подтянув её вверх через плечо, отрывал от земли и держал до тех пор, пока та не затихала у него на спине.

В своих жесточайших преступлениях бандиты были неугомонны. Осенью 1944 года в селе Билыхах Любомльского района Волынской области они сожгли хату крестьянина Лаврещука, замучили трех его детей; в селе Боголюбах (ныне Першотравневое) Рожищенского района бандэровцы ворвались в хату П. Ковальчука и топором отрубили головки четверем детям.

7 февраля 1945 г. бандэровцы схватили в селе Сташевичи Старосамбирского района на Львовщине учительницу-активистку Катерину Шевченко. Они вытащили её во двор, прострелили обе ноги, чтобы не убежала, по кусочку резали руки, уши, губы, вырвали из груди сердце, пробили прикладом голову, а потом отрезали её.

А вот фрагменты бандэровского разбоя на протяжении нескольких месяцев в Жолковском районе Львовской области: 23 декабря 1944 г. в селе Крехове бандиты из отряда «Грозного» напали на семью Урбанских, схватили братьев Владимира и Михаила и жестоко избili, потом разрезали животы, выломали руки и добили кольями; в ночь с 23 на 24 декабря того же года бандэровцы ворвались в село Воля-Высоцкая, зверски замучили здесь 18 жителей, из них троих детей и семерых стариков, а на трупах прикрепили надписи: «За предательство украинской нации»; в марте 1945 года в селе Крехове бандиты схватили учительницу М. Полуситок и долго истязали, а через несколько дней крестьяне нашли в лесу её труп, разрезанный пилой на три части; в июне 1945 г. в селе Кунине отряд СБ ворвался в хату главы сельского потребительского товарищества И. Самуляка, бандиты вывели хозяина за село и после долгих пыток убили; через несколько дней тот же отряд СБ замучил крестьянку П. Мурмило, труп которой был найден за селом с вывернутыми руками и ногами, вырванными волосами и выколотыми глазами.

«Это не люди, а звери, которых свет не видел», – так говорили в то время про бандитов трудящиеся западных областей Украины. Ярослав Галан, которого по праву называли «совестью Галиции», в 1946 г. так характеризовал зверства бандэровцев: «Эти ватаги очумевших от запаха человеческой крови бестий в лучшем для них случае войдут только в историю криминалистики». «Показательно, – указывал французский прогрессивный публицист и историк Аллен Герен в книге «Серый генерал», – когда речь заходит об организации (то есть про ОУН – В.М.), – историки как Запада, так и Востока употребляют одно и то же слово: бандиты».

Довольно хорошо известно, хотя вся советская официальная статистика тоже неполная, что в западных областях Украины в годы минувшей войны погибло более двух миллионов граждан (из них более 400 тысяч советских военнопленных). То есть, 4/5 всех погибших (а это около двух миллионов) составляло западноукраинское население. Кроме этого, более 600 тысяч человек (а это в основном молодежь) было угнано на каторжные работы в гитлеровскую Германию, где часть из них также погибла от непосильного труда, голода и болезней.¹⁷ Кто истребил такое огромное количество людей?

Мы уже отмечали, что в первые дни немецко-фашистской оккупации Западной Украины украинские воинствующие националисты всех группировок (прежде всего, бандэровцы) уничтожили около 40 тысяч граждан. Это были представители левых организаций (Коммунистической партии Западной Украины (КПЗУ), Коммунистического союза молодежи западной Украины (КСМЗУ), «Сель-Роба» и других объединений левой направленности), советские активисты периода 1939-1941 годов, члены советских

---

¹⁷ Див.: Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945. К., 1975. Т. 3. С. 152–153.

учреждений и военнотружачие, которые не успели эвакуироваться на восток. Часть их погибла вместе с семьями.

Известно, что до войны на Западной Украине (вместе с Закарпатьем и Буковиной) проживали почти миллион евреев. Все это население было согнано в гетто поселков и городов, часть отправлена в концлагеря на территории Польши и в Яновский концлагерь во Львове и тотально уничтожено. Во Львове, в частности, только в гетто («Юлаге») было ликвидировано 136 тысяч евреев. Кто расправился с таким большим количеством людей? Прежде всего, сельские старосты и их пособники, которые собирали евреев и отправляли в гетто, «украинская» полиция, которая не только арестовывала сотни тысяч людей, но и принимала участие в расстрелах; чиновники бургомистратов и целый ряд других коллаборационистов из среды украинского населения. Конечно, виной всего этого кровавого побоища был немецкий нацизм. Но часто все эти кровавые преступления творились руками пособников с украинскими фамилиями, которые выполняли самую черную работу.

Что же касается истребления советских военнопленных, то здесь также вымокла их кровью та же «украинская» полиция и другие пособники гитлеровцев. Так, сразу же после освобождения Львова, Чрезвычайная государственная комиссия по расследованию преступлений гитлеровцев и их пособников в городе и области зарегистрировала 190 наиболее кровавых преступников (от генерал-губернатора Ганса Франка и губернатора дистрикта «Галиция» Отто Вехтера до рядового палача-исполнителя). Среди них было немало убийц с украинскими фамилиями. «Украинцы» служили и в «крипо», и в «сипо», и в «шупо» и в других типах гитлеровской полиции, принимали участие в охране полевых и стационарных концлагерей и, конечно, в истреблении советских военнопленных. Так, во Львове в «Шталаге-328» («Цитадель») было уничтожено более 140 тысяч военнопленных. Их расстреливали и на «Пясковне» в Лисиничах, и в других местах львовского пригорода. То же происходило и в других концлагерях: в офлаге во Владимире-Волинском, в полевых концлагерях в Ровно, Ковеле, Луцке, Станиславе, Тернополе, Дрогобыче, Каменке-Бугской и многих других городах Западной Украины.

К этому следует добавить, что в марте – апреле 1943 г. вся эта так называемая «украинская» полиция по единой команде ОУН и гестапо вместе с оружием пошла в леса и создала костяк УПА. Суммарно (на Волини и в Галиции) это составляло более 12 тысяч «украинских» полицейских, которые уже обрели значительный опыт в человекоубийствах.

Таким образом, на протяжении трехлетней немецко-фашистской оккупации в западных областях Украины гитлеровцы при активной помощи украинских воинствующих националистов (или непосредственно силами ОУН-УПА) уничтожили более двух миллионов граждан, из них: около миллиона евреев, 200-220 тысяч поляков, более 400 тысяч советских военнопленных, более 500 тысяч местных украинцев! Такой мартиролог трех лет войны!

Раскрываю небольшую книжку публицистики уже покойного львовского поэта Ростислава Братуны «Слово гнева». Книжка издана не так уж и давно, в 1975 г. Вот отрывок из первого стиха этого сборника:

... Ні шептицькі, ні УНДО без роду,	... Ни шептыцькие, ни УНДО без рода,
Ні ОУНу хижі горлорізи	Ни ОУНа хищные горлорезы
Не могли зламати дух народу,	Не могли сломать дух народа,
Міць його, сильнішу од заліза...	Крепость его сильнее, чем железо...
(«Ярославу Галану»).	(«Ярославу Галану»)

Что правда, то правда! Совершенно афористично и совершенно справедливо звучат слова поэта: «Предательством же правду не одолеть!»

Тогда, в послевоенные годы, Ростиславу Братуню виделось (не во сне, конечно) наяву:	
У темнь дику, горобину	Во тьму дикую, воробьиную
Кричать сполохані сичі...	Кричат испуганные сычи...
Я бачу наяву дитину,	Я вижу наяву дитя
Ножем зарізану вночі.	Ножом зарезанное в ночи.
Я бачу: вбита катом мати,	Я вижу: убита палачом мать,
Розп'яті батько і сини,	Распятые отец и сыны,
І жменя попелу від хати...	И горстка пепла от избы...
Хто злочин цей важкий вчинив?..	Кто сотворил это тяжкое преступление?
(«Слово гніву»).	(«Слово гнева»).

Тех палачей, которые творили грозowymi ночами преступления, и избличает словами гнева поэт в стихах «Баллада о селькоре», «Баллада истребительного батальона», «Баллада прощания», «Могила на опушке» и многих других.

Стих «Могила на опушке» приведем полностью:

Його обманули. Сказали:	Его обманули. Сказали:
– Бери автомата. Стрільай!	– Бери автомат. Стреляй!
... А він так любив Україну,	... А он так любил Украину
Розтерзаний ворогом край!	Растерзанный врагом край!
Вбивай не фашиста-заброду,	Убивай не фашиста-бродягу,
А смерть неси рідному брату.	А смерть неси родному брату.
Вбивай! Бери віхоть у жменю,	Убивай! Бери пучок соломы в руку,
Пали його клуню і хату!	Жги его амбар и хату!
Йому почепили тризубця,	Ему прицепили тризубец,
Що в серце уг'явся осою.	Что в сердце впился осой.
Казали вилазять бандитом	Сказали вылазять бандитом
Зі схрону нічною порою.	Из схрона ночной порой.
Коли він сказав: – Я не буду,	Когда он сказал: – Я не буду,
Не буду, не буду вбивати!	Не буду, ну буду убивать!
Хай буде Бандера-собака	Пусть будет Бандэра-собака
З своїми катами проклятий!	Со своими палачами проклять!
Піду я шукати дороги	Пойду я искать дорогу
До тих, в кого стрічки червоні....	К тем, у кого красные ленты...
Прошили кривавим ударом	Прошили кровавым ударом
Його вже посивілі скроні.	Его уже поседевшие виски.
Могила його на узліссі.	Могила его на опушке.
Імення його-нам не знати...	Имени его – нам не узнать...
Одна із тих сотень трагедій,	Одна из тех сотен трагедий,
Яку від людей не сховати.	Которую от людей не спрятать.

Но прячут и прячутся, и еще как! В стихе-памфлете «Ресторатор-людоед» (думаю, что речь идет здесь о бывшем сотруднике службы безопасности ООН в Каменка-Бугском районе на Львовщине Д. Купьяка-«Клея», который сегодня в Канаде владеет рестораном Ростислав Братунь^{III}, в частности, отмечал:

Цей убивця-горлоріз,	Этот убийца-горлорез,
Що за море аж заліз,	Что за море аж залез,
Надрайонний шеф ес-бе –	Надрайонный шеф эс-бэ –

Це гестапівський цабе!
Він і різав, і стріляв,
Він палив і розпинав,
На людей наводив ляк
Симпатичний пан Підляк...

Эта гестаповская шишка!
Он и резал, и стрелял,
Он сжигал и распинал,
На людей наводил страх
Симпатичный пан Подляк...

Об этом же обер-палаче – надрайонном проводнике службы безопасности Дмитрие Купьяке-«Клее», который мучил население Каменка-Бугского, Бусского и соседних районов Львовщины поэт рассказывал и в очерке «Земля обвиняет», помещенном в этом же сборнике:

«В Низах, возле старинного Белза, раскопали засыпанный землею колодец на краю села, нашли кости человеческие. Заговорили свидетели преступления, которых бандэровцы заставляли под угрозой смерти свозить сюда трупы. Стало явным то, что так старательно оуновцы хотели спрятать, от чего так тщательно на заграничных мусорниках открещиваются, мол, это не мы делали...»

Но об убийцах, продолжал автор:

«Земля говорит. Люди говорят. Правду не убить, не спрятать на дне самых глубоких колодцев...»

Девять гробов несли на плечах низовчане на место вечного упокоения. И среди них – маленькие – детские гробы, доски которых могли бы пойти на коляску... Я был в Низах, я стоял над колодцем, когда из него доставали останки жертв бандэровцев. Я шел в печальной похоронной процессии. Немел, склонив голову, над свежей могилой. Я разговаривал с очевидцами низовской трагедии. Я читал протоколы следствия. Я выбрал в свое сердце ненависть суровой молчаливой толпы и всплески женского рыдания.

Именем Украины! Именем земли и народа мы проклинаяем мертвых и живых нелюдей, которые хотели распять нашу мать – Родину! Пусть наша ненависть дотла испепелит кости тех, кто получил заслуженное наказание! Пусть наша ненависть громом упадет на головы тех, кто удрал от неё за границу!...

И дальше:

«Только в селах Куличков, Ванев, Низы (бывший Прусинов) и Силец оуновские бандиты убили почти сто человек. Среди них 25 детей, 29 женщин, 33 старика. Они не были ни коммунистами, ни активистами...»

Как они (то есть бандэровцы – В. М.) силились, чтобы сравняться во всём с фашистским «сверхчеловеком», как старались быть подобными берлинскими верховодам! Даже от желто-голубого флага они отреклись, а так же, как и гитлеровцы, взяли себе – красно-черный, только побоялись свастику прилепить, ибо такого воровства мог не простить «Учитель великий» (то есть Гитлер – В. М.)... И даже «конституцию», которую готовили украинскому народу, списали по муссолинско-гитлеровским образцам. И руку тянули на «приветствия», как гитлеровцы «хайль»...

И еще Братунь добавлял:

«Я переворачиваю странички «исторического трактата» некого Петра Мирчука «Украинская повстанческая армия» (изданного, конечно, в Мюнхене), где этот «ученый» в «реестрах боев УПА», став в позу летописца, как проявление «государственного разума», фиксирует сожжение колхозных усадеб и сельсоветов, убийства советских и партийных активистов, комсомольцев и солдат Советской Армии.

Самый обычный бандитизм возносится в ранг «борьбы за освобождение Украины», за освобождение «от большевиков», то есть, за освобождение народа от народа...»

Итак, Ростислав Братунь в публицистической книжке «Слово гнева» довольно ярко и определено характеризует преступления националистов-бандэровцев. В стихе «Их детям» поэт был абсолютно прав, когда писал:

Україна – завжди добра мати,
Що зустріне і простить в біді,
Та вона уміє проклинати
Низості і зрадництва плоди!

Украина – всегда добрая мать,
Которая встретит и простит в беде,
Но она умеет проклинать
Низости и предательства плоды!

Еще больше неумно разоблачал преступления украинских воинственных националистов во времена минувшей войны и в послевоенное время другой хорошо известный на Украине оборотень Дмытро Павлычко^{IV}. Тот самый Павлычко, который на заре своего поэтического творчества так страстно писал:

Я син простого лісоруба,
Гуцула із Карпатських гір.
Мені всміхалась доля люба
У сяєві Кремлівських зір...

(«Я син простого лісоруба»)

Я сын простого лесоруба,
Гуцула с Карпатских гор.
Мне улыбалась доля милая
В сеянии Кремлевских звезд...

(«Я сын простого лесоруба»)

Или:

...В ленінському слові, як у світлі,
Я сам себе очистив і відкрив

(«Я – комуніст»)

... В Ленинском слове, как в свете,
Я сам себя очистил и открыл

(«Я – коммунист»)

Поэму «Убийцы» Д. Павлычко написал после того, как в 1957 г. увидел следующее:

На Волині, у Дермані сталося,
Із землі просочилася кров!.,
Із криниць витягали побитих людей
Та знімали колючі дроти із костей.
Пізнавали сусіди сусіда свого
Та казали мені, хто замучив його.
Чоловіка свого пізнавала жона,
Називала проклятого вбивцю вона.
І сестричку свою пізнавали брати,
І від них я почув, як зовуться кати.
І від болю душа розкололась моя:
Чи ж моя Україна не знала біді,
Чи не мала Шевченка і Сквороди?
Як же сталося так, як це скоїлось так,
Що вона яничарів, убивць, вовкулак
Спородила так само... О мати моя,
Тебе звалтувала фашистів лая!..

На Вольни, в Дермане случилось,
Из земли просочилась кровь!
Из колодцев вытаскивали убитых людей
И снимали колючую проволоку с костей.
Узнавали соседи соседа своего
И говорили мне, кто замучил его.
Мужа своего узнавала жена,
Называла проклятого убийцу она.
И сестричку свою узнавали братья,
И от них я услышал, как зовутся палачи
И от боли душа раскололась моя:
Разве моя Украина не знала беды,
Разве не имела Шевченко и Сквороды?
Как же случилось так, как это случилось так,
Что она янычаров, убийц, оборотней
Родила точно также... О мать моя,
Тебя изнасиловала фашистов стая!..

В поэме Павлычко отвечает палачам Украины:

Це неправда, що за волю
Ви боролись у ярмі.
Лицеміри! Нашу волю
Убивали ви самі.
Це непрада, що за брата
Ви страждали у тюрмі.
Лицеміри! Того брата
Мордували ви самі.
Це брехня, що Україну
Ви любили будь-коли –
А могли б, то й Україну
У криницю затягли!..

Это неправда, что за волю
Вы боролись в ярме.
Лицемеры! Нашу волю
Убивали вы сами.
Это неправда, что за брата
Вы страдали в тюрьме.
Лицемеры! Того брата
Истязали вы сами.
Это ложь, что Украину
Вы любили когда-либо –
А могли бы, то и Украину
В колодец затащили!..

Далее автор указывает на такую впечатляющую «деталь»:

...Невідомо, не раховано,
Скільки люду там поховано,
Скільки вбито не чужинцями,
А братами-українцями!..

... Неизвестно, не подсчитано
Сколько люда там похоронено
Сколько убито не чужаками
А братьями-украинцами!..

Завершается поэма такими словами:

... На світі не буде ніде
Такої зради й віроломства.
Панове, судний день прийде,
За кров і слези буде помста!
І вас з далеких заграниць,
З куточків темних вирвуть, сполять,
Не нап'єтеся ви з криниць –
Вас кров'ю вашою напоють!

... На свете не будет нигде
Такого предательства и вероломства
Господа, судный день придет,
За кровь и слезы будет месть!
И вас из далеких заграниц,
Из уголков темных вырвут, выполют
Не напьетесь вы из колодцев –
Вас кровью вашей напоют!

---

¹ Дмитро Купьяк (1918-1995) – член СБ ОУН(б). После войны прятался от Советской власти в Германии, а затем уехал в США, а потом в Канаду. В 1964 г. канадские власти отказались депортировать убийцу в СССР. В Канаде Клей прожил длительное время, занимаясь антисоветской деятельностью. В честь него была названа школа во Львовской области. Жена Клей – Стефания занимается политической деятельностью. В партийном составе политической организации Конгресс украинских националистов числится однофамилец или родственник этих фашистских преступников – Иван Купьяк 1958 г. рождения.

² Виталий Масловский приводит старые названия административно-территориальных районов, но в данном случае возможно опечатка, которая сохранилась в оригинальном тексте.

III Ростислав Братунь имел связи с националистами, во времена перестройки поддержал идею отсоединения Украины от СССР. Умер при загадочных обстоятельствах в 1995 г., вероятно был убит.

IV Павлычко перешел на позиции украинского национализма во время перестройки. Виталий Масловский не случайно приводит здесь ссылки именно на Братуня и Павлычко. Существует версия, согласно которой некоторые бандэровцы демонстрируя свои антинационалистические взгляды, должны были интегрироваться в верхушку советского общества и сыграть свою роль в разрушении СССР. Это хорошо видно на примере идейных метаморфоз многих «культурных деятелей».

Из всей литературы, которая появилась за границей, меня больше всего впечатлила книга Виктора Полищука «Горькая правда: преступность ОУН-УПА (исповедь украинца)». Книга вышла на украинском и польском языках в 1995 г. в Торонто – Варшаве – Киеве, а в 1996 г. эта книга переиздана в Донецке. На неё мы и будем ссылаться.

Виктор Полищук отмечает, что он не коммунист и не националист. Он не принадлежит к почитателям бандэровщины. Украинец с Волыни (г. Дубно на Ровенщине), он не озабочен нынешним «национальным возрождением» в национал-нацистском варианте, чем сегодня болеют многие украинские «патриоты», но желает добра и счастья независимому Украинскому государству. В 1940 г. он был репрессирован вместе с семьей за «грехи» отца-петлюровца. В послевоенное время жил в Польше, теперь – в США и Канаде. Юрист. Доктор политологии. Автор нескольких книг, в том числе научного труда «Идеология украинского национализма по Дмитрию Донцову». Его последняя книга – «Горькая правда: преступность ОУН-УПА» – воистину впечатляющая исповедь честного украинца, которому стыдно за преступность тех, кто в прошлом называли и продолжают называть себя сегодня «ширыми украинцами», «национально сознательными», хотя на руках у них кровь поляков, евреев, русских и украинцев. Автору стыдно и за Украину, земля которой родила таких преступников, стыдно и перед польским народом, которому нанесено столько неизъяснимого горя. Итак, книга Виктора Полищука – правдивая и честная исповедь украинца.

Автор посвящает свой труд памяти жертв ОУН-УПА. Указывая на научный характер книги, он одновременно отмечает, что те документы и сведения, которые в ней приводятся, изложены публицистично, в свободной интерпретации. Все они отвечают на вопрос: кто, когда и для чего учинил такое ужасающее дело человекоубийства на Волыни и в Галиции во время минувшей войны? Справедливо замечает автор и то, что его труд может стать хорошим пособием для каждого, кто интересуется историей Украины и Польши. Виктор Полищук акцентирует свое внимание на преступлениях ОУН-УПА против польского народа. Почему, собственно, так? Да потому, что украинские националисты постоянно обвиняли поляков в том, что они, мол, «откапывают» украинских националистов только для того, чтобы их специально обвинить. «Считаю, – пишет В. Полищук, – что проблему украинского национализма следует не только «откопать», но и выдернуть ее корнем вверх, чтобы можно было понять преступную суть украинского национализма. Без понимания сути украинского национализма никогда не дойдет до примирения между украинским и польским народами...»

Здесь же автор предостерегает читателей, что писать обо всех этих преступлениях украинских националистов довольно опасно. «Один доброжелатель сказал мне: – Человеке, брось писать эту книжку, прекрати эту затею, – они же тебя убьют!»

Далее В. Полищук указывает на причины, почему он взялся за эту тему, и, собственно, взялся именно сегодня.

Во-первых, Польша и Украина стали сегодня независимыми государствами. А потому нужно хорошо ориентироваться в современной политике, ибо возникла новая геополитическая ситуация. «Запад активно помог разрушить господствующие в Восточной Европе государственные устои, то есть развалить СССР. Но он заботится о себе, а не об Украине, Польше или России. В то же время, засилью желтой расы (Китай) может противостоять только Россия. Так что Польше и Украине нужно в этой

ситуации разумно ориентироваться. Для этого между польским и украинским народами должно царить согласие, как между добрыми соседями. Для этого согласия каждому народу нужно признать свою вину, покаяться. Только тогда и возможно согласие».

Но украинскому, как и польскому, народу нечего извиняться. «Весь украинский народ не несет ответственности за деятельность ОУН-УПА». В то же время украинские националисты «не чувствуют никакой вины», а кричат о «самостоятельной» Украине «на всех этнических землях».

Что же касается Польши, то там есть разные мысли относительно этого. Одни говорят так: что было, то было. Другие заявляют, что украинцы, как и немцы, должны извиниться. Третьи (максималисты) говорят о том, что примирение может случиться только тогда, когда украинцы вернут Польше земли до Збруча. В то же время оуновцы выдвигают требование о возвращении Украине Холмщины, Подляшья и Лемковщины. Автор же считает, что Западная Украина – этническая территория украинцев, но тут испокон веков жили поляки. Однако существующие границы являются нерушимыми.

Вторая причина – кровавый конфликт между поляками и украинцами в годы минувшей войны. Автор называет его «украино-польской войной». Это была не война, а обычная криминально-кровавая резня. Спор же идет постоянно относительно вопроса: кто начал? Виктор Полищук приводит примеры взаимных обвинений. Сам же он считает, что «поляки защищались». Потому-то, пишет он, «...существует необходимость сказать правду. Горькую правду для украинцев, для украинского народа. И о ней скажу я – украинец. Эта правда горька для украинцев, ибо же ОУН-УПА это не только западноукраинское явление, ОУН-УПА в своей пропаганде пыталась проповедовать, что она действует от имени всего украинского народа. Потому я, украинец, хочу на это возразить. ОУН ни для меня, ни для нескольких десятков миллионов украинцев никогда не была родной. УПА никогда не была армией всех украинцев. Кого и как она репрезентовала – об этом буду говорить в этой книге».

И тут же добавляет:

«...В рядах ОУН и УПА оказывалось много украинцев не по своей воле, а если и по собственной воле, то незаметно... В семье не без урода. Таким уродом была ОУН-УПА в здоровой, хотя и заболевшей семье украинского народа».

Третьей причиной написания данной книги, отмечает автор, является то, что националисты из ОУН ничему не научились и творят сегодня всё по-старому. Мало того, старшее поколение националистов «не только не ведет к согласию, но и из преступлений делает предмет геройства». Находятся и такие защитники ОУН-УПА, как Иван Драч, который пожертвовал 1000 карбованцев на памятник воинам УПА на Ровенщине, или Сэргий Плачында, который ставит знак равно между национализмом и патриотизмом. А «подмена этих несовместимых понятий – одна из наибольших опасностей для сегодняшней Украины».

Далее автор отмечает, что такие «демократы», как Иван Драч, сегодня защищают идеологию, которая уже давно потерпела катастрофу на политической арене Европы. Это идеология Гитлера, Муссолини, Франко, Салазара. «Немцы, итальянцы, испанцы, португальцы осудили фашизм-нацизм, а у нас, видите ли, и до сих пор ведущей идеологией остается донцовский национализм», который «является разновидностью фашизма». На Украине сегодня проповедают фашистскую идеологию ОУН и ставят памятники Коновальцу, Бандэре, Шухэвychу, эсэсовцам дивизии «Галиция». Весной 1992 года Слава Стэцько (глава КУН) на конференции ОУН-бандэровцев в Киеве заявила, что «наш украинский национализм – это антифашизм, антиимпериализм, антиколониализм, анти тоталитаризм». В ответ на это заявление, указывает Виктор Полищук, «я буду

здесь доказывать, что украинский национализм – это фашизм, империализм, тоталитаризм, и даже расизм».

Определение понятия «национализм».

В книге Виктора Полищука «Горькая правда: преступность ОУН-УПА» есть немало серьезных замечаний. Справедливо размышляет автор о том, что одно и то же понятие разные люди, группы людей понимают по-разному. Так, слово «национализм» для одних – понятие негативное, для других – позитивное. Украинские националисты отождествляют национализм с патриотизмом, любовью к родине. И по этому поводу В. Полищук замечает, что национализм и патриотизм – *«полярно разные понятия»*. Ибо национализм, как эгоизм нации, является болезнью, которая имеет античеловеческое лицо.

Автор указывает, что в английских словарях, на авторитет которых так часто ссылаются украинские националистические идеологи, просто нет слова «патриотизм». Англичане это чувство понимают по-своему – как склонность человека к нации, к государству, что и называют «национализмом». То есть, они вкладывают в это понятие совершенно иной морально-психологический смысл.

Однако украинские националисты, особенно в Галиции, больны не только национализмом, но и «пьемонтизмом» и «галицким фундаментализмом». *«Тенденция галичан, – указывает автор, – «присоединить» к Галиции остальную Украину, которую они, галичане, и до сих пор не совсем понимают, пытаясь навязать всей Украине галицкий способ мышления, галицкое понимание патриотизма, которое, по сути, является неприемлемым для всего украинского народа национализмом»*.

Сегодня, указывает автор, украинские националисты по-своему трактуют и «соборность», и «самостоятельность». В понятие «соборность» они вкладывают не духовное и политическое единство всех этнических частей украинцев, а часто свой смысл – «все этнические земли украинские», что иногда обретает «империалистический окрас». Такую, собственно, империалистическую Украину с националистической диктатурой и хотели бы построить националисты из ОУН. Слово же «самостоятельная», «независимая» Украина означает у них, прежде всего, «националистическая Украина», где будет господствовать национализм и, конечно же, глашатаи этого национализма.

УПА была армией или бандой? – спрашивает Виктор Полищук. И отвечает: УПА не была «вооруженной силой какого-то государства». Потому трудно назвать её армией. А бандой? Да, участники УПА вели себя, как бандиты. Но преступления они совершали «по политическим мотивам». То есть, В. Полищук действия ОУН-УПА справедливо называет политическим бандитизмом, который объединялся с криминальным.

Автор справедливо указывает, что ОУН-УПА свойственны фашистские, тоталитарные, расовые, криминальные наросты. Потому он довольно уместно приводит слова известного диссидента генерала Пэтра Грыгорэнко, которые он сказал на одной из конференций в Канаде: *«Не хотел бы я жить в украинском государстве, в котором правили бы бандэровцы»*.

Собственно, национализм бандэровского (донцовского) типа и распространяется сегодня на Украине. *«До недавнего времени, – пишет В. Полищук, – я считал, что украинский национализм – это обычная опухоль на теле украинского народа, которая, хоть и наделала много вреда, тем не менее, исчезнет со смертью его творцов, организаторов, преступных исполнителей. Тем временем оказывается, что украинский национализм – это злокачественная опухоль, которая, сохранившись по большей части на Западе, в диаспоре, но также и на Украине, в основном в Галиции, снова оживает»*.

разрастается, распространяется по Украине. Даже среди кругов правящей элиты». Здесь же Виктор Полишук ставит резонный вопрос: «Неужели ведущие деятели украинской культуры и политики действительно не знают сути украинского национализма?» И здесь же отвечает, рассуждая: «Не исключаю этого. Но не исключаю и того, что для некоторых конъюнктурщиков украинский национализм стал тем, что можно использовать в продвижении вверх по общественной или, лучше, государственной лестнице».

Потому и сегодня раздаются на Украине разные недалёко-наивные или снобистско-гротескные заявления. Так, председатель Украинской крестьянской демократической партии Сэргий Плачында даже пишет в статье «Современный украинский национализм как идеология» («Литературная газета», 22 июля 1992 г.) о том, что «национализм – это естественное и закономерное движение в защиту и утверждение своей самобытности» и о том, что «украинский национализм – гуманный, народный и мирный», а к нему причисляет, прежде всего, три ветви ОУН: бандэровцев во главе с Ярославом Стэцко, мэльныковцев – Мыколы Плавыюка, «двойкарей» – устами ведущего пропагандиста Тараса Гунчака.

Виктор Полишук довольно аргументировано доказывает преступную сущность ОУН. В этой организации господствовала проповедь макиавеллизма о том, что цель оправдывает средства. *«ОУН воспитывала (и, к сожалению, воспитала) новый тип украинца...галичанина – с негибким характером, фанатично преданного национализму и его вождям, готового пожертвовать собой и другими. Это, к сожалению, правда. На смерть во имя украинского национализма... шли сотни членов УПА. И в то же время убивали тысячи, десятки тысяч... невинных людей... мучили, издевались»,* ссылаясь на идеологов национализма, безоговорочно указывает, что ОУН была фашистской организацией, а украинский национализм был разновидностью фашизма.

Виктор Полишук приводит отрывок из письма одного из ведущих деятелей националистов Дмитра Палиева (позже руководителя партии Фронт национального единства (ФНЕ), созданной по образцу штурмовиков в нацистской Германии) к резиденту ОУН в Италии Евгэну Онацькому 16 апреля 1932 года: *«У нас теперь «болезнь» на фашизм. Молодежь в конечном итоге резонно ищет спасение в фашизме. Но при этом забывает, об одном: предпосылкой фашизма является государство со своим аппаратом. Фашистские формы у недосударственной нации приводят к удивительным вещам. Почему он, а не я, должен быть диктатором? И в конкурентной горячке загадка нетрудная для разгадывания: каждый студент 1-го курса университета будет считать не третьекурника, а себя стопроцентно достойным этого кресла».*

Письмо, как видим, было написано тогда, когда на политическую (националистическую, конечно) арену, как один из руководителей краевой экзекуции ОУН, выходит Стэпан Бандэра, недоученный студент. Или не его имел в виду Палиев, говоря о конкуренции студентов 1-го курса на роль националистического диктатора?

Да, ОУН была фашистской не только по форме, но и по идеологическому и практическому действиям, – подытоживает Виктор Полишук. Она была не политической партией, а своеобразным законом, установленным согласно «Десяти заповедям украинского националиста» (Декалогу). На этом «Декалоге» и взращивали кадры преступников. Автор подчеркивает, что *«между итальянским фашизмом и украинским национализмом только та разница, что итальянский фашизм не поддерживала католическая церковь, тогда как в Галиции дошло почти до полной смычки униатской церкви с ОУН, многие из руководящих деятелей ОУН происходили из священнических*

семей (С. Бандэра, Я. Стэцько), а некоторые даже были священниками (о. Иван Грындох)».

Однако, в завершение этого раздела книги Виктор Полищук довольно резонно отмечает, что «ОУН имела антихристианский характер. Как, в конце концов, и итальянский фашизм и немецкий национал-социализм». Это вытекает из десятой заповеди «Декалога», ибо, принося присягу, члены ОУН возлагали руку не на крест, не на Библию, а на... револьвер, что означало смерть за «предательство» организации.

В разделе «ОУН в свете учения Дмитрия Донцова» Виктор Полищук развенчивает античеловеческую сущность украинского интегрального национализма.

Донцов

- умел орудовать цитатам из философов Запада (выдавая их за собственные мысли);

- списывал всё у Фридриха Ницше;

- часто цитировал Евангелия, и перекручивая, выдавал за свое;

- критиковал все, что не входило в его понятие украинского национализма;

- критиковал всех, кто мыслили не так, как он, называя всех «провансальством»,

«хуторянским универсализмом» и т. п.

Стремление к власти, догматизм, фанатизм, аморализм, творческое насилие, инициатива меньшинства, вождизм элиты – это фундамент доктрины Донцова, на котором и строилась ОУН, – делает вывод автор.

И здесь же замечает, что «Национализм» Донцова (по сути, главный «труд» этого штудииратора украинского нацизма) был напечатан в 1926 г. в Жолкове, в типографии греко-католических отцов-василиан. Эти «отцы», конечно, хорошо знали, что печатают.

Националистическому фанатизму научил оуновцев, собственно, Донцов. Потому автор весьма резонно замечает: «...Фанатизм довел до преступлений... Фанатизм украинского национализма существует и до сих пор, это – болезнь, которой заболели сначала сотни, со временем тысячи и десятки тысяч украинских националистов. Они еще живы и до сих пор не вылечились от этой болезни, хотя и они являются рассадником этой болезни, прививают фанатизм своим детям и внукам...». Потому-то автор со всей ответственностью предостерегает: «Если бы ОУН пришла к власти в Украине – было бы не до иронии». Один лишь лозунг «Украина для украинцев!» чего стоит!

Виктор Полищук пишет и о том, как оживают в современной Украине разные почитатели Донцова и донцовщины. Львовский «философ» Олег Грынив, в частности, в статье о творце украинского интегрального национализма (газ. «За вільну Україну» 12 декабря 1991 г.) репрезентует Д. Донцова как личность, показавшую необходимость борьбы украинского народа за независимое государство. «Это и есть продолжение донцовщины», – замечает Виктор Полищук.

А Тарас Гунчак (редактор журнала «Современность», теоретик из ОУН) лицемерно заявляет, что не разделяет взглядов Донцова, но одобряет его деятельность 30-х годов. Собственно, в 30-е годы Донцов и стал творцом украинского интегрального национализма и «отцом» преступных функционеров из ОУН.

Виктор Полищук указывает, что «эта преступная теория, преступная доктрина попала в руки хлопцам из села, которые не знали широкого мира, но уже были пропитаны национализмом, вынесенным из украинских гимназий, которые были рассадниками украинского национализма. Хлопцам, которые стали студентами, ибо у их родителей были деньги, чтобы оплатить студии и проживание во Львове или в Кракове. Тем

хлопцам было по 20-22 года: Такая преступная доктрина в руках неопытных хлопцев, это так, словно дать малому ребенку острый нож в руки».

А что же из этого вышло? *«Добра не вышло... – продолжает Виктор Полищук. – Шло время, «вожди» ОУН воплощали в жизнь преступные идеи, сформулированные Д. Донцовым. ОУН шла нога в ногу с гитлеровскими полчищами в походе на Украину, ОУН организовывала Украинскую вспомогательную полицию – помощника «Зондеркомандо» в истреблении евреев, ОУН создала УПА, дивизию СС «Галиция». Идеи Дм. Донцова жили, торжествовали...»*

Эта аморальность, фанатизм, «творческое насилие», агрессивность в доктрине Донцова быстро дали о себе знать. «Волей, а не политическими расчетами, – продолжает Виктор Полищук, – не разумом вызвала ОУН к жизни УПА, послав прежде на Волинь своих опытных фанатиков-организаторов террора, направленного сперва против мирного волиньского крестьянина-украинца. Подлостью и террором ОУН втянула волиньских крестьян в массовые убийства поляков, а тех, кто не подчинялся ОУН в лице её службы безопасности, тех украинцев тоже уничтожали, вместе со всеми семьями. На безрассудном порыве УПА превратилась в армию мясников, поджигателей, которые истребляли население во время, когда две многомиллионные силы решали судьбу войны». И здесь же добавляет: *«Дм. Донцов возвращает нас в эпоху дикости, когда обществом управлял не разум, интеллект, а только воля, как слепая деятельность, как зоологическая ненависть. И что же, обратил многих в состояние дикости, доказательством чего была, собственно, деятельность ОУН-УПА, в частности с 1942 года, в отдельных случаях и раньше. Так как разумный человек, когда убивает даже заклятого врага, то не «метится на жертве, не выкалывает ей глаза, не отрезает языка».*

Виктор Полищук при этом отмечает, что многие люди не понимают причин жестокости и садизма оуновцев. *«Польские авторы, не запоздавшие бежать из Галиции во время войны, иногда даже пытаются искать причины в национальных свойствах характера украинца. В этом они ошибаются».*

Потому автор призывает украинцев (и поляков тоже): *«Читайте Дмитрия Донцова!» Прочитав, они сами поймут суть украинского национализма, суть ОУН-УПА». Здесь же В. Полищук предостерегает современников: «... К сегодняшнему времени все три фракции ОУН на черное говорят белое и наоборот. Чтобы ввести в заблуждение украинский народ, чтобы перехватить в свои руки власть. А тогда они показали бы, что действительно думают об учении Дм. Донцова»...*

Далее в книге объясняются отношения Донцова с ОУН и ОУН с Донцовым. Без сомнения, Донцов воспитал бандэровцев. Во время 1-го сбора (1929 г.) в Вене, на котором и была создана ОУН, ведущие националисты Юлиан Вассьян, Стэпан Лэнкавський, Стэпан Охрымович заявляли о принятии организацией мировоззрения Д. Донцова. Несколько иная концепция была репрезентована Дмытром Андриевськым, Дмытром Дэмчуком и другими, но она не была принята. Для подтверждения этой мысли автор перефразирует известные слова Маяковского: *«Говорим – Ленин, подразумеваем – Партия; Говорим – Партия, подразумеваем – Ленин».* То есть – говорим украинский национализм Дм. Донцова, подразумеваем – идеология ОУН». *«Разница только в том, что Дмытро Донцов никогда не был членом ОУН, зато был он духовным отцом этой организации»*, – добавляет автор.

Под конец этого раздела Виктор Полищук опровергает скандального «историка» и апологета бандэровщины Валэнтына Мороза, который в 1992 г., в интервью канадскому телевидению в Торонто заявил: *«Есть разные национализмы – национализм демократический, авторитарный, коммунистический».* Однако, сам Мороз стоит на

позиции интегрального (донцовско-бандэровского) национализма. Автор категорически утверждает, что *«нет, не было национализма коммунистического»*, хоть и был «национал-коммунизм» Мыколы Хвильёвого и Мыколы Скрыпника.

В следующем разделе книги – «ОУН в свете собственных документов» – Виктор Полищук указывает: *«Украинский национализм – это разновидность фашизма»*; по причине воздействия учения Донцова он стал своеобразным, украинского типа, «явлением в самом себе», в донцовском подобию; *«Украинский национализм – это идеология и политическое, вождистского типа, движение, которое ставит себе целью любыми методами, в том числе и аморальными, преступными, в частности индивидуальным и массовым террором, направленным против всех, кто противиться ему, в том числе и против украинцев – построить на всех украинских этнических землях, а также на спорных территориях этнического пограничья, украинское государство, которое путем экспансии, направленной против всех соседних народов, должно расширять свою территорию до достижения статуса украинской империи...»* В этом имперском панстве «будет господствовать нациократия – вождистский, то есть авторитарный уклад», где «вождь нации» будет опираться на «лучших людей» (элиту), на «инициативное меньшинство» (касту). К этому, как видим, ОУН шла путем террора и преступлений.

Сотрудничество украинских националистов с гитлеровцами:

В разделе «ОУН до начала Второй мировой войны» Виктор Полищук довольно концентрировано излагает весомый материал о прислуживании воинствующих националистов гитлеровцам:

- с 1921 года Рико Ярый (один из приближенных Е. Коновальца, А. Мэльныка, а затем С. Бандэры) активно контактировал со штабом нацистской партии;

- с 1932 года тот же Рико Ярый и Мыкола Сциборський (заместитель Е. Коновальца в проводе и главный теоретик ОУН) были официально представлены ОУН при штабе Гитлера;

- ОУН только выполняла то, что ей поручал руководитель Абвера адмирал Канарис и его подчиненные;

- с начала Второй мировой войны ОУН выступала на стороне Гитлера.

С началом Второй мировой войны «большим и успешным помощником гитлеровцев в этом дьявольском деле стал проф. Володымыр Кубийович», – констатирует В. Полищук. Автор приводит свидетельства В. Кубийовича, руководителя Украинского центрального комитета (УЦК), созданного гитлеровцами в генерал-губернаторстве в оккупированной Польше, который пишет в своей книге воспоминаний¹ о том, что к УЦК был приставлен Теодор Оберленд, который стал «советником от Абвера». Это означало, что этот Т. Оберлендер фактически руководил делами УЦК.

После раскола ОУН на ОУН-бандэровцев и ОУН-мэльныковцев, замечает Виктор Полищук, *«ОУН-б имела своего покровителя в лице Абвера, то есть гитлеровской военной разведки, в свою очередь ОУН-м не разрывая с Абвером, опиралась на гестапо, то есть на всемогущественную тайную государственную полицию. Со временем патронат над ОУН-м возьмет СС»*.

Что же касается руководства ОУН-бандэровцев, которое стали называть революционным проводом (РП ОУН), Рико Ярый по поручению Стэпана Бандэры взял на себя внешние дела, что в конкретном времени сводилось к немецким связям; Роман

---

¹ *Кубийович В. Мені 85. Париж – Мюнхен, 1986.*

Шухэвич стал организатором кадров диверсантов, а на долю Ярослава Стэцько выпало идеологическое цементирование всей акции ориентации на гитлеровцев. Не зря II-й съезд ОУН-бандэровцев, состоявшийся в апреле 1941 года, публицист из ОУН-мэльныковцев Зыновий Кныш назвал «съездом диверсантов».

Весьма концентрированный материал о злодействах ОУН-УПА предоставляет Виктор Полищук во второй части книги, который созвучен с приведенными здесь же словами Дмытра Павлычко:

Будеш, Україно,	Будешь, Украина,
Довго пам'ятати...	Долго помнить...
Виколені очі,	Выколотые глаза,
Очі-зоряниці.	Глаза-глазницы.
Будеш пам'тати	Будешь помнить
Дерманські криниці!	Дерманские колодцы!

Анализируя процесс формирования Украинской повстанческой армии, автор аргументировано доказывает, что УПА создана эмиссарами из Галиции. Их было более тысячи, галицких бандэровцев, воспитанных донцовщиной и посланных на Волынь и в Полесье. Сначала эти «эмиссары» создали «кустовые самооборонные отделы», которые «не оборонялись, а нападали». Какими они были? В. Полищук отвечает: *«Достаточно было свистнуть – и войско готово. С топорами, вилами, дрекольем, а то и с огнестрельным оружием»*. УПА же возникла постепенно, «но жила идея, принесенная из Галиции на Волынь и Полесье, создать такую армию, которая бы выкинула с территории Украины «пришлых» и «захватчиков». «Против кого воевала ОУН-УПА?» – задает вопрос Виктор Полищук. Националисты заявляли и заявляют: они воевали «против гитлеровцев и большевиков». А на самом деле?

Отвечая на этот вопрос, Виктор Полищук дает определение Володымыра Кубийовича, руководителя УЦК, главного «коляборанта» времен немецко-фашистской оккупации Галиции, который был под контролем ОУН-мэльныковцев: *«Мы в УЦК призывали наших людей терпеть на своих постах в комитетах, не провоцируя немцев, и помнить, что пронемецкая акция помогает большевикам»*.

То есть, все ясно.

Виктор Полищук:

«Не было «войны» УПА против немцев, не было также войны против большевиков. Что не означает, что УПА не имела стычек с красными партизанами или с небольшими немецкими подразделениями. Их причиной и целью было закрепление за ОУН-УПА завоеванной ими территории, или же добывание нужного оружия и боеприпасов...».

И далее:

«Нет в литературе фактов, которые доказывали бы акции УПА против немцев с целью уничтожить их. Нет информации относительно такой диверсии, как уничтожение железных дорог, уничтожения идущих на восток военных транспортов-эшелонов...»

Есть вместо этого, упоминания о спорадических столкновениях УПА с немецкими небольшими подразделениями. Об одном таком столкновении пишет (наверное, член ОУН-м) Грыгорий Стэцюк:

«Бандэровцы напали на фольварк с немецкой администрацией, забрали не только масло, но и коров. Коров пригнали в село Ласково, что на Владимирщине, и

раздали крестьянам, чтобы те их перепрятали. Немцы, спохватившись, начали искать коров, они очень легко по следам зашли в село Ласково. Когда отбирали коров, которые ревели от голода, два бандэровца, из тех, кто пригнал коров, открыли по немцам огонь. Немцы же не остались в долгу. Те два бандэровца сбежали в лес, а немцы сожгли село, убили 28 его жителей».

Итак, резюмирует В. Полищук, «были стычки, но не было «войны» с немцами, это не был «фронт УПА» против немцев... Были, без сомнения, – продолжает автор, – столкновения и бои с красными партизанами. В частности с рейдирующими партизанскими подразделениями. Тем не менее, это были стычки и бои за территорию, а не бои против большевиков, так как, борясь с большевиками, уничтожая их, УПА тем самым действовала бы на руку немцам, которые не признали созданной ОУН-б «дэржавы», и за это бандэровцы на них «разгневались».

Зато бандэровцы довольно активно вели борьбу против поляков, очищая территории от «пришлых». При этом ОУН-бандэровцев обвиняет во всем поляков. Националистические авторы постоянно твердят, что поляки были ослеплены вековой ненавистью к украинцам. М. Лэбэдь, организатор УПА, в своей книжке «Украинская повстанческая армия» упрямо утверждает, что оуновцы проводили борьбу против польских шовинистов, которые покушались на западноукраинские земли. Другие националистические авторы указывают, что «украино-польскую войну» начали поляки, истребляя в 1942 г. украинцев на Холмщине.

Виктор Полищук справедливо утверждает, что в 1942 г. массовых убийств украинцев на Холмщине не было. Это были одинокие убийства, отдельных войтов и старост, явно с провокационной целью, чтобы поссорить украинцев и поляков. Все это инспирировали гитлеровцы накануне очищения этих земель для немецких колонистов. То есть, эти одиночные убийства не могли повлиять на массовые убийства поляков на Вольни в следующем году.

Но руководитель ОУН-бандэровцев М. Лэбэдь послал более тысячи эмиссаров из Галиции, организовал «кустовые отделы самообороны», которые со временем переросли в первые подразделения бандэровской УПА, и все началось планоно – ранней весной 1943 г. здесь происходили массовые и целенаправленные избиения польского населения.

Автор здесь же приводит цитату из книги М. Лэбэдя «Украинская повстанческая армия»: *«Летом 1943 г. Вольнь полностью была под безраздельным господством УПА. Поляки, которые получили приказ покинуть территорию, добровольно то распоряжение выполнили. Их недвижимое имущество перешло в собственность украинского народа».*

Все это самая обычная ложь! Ибо, во-первых, УПА не господствовала в то время на Вольни. Этого ей не позволяли большие соединения советских партизан. Во-вторых, то, что поляки получили приказ ОУН-УПА «очистить территории», означало не «добровольность» выселения, а массовое истребление целых польских сел на Вольни летом 1943 года. А, в-третьих, имущество замученных поляков перешло не в «собственность украинского народа», а его ограбила и присвоила сама УПА, которая никоим образом не представляла интересы и волю украинского народа.

Виктор Полищук, указывая на преступления ОУН-УПА против поляков на Вольни и в Полесье, ссылается на книгу Й. Туровского и В. Семашко «Преступления украинских националистов при ликвидации польского населения Вольни 1939-1945».²

---

² Turowski I., Siemashko W. Zbrodnie nationalistow ukraińskich dokonant na ludności polskiej na Wołyniu 1939-1945. Warszawa, 1990. S. 158

Здесь авторы приводят данные о том, что украинские националисты ликвидировали на Волыни 60-70 тысяч поляков, что составляло 20% всех поляков в крае.

По уездам это выглядело так:

Уезд Дубниевский – 6800 замученных;
уезд Гороховский – 4200 замученных;
уезд Костопольский – 7000 замученных;
уезд Ковельский – 7300 замученных;
уезд Кременецкий – 5100 замученных;
уезд Любомыльский – 1900 замученных;
уезд Луцкий – 11 900 замученных;
уезд Ровенский – 7400 замученных;
уезд Сарненский – 6100 замученных;
уезд Владимирский – 8000 замученных;
уезд Здолбуновский – 3600 замученных».

Эти же авторы указывают, что наиболее кровавым был июль 1943 года, когда погибли около 20 тысяч поляков, когда было замучено 12 тысяч человек.

Кто был руководителем такого ужасающего истребления людей? Виктор Полищук называет два лица: в августе 1943 года во главе провода ОУН-бандэровцев стоял Роман Шухэвич. То есть, массовые убийства на Волыни осуществляли под руководством Мыколы Лэбэдя, а в конце 1943 года и на протяжении 1944 года – Романа Шухэвича. Автор называет М. Лэбэдя «главным архитектором истязания». И здесь же приводит оценку известного националистического деятеля З. Кныша, который в книге «Бунт Бандэры» так и писал: «Лэбэдь – палач Волыни».

Создание УПА и дивизии СС «Галиция»

Значительное внимание в книге «Горькая правда: преступность ОУН-УПА» Виктор Полищук уделяет вопросам создания УПА и дивизии СС «Галиция».

Сначала автор дает информацию из статьи Мыколы Лэбэдя в журнале «Современность» (1983, №№ 1, 2), где тот пишет о том, что во время, когда С. Бандэру и Я. Стэцько арестовало гестапо (начало июля 1941 г.), то он (Лэбэдь) имел встречу с «представителями вермахта» Кохом, Оберлендером и Маркертом (все сотрудники Абвера, которые занимались так называемым «украинским вопросом»). Вместе с ним на «встрече» были Рико Ярый и Иван Клымив-«Лэгэнда». Как понимать такую ситуацию? Одних руководителей ОУН-б арестовывают, а с другими руководителями той же ОУН-б гитлеровцы ведут встречи и переговоры. Не очередной ли это парадокс в отношениях между бандэровцами и гитлеровцами?

Виктор Полищук приводит ряд существенных аргументов в отношении создания УПА. Вот отрывок из книги Михаила Подворняка «Ветер с Волыни» (Виннипег, 1981) о том, как проводила УПА бандэровцев свою «мобилизацию»:

«...В определенное время приказывали собираться в каком-то месте. Здесь присутствовал станичный, который предупреждал, что непослушание может стоить смерти... Одни пошли добровольно, других мобилизовали насильно...»

М. Подворняк указывал и на то, что одновременно проходила также мобилизация вещей, продуктов. На каждое село была наложена какая-то дань. Каждое село должно было дать какое-то количество мяса, муки, полотна, шерсти и т. д. По приказу готовили одежду.

Дальше В. Полищук указывает, что с лета 1943 г. мобилизация в УПА проходила насильно, под угрозами. «Вот и вся правда про УПА», – замечает Виктор Полищук. И

спрашивает: «Была ли это армия?» Армия в схронах? Армия мясников, которые воробьиными ночами выходили на свой преступный промысел?

«Жутко становится на душе...» – продолжает автор, – читая материалы о действиях ОУН-УПА. Можно засомневаться в христианской вере, можно засомневаться в правде, что человека создал Бог. Возникают сомнения, «Гомо сапиенс» ли род человеческий, принадлежит ли он к существам разумным? То, что происходило во время войны и после нее до наших дней, вызывает сомнения относительно «Гомо сапиенс» рода человеческого. Тем более выразительно в контексте учения Д. Донцова и действий ОУН-УПА противоречие между христианскими идеалами и теорией и практикой украинского национализма. В украинском национализме нет места таким христианским добродетелям, как добро, милосердие, любовь к ближнему, благородность, уважением человеческого достоинства, жалость. Вместо этого доминирует ненависть, кровожадность, пренебрежение человеческой жизнью...». Авто с грустью добавляет: «Больно писать мне, украинцу, о методах убийств, примененных ОУН-УПА».

Так, «Остап» – Сэргий Качынський, сын православного священника на Полесье, командир одного из первых подразделений, с которого фактически начинается бандэровская УПА, был убийцей. Историк УПА П. Мирчук представляет его в книге «Украинская повстанческая армия» как героя: «Командир Остап быстро стал известным большевистским партизанам и их командованию, приобретя себе у них своей твердостью в борьбе кличку «Сережа-садист»...» Вот так «доблесть»!

Куренной «Мясник» погиб 6 января 1945 г. В 1992 г. он был эксгумирован и торжественно перезахоронен нынешними почитателями бандэровцев-мясников. Об этом недавно громко писала националистическая пресса. Но, угомонитесь, господа! Он же не зря «Мясником» назван! Не резал же он кур и уток!

Виктор Полищук утверждает, что «как наши, так и зарубежные архивные источники и опубликованные документы свидетельствуют: костяком Украинской повстанческой армии были члены ОУН, которые прошли «подготовку» еще до войны в немецких спецслужбах, а потом находились в разных специальных немецких частях вроде батальонов «Нахтигаль», «Роланд» и шудманшафт-батальона 201, резидентурах, других военных учреждениях. По архивным данным, которые нам пришлось проанализировать, около 16% участников УПА служили в немецкой армии, в украинской и немецкой полиции и жандармерии. Так, функции руководителей УПА взяли на себя в недалеком прошлом офицеры вермахта или немецкие агенты, среди них – Р. Шухэвych, Д. Клячкivськый (командир УПА), М. Лэбэдь (один из организаторов формирований)... »

Весьма существенные материалы предоставляет Виктор Полищук, когда пишет о создании дивизии СС «Галиция». Известно, СС-дивизию создали в Галиции функционеры ОУН-мэльньковцев, УЦК и национал-клерикалы. Автор здесь указывает, что ОУН-бандэровцев сначала была обеспокоена созданием эсэсовской дивизии, ибо боялась, что теряет активный элемент. Однако позже успокоилась и поставляла в дивизию своих людей.

Виктор Полищук резонно спрашивает: «Действительно ли солдаты СС дивизии «Галиция» воевали за свободу Украины?»

Автор продолжает полемику, которая и до сих пор длится в среде националистических авторов: кто был создателем дивизии СС «Галиция»? Губернатор дистрикта «Галиция» группенфюрер СС О. Вехтер? Или УЦК с В. Кубийовычэм во главе?

Виктор Полищук приводит здесь характеристики бывшего эсэсовца Р. Колиснька, который в книге «Последний выстрел» (Торонто, 1989) указывает, что создателем дивизии был губернатор дистрикта «Галиция» О. Вехтер, который видел

Галицию «своей» территорией как бывшую провинцию Австро-Венгерской империи. «Галицию, – пишет Р. Колисник, – Вехтер считал специальной страной, в которой как можно быстрее следует восстановить немецкие влияния, которые прервались с упадком Австро-Венгерской империи. Он хотел перевоспитать украинскую молодежь Галиции, взрастить в ней «галицкое региональное сознание», чтобы в будущем «слить это сознание в общее немецкое». Галицию он считал отдельной территориальной единицей, на которой живет население, имеющее «свое специфическое сознание».

Виктор Полищук также склонен считать, что губернатор дистрикта «Галиция», группенфюрер СС О. Вехтер считал Галицию «своей» и «не был далек от правды: у галичан фактически есть какая-то отдельная психика, иной способ мышления... Или абсолютно прав Отто Вехтер, или галичане не выросли еще из племенного способа мышления и пытаются его навязать остальной Украине, пытаются «присоединить» Украину к Галиции».

Мы уже отмечали, что руководитель УЦК В. Кубийович уже в послевоенное время взял ответственность за создание дивизии СС «Галиция» на себя. Но напрасно, ибо отдельным националистическим авторам такая затея не понравилась.

Следует указать, что Виктор Полищук соглашается с тем, что создателями дивизии СС «Галиция», все-таки были украинские националисты. Об этом же пишут такие националистические авторы, как Василь Вэрыга, Ярослав Пэлэнський, Андрий Билынський и другие, которые к УЦК (Кубийович, Паньківський) добавляют еще соучастие Дмитра Палиева, фюрера галицких штурмовиков ФНЕ (Фронта национального единства).

И еще о дивизии СС «Галиция».

В. Полищук довольно существенно отмечает, что «украинские авторы стыдливо обходят дело создания в рамках СС дивизии «Галиция» полицейских полков из украинцев». И добавляет: «Помалкивают, может, потому, что на этих полках лежит обвинение в участии вместе с УПА и немцами в человекоубийстве?»

Да, это – справедливое и довольно существенное замечание автора. Мы уже писали выше об этих полицейских полках. Дело в том, что первый набор в дивизию СС «Галиция», объявленный в апреле-мае и проведенный в начале лета 1943 г., дал возможность гитлеровцам сформировать пять полицейских (галицких «добровольческих») полков, которые были быстро подготовлены и эффективно использовались в карательных акциях СС на протяжении 1943-1944 гг. Со временем организаторы дивизии такие формирования «опротестовали», и эти полки были введены в состав дивизии постепенно, частями, но уже после разгрома основного состава дивизии под Бродами на Львовщине в конце июля 1944 г.

Виктор Полищук, повествуя об этих полицейских полках, использует весомую аргументацию других авторов. Он ссылается, прежде всего, на Александр Кормана,³ который указывает на операцию с участием полицейского полка под Замостьем и Тарногрудом, которая называлась (под криптонимом) «Вервольф в Замостье». А. Корман пишет также об участии полицейских галичан-карателей в расправе 16 апреля 1944 г. в Ходачковом Большом на Тернопольщине, где погибло 862 мирных жителя; в марте того же года в Подкамне рядом с Бродами на Львовщине от рук галицких эсэсовцев погибло около 800 человек; в Семёновке вблизи Львова погибло около 30 человек; акции в Вицине Золочевского уезда, в которой принимали участие отделы СС дивизии «Галиция». Часто эти акции происходили при содействии УПА.

---

³ Korman A. Nienkurane zbronie SS-Galizien z lat 1943–1945.

Виктор Полищук предоставляет материал о нападении эсэсовцев из дивизии «Галиция», отдела УПА и немцев на польское село Гуту Пеняцкую на Львовщине. 22 февраля 1944 года советские партизаны оставили село, а 23 февраля Гуту Пеняцкую атаковали отделы СС дивизии «Галиция». Бои продолжались пять дней. 28 февраля эсэсовцы вместе с отделом УПА захватили село, согнали всех жителей в костел. В это время уповцы грабили имущество и вывозили награбленное. После грабежа дома поджигали. В костеле началась расправа, в результате которой погибло 868 человек. Автор отмечает, что А. Корман приводит список лиц, которые погибли от рук солдат СС дивизии «Галиция» и УПА.

В книге Юзефа Файковского и Яна Религи «Гитлеровские преступления в польских селах 1939-1945» (Warszawa, 1981) приводится такой факт: 1-2 февраля 1944 года отделы жандармерии, СС и СС-«Галиция» численностью около 3-х тысяч солдат окружили село Боров, уничтожили 280 хозяйств и замучили около 300 человек. Не идентифицировано 58 лиц. Спаслись только несколько молодых мужчин. Здесь же автор дает информацию об участии эсэсовцев из дивизии СС «Галиция» в уничтожении поляков в Келецком, Ряшевском, Тарнобжегском, Тарновском и Замойском воеводствах. Виктор Полищук указывает также на то, что у В.-Д. Гайке, начальника штаба дивизии СС «Галиция», в его книге «Украинская дивизия «Галиция» есть карта, где отмечено, что отдельные подразделения дивизии (видимо, полицейские) принимали участие в расправе над повстанцами в Варшаве.

Виктор Полищук констатирует:

«Это было прямое соучастие отделов СС дивизии «Галиция» с гитлеровскими отделами СС и гитлеровской жандармерией в преступлениях человекоубийства». (Выделено мной – В. М.).

Что же касается смены названия дивизии, – с 14-й гренадерской дивизии СС «Галиция» на 1-ю дивизию Украинской национальной армии (УНА), – то автор считает, что эта смена является «эфемерной», ибо никаких изменений не произошло. Дивизия осталась эсэсовской и гитлеровской.

Так что, напрасно трубят сегодня еще живые комбатанты и их почитатели о том, что эсэсовцы дивизии «Галиция» воевали «за свободу Украины». Они защищали интересы нацистской Германии и исполняли волю Гитлера!

Поэтому Виктор Полищук и приводит в конце раздела отрывок из газеты «Новый путь» (Торонто): «... За время службы в дивизии «Галиция», включая период пребывания в плену, дивизионикам причитается немецкая пенсия по старости. Немецкий закон гласит, что тем, кто служил в так называемых Ваффен-СС дивизиях во время Второй мировой войны и принимал участие в боях на фронтах и был под командованием немецкого Вермахта, причитается немецкая пенсия по старости».

И автор резонно спрашивает: «Так было ли то войско – СС дивизия «Галиция» – немецкое или украинское? Если украинское, то с какой стати современная Германия... платит им пенсию?»

Роль церкви в деятельности ОУН-УПА

В разделе «Роль церквей в контексте деятельности ОУН-УПА» Виктор Полищук констатирует, что «с теологической точки зрения христианство – это наднациональная религия», и «христианские церкви призваны к тому, чтобы проповедовать Божью благодать». А потому «христианский священник должен стоять выше национальных идеалов».

Однако!

«Каждый, кто вдумчиво вчитается в писание Дмитра Донцова, которое стало краеугольным камнем украинского национализма, кто углубится в основополагающие документы УВО-ОУН, тот придет к выводу, что идеология и практика этих организаций стоят в противоречии к христианству. Потому говорю с полной сознательностью: если украинский священник является одновременно украинским националистом, то он предаёт Иисуса Христа, он обманывает сам себя».

Здесь же Виктор Полищук добавляет:

«Украинский национализм возник в Галиции, то есть там, где в отношении к украинцам господствующей была и есть Греко-католическая церковь... Украинцы Галиции были преданы своей церкви... И вот в таких условиях возникает и действует УВО – явно террористическая украинская организация, предтеча ОУН. Стали распространяться писания Дмитра Донцова. Невозможно, чтобы всё это происходило без ведома Греко-католической (униатской) церкви. На Святоюрской горе должны были читать «Национализм» Дмитра Донцова, читать постановления I Конгресса украинских националистов, должны были их анализировать. А в этих писаниях, в этих постановлениях – само противоречие с христианством...»

...Уже само появление «Декалога» – десяти заповедей украинского националиста, должно бы вызвать решительную реакцию, должна была быть проведена широкая акция против этого документа, против его формулировок. Ведь «Декалог» – сугубо безбожный манифест. В нем и слова нет о Боге. Вместо этого есть «Дух вечной стихии», стихии в нищенском, а не христианском понимании. В «Декалоге» есть призыв к мести, к подлости, к преступному убийству».

«Другое дело на Волыни, – отметил Виктор Полищук... Украинский национализм на Волыни проникал очень постепенно, на Волыни скорее распространялись коммунистические идеи, и с этим имела хлопоты Православная церковь».

Как же действуют в условиях войны обе эти церкви и их священники?

Иерархи Греко-католической церкви во главе с митрополитом Андрием Шэптыцькым освящают действия ОУН-бандэровцев, приветствуют «победоносную немецкую армию». То же самое творят и руководители Православной церкви на Волыни. Убит митрополит волыньско-житомирский Олэксий Громадський. Той же ОУН убит епископ Мануил. «Так что уж говорить о священниках в сельских приходах?» – задает вопрос Виктор Полищук. И отвечает: «Были среди них, как видим, отважные, которые согласно с христианскими идеалами клеймили преступления бандэровцев, а были и такие, которые боялись за свою жизнь, потому и молчали».

Но были и другие.

«28 августа 1943 года в селе Штунь, гм. Бережцы, уезд Любомль православный священник Покровский в местной церкви учинил акт освящения ножей, кос, серпов и топоров как орудий пыток, и раздал их своим прихожанам, чтобы истязали «ляхов». Два дня спустя крестьяне использовали их для истязаний поляков из соседних сел;

27 сентября 1943 года в селе Иванковичи Дубновского уезда крестьяне праздновали насыпание высокой могилы в честь «освобождения Украины». Местный священник в проповеди по этому поводу говорил, что с украинской земли нужно выгнать без возможности возвращения **ляхов, мазуров, крыжаков и покручей**. «Ляхи» – это поляки, давние жители Западной Украины; мазуры, это поляки, которые поселились на Западной Украине после 1-й мировой войны (настоящих польских колонистов в то время уже не было, ибо их депортировали в 1940 году большевики); крыжаки – это смешанные украинско-польские пары, а покручи – это дети из смешанных семей».

Далее автор ссылается на книгу уже упомянутого Александра Кормана. Корман пишет об участии греко-католических священников в преступлениях против польского населения. Так, отец Палагыцький, настоятель церкви в Монастырїсках (Букач), возглавлял террористические группы отрядов ОУН-УПА, которые 28 февраля 1944 г. учинили нападение на население в селе Коростятин. Отец Палагыцький принимал непосредственное участие в массовом убийстве, во время которого, в основном от топоров, погибло 78 человек – мужчин, женщин и детей, а 5 человек было ранено. 20 марта 1945 г. в Коропце был пойман отряд террористов ОУН-УПА численностью 350 человек, которую возглавлял униатский священник Палагыцький. Вместе с ним в отряде была его дочь и несколько монашек.

Священник Романовський был организатором массового истребления в селе Бычковцы, где уничтожено 63 поляка. Их рубили топорами, кололи вилами, душили шнурками, жгли живьем. Спустя несколько лет некоторые преступники не смогли перенести психического стресса и мук совести и покончили жизнь самоубийством.

В состав провода станицы ОУН в селе Сынков (Залещики, Тернопольщина) входил отец Васыль Мандзюк, который принимал участие в истреблении поляков, евреев и лояльных украинцев. Есть немало свидетельств, что поляков бандэровцы истребляли в костелах, во время богослужений. Так 11 июля 1943 года в колонии Октавин отряд ОУН напал на поляков в костеле. После резни внутри костела его подожгли взрывами гранат, а тех, кто убежал – перестреляли. 30 августа 1943 года в селе Острувка убит ксендз Станислав Добжанский.

Ксендз Вацлав Шетельницкий в книге «Забитый герой ксендз Станислав Франкль» (Рим, 1983) приводит следующие факты.

Парафия Баворив (Тернополь). Ксендза пароха Кароля Процика 2 сентября 1943 года бандэровцы закололи штыком.

13 февраля 1944 года оуновцы убили ксендза Владислава Жигеля в Беньяе (Подгайцы).

14 марта 1944 года во время нападения бандэровцев на село Бобулинцы (Букач) был застрелен ксендз Юзеф Сушинский.

13 ноября 1943 года бандэровцы схватили в селе Библо (Рогатын) ксендза Антони Вежбовського и местного учителя Врубля и замучили возле домика лесника на Подолянце.

В приселке Нырки (Залещики) бандэровцы убили двух монашек в местном монастыре.

В ночь на 2 апреля 1944 года во время нападения на село Землянка (Калуш) бандэровцы живьем сожгли ксендза Блажея Губу. Во время акции погибло 65 человек, село и костел сожжены.

Парафия Фрага. 5 февраля 1944 года бандэровцы замучили отца Виталия Борсука; 19 февраля того же года мученической смертью погибли отец Иоахим Шафанец и монах Рох Салек, и много других подобных преступлений. Так на тридцати страницах этой книги.

Здесь же Виктор Полищук указывает, что только во Львовской архиепархии бандэровцы учинили нападения на 128 парафий, убили 48 ксендзов, 4 пропали без вести, убили также 8 монахинь, 7 монахов, сожгли 6 костелов и уничтожили 7 (*пропущено слово – прим. пер.*).

«Где, в чем искать причины такого дикого поведения ОУН-УПА?» – спрашивает Виктор Полищук. И отвечает: «Причина одна: идеология украинского национализма, обоснованная научно Дмытром Донцовым».

И еще добавляет:

«Угроза большевизма ослепила церковную иерархию греко-католической церкви».

И наконец, такое замечание автора:

«Я не способен понять – почему поляк из рода графа Фредры, митр. Андрий Шэптыцький стал украинцем? Что им руководило? Порученная миссия Ватикана? С целью распространения католицизма на Восток? На это украинцы не дают ответа». А главное, «до сих пор нет также заявлений об отношении Греко-католической и Православной церквей к тому, что натворила ОУН-УПА во время войны на Западной Украине».

Зато среди украинских националистов до сих пор ходит анекдот:

«Украинец пошел на исповедь. Отче, – говорит он исповеднику, – когда-то я убил энкавдиста... Священник прерывает его: Сын мой, сперва говори о грехах, а уже потом о заслугах».

Экспансия национализма

Раздел II последней части книги Виктор Полищук так и называет – «Экспансия украинского национализма на Украине». Эта экспансия, указывает автор, возродилась во время горбачевской «перестройки».

Рассматривая эту экспансию, В. Полищук делает довольно справедливое предостережение:

«Еще раз нужно вспомнить: если бы у какой-то ОУН дошло до пересмотра основ интегрального, то есть тотального, донцовского национализма, то это должно было повлечь за собой отмежевание от преступного прошлого ОУН, осуждение ее преступлений. Тем временем, как видим, все три фракции ОУН изменили свою тактику, подкрасили свою лексику под демократию, а в действительности движутся к одному: к построению украинского государства как тоталитарно-националистического, ярким выражением чего являются опубликованные фрагменты «Постановления» ОУН...»

Но, подкрасившись, и несколько замаскировавшись, все фракции ОУН, как и те группировки, что явно к ним тяготеют, никоим образом не отказываются от преступной идеологии и преступного прошлого. Мало того, они реанимируют всё, чем жили и дышали украинские националисты в том преступном прошлом и стремятся навязать это прошлое нынешней Украине.

Виктор Полищук:

«Первыми двинулись туда (на Украину – В. М.) эмиссары из ОУН-з (ОУН-за границей – В. М.), а среди них проф. Тарас Гунчак. Указания в этом направлении дал еще в 1987 г. лидер ОУН-з Анатолий Каминський во время конференции в Нью-Йорке. Тогда он говорил: «...нам концентрироваться прежде всего на двух делах: 1) выстроить на должном уровне штаб, людей для анализа и разработки актуальной действительности на Украине и в Советском Союзе, для определения конкретных целей и выработки практических способов влияния на разные сферы жизни... Лучше всего для этого подходит «Пролог», при условиях соответствующего развития его аппарата» (Ж. «Совершенство». № 4. 1988.).

«Пролог» – это и есть Т. Гунчак. Он дефилировал между Львовом и Киевом, налаживал связи и постоянно консультировал, как действовать по-оуновски.

Здесь же Виктор Полищук использует отрывки из статьи Т. Гунчака о Д. Донцове («Украинская политическая мысль 1920-х годов: монархизм, национализм, национал-коммунизм». – «Литературная Украина». 1991. 20 июня.): «...сильные народы

должны побороть более слабых и навязать им свой способ жизни. Очень важный тезис в идеологии Донцова – понятие «творческого насилия» и «инициативного меньшинства» как сил подчиняющих. Анализируя этот аспект деятельного национализма, Михайло Сосновський (автор политической биографии Д. Донцова – В. М.) определял, что Донцов «отбрасывал идею демократии, либерализма, гуманизма и социализма. Вместо этого, как основание общественно-политической организации народа он выдвинул положения «инициативного меньшинства», т. е. группы людей... которая жаждет власти».

Такое возвеличивание Донцова эмиссаром Т. Гунчаком, понятно, имело незаурядную реакцию на посткоммунистической Украине. Правда, отмечает Виктор Полищук, несколько позже в газете «Демократическая Украина» тот же Гунчак заявил, что «лично... не разделяет взглядов Донцова», который, мол, «был прав только в 30-х годах» (газ. «Демократическая Украина». 1992. 25 марта).

В конце концов ОУН-з не только послала своих эмиссаров на Украину, но и перенесла в Киев свой орган, журнал «Современность». «Так легче продвигать идеи ОУН-УПА», – отмечает В. Полищук.

Второй двинулась на Украину ОУН-мэльниковцев и перенесла из Парижа в Киев свой орган «Украинское слово». В Киеве также основан журнал «Построение государства» («Розбудова дѣржавы» наподобие «Розбудовы нации»). Появился в Киеве и лидер ОУН-м Мыкола Плавьюк и его многочисленные эмиссары. Вместе с Лэвком Лукьянэнко они редактируют свои издания.

Позже всех, «но зато брутальнее всех», – отмечает Виктор Полищук, – двинулась на Украину ОУН-бандэровцев, которая сразу же провела несколько своих конференций, где, обращаясь к Президенту, Верховной Раде, начала требовать реабилитации ОУН-УПА.

И нашлись на Украине силы, которые начали эту оуновскую экспансию поддерживать. Начальник социально-психологической службы Вооруженных Сил Украины (недавний сержант) генерал В. Мулява на конференции «Роль национализма в процессе построения государства Украина» провозгласил речь, в которой заявил, что цвет штандарта Украины должен быть красно-черным (то есть бандэровским) (газ. «Гомон Украины», Торонто, 1992 г. 4 ноября). Львовский поэт Ростислав Братунь (о котором мы уже писали в предыдущих разделах), который, как отмечает В. Полищук, «десятилетиями гавкал на ОУН», в интервью «Рабочей газете» заявил, что «национализм – высшая форма патриотизма» («Рабочая газета». 1992. 11 декабря). Дмытро Павлычко, которого Виктор Полищук долгие годы считал «совестью украинского народа», стал писать текст марша войска Украины, в котором есть слова о наследии УПА в традициях украинского войска. А прэзэдэнт Украины Лэонид Кравчук, говоря о возникновении УПА, сказал: «Эту дату нужно отметить именно как историческую, нравится это кому-то или не нравится» (газ. «Гомон Украины». Торонто. 1999. 22 июля). В Тернополе же главную улицу Ленина переименовано в улицу Стэпана Бандэры. Подобных действий немало.

Всё это, предостерегает Виктор Полищук, – не просто какая-то пропаганда главы ОУН-бандэровцев (теперь КУН) Ярославы Стецько, а реальная угроза для Украины. Ведь из-за границы же усиленно предоставляется финансовая помощь националистической прессе на Украине, и не только ей. Сегодня небандэровец Валэнтын Мороз кричит: «Бандэра – это Шэвчэнко XX века! Гитлер – это Христос XX века!» Видят ли все эти представители «национальной элиты» (И. Дзюба, М. Жулыньський, И. Драч, Д. Павлычко и др.), что творят?» – спрашивает под конец автор.

Все эти игрища националистов, которые творятся сегодня в Украине, Виктор Полищук называет «ведьминым балом ОУН». «Где же те украинские писатели, которые

сумели бы показать глубину (или мелкость) преступной души убийцы из УПА?», – с грустью отмечает он. «Не считая украинских авторов, которые писали в условиях большевистского режима, до сих пор никто из украинцев не признал вину ОУН-УПА за преступления человекоубийства поляков во время войны», – сокрушённо замечает автор. «Я стыжусь того, что совершили мои земляки во время войны. Я стыжусь тех, кто вел евреев на казнь. Стыжусь действий УПА, стыжусь ОУН, которая виновна в смерти поляков, евреев, русских, украинцев...».

То есть, Виктор Полищук стыдится тех, кто «из национальности делает профессию». Поэтому, взявшись за эту книгу, он искренне заявляет: «В этой книге – моя боль, мой стыд за преступления моих соотечественников».

Преступно отождествлять украинский национализм с украинским народом. Стыд и заставил честного украинца Виктора Полищука написать эту исповедь. Он пишет об этом так: «Осенью 1992 года приехала в Торонто бывшая наша соседка из Дубно, украинка Вера Корецкая. В разговоре со мной она повторила мысль простого крестьянина из-под Дубно: ОУН-УПА так опозорила наш украинский народ, что этого пятна с нас уже никогда не отмыть. А я говорю – с украинского народа можно и нужно это пятно смыть, сказав правду о преступлениях ОУН-УПА».

Потому, завершая книгу «Горькая правда: преступность ОУН-УПА», Виктор Пролищук заявляет:

«За действия ОУН-УПА должна ответить нынешняя власть независимой Украины – её парламент, ее Президент. Это они должны официально осудить действия ОУН-УПА, это они должны отмежевать украинский народ от этих организаций. И составить заявление о просьбе простить украинскому народу за действия его сыновей-выродков.

То же самое должна сделать в первую очередь иерархия Греко-католической церкви, ибо именно под ее омофором возникла ОУН. А также иерархия Украинской православной церкви, ибо это ее паства принимала участие в массовых истязаниях на Волыни. Хоть эту паству и подстрекали на преступления эмиссары из Галиции. Ибо без покаяния нет прощения!»

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Уже пора поставить точку. Ибо подобные разоблачения можно продолжать без конца. На поставленный вопрос – с кем и против кого воевали украинские националисты в годы Второй мировой войны? – ответили сами националисты и те авторы, которые писали об ОУН-УПА. Однако, еще раз напомним читателям несколько существенных положений: «*ОУН надеется, – писали бандэровцы 14 августа 1941 года в «меморандуме», посланном в Берлин, – что в рамках немецкой политической системы смогут осуществлять свои идеалы спонтанно и свободно...»*; «*Когда же Германия пошла войной против России, нашего врага, – писал Стэпан Бандэра в 1948 году в брошюре «Слово к украинским националистам-революционерам за границей», – то Украина (читай: украинские интегральные националисты – В. М.) не могла принять этот факт неблагосклонно... Поэтому наша линия действия была четкой: неотступное отстаивание её – готовность к дружественным взаимоотношениям и к совместной войне против большевистской России и только против неё...»*

Тут, как видим, Бандэра ставит ударение на войне «против большевистской России» и «только против неё». Завершал свою мысль проводник ОУН следующими однозначными заявлениями:

«Такую политическую линию мы считаем единственно правильной, её мы наметили, её реализовали и тяжёлыми жертвами отстояли – и в ней всегда признаёмся...» Итак, свою (как и ОУН-бандэровцев) позицию в прошлой войне Бандэра считал «единственно правильной» и в ней «всегда признавался», то есть одобрял её и от неё не оторвался.

А «признаются» ли в своих многочисленных преступлениях нынешние почитатели донцовщины и бандэровщины, которые уже реанимировали свои структуры в нэзалэжной Украине?

Уже более полувека прошло со времён одной из самых ужасающих войн, известных человечеству. Зарубцевались шрамы земли, но раны людей еще болят и кровоточат. Отходят в небывшие изломанные жизнью ветераны Второй мировой. Но Память народная живет в сердцах живых и честных людей. История, как известно, учит нынешние и будущие поколения уму-разуму. Однако, по-видимому, недавняя история ничему не научила нынешних почитателей и апологетов преступного интегрального национализма. Они не только не отрекаются от преступлений прошлого, но и теперь ставят памятники эсэсовцам 14-й гренадерской дивизии СС «Галиция», проводникам ОУН-УПА Е. Коновальцу, О. Мэльньку, С. Бандэре, Р. Шухэвичу и другим, славят убийц поляков, евреев, русских, украинцев как «национальных героев Украины, их именами называют улицы и площади, возрождают человеконенавистнический дух донцовщины и бандэровщины. Отдельные из национал-фашистов, напротив, не только целиком и полностью реанимируют преступления прошлого, но и пытаются придать наиболее позорным граниям истории еще более позорные отражения.

Мало того, сегодня объявились такие почитатели, которые идеологию воинственного, интегрального национализма (по Донцову) стремятся превратить в объект наследия, традиционализма, превращают её в галицкий фундаментализм, а кровавую практику бандэровщины – в разнузданную политическую истерию человеконенавистничества и человекоубийства. Такие методы политического действия они считают спасительными для современной нэзалэжной и «демократической» Украины.

Возможно, нынешние украинские националисты не такие, какими они были в недавнем прошлом? Возможно, уроки истории не пошли им на пользу? Нет! Имеем то,

что имеем, как сказал один из «национальных» политических деятелей. Они ничего не забыли и ничему не научились.

Снова «национальная элита» («луччи люди», «инициативное меньшинство» по Донцову, которое теперь называют «национально сведомыми» или «национально озабоченными» /«заклопотанымы» – прим. пер./) объединяются в такой же тоталитарный «орден кращых людэй», как и в 30–40-е гг. Сегодня они кричат: «Эта организация (орден!) должна состоять из идейных единомышленников и по своей внутренней организационной структуре должна иметь полувоенный характер. Это должен быть своего рода орден, о котором писал Д. Донцов». («Нáпрям», 1991. № 4.)

Они снова ищут «врагов Украины», снова от истерии и человеконенавистнической паранойи у них кружится голова, напрягаются нервы и чешутся кулаки...

Кто же эти «враги Украины»? «Если говорить о теперешнем историческом периоде, – пишет один из заклятых «национально сведомых», – то главным врагом Украины была, есть и, без сомнения, еще долго будет оставаться Россия». Ибо «наилучший москаль – это мертвый москаль». Для этого, разумеется, могут пригодиться все те способы и весь тот преступный опыт бандэровщины, который был приобретен в прошлом. Вот и приходится нынешним почитателям ОУН-УПА оживлять «посрамленные странички» прошлой войны! «Когда идет борьба на выживание, – пишут неофашисты в «свободной» Украине, – не стоит плакаться, что какой-то метод борьбы вульгарен или жесток.

Если перед тобой враги, они должны быть уничтожены, скомпрометированы, выгнаны... О моральности поговорим, когда победим...»

«За украинскую идею было пролито уже столько крови, уже полегло столько людей, не тех недомерков, недолюдей, которых мы видим ежедневно на улице... что если мы сейчас проиграем, если не воспользуемся моментом, если мы сейчас остановимся перед тем, чтобы пролить кровь, этого не простится нам ни на этом свете, ни на том».

А пока что уничтожают памятные знаки на местах захоронения тех, кто погиб от рук гитлеровцев и оуновцев, в центре Львова пылают кострища книг «врагов», демонстративно разрывают красные, российские и польские флаги, посылают боевиков УНА-УНСО на боевые действия в Приднестровье, Абхазию и Чечню, срывают ордена с ветеранов войны и труда и издеваются над ними. 9 мая 1997 г., в День Победы над фашизмом, группа необандэровцев во Львове остановила колону демонстрантов-ветеранов войны и поглумилась над нею. То же самое случилось и 27 июля того же года, в день годовщины освобождения Львова от немецко-фашистских захватчиков.

Аналогичные акции проводят воинствующие националисты в Ивано-Франковске, Тернополе и в других городах Галиции. Подобные своевольные побоища и акты вандализма творятся постоянно при попустительстве городских национал-«демократических» властей.

«Прецеденты мировой истории показывают, – голосят нынешние воинствующие националисты, – что защитить нацию, не дать ей умереть, не разившись, может только националистическая диктатура...» Образцом такой диктатуры для них являются фашистские диктатуры Гитлера и Муссолини».

(«Нáпрям», 1991, № 6, с 13–15).

Такая откровенная проповедь фашизма не случайна, так как этому всесторонне способствуют национал-«демократы» и национал-«реформаторы», которые пришли сегодня на Украине к власти. Они потворствуют сегодня всему, что провозглашают и вытворяют националисты. Собственно, по инициативе почитателей воинствующих

националистов и заговорили ныне дэржавотворци (от рядового национал-«патриота» до Прэзэйдэнта) о «национальной мечте», «национальной элите», «национальной идее», при этом перекручивая содержание этих понятий. Поэтому-то так бесцеремонно фальсифицируется история, перерываются могилы, уничтожаются памятники, реанимируется всё позорное, что было в прошлом, реабилитируются «борцы за освобождение», «национальные герои», эсэсовцы из дивизии СС «Галиция» и мясники из отрядов ОУН-УПА. Тут нет ничего удивительного, ибо, как признают сами пропагандоны (бандэровские), «современные концепции украинского национализма», «...вообще национализм... есть явление деструктивное, так как направлено на разрушение».

Завершая эту книгу, я должен привести достаточно яркую и существенную характеристику всего того явления, которое называется украинским воинствующим национализмом, данную выдающимся поэтом Украины Василем Симоненко. Напрасно националисты, вчерашние и нынешние, зачисляют его в свою стаю. Приведем эту характеристику полностью:

НІ, НЕ ВМЕРЛА УКРАЇНА!

*Я зустрічався з вами в дні суворі,
Коли вогнів червоні язика
Сягали від землі під самі зорі,
І роздирали небо літаки.
Тоді вас люди називали псами,
Бо ви лизали німцям постоли,
Кричали «хайль!» охриплими басами,
І «Ще не вмерла...» голосно ревли.
Де ви ішли – там пустка і руїна,
І трупи не вміщалися до ям –
Плювала кров'ю «нєнька Україна»
У морди вам і вашим хазяям.
Ви пропили б уже її, небогу,
Розпродали б і нас по всій землі,
Коли б тоді Вкраїні на підмогу
Зі Сходу не вернулись «москалі».
Тепер ви знов, позв'язувавши кості,
Торгуєте і оптом, і вроздріб,
Нових катів запрошуєте в гості
На українське сало і на хліб.
Ви будете тинятись по чужинах,
Аж доки дідько всіх не забере,
Бо знайте: ще не вмерла Україна, –
І не умрє!*

НЕТ, НЕ УМЕРЛА УКРАИНА!

*Я встречался с вами в дни суровые,
Когда огней красные языки
Взметались от земли под самые звёзды,
И раздирали небо самолёты.
Тогда вас люди называли псами,
Ведь вы лизали немцам постоли,
Кричали «хайль!» охриплыми басами,
и «Щё нэ вмерла...» громко ревели.
Где вы прошли – там пустыня и руина,
И трупы не вмещались в ямы –
Плевала кровью «нэнька Украина»
В морды вам и вашим хозяевам.
Вы пропили б уже её, небогую,
Распродали б и нас по всей земле,
Если б тогда Украине на подмогу
С Востока не вернулись «москали».
Теперь вы вновь, связавши кости,
Торгуете и оптом, и в розницу,
Новых палачей приглашаете в гости
На украинское сало и хлеб.
Вы будете слоняться по чужбинам,
Пока сам черт вас всех не заберёт,
Так знайте: ещё не умерла Украина, –
И не умрёт!*

The End

АВТОР

(7 июня 1935 – 26 октября 1999) – украинский историк, доктор исторических наук, профессор.

Биография

Родился 7 июня 1935 года в селе Мощёное (ныне Ковельский район Волынской области). В 1960 году закончил Львовский университет (исторический факультет). В 1968–1993 годах работал в Институте общественных наук во Львове (с начала 1990-х – Институт украиноведения имени Крипьякевича) на должностях младшего, старшего, ведущего научного сотрудника. Виталий Масловский в 1974 защитил кандидатскую диссертацию на тему «Борьба трудящихся западных областей Украины против классово враждебных элементов в период социалистических процессов на селе в 1944–1960 годах». В 1985 году защитил докторскую диссертацию «Классовая борьба на селе в западных областях Украины в период построения основ социализма». В период распада СССР, профессор подвергся преследованиям со стороны новой власти.

За опубликованную им в 1990 году книгу «Земля обвиняет» о деятельности УПА, его уволили с работы в Институте общественных наук западноукраинского отделения АН Украины. С тех пор, в течение почти десятилетия, Масловский оставался

безработным, живя на небольшую пенсию, которую получал как инвалид Великой Отечественной войны. Тем не менее, учёный продолжал работать над научными трудами.

Работа Виталия Масловского вызывала крайнее недовольство апологетов ОУН-УПА. В его адрес поступали многочисленные угрозы расправы, как через прессу, так и в личном общении.

В 1999 году за пределами Украины вышла очередная книга Виталия Масловского – «С кем и против кого воевали украинские националисты в годы Второй мировой войны». Отдельные главы из нее в предыдущие годы публиковались в львовской газете «Вільна Україна», что вызвало очень резкую реакцию со стороны националистов. Была развернута активная кампания по дискредитации ученого в прессе.

К концу 1999 года доктор исторических наук Масловский завершил очередную книгу – о холокосте и роли ОУН-УПА в его проведении. В процессе работы над ней, профессор обработал много новых, ранее неизвестных науке исторических источников.

26 октября 1999 года профессор Виталий Масловский был найден в бессознательном состоянии в подъезде своего дома во Львове. Смерть наступила 27 октября в результате черепно-мозговой травмы и перелома шейного участка позвоночника. Жена Виталия Масловского, запуганная угрозами и смертью мужа, отказалась от возбуждения уголовного дела, заявив, что он умер своей смертью.

Историк активно участвовал в работе русского движения Западной Украины, выступал на конференциях и съездах с аналитическими докладами о перспективах русско-украинских отношений. Сторонники профессора Масловского восприняли его смерть, как политическое убийство, подобное убийству Ярослава Галана. Конфедерация русских общин западных областей Украины обратилась к местным и центральным органам власти с требованием провести детальное расследование гибели ученого и всех обстоятельств, связанных с этим происшествием. Несмотря на это, убийцы Виталия Масловского так и не были найдены.

В 2005 году Еврейским фондом Украины посмертно была опубликована последняя работа ученого – «Холокост евреев Украины. Начало. Галичина».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
От автора	5
Был ли украинский национализм фашизмом?	7
Батальоны абвера «Нахтигаль» и «Роланд»	26
Об «акте 30 июня 1941-го»	34
Бандэровская ОУН в годы войны	52
ОУН на Нюрнбергском процессе	69
«Походные группы» ОУН и украинская полиция	76
Как формировалась украинская повстанческая армия?	86
УПА – «Полесская сечь»	94
Бандэровская УПА	109
Кто такие коллаборационисты?	132
Дивизия СС «Галиция»	150
Деятельность Украинского национального комитета и Украинской национальной армии	194
Жертвы ОУН-УПА	238
ОУН-УПА глазами украинца Виктора Полищука	258
Вместо послесловия	276
Автор	279

